

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

М

В МИРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Сборник тезисов
IV Международной студенческой
научно-практической конференции
«В мире русского языка и русской культуры»
(Москва, 22 мая 2020 г.)*

Москва
2020

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

В МИРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

**Сборник тезисов
IV Международной студенческой
научно-практической конференции
«В мире русского языка и русской культуры»
(Москва, 22 мая 2020 г.)**

Москва
2020

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

В11

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Протокол № 5 от 2 марта 2020 года.

Рецензенты:

М.Н. ШUTOва, доктор пед. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина;

Е.В. Нечаева, канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина;

А.Н. Бертякова, канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина;

Н.А. Ванюшина, канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина;

Ю.Ю. Кабанкова, канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина;

А.Н. Андреева, старший преподаватель Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Ответственные редакторы: *С.Г. Персиянова, И.А. Орехова*

В11 В мире русского языка и русской культуры: Сборник тезисов IV Международной студенческой научно-практической конференции «В мире русского языка и русской культуры» (Москва, 22 мая 2020 г.) [Электронное издание] / Отв. ред.: С.Г. Персиянова, И.А. Орехова. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – 344 с.

ISBN 978-5-98269-232-0

Данный сборник тезисов включает материалы IV Международной студенческой научно-практической конференции «В мире русского языка и русской культуры», проходившей в онлайн-формате 22 мая 2020 года. Цель мероприятия состояла в развитии творческой активности студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, привлечении их к решению актуальных задач современной русистики и методики преподавания русского языка как иностранного, сохранении и развитии единого международного научно-образовательного пространства, установлении контактов между будущими коллегами. Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

ISBN 978-5-98269-232-0

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020

Содержание

Предисловие	17
Айкало Зора К вопросу о некоторых особенностях поведения проклитик в русском и сербском языках	18
Багинская Ирина Петровна Проект «О русском по-русски»: коинтеграция трех платформ для обучения РКИ	22
Бадолати Мария Тереза Фразеологизмы библейского происхождения с ономастическим компонентом в русском и итальянском языках	25
Билич Йована Развитие навыков чтения в преподавании русского языка: начальный этап	29
Большакова Алена Юрьевна Н.С. Шаталова Лингводидактический потенциал прецедентных феноменов в обучении РКИ	32
Валиева Илона Владимировна Особенности заголовков в медийном дискурсе	34
Ван Си Графические символы как способ передачи эмоций в русском и китайском интернет-языках	37
Ван Сяоцзюань Компаративный анализ новогодних традиций в русской и китайской культурах	43
Ван Сяоци Ю.Ю. Кабанкова Значение концепции соборности и понятия коллективизма для осмысления феномена русского национального менталитета, с точки зрения российских и китайских исследователей	46

Ван Тин**Б.И. Караджев**

Символика цвета в русских и китайских паремиях
(лингвокультурологический аспект) 50

Ван Цзыцзюнь**Ю.Ю. Кабанкова**

Анализ прагматических функций дискурсивных слов
с использованием ресурсов Национального корпуса русского языка
на примере слов «кажется» и «наверное»
в исследованиях китайских русистов 55

Ван Шуцзе**Н.В. Андреева**

Орнитонимы в русском и китайском языках
в лингвокультурологическом аспекте. 59

Ву Фыонг Тхао**С.Г. Персиянова**

Обучение вьетнамских студентов использованию русских
фразеологизмов со значением «Человек и его тело» (уровень В1–В2) . . . 63

Вэн Цзыся**А.В. Бабенко**

Языки национальных меньшинств
в процессе развития и глобализации России 66

Гао Гэ**Н.В. Андреева**

Компаративный анализ образов Бабы-Яги
и персонажей китайской мифологии 69

Геворгян Мери Арсеновна

Феминитивы современного русского языка в медийном дискурсе 72

Гезельбаш Нилуфар

Языковая личность русского политика 75

Гуди Илария**И.В. Соловьева**

Язык и социальное поведение 79

Дёмкина Надежда Вячеславовна**А.Ю. Маслова**Репрезентация фразеосемантического поля «Человек»
во Фразеологическом словаре старославянского языка. 82**Ду Цяо****Н.А. Ванюшина**

Образ Татьяны Лариной в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» 85

Ин Юе**В.И. Борисенко**Фальсификация Великой Отечественной войны:
зарождение и развитие явления. 88**Калаши Нахидех**Лингвокультурный анализ концепта «хлеб»
на материале устойчивых выражений персидского и русского языков 92**Касабиева Оксана Эдуардовна**

Языковые приемы вовлечения в террористическую деятельность 95

Кузнецова Анна Андреевна

Фонетический акцент как следствие межъязыковой интерференции 98

Ле Тхи Куинь Хоа**М.С. Милованова**Иллюстративный материал как эффективный способ обучения
русским отантропонимическим прагматонимам. 101**Ли Пэйян****А.Н. Бертякова**Предложно-падежная форма
как маркер семантической трансформации имени. 104

Ли Чэнюй**Г.А. Шантурова**

Лингвистический анализ поэмы М. Цветаевой «На красном коне»
в гендерном аспекте 107

Ло Хань**Е.И. Головаха**

Концепт «солнце» в русской и китайской лингвокультурах 110

Ли Вэньди**Р.Р. Шамсутдинова**

Ошибки при переводе туристических общественных знаков
(на примере Циньхуандао) 113

Лин Чэн**Н.А. Ванюшина**

Моцарт и Сальери – герои-антиподы трагедии А. С. Пушкина 116

Литинская Наталья Васильевна

Лексико-фразеологические инновации
российско-украинского кризиса 119

Лу Цзяюань**М.Н. Шутова**

Считалка как произведение устного народного творчества. 122

Лю Чанчжэнь**Р.Р. Шамсутдинова**

Интертекстуальность и фразеологизмы
в произведениях русской литературы 125

Лян Кэсинь**Г.А. Шантурова**

Роль эмоциональных факторов
в изучении русского языка как иностранного 128

Ма Ни**А.А. Макарова**

Образ ласточки в произведениях русских и китайских поэтов 131

Ма Сяонань**Е.И. Головаха**

Цветобозначения в русском и китайском языках
(на примерах «зелёный» и «жёлтый») 135

Ма Цзе**Е.В. Нечаева**

Гендерные различия вербальной коммуникации
в русском и китайском языках 138

Магомедова Карина Сайгидовна

Психолингвистические факторы применения
метода свободного ассоциативного эксперимента
в преподавании русского языка как иностранного 141

Монтеро Адан Ариадна**Т.В. Страмнова**

Контрастивный анализ глаголов движения
в русском и испанском языках 144

Насибьян Лиана Игоревна

Способы выражения авторской модальности в медийном дискурсе
(на материале современной заметки) 147

Нгуен Тхи Тхует

К вопросу об обучении категории рода имен существительных
русского языка во вьетнамской аудитории 150

Нгуен Ха Тхань Нган**М.С. Милованова**

Активные зоометафоры в современной русской речи 152

Николаева Нина Владимировна**С.Ю. Камышева**

Интенсивное обучение РКИ в формате онлайн 155

Носов Илья Сергеевич

Божий суд в структуре семантического поля «убить»
в «Повести временных лет» 157

Притула Алина Александровна

Отражение пандемии COVID-19 в русском языке160

Пэй Юйци**Д.С. Труханова**

Особенности использования вводных слов
со значением неуверенности в парламентском дискурсе162

Раковец Ана

Устная разговорная речь в современной русской литературе
на примере романа Е. Вильмонт «Хочу бабу на роликах»166

Робаина Акоста Лиса**Е.Ю. Красникова**

Динамика изучения русского языка на Кубе.....168

Садовников Егор Игоревич

Методика формирования лингвокультурологической компетенции
иностраных студентов-филологов при изучении русского фольклора. .171

Саидов Зайнулараб Забуриддинович

Художественный текст как лингводидактический материал
в обучении таджикских учащихся средних классов
на примере сказки «Колобок».....175

Сану Дауда**С.Ю. Камышева**

Система обучения русскому языку в Республике Мали179

Сапункова Варвара Евгеньевна

Тема войны в творчестве Кукрыниксов182

Синь Мэнфэй**М.Н. Шутова**

Сопоставительный анализ выражения приветствия
в китайском и русском языках190

Стровский Михаил Дмитриевич

Преподавание русского языка ППС средней и высшей школы КНР.
Особенности методики. Пути к унификации и стандартизации
учебного процесса 194

Студеникина Надежда Васильевна

Ложные англицизмы в современном русском языке
и проблемы их лексикографической фиксации 199

Сун Мэйци**А.В. Пашков**

Образ Петербурга в творчестве А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя 203

Сюй Гаоцзе**Д.С. Труханова**

Особенности развития лексической системы
современного русского языка 206

Сюй Люи**С.Н. Волкова**

Фразеологические единицы, содержащие топонимы,
в сопоставительном аспекте
(на материале русского и китайского языков) 210

Тан Ивэнь**А.Д. Сойникова**

Художественный текст как источник
формирования лингвокультурологической компетенции
китайских студентов-филологов 214

Тесла Николина

Метафора в политическом дискурсе 217

Фам Тхи Ча**Е.К. Петривняя**

Образ женщины на войне в прозе XX века
«А зори здесь тихие...» (Б. Васильев) и «Далекие звезды» (Ле Минь Хуэ) . . . 220

Фам Тхи Ча**И.А. Третьякова**

Хо Ши Мин и В.И. Ленин

через призму мировоззрения современной молодежи. 223

Фан Тхи Ким Ань

Источники формирования лексики индустрии гостеприимства

в современном русском языке 226

Федерика Флориди

Русские идиомы для итальянцев: возможности фразеодидактики 229

Халекова Дильяра Рустамовна**С.Ю. Камышева**

Креолизованные тексты в практике преподавания РКИ:

лингвокультурологический потенциал. 232

Хо Тху Нга**Н.Г. Брагина**

Языковой ландшафт Москвы:

коммодификация и вьетнамская лексика в русской лингвокультуре. 235

Христу Мария

Работа над авторизованными конструкциями,

включающими модели с типовым значением

«субъект и его качество» на уроке РКИ 240

Ху Сюэфэн**Н.А. Ванюшина**

Сравнительная характеристика описания животных в русских

и китайских народных сказках (на примере описания лошадей) 243

Хуан Яньюй

Глагол-связка и формирование категории состояния в русском языке. 246

Хэ Лицзюань**М.Д. Стровский**

Перевод прецедентов «дяньгу» в аспекте теории релевантности

(на примере речи Си Цзиньпина) 250

Цзи То**А.В. Бабенко**Фразеологизмы с цифровыми компонентами «три» и «семь»
в русском и китайском языках. 253**Цзя Цзыяо****И.В. Шурупова**

Заемствования-китаизмы в русском языке. 258

Цун Жун**Е.И. Головаха**

Каша в русской и китайской культурах. 261

Цун Цун**Э.Э. Паремужашвили**Выражение благодарности в русском языке
(с позиции носителя китайского языка). 264**Чан Тхи Тхоа****Н.В. Татарина**

Наглядные материалы при обучении вьетнамских студентов РКИ. 267

Чжан ЛиньТрудности при изучении темы «Винительный падеж»
в китайской аудитории и способы их преодоления. 270**Чжан Луе****Р.Р. Шамсутдинова**Грамматические особенности русских и китайских фразеологизмов
(на примере фразеологизмов с семантикой состояния). 273**Чжан Мукэ****А.В. Пашков**

Образ Пелагеи Ниловны в романе А.М. Горького «Мать» 277

Чжан Синьюй**Е.В. Нечаева**Язык СМИ в сообщениях
о начале эпидемии коронавируса в Китае и в России. 279

Чжан Тенань**Е.В. Нечаева**

Традиции празднования Нового года и праздника весны
в России и в Китае 282

Чжан Шаньчжи

Взаимодействие и проблема интеграции китайских учащихся
в российскую культурно-языковую среду в социальном аспекте 285

Чжао Мэйвэй

Субъективная сущность семантики волевого ограничения 288

Чжоу Цзин**М.Н. ШUTOва**

Концепт «любовь» в произведениях И.А. Бунина
и китайских писателей 293

Чжу Чжимен**Г.Н. Купцова**

Русский народный танец и национальный китайский танец:
сходства и различия. 295

Чжу Юйхань**И.В. Шурупова**

Формирование и состав современной экономической терминологии . . . 298

Чолович Ирена**И.В. Шурупова**

К вопросу об изменениях
словарного состава русского языка в конце XX века 301

Чэн Ваньчжэнь**Ю.Ю. Кабанкова**

Некоторые особенности функционирования омонимов в русском языке
с точки зрения современной китайской русистики 304

Чэнь Инюй**Г.А. Шантурова**

Лексема «каша» как компонент русского пищевого кода 308

Чэнь Си**В.М. Филиппова**

Традиционные головные уборы в России и в Китае 311

Чэнь Сюэци**А.В. Бабенко**

Числа «один», «два», «четыре» как код культуры 314

Чэнь Тянь**И.А. Орехова**Фразеологизмы с компонентом-зоонимом «собака»
в русском и китайском языках 317**Чэнь Цзе****В.И. Борисенко**

Понятие «семья» в русской и китайской культурах 320

Юань Линьлин**Э.Э. Паремужавили**Особенности организации занятия
по русскому языку как иностранному
с использованием ресурсов портала «Образование на русском» 323**Юань Минцин****И.А. Орехова**

Синонимия в лингвистической терминологии русского языка 326

Юйхань**Е.В. Нечаева**Современные англоязычные заимствования
в русском и китайском языках 330**Ян Юнья**

Стилевые особенности языка русских сетевых СМИ 333

Янь Жуйтин

Концепт «земля» в русской и китайской лингвокультурах
(на материале фразеологии)336

Янь Цзин**А.В. Пашков**

Окопная правда в повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие...»339

Янь Цин**А.Д. Сойникова**

Влияние передвижничества
на развитие китайского изобразительного искусства341

22 мая 2020 года в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина прошла IV Международная студенческая научно-практическая конференция «В мире русского языка и русской культуры», организованная факультетом обучения русскому языку как иностранному. В этом году конференция прошла в онлайн-режиме.

Цель конференции – развитие творческой активности студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, привлечение их к решению актуальных задач современной русистики и методики преподавания русского языка как иностранного, сохранение и развитие единого международного научно-образовательного пространства, установление контактов между будущими коллегами.

В работе конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты и преподаватели из России, Италии, Китая, Вьетнама, Кубы, Таджикистана, Мали и других стран. Всего в оргкомитет конференции поступило 104 работы от 132 участников.

Работа конференции помимо пленарного заседания велась в 5 секциях, посвященных проблемам русского языка, методики преподавания русского языка и русской культуре. В программу конференции также вошли работы военной тематики. Это связано с большим праздником, который мы отмечаем в этом году, 75-летием Великой Победы.

Доклады участников полностью соответствуют тематике и общей идее конференции и охватывают широкий круг вопросов: участники в своих работах рассматривают вопросы фонетической, лексической и грамматической систем русского языка, анализируют особенности восприятия инофонами произведений русской литературы, понимания русской культуры и ряд других. Многие тезисы содержат интересные идеи по практической методике преподавания русского языка как иностранного в странах дальнего и ближнего зарубежья, в том числе в условиях отсутствия языковой среды.

В целях обмена опытом между иностранными студентами-филологами и преподавателями-русистами оргкомитет конференции принял решение опубликовать сборник материалов конференции. Сборник будет полезен всем, кто занимается изучением и преподаванием русского языка в России и за рубежом.

IV Международная студенческая научно-практическая конференция «В мире русского языка и русской культуры» является дискуссионной площадкой, где можно поделиться своими научными изысканиями с коллегами-русистами из разных стран, а для наших студентов-иностранцев это еще и стартовая площадка в большое филологическое будущее.

К вопросу о некоторых особенностях поведения проклитик в русском и сербском языках

Ключевые слова: проклитики, опорное слово, просодическая единица, разноместное ударение, безударная позиция проклитик, перенос ударения.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности поведения проклитик в русском и сербском языках. Подчеркивается значимость роли правильной постановки ударения в обоих языках. Указывается на функции разноместного ударения внутри слова или по отношению к другому, совпадающему в написании с ним слову. Дается общий обзор слов без собственного ударения, образующих с опорным словом одну просодическую единицу. Приводятся примеры проклитик в безударной и ударной позиции в русском и сербском языках. Выявляются некоторые закономерности переноса ударения на проклитики в данных языках с целью их сравнения и более полного описания для дальнейшего подробного исследования с точки зрения методики преподавания фонетики.

Ajkalo Zora

On the issue of some behaviour features of proclitics in Russian and Serbian languages

Keywords: proclitics, reference word, prosodic unit, mobile stress, unstressed position of proclitics, transfer of stress.

Abstract. The article discusses some behaviour features of proclitics in Russian and Serbian. The importance of correct accentuation in both languages is emphasized. The function of the mobile stress within the word or in relation to another word coinciding in the spelling is pointed out. It is given a general outline of words without their own stress that form one prosodic unit with the reference word. Examples are given of proclitics in unstressed and stressed positions in Russian and Serbian. Some patterns of stress transfer to proclitics in these languages are revealed in order to be compared and more fully described for further more detailed research in terms of phonetics teaching methods.

Большинство слов в русском и сербском языках характеризуется наличием ударения как одного из самых главных признаков формы и звуковой структуры слова. В этой связи важно упомянуть слова с одинаковым фонемным составом, совпадающие в написании, но в которых неодинаковое,

разноместное ударение выполняет смысловоразличительную функцию. К тому же не можем обойтись без подвижного словесного ударения, которое в обоих языках может служить и средством различения грамматических форм одного и того же слова. Необходимо добавить, что в случае какой-либо произвольной постановки ударения в словах данных языков, слушателям стало бы нелегко отслеживать то, о чем говорится, что еще раз свидетельствует о значимой роли правильной постановки ударения.

Однако во многих языках мира, в том числе в русском и сербском, имеются так называемые клитики, которыми обозначаются слова, не имеющие собственного ударения. К клитикам относятся некоторые категории слов без собственного ударения, примыкающие к соседнему ударному слову и образующие с ним единое фонетическое слово с одним словесным ударением. По своей позиции по отношению к ударным словам эти безударные слова делятся на две группы: *проклитики* и *энклитики*. В то время как проклитики присоединяются к последующему ударному слову (слева), энклитики примыкают к предшествующему ударному слову (справа), а ударное слово с проклитиками и энклитиками называется фонетическим словом [6, с. 108].

В роли проклитик в русском языке чаще всего выступают предлоги, союзы и некоторые частицы: *к вечеру, на берегу, под окном, на столе, ко мне, что брат приехал, ни я ни брат, и я и сестра, то дождь, то снег*. Кроме роли подвижного словесного ударения как способа выражения грамматических значений и показателя грамматической формы одного и того же слова (*ру́ки – руки́*) подвижное ударение в русском языке может еще выходить за рамки парадигмы грамматических форм одного слова и переноситься с одной части речи на другую часть речи, в том числе на предлог или частицу: *за́ руку, по́ полю, на́ ночь, без́ вести, из́ лесу, не́ был, не́ было* [3, с. 66]. Такой перенос ударения объясняется фактами истории русского языка, касается обычно слов с подвижным ударением и встречается чаще всего в литературном русском языке. Однако, в сочетаниях с такими словами при других значениях предлогов переноса ударения может не происходить (принять что-либо *за но́ги*, ценить *за го́лову, за ру́ки*, тоска *по мо́рю, по не́бу*, судить *по ле́су*, обратить внимание *на ру́ки, на но́ги*, несмотря *на но́чь, на зи́му*) [1, с. 241]. Ударными становятся предлоги *на, за, из, по, под, без* в некоторых сочетаниях *на́ год* (в расчете на указанный срок или указание меры различия), *за́ год* (в течение), *за́ угол* (сзади), *по́д гору, по́ полю* (на поверхности, в пределах), *из́ лесу, без́ году* и частицы *не, ни* в сочетаниях *не́ был, не́ было, не́ были, не́ жил, не́ дал; как бы то ни́ было, где бы то ни́ было* и частица *не* в отрицательных местоимениях с предлогом *не́ с кем, не́ к кому* [2, с. 74].

Примеры сербских проклитик в качестве безударных предлогов: *у ру́ци, у днǔ, у дуби́ни, о врата́, на у́лицу, по у́лицама, против Бђга, од плђча*. Безударное *не* в сербском языке встречается в следующих примерах: *не чита́,*

20 | *не њзлази, не гѡвориши, не прѡлази.* Кроме того, в сербском языке также может осуществляться перенос ударения с ударного опорного слова на проклитики по правилам, заключающимся в следующем: проклитики, которые находятся рядом со словами с нисходящими ударениями $\grave{}$, $\hat{}$, могут часто перетягивать на себя либо краткое нисходящее $\grave{}$, либо краткое восходящее ударение $\hat{}$, в то время как долгое восходящее ударение $\acute{}$ никогда не может переноситься на проклитики [5, с. 41]. В общем перенос ударения с ударного слова на проклитики в сербском языке характерен прежде всего для отрицания: *не (не́ знам, не́ зна, не́ може, не́ плаче, не́ види, не́ слуша, не́ чу́је, не́ пита, не́ мора), потом для некоторых предлогов: у, од, међу, на, из, преко кроз, за, са, по (у очи, у зору, у кући, у кућу, у руку, од куће, међу њима, на воду, из дана, по пољу, по кући, са срећом, низа страну, до сад, за руку, преко мора, око врата, из себе, за мајком, на улицу, са улице, од Бога, у плач, кроз плач, кроз мрак) союзов и, ни (ни чуо), но в меньшей степени также относится и к некоторым подчинительным союзам: да видиши, именам числительным, местоимениям (мој брате) и прилагательным (зла срећа), хотя в современном сербском языке явления такого рода реже встречаются. Можно еще говорить и о двух типах переноса ударения в сербском языке: старом, являющемся наследием праславянского языка и новом, присущем только неоштокавским диалектам. На проклитику переносится нисходящее ударение, которое в ином случае является перемещаемым внутри слова (старый трансфер: $\grave{}$ воду, $\acute{}$ преко мора) или проклитика получает восходящее ударение на последнем слоге (новый трансфер: $\acute{}$ кућу, $\acute{}$ преко прага). Другими словами, старый тип переноса относится к словам с подвижным ударением, в то время как новый тип переноса касается слов с неподвижным ударением. Итак, в именительном и творительном падежах единственного числа у слов с подвижным типом ударение не переносится на проклитику, а формы винительного падежа тех же самых слов остаются безударными в силу перехода их ударения на проклитику (*вѡда, ру́ка*). У слов с неподвижным ударением на начальном слоге в случае перехода на проклитику оно становится восходящим (*сѡба, у собу, у соби*) [4, с. 118–153].*

На основе вышеописанных правил и примеров, существующих в русском и сербском языках, и не всегда одинакового местоположения ударения даже в их этимологически родственных словах, нередко совпадающих только в написании, следует отметить, что перенос ударения на проклитики является все-таки довольно сложным языковым феноменом как для иностранцев, так и для носителей данных языков. Просодическая организация слова, в связи с этим, требует глубокого изучения с целью осмысления более эффективных способов овладения этими комплексными средствами просодии.

Литература

1. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – 2-е изд., испр. – М.: ЧеРо, 1998. – 400 с.
2. Шутова М.Н. Пособие по обучению русскому ударению. – М.: Русский язык. Курсы, 2013.
3. Шутова М.Н. Пособие по обучению русскому ударению иностранных студентов среднего и продвинутого уровня. – М.: ГИРЯП, 2009.
4. Werle A. Word, phrase and clitic prosody of Bosnian, Serbian and Croatian. 2009.
5. Станојчић Ж., Поповић Љ. Граматика српскога језика. – Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1992. – 397 с.
6. Терзић А. Фонетика српског језика. – Београд, 2003.

Проект «О русском по-русски»: коинтеграция трех платформ для обучения РКИ

Ключевые слова: РКИ, образовательная платформа, YouTube, Patreon, видеоподкаст.

Аннотация. В эпоху цифровизации образования учащиеся должны быть обеспечены свободным доступом к информации, особенно это касается изучения иностранных языков. В работе рассматривается образовательный проект «О русском по-русски», созданный с целью обучения РКИ и объединяющий три взаимодействующие интернет-платформы. Каждый из элементов проекта может быть использован по отдельности или в рамках единой трехступенчатой системы обучения.

Baginskaya I.P.

Project «About Russian in Russian»: cointegration of three platforms for teaching Russian as a foreign language

Keywords: Russian as a foreign language, educational platform, YouTube, Patreon, videopodcast.

Abstract. In the era of digitalization of education, students should be provided with free access to information, especially concerning learning foreign languages. The paper considers the educational project «About Russian in Russian», created for teaching Russian as a foreign language and combining three interacting Internet platforms. Each of the elements of the project can be used separately or as part of a single three-stage training system.

Практически завершившийся процесс информатизации образования дал толчок к «насыщению образовательных систем информационной продукцией, средствами и технологией» [1, с. 225], а продолжающийся процесс цифровизации образования способствует созданию новых методов и нового процесса обучения, которые гарантируют учащимся доступ и получение необходимой информации в любом месте, в любое время и в удобной форме.

Проект «О русском по-русски» отвечает этим требованиям и представляет собой три коинтегрированных платформы в сети Интернет – образовательный

сайт «О русском по-русски», одноименные YouTube-канал и страницу на Patreon, имеющих общую цель – обучение русскому языку как иностранному (далее – РКИ) на русском языке. Проект был создан в ноябре 2018 года и сначала включал только образовательный сайт и YouTube-канал. В январе 2020 года в дополнение к уже существующим платформам была открыта страница на Patreon. В настоящее время проект активно развивается. Рассмотрим подробнее каждый из элементов проекта.

YouTube-канал «О русском по-русски» – это 15 плейлистов, объединяющих 70 учебных видеоподкастов на разные темы (фонетика, лексика, грамматика русского языка, культурология и пр.) и нацеленных на формирование компетенций в соответствии с уровнем владения языком.

Под видеоподкастом в широком смысле вслед за П.В. Сыроевым, М.Н. Евстигнеевым, Л.И. Агафоновой и Ж.С. Аникиной мы понимаем видеопередачу, предназначенную для просмотра или прослушивания на цифровом носителе, опубликованную в рамках серии объединенных с точки зрения тематики и целевой направленности эпизодов с возможностью загрузки передачи из сети Интернет на цифровой носитель для последующего воспроизведения.

Учебные видеоподкасты публикуются на YouTube-канале «О русском по-русски» один раз в неделю. Каждый видеоподкаст состоит из двух частей: теоретической и практической. В ходе подкаста, после теоретической части, автор вместе с аудиторией делает упражнение для закрепления материала, а также предлагает самостоятельно после просмотра поработать с дополнительными материалами. Все дополнительные материалы – онлайн-упражнения, диктанты, тексты и пр. – размещаются на сайте «О русском по-русски» и представлены в описании видеоподкаста в виде ссылок.

Сайт «О русском по-русски» – это платформа, которая может быть использована отдельно или как дополнение к YouTube-каналу. На главной странице посетители могут ознакомиться со структурой сайта – восемью разделами: «Учить фонетику», «Учить грамматику», «Узнавать новые слова», «Различать слова», «Учиться говорить», «Читать тексты», «Учиться писать», «Смотреть влоги», – и выбрать по описанию интересующий. Каждый раздел, в свою очередь, структурирован и содержит поурочно распределенные интегрированные учебные видеоподкасты с YouTube-канала, онлайн-упражнения и диктанты, тексты, дополнительные грамматические материалы и пр. В будущем на сайте планируется размещение поуровневой тематической программы, чтобы учащимся было легче планировать работу с видеоподкастами и дополнительными материалами.

Страница «О русском по-русски» на Patreon – это платная часть проекта, доступ к которой желающие могут получить, став «патронами», т.е. оформив ежемесячную подписку в рамках одного из трех тарифов. Каждый тариф открывает для подписавшихся дополнительные материалы, среди которых

несвязанные с учебными видеоподкастами на YouTube-канале и публикуемые два раза в месяц аудиозаписи с заданиями для разных уровней; дополнительные, не опубликованные на сайте «О русском по-русски», теоретические и практические материалы к учебным видеоподкастам на канале YouTube; а также расписание выхода учебных видеоподкастов в следующем месяце с подробным описанием и ссылками для подготовки к изучению новой темы. Один из тарифов, кроме вышеперечисленных преимуществ, также дает возможность стать частью закрытой группы «О русском по-русски», где участники общаются на русском языке, публикуют домашние задания, выполненные по дополнительным материалам, и т.д.

Рассмотренные элементы проекта «О русском по-русски» могут быть использованы изучающими РКИ как изолированные платформы, предоставляющие им информацию об РКИ в удобном формате, или же как единая трехступенчатая система: просмотр видеоподкаста на YouTube-канале, работа с дополнительным материалом на сайте «О русском по-русски», работа с аудированием и дополнительными материалами в рамках страницы на Patreon и общение в закрытой группе.

Согласно статистике, предоставляемой ежемесячно платформой YouTube, каждый месяц на канал подписывается от 5 до 6 тыс. новых зрителей; количество просмотров учебных видеоподкастов увеличивается в среднем на 80 тыс. минут; время просмотра (в часах) увеличивается в среднем на 6 тыс. Это свидетельствует о повышенном интересе к такому формату изучения языка.

Литература

1. Хадиева Ф.И. Информатизация образования как инновационная педагогическая технология [Электронный ресурс] // Теория и практика образования в современном мире: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 225–227. – URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/64/2845/> (дата обращения: 10.03.2020)

Бадолати Мария Тереза
mariateresa.badolati@uniroma1.it
аспирант Римского государственного университета «Сапиенца»
Рим, Италия

Фразеологизмы библейского происхождения с ономастическим компонентом в русском и итальянском языках

Ключевые слова: контрастивная фразеология, фразеологизмы библейского происхождения, сопоставительный анализ, ономастический компонент.

Аннотация. Данная статья посвящена фразеологизмам библейского происхождения с ономастическим компонентом в русском и итальянском языках и их сопоставительно-контрастивному анализу. Цель настоящей работы – выявить сходства и национально-специфичные различия библейских фразеологизмов на материале этих двух языков и установить межъязыковые эквиваленты.

Badolati M. T.

Phraseological units of biblical origin with an onomastic component in Russian and Italian languages

Keywords: contrastive phraseology, phraseological units of biblical origin, comparative analysis, onomastic component.

Abstract. This article is devoted to phraseological units of Biblical origin with an onomastic component in Russian and Italian languages and to their comparative-contrasting analysis. The aim of the present work is to identify similarities and national-specific differences between Biblical phraseological units on the material of these two languages and to establish interlinguistics equivalents.

Священное Писание является гипертекстом европейской и мировой цивилизации. Вследствие этого «Книга книг» оказала значительное влияние на формирование и развитие литературных языков народов мира, принявших христианскую культуру, а также послужила богатым источником пополнения их лексико-фразеологического состава. Множество лексических единиц и устойчивых выражений, цитат и аллюзий, пословиц и поговорок вошли в языки на основе этого произведения, в том числе в русский и в итальянский. Таким образом, фразеологизмы библейского происхождения (БФ) являются общим языковым наследием христианских народов.

Под БФ понимаются устойчивые, воспроизводимые в речи, отдельно оформленные единицы, обладающие экспрессивностью и имеющие переносные значения (метафорические, символические, аллегорические, обобщенно-образные) [1, с. 11]. Они по происхождению непосредственно или опосредованно связаны с текстами Священного Писания и являются либо прямыми цитатами из Библии, либо соотносятся с ее образами и сюжетами.

БФ русского и итальянского языков представляли большой интерес для исследователей, но в сопоставительном плане рассматривались лишь эпизодически. Проблемы, связанные с вопросом об их уникальности или интернациональности, пока остаются нерешенными. Поэтому мы считаем сопоставительное исследование БФ в русском и итальянском языках важной задачей.

В настоящей работе выявляются сходства и национально-специфичные различия выбранных для сравнения БФ, одним из компонентов которых является библейское имя собственное. Несмотря на общность сакрального текста, БФ имеют грамматические, лексические, семантические и стилистические расхождения. Существуют также фразеологические лакуны.

Причины расхождений БФ сопоставляемых языков носят как лингвистический (генетические и типологические различия языков), так и экстралингвистический характер (время и условия появления библейских переводов, особенности конфессиональной ориентации, историко-культурного развития и др.).

Выбор данной группы БФ обусловлен тем, что библейские антропонимы и топонимы занимают особое место в библейской идиоматике, приобретают символическое значение и сами по себе являются символами, архетипами описанных в Библии прототипических ситуаций. Например, *Каин* – братоубийца, *Соломон* – мудрый человек, *Иуда* – предатель, *Эдем* – рай и т.д.

В нашей работе сравниваются русские и итальянские БФ и рассматриваются межъязыковые эквиваленты. В зависимости от характера расхождения могут быть выделены полные и частичные эквиваленты, аналоги и лакунарные БФ. В качестве материала использованы данные словарей, а также национальных языковых корпусов. Проанализировано всего 112 русских и 110 итальянских БФ, содержащих 49 имен.

Контрастивный анализ БФ показывает, что в языках этих двух народов много общего. Часть БФ являются общими, так как библейская символика интернациональна.

Совпадающие библейские антропонимы и топонимы в двух языках это, например, рус. *Адам, Ева, Каин, Валтазар, Иосиф, Лот, Мафусаил, Ной, Соломон, Иуда, Понтий Пилат, Фома, Лазарь*; итал. *Adamo, Eva, Caino, Baldassarre, Giuseppe, Lot, Matusalemme, Noè, Salomone, Giuda, Ponzio Pilato,*

Tommaso, Lazzaro. Они выступают в эквивалентных или частично эквивалентных БФ.

Число БФ, которые полностью эквивалентны по форме, по лексическому составу, образности, стилю и значению, невелико. Среди них: *каинова печать* (клеймо) / итал. *marchio di Caino* ‘клеймо преступления; отпечаток, след, внешние признаки преступности’, *Соломоново решение* / итал. *decisione salomonica* ‘мудрое и справедливое решение сложного и запутанного дела’, *от Адама и Евы* / итал. *da Adamo ed Eva* ‘с давних пор, с самого начала’.

Перечисленные выше имена выступают также в частично эквивалентных, т.е. различающихся в каком-то аспекте БФ. Обратимся к примерам.

Некоторые БФ обнаруживают смысловое и лексическое тождество при неполном структурном: это, например, рус. в *костюме Адама* ‘нагишом’ / итал. *in costume adamitico*, буквально ‘в адамовом костюме’.

Имя *Адам* выступает в рус. БФ *адамово яблоко* ‘твердое возвышение на горле у мужчин, верхняя часть кадыка’, которое имеет пометы устар. и книжн. Итал. БФ *pomo d'Adamo*, эквивалентный по значению и частично по форме, наоборот стилистически нейтрален и частотен. Частотность этого БФ обусловлена отсутствием лексемы ‘кадык’.

Примером различия в стилистическом плане также являются БФ с именем *Мафусаил*: рус. *жить/прожить Мафусаилов век, Мафусаиловы года (лета)* / итал. *vivere gli anni (l'età) di Matusalemme*, которые в русском являются устаревшими и книжными, а в итальянском используются до сих пор в разговорной речи. Это объясняется тем, что многие БФ заимствовались в русский именно из церковнославянского текста Библии и поэтому принадлежат к высокому, книжному стилю.

Также среди русских и итальянских БФ можно найти аналоги, т.е. обороты, отличающиеся по своему образу: рус. *превращение Савла в Павла*, книж. ирон. ‘резко изменить свои убеждения’ и итал. *sulla via di Damasco*, букв. ‘на пути в Дамаск’; рус. *посылать от Понтия к Пилату* и итал. *mandare da Erode a Pilato* ирон. или шутол. ‘посылать кого-либо по многочисленным инстанциям’.

Иногда семантика внешне тождественных БФ различается: например, рус. *Гог и Магог* ‘всемогущий, свирепый человек’ и итал. *goga e tagoga* ‘отправиться на край света’, оба устар., являются ложными друзьями переводчика.

Одни и те же имена иногда входят в состав разных БФ. Интересными нам представляются БФ, включающие в себя топоним *Египет*. Русский язык обогатил свой фразеологический фонд следующими БФ: *египетский труд* ‘тяжелый труд’, *египетский плен* ‘тяжелая неволя’, *египетская тьма* ‘густая, беспросветная тьма’, *египетские казни* ‘жестокие, губительные бедствия’. Помимо эквивалента *piaghe d'Egitto* (*египетские казни*), в итал.

28 | существует только один БФ с компонентом «Египет»: *rimpiangere le cipolle d'Egitto* 'сожалеть о прошлом'.

Проведенный сопоставительный анализ выявил значительное количество безэквивалентных оборотов. Некоторые библейские имена отсутствуют в БФ одного из двух языков. Только в русском языке представлены такие имена, как: *Саул* (*Еда и Саул во пророцех*, книж. 'о человеке не на своем месте'), *Аред* (*прожить Аредовы веки*, устар. 'жить, прожить очень долго'), *Авраам* (*на лоне Авраамовом*, книжн. устар. 'в раю').

В итальянской фразеологии можно привести следующие примеры: *Abacuc* (*vecchio bacucco*, презр. 'старая перечница; старикашка'), *Beniamino* (*essere il beniamino*, обих. 'баловень; любимчик'), *Pietro* (*fare San Pietro* 'отчаянно лгать').

Проведенный анализ убеждает, что не все БФ интернациональны и даже наличие интернационального библейского имени собственного не делает их таковыми. Несмотря на то что и в русском, и в итальянском языке имеется значительное количество общих БФ, включающих в себя библейские имена собственные, каждый из них характеризуется своей, субъективной избирательностью и актуализирует тот или иной сюжет из Священного Писания. Таким образом, можно заметить, что мировосприятие каждого народа отличается особой креативностью, которая находит отражение в БФ, так как они отражают не только универсально-христианские, но и национально-специфические представления.

Литература

1. Гак В.Г. Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках // Научные труды МПГУ. – М., 1994. – С. 14–20.
2. Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. – М.: Флинта, 2012. – 259 с.

Развитие навыков чтения в преподавании русского языка: начальный этап

Ключевые слова: русский язык, навыки, чтение, начальный этап обучения.

Аннотация. В статье рассматривается формирование навыков чтения на начальном этапе изучения русского языка. Процесс овладения навыками чтения на русском языке более сложен, чем на родном языке. Известно, что на начальном этапе трудно распознавать определенные графемы, комбинации графем также создают много трудностей.

Bilic Jovana

Acceptance of reading skills in teaching the Russian language: the initial stage

Keywords: Russian language, skills, reading, the initial stage.

Abstract. The article discusses the formation of reading skills at the initial stage of learning Russian. The process of mastering reading skills in Russian is more complex than in the native language. It is known that at the initial stage it is difficult to recognize certain graphemes, combinations of graphemes also create many difficulties.

Сегодняшняя глоттодидактика выделяет четыре навыка в изучении иностранных языков, которые переплетаются и дополняют друг друга. Это умение слушать, читать, говорить и писать. Все четыре навыка одинаково важны, но перцептивные навыки аудирования и чтения имеют «естественное» преимущество.

Если больший упор делается на развитие рецептивных навыков на начальном этапе изучения русского языка, то это может позволить вводить более сложные тексты и способствовать работе учеников в поисковом чтении.

Понятно, что процесс овладения навыками чтения на русском языке более сложен, чем на родном языке, и следует также подчеркнуть, что предпосылкой для успешного овладения навыками чтения на русском языке является то, что ребенок ранее освоил навыки чтения на родном языке.

Можно разделить навыки чтения на три подгруппы: 1) знание языковой системы (фонология, синтаксис, семантика...); 2) знание прагматических

языковых соглашений, а также структуры некоторых типов текстов; 3) знание мира (социокультурные знания, знание специфических культурных особенностей, необходимых для целостного восприятия текста и понимания подтекста).

В чем заключаются сложности начального этапа обучения чтению?

Дети нуждаются в большой поддержке во время обучения. На начальном этапе ребенок, который приобретает навыки чтения, сможет читать только простые слова и предложения. Учителя знают, что начинающим читателям трудно распознавать определенные графемы и комбинации графем (*нье, ый, ещ ...*) также создают для них много трудностей. Чтобы облегчить им этот сложный процесс, важно хорошо систематизировать задачи и постепенно вводить более сложные, чтобы учащиеся не чувствовали себя перегруженными сложностью задачи. В таком случае сам процесс будет для учеников увлекательным поиском решения, для них это будет весело, они будут чувствовать себя успешными и мотивированными для дальнейшего прогресса в освоении этого навыка. Способствовать повышению мотивации является одной из важных задач преподавателя на данном этапе.

Успешное овладение первичными навыками чтения на русском языке строится на основе использования уже знакомого словарного запаса и грамматико-синтаксических структур, которые ученики ранее освоили в процессе аудирования и речи. Это позволит ученику обратить внимание на значение текста.

Сегодняшняя глоттодидактика предлагает следующие уровни в этом процессе: 1) чтение отдельных букв и комбинаций букв; 2) чтение слов; 3) чтение предложений; 4) чтение текстов.

Чтение, безусловно, является очень важным компонентом обучения русскому языку, и его долгосрочная цель должна состоять в том, чтобы дать ученикам возможность читать самостоятельно.

При выборе вида деятельности следует принимать во внимание аффективные факторы и интересы детей, поскольку детям будет гораздо легче перенимать интересный им контент, который окружает их ежедневно. Некоторыми видами деятельности, которые можно применять при работе с младшими школьниками и даже с дошкольниками при развитии навыков чтения на русском языке являются: 1) групповое чтение слов с различной интенсивностью (громкий, имитирующий...); 2) запоминание; 3) чтение книг вслух и демонстрация иллюстраций; 4) составление групп слов с одинаковыми фонологическими характеристиками; 5) пантомимы.

Есть много других действий, которые можно выполнить при работе с учениками, но наиболее важной является роль учителя, который оценит состав, возраст и динамику работы группы, а также интересы и возможности учеников, таким образом адаптируя каждое упражнение к конкретной группе.

Следует отметить, что в процессе овладения навыками чтения на русском языке некоторые ученики испытывают определенные проблемы. Когда речь идет о трудностях с чтением на русском языке и письмом, очень важно отличать конкретные (дислексия – чтение и дисграфия – письмо), неспецифические (где проблемы с чтением и письмом носят вторичный характер: умственная отсталость, нарушение зрения или слуха, недостаточное развитие речи и языка) и общие трудности, возникающие при овладении чтением и письмом. Важно своевременно распознать их, поскольку некоторые из них нуждаются в профессиональной помощи логопедов.

В дополнение к этим трудностям в овладении чтением и письмом на своем родном языке, учащиеся в процессе изучения иностранного, в том числе русского языка, часто испытывают затруднения при чтении наборов букв, которых нет в их родном языке. Однако следует сделать вывод, что такие трудности со временем уменьшаются благодаря регулярной ежедневной практике чтения.

За последние несколько лет появилось несколько программ и приложений, например, «Учим буквы и слоги», «МЕРСИБО», призванных облегчить процесс приобретения навыков чтения на русском языке. Задания в таких программах тщательно разработаны, интересны детям, они начинаются с соединения букв и фонем и приводят к чтению текстов. Как правило, в них заложена функция исправления ошибок и они могут быть адаптированы к потребностям и текущим знаниям каждого ребенка. Поскольку они доступны в свободной продаже, важно, чтобы родители были хорошо информированы о типологии задач и типе программного обеспечения / приложения перед его использованием. Они различаются по многим параметрам, поэтому важно, чтобы каждый родитель хорошо понимал возможности и потребности своего ребенка, чтобы выбрать подходящую программу. Для развития навыков чтения на русском языке необходимо целесообразно использовать программы, ориентированные на детей, поскольку предложение такого программного обеспечения намного эффективнее и лучше.

Большакова Алена Юрьевна

ab1996@yandex.ru

студент Московского государственного лингвистического университета

Москва, Россия

Шаталова Н.С.

shatalova59@mail.ru

д-р пед. наук, профессор

Московского государственного лингвистического университета

Москва, Россия

Лингводидактический потенциал прецедентных феноменов в обучении РКИ

Ключевые слова: критерии отбора, лингвокультурный, методы, подходы, прецедентные феномены, принципы, РКИ.

Аннотация. В работе рассмотрены лингвокогнитивные, лингвокультурные и дискурсивные характеристики прецедентных единиц как особых лексико-семантических средств современного русского языка.

Bolshakova A.Ju.

Shatalova N.S.

Linguo-didactic potential of precedent phenomena in Russian as a foreign language study

Keywords: selection criteria, linguocultural, methods, approaches, precedent phenomena, principles, Russian as a foreign language.

Abstract. The article considers the linguistic-cognitive, linguistic-cultural and discursive characteristics of precedent units as special lexical-semantic means of the modern Russian language.

Сегодня процесс обучения иностранному языку ориентирован не только на изучения языка как уровневой системы, но и как репрезентанта национальной картины мира, т.е. формирующий необходимую основу для восприятия и понимания эмоционального, волевого, нормативного, ценностного аспектов иноязычного общения.

В этом плане методически актуальной является задача обновления и разработки методических систем организации процесса обучения РКИ, направленных на изучение языковых единиц как репрезентантов ценностей, целей, мотивов и поведенческих установок, характерных для русской лингвокультуры.

Целью статьи является определение стратегий, методов и приемов организации работы с прецедентными феноменами в практике преподавания РКИ, основанных на уточнении и детализации лингвокультурных и лингвокогнитивных характеристик прецедентных феноменов. Определение критериев отбора материала основывается на лингвокультурных и лингвокогнитивных характеристиках прецедентных феноменов.

Основная лингвокогнитивная характеристика прецедентных феноменов – это образование ими вторичной знаковой системы, использующей разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума.

Отметим, что прецедентные феномены являются ядерными элементами когнитивной базы носителя языка и образуют собой духовный код культуры, который содержит нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие, как, например: «добро – зло», «хорошо – плохо». Данный код изначально аксиологичен, так как составляет систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Это будет являться основной лингвокультурной характеристикой.

Основываясь на этом, считаем, что в организации работы с прецедентными единицами должны быть, прежде всего, учтены такие принципы, как системность, концентризм, дискурсивная направленность. Система упражнений и заданий, используемых в работе с прецедентными феноменами, должна включать блоки заданий объяснительно-иллюстративного (лингвострановедческий комментарий, ономастический комментарий, художественно-образный комментарий (переводной / беспереводной), репродуктивного, имитационно-репродуктивного, сравнительно-сопоставительного, творческого характера. Предтекстовые задания организуют работу иностранных студентов по определению значения прецедентной единицы; возможного эквивалента в родном языке; опознанию трансформации и нахождения его исходной формы; определению характера оценки. Послетекстовые задания ориентированы на характеристику прецедентной единицы (структура, обычность / необычность употребления, прием трансформации, вектор оценки) и употребление ее в различных по объему высказываниях / речи.

Данная методическая стратегия позволяет организовать учебный процесс в направлении формирования у иностранных студентов навыков: опознания в тексте / устной речи прямой или завуалированной цитаты или фразеологизма как единицы аксиологической шкалы конкретного лингвокультурного сообщества; адекватной интерпретации и употребления оценочного высказывания по ситуации различных социокультурных контекстов.

Особенности заголовков в медийном дискурсе

Ключевые слова: заголовок, медийный дискурс, текст, аудитория, воздействие.

Аннотация. Целью статьи является анализ особенностей заголовков в медийном дискурсе. Актуальность работы обусловлена необходимостью рассмотрения заголовка в качестве структурного элемента текста, его синтаксических и стилистических особенностей, структуры, так как заголовок имеет динамический характер. Кроме того, заголовок в медийном дискурсе часто определяется в качестве отдельного текста и является основным механизмом воздействия на аудиторию.

Valieva I.V.

Features of titles in media discourse

Keywords: title, media discourse, text, audience, impact.

Annotation. The purpose of the article is to analyze the features of headlines in media discourse. The relevance of the work is due to the need to consider the title as a structural element of the text, its syntactic and stylistic features, structure, since the title has a dynamic character. In addition, the title in media discourse is often defined as a separate text and is the main mechanism for influencing the audience.

На современном этапе развития лингвистической науки большинство классификаций дискурса отмечают медийный, который имеет несколько социально значимых целей: во-первых, информирование массового адресата об общественно значимых проблемах и событиях; во-вторых, формирование социальной оценки этих явлений; в-третьих, манипуляция, управление общественным мнением. В этой связи медийный дискурс динамично разрабатывается в современных научных трудах.

Заголовок в публицистике – особо важный и неотъемлемый элемент, выполняющий не только дифференциальные вербальные функции, но и роль «лица» периодического издания или статьи. Это то, на что в первую очередь читатель обращает свое внимание и решает, достойно ли написанное его прочтения. Заголовок – это языковой элемент дизайна.

Заголовок выполняет две основные функции [4, с. 76]: контактоустанавливающую (фатическую) и информативную. Первая направлена на создание стилистически поддержанной в тексте экспрессии, вторая указывает на аспект содержания. Важно, чтобы обе функции находились в гармонии между собой и с текстом для того, чтобы не возникал эффект обманутых читательских ожиданий, который может обернуться для публицистики (эклетиическая концепция издания) утратой доверия, а значит и имиджа. К примеру, прецедентный текст (ПТ) / прецедентный феномен (ПФ), неудачно подобранный для заголовка, может обнулить внутритекстовые усилия автора, а может, наоборот, стать его визитной карточкой, приметой идиостиля [4, с. 76].

Сегодня условия коммуникации в интернете меняют представление пользователей о структуре медийного текста и о том, каким должен быть заголовок. В интернете появилось такое понятие, как кликбейт. Кликбейт (англ. *click* 'щелчок' и *bait* 'наживка') как заголовочно-аннотативный комплекс с гиперссылочным функционалом является в наше время неотъемлемым компонентом любой веб-страницы новостного содержания. Медиалингвисты отмечают манипулятивно-фейковый характер кликбейта, связанное с этим большое количество средств и приемов «лингвистики лжи», а также морально-этическую сторону такого рода информационных «игр». В дискурсивно-прагматическом плане кликбейт – это маркетинговый инструмент монетизации интернет-порталов, который используется в целях скрытого побуждения пользователя к переходу по гиперссылке [1]. При этом абсолютно допустимым, в целях «разжигания любопытства», считается искажение исходной текстовой информации и придание заголовку шокирующе-провокационного характера. А.А. Негрышев анализирует типы когнитивно-логических трансформаций в кликбейт-заголовках. Автор рассматривает актуальную проблему манипулятивно-фейкового характера, которая создается приемами *элиминации, субституции и компликации*.

1. *Элиминация* (аннулирующее преобразование по Ю.И. Левину) – усечение в структуре пропозиции одного или более компонентов: *После инсульта Волочкова покупает инвалидное кресло* (media-personal.com, 07.10.17) – речь идет об инсульте у отца балерины, который он перенес 9 лет назад; ложная пресуппозиция здесь: «у Волочковой был инсульт».

2. *Субституция* – подмена основных компонентов пропозиции: *Как на Украине прошли похороны Олега Царева* (infox.ru, 14.08.18) – под «похоронами» имеются в виду слухи о смерти политика Новороссии. *Макрон отказался от престарелой жены* (rustoria-topnews.ru, 08.08.17) – Макрон не согласился узаконить статус супруги президента, который предусматривает выделение средств на расходы супруги главы Франции. *Билан заговорил после ДТП* (lenta.ru, 19.09.18) – ложная пресуппозиция о якобы потере Д. Биланом

36 | речевой способности в результате аварии выходит из значения глагольной группы, однако на самом деле певец всего лишь высказался о пережившем.

3. *Компликация* – привнесение в пропозицию элементов, которые не содержатся в исходном тексте. 3.1. Ссылка на «авторитетное мнение»: *онкологи сообщили, главный ортопед России предупреждает, Дикюль рекомендует* и т.п. 3.2. Вымышленная гипертрофированная реакция на произошедшее: *Вся Россия в слезах, Европа онемела, Путин рухнул, как подкошенный* и т.п. 3.3. Аппелятивы – парцелированные экспрессивные компоненты, которые направлены на привлечение внимания читателя к заголовку: *Беда! Срочно! Шок!*

Таким образом, заголовок – это один из воздействующих механизмов на аудиторию. Несмотря на то, что этика журналистской работы требует сохранения факта в недеформированном виде и не допускает подмену его оценкой, нередко средства массовой коммуникации прибегают к виртуальной реальности, которая способна в корне изменить пропорции подлинной модели мира. Обладая монополией на информацию, они задают приоритеты событий, интерпретируют их, тем самым осуществляя социально-преобразующую репрезентацию реальности.

Литература

1. Кликбейт [Электронный ресурс] // Чернозубенко П.Е. Записки маркетолога: Маркетинговый словарь. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_k/Clickbait/ (дата обращения: 10.11.2018).
2. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 594–605.
3. Негрышев А.А. Типы когнитивно-логических трансформаций в кликбейт-заголовках.
4. Стародубова О.Ю. Прецедентный текст в публицистическом дискурсе как механизм реализации аутентичной авторской модальности // Знак: проблемное поле медиаобразования. Научный журнал. – № 2 (32) / 2019. – Челябинск. – С. 73–84.

Графические символы как способ передачи эмоций в русском и китайском интернет-языках

Ключевые слова: интернет-общение, интернет-язык, графический символ, смайлик, эмоциональное состояние, чат.

Аннотация. Статья посвящена смайликам, или эмограммам – графическим символам, обозначающим различные оттенки эмоций, сопровождающим общение в Интернете. Такие знаки не только являются средством обозначения эмоций, но и отражают особенности культуры разных народов. В статье рассматриваются особенности графики и значения смайликов, употребляемых русскими и китайскими пользователями Интернета. Знание особенностей интернет-языка в разных странах важно с точки зрения межкультурного общения народов России и Китая, способствует укреплению взаимопонимания и сотрудничества в разных областях.

Wang Xi

Graphic symbols as a way of conveying emotions in Russian and Chinese Internet languages

Keywords: Internet communication, Internet language, graphic symbol, emoticons, emotional state, chat.

Abstract. The article is devoted to “emoticons” or “emograms” – graphic symbols denoting various emotions that accompany communication on the Internet. Such signs are not only a means of indicating emotions, but also reflect the characteristics of the culture of different peoples. The article discusses the features of the graphics and the meaning of “emoticons” used by Russian and Chinese Internet users. Knowledge of the features of the Internet language in different countries is important from the point of view of intercultural communication between the peoples of Russia and China, helps to strengthen mutual understanding and cooperation in various fields.

Интернет – это виртуальный мир, коммуникация в котором значительно отличается от общения в мире реальном. Одно из отличий заключается

в том, что участники коммуникации, «собеседники» лишены тех вспомогательных средств, которыми они пользуются в реальном общении. Это – интонация, тембр голоса, дикция, жесты, мимика, добавляющие в речь эмоциональную окрашенность. В этой связи в процессе виртуального общения возникает состояние эмоционального дефицита. Отсутствие эмоционального контакта в интернет-общении заставляет участников искать способы и средства передачи своего эмоционального состояния не только вербально, но и с помощью символов, картинок и т.д. В связи с этим и появился «смайл», или «смайлик», – графический символ, обозначающий определенную эмоцию, простое и гениальное средство компенсировать недостающие элементы обычного человеческого общения. Привычный нам сейчас компьютерный смайлик :-) был придуман в 1982 году профессором Скоттом Фалманом (Scott E. Fahlman), которого считают «официальным отцом» смайлика.

Смайлики (от англ. *smile* ‘улыбка’) – это значки, составленные из знаков препинания, букв и цифр, а в последнее время это стилизованное графическое изображение улыбающегося человеческого лица, обозначающие какие-либо эмоции. В научной литературе слово «смайлик» обычно употребляется наряду с терминами «эмограмма» или «эмодзи». Со времени своего появления эмограммы стали неотъемлемой частью общения в интернете. В нашей статье мы намерены остановиться на традиционных, «классических» эмограммах-смайликах. Наиболее распространенный смайлик – это улыбка. Выглядит он вот так :-). Однако существуют и смайлики, выражающие отрицательные эмоции, например, уныние – :-(.

В специальной литературе можно встретить несколько определений эмограмм, приведём одно из них: «Эмограмма – это стилизованное изображение мимики человеческого лица, реализованное в псевдографике, с целью передать оппоненту эмоциональный настрой говорящего, в условиях общения, опосредствованного печатаемыми через клавиатуру символами» [3, с. 82].

Сегодня смайлики (эмограммы, эмодзи) стали важной частью интернет-языка, восполняя в интернет-общении язык тела и мимики. Кроме того, с помощью смайликов, имеющих адекватное языковое выражение, интернет-общение становится более ярким и живым. Их можно рассматривать как инновационные средства графики, расширяющие возможности письма, компенсирующие недостающие в нем, по сравнению с устной речью, средства выражения [2, с. 322]. В настоящее время смайлики пользуются большой популярностью в интернет-общении во всем мире, в том числе в России и в Китае. Остановимся на этом более подробно.

Смайлики в языке русского интернет-общения

В русскую сферу интернет-общения смайлики пришли в основном из Европы. Эти смайлики состояются из английских знаков препинания на клавиатуре. Особенность этих смайликов заключается в горизонтальном

расположении вертикальных зон лица и тела. Для того, чтобы легче понимать значение смайликов, нужно повернуть их на 90 градусов по часовой стрелке. Например:

Таблица 1

Смайлики	
Знак	Значения эмоций
:-) или (=) или :))	улыбка, радость
:(- или (= или :(грусть, печаль
:-C или :C	сильное огорчение
:-[]	сильное удивление
:-/ или :-\	недовольство, озадаченность или обида
:-[смущение
>:-D	злорадный смех
};-> или];->	коварная улыбка
{ }	объятия, «обнимашки» (обнимающие руки)
:-X	держат рот на замке
:-P или :-р или :-Ъ	показывать язык, дразнить
!:-) или !:-D	сильный смех, смех до слёз
:-{ }	страстный поцелуй
:-@	гневный крик
8-) или B-)	человек в очках
!:-(или !:-]	«едет крыша»
ГгУ или \o/	Медвед или «Превед!»(приветствие)

В то же время российские пользователи в интернет-общении также используют смайлики, заимствованные из интернета стран Азии. В целом общее количество «азиатских» смайликов в России все еще относительно невелико. При этом надо отметить, что с 2000 года такой вид смайликов стал более популярными в России.

Например:

(n_n) — улыбка

(^_^) — улыбка, радость, счастье

(<_>) или **(v_v)** – грусть

(^_^) – улыбка через силу

(>_<) – усталость или категоричность

(>_>) или **(<_<)** – скептичность

(-_->) или **(-_-v)** – сконфуженность

Следует подчеркнуть, что в русском интернет-языке существуют свои, «местные» смайлики. Например, значение смайликов ГгУ или \o/, исполь-

зуемых русскими пользователями сети, ведет свое начало от выражения «Превед, медвед!». Одна из версий причины популярности в чатах этого, широко известного в русском языке, жаргонизма, ставшего, по существу, мемом, – это появление и дальнейшее распространение известной картины «Bear Surprise» Джона Лури на русском сайте. На картине изображен антропоморфный медведь, который застаёт туристов за занятием сексом на природе и кричит им «Surprise!». Русские пользователи заменили этот возглас на «Превед!», а медведя на картине назвали «Медведом». Известно, что медведь – это символ России. Русские считают символ «У» двумя ладонями, высоко поднятыми медведем, как бы здороваясь. Нам приходилось часто встречать это выражение при знакомстве с чатами в русском интернете.

Смайлики в языке китайского интернет-общения

Популярными смайликами в китайском интернет-общении являются заимствованные из Азии, а также небольшое количество европейских смайликов. Азиатский смайлик в Китае принял совершенно новый вид — его можно прочесть, не переворачивая, он содержит больше символов. Китайские иероглифы являются идеографическими символами, поэтому в китайском интернет-общении существует достаточно много типов пиктограмм, которые могут выражать как эмоциональные состояния, так и действия, обозначать поведение человека, описывать характеристики человека через образы животных и т.д. На наш взгляд, «арсенал» выражаемых смайликами значений, в китайском интернет-языке значительно более широк, чем в русском.

Таблица 2

Смайлики	
Знак	Значения эмоций
^_^	смущение
(o_o)	удивление
(>x<!)	досада (черт!)
8(>_<)8	ревность
∖(爱`∨»爱)∕	симпатия
(Γ·ω·)Γ嘿	Восхищение / удивление
r(·o·)r☞就是这个人!	Вот это человек
	Действия
(9_9)	не спал всю ночь
(^_~)	подмигивать
(;_;) или(T_T) или Q__Q	плакать
^}{^	поцелуй
=X=	рукопожатие

:-P	показывать язык
	Персонаж
("(o_o)"/")	«Медвед» (Приветствие)
(=^.^=) или (^_^)	кошка (яп. 可愛 <i>кавай</i>) или Каваи (рус. жарг. <i>кавай</i>) 'милый', 'прелестный', 'хорошенький')
(O,o)	Сова (полуночник)
^..^	Свинья (дурак / толстяк / лентяй / обжора)

Важно отметить, что некоторые смайлики были локализованы в китайском онлайн-общении, например, некоторые смайлики на картинке были добавлены к китайским иероглифам(\ (爱'▽»爱) / – *симпатия*). Есть также смайлики, которые представляют изображения животных с очевидными культурными различиями между Китаем и Россией (^..^ – *свинья: дурак / толстяк / лентяй / обжора*). Например, свинья в русской культуре обычно символизирует невежество, лень, грязь, небрежность и другие негативные качества. В китайском онлайн-общении эмограмма свиньи описывает человека, который ленив, глуп или жаден, а иногда даже в шутку называют человека «милым, как свинка».

Представляется интересным сопоставление выражения одного и того же значения в русском и китайском «языке смайликов».

Таблица 3

	улыбка	печаль	смущение	плакать	подмигивать	Медвед или «Превед!»
Русские	:-)	:(:[:_(;-)	ГгУ или \o/
Китайские	(^_^)	(v_v)	^_^"	Q_Q	(^_~)	("(o_o)"/")

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы:

Большинство смайликов, часто употребляемых в России, пришло из Европы. Для того чтобы понять значение такого смайлика, необходимо повернуть эмограмму на 90 градусов по часовой стрелке.

Китайские смайлики в основном заимствованы из Азии. Эти смайлики являются горизонтальными, и чтобы их понять, не требуется предварительного поворота картинке. В то же время в русском и китайском интернет-языках есть свои культурные особенности. Например, в русском знак приветствия ГгУ или \o/ связан с мемом «Превед, медвед!», а в языке китайского интернет-общении некоторые значки-смайлики были добавлены к китайским иероглифам (например: \ (爱'▽»爱) / – *симпатия*).

Как видно из таблицы, в которой сравниваются русские и китайские смайлики, у большинства русских смайликов акцент делается на выразительный рот, а у китайских – на глаза. На наш взгляд, эта разница связана с культурными различиями и менталитетом народов. Русские чаще, чем китайцы, выражают эмоции ртом, меняя его форму, положение губ и т.д.

42 | В Китае говорят, что «глаза – окна души». Таким образом, характерной чертой китайских смайликов является акцент на глазах.

С одной стороны, использование смайликов отвечает потребностям людей в экономии языковых средств, а с другой – помогает людям показать невербальный смысл наиболее «интуитивным способом», т.е. через выражение чувств [7, с. 38]. Поэтому сейчас не только русские, но и китайцы предпочитают использовать смайлики, чтобы создать более полноценную эмоциональную коммуникацию при общении в интернете.

В настоящее время количество таких символов постоянно растет, их графика становится более разнообразной и необычной – от простейшего сочетания знаков препинания до простейших рисунков и даже «гифок» – изображений определенного формата, которые чаще всего подвижны.

Надо особо подчеркнуть, что люди из разных стран и разных культур также по-разному понимают один и тот же эмодзи. Например: азиатский смайлик ^..^ по официальным данным значит «свинья». Практически «свинья» имеет разные значения и в русской, и в китайской культурах. Изучение и понимание значения смайликов в русском и китайском интернет-языках и их культурных особенностей позволяют нам улучшать качество межкультурного общения и уменьшать возможность конфликтов.

Литература

1. Иванов Л.Ю. Язык в электронных средствах коммуникации. – М.: Флинта – Наука, 2003. – С. 25–36.
2. Нашхоева М.Р. Взаимодействие пунктуационных знаков и эмотиконов в текстах форумов // Вестник ЧГПУ, 2011 № 12. – С. 321–327.
3. Нестеров В.Н. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете. – М.: Евразийский регион, 2002. – 82 с.
4. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации. – Лингвистика дискурса, 2012. № 3. – С. 164.
5. 刘海燕. 网络语言 [M]. 北京: 中国广播电视出版社, 2002.
6. 路阳. 中俄网络聊天语言对比研究 [D]. 吉林: 吉林师范大学硕士学位论文论文, 2011.
7. 詹铭哲. 俄语网络词语研究 [D]. 上海: 上海外国语大学硕士学位论文论文, 2018.

Компаративный анализ новогодних традиций в русской и китайской культурах

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, традиции, приметы, русская культура, китайская культура.

Аннотация. Статья посвящена компаративному анализу традиций празднования Нового года в России и в Китае. Автор исследует разницу в обрядах, символике и атрибутах новогоднего празднования в русской и китайской культурах.

Wang Xiaojuan

Comparative analysis of the New Year traditions in Russian and Chinese culture

Keywords: intercultural communication, traditions, superstitions, Russian culture, Chinese culture.

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the New Year celebration traditions in Russia and in China. The author explores the difference in ceremonies, symbolism and attributes of the New Year's celebration in Russian and Chinese cultures.

Успех межкультурной коммуникации часто зависит не только от владения языком общения, но и от знания культурных особенностей принимающей страны. Традиции, ценности и поверья народа оказывают существенное влияние на его менталитет и отражаются во многих сферах жизни. Одной из таких сфер является встреча одного из ключевых как для русской, так и для китайской культуры праздников – Нового года. Сравним основные атрибуты этого праздника в русской и китайской культурах.

Новогодние украшения. В России на сегодняшний день принято украшать дома наряженными елками, мишурой и гирляндами на стенах или окнах, вырезанными из бумаги снежинками, а также новогодними венками из еловых веток, символизирующими счастье и благополучие в новом году. Большинство из этих традиций пришли в Россию из Европы. Считается,

44 | что праздничная атмосфера способствует счастью и успеху в новом году, воплощая обновление жизни.

В Китае для создания праздничной атмосферы принято вешать парные надписи на красной бумаге, содержащие короткие изысканные пожелания счастья. Существует традиция вешать иероглифы 福, обозначающие «счастье», в перевернутом виде, поскольку это создает языковую игру через созвучие иероглифов 倒 («перевернуто») и 到 («приходить»), что в комплексе означает: «Пусть счастье придет».

Новогодний стол. В России Новый год считается семейным праздником, а богатый, щедрый стол – одним из его основных атрибутов. Традиционные блюда на новогоднем столе – салаты оливье и селедка под шубой, бутерброды с красной икрой, горячее. Обязательный атрибут новогоднего стола – шампанское, которое нужно пить под бой курантов, точно отмечая момент прихода нового года. В последние десятилетия многие люди в России интересуются восточным календарем и стараются следовать его советам: например, в год Свиньи на новогоднем столе не должно быть свинины, чтобы не прогневать животное и не спугнуть удачу. Однако на сегодняшний день становится все больше и тех, кто отказывается от традиционных способов празднования и предпочитает Новый год без привычных атрибутов.

В Китае отношение к моменту наступления нового года более гибкое, поднять тост в первую минуту нового года не считается обязательным. Сходство же с русским празднованием заключается в том, что вся семья собирается вместе и накрывает богатый стол. Однако количество блюд на китайском столе должно быть четным, причем считается, что у каждого числа свое символическое значение того, что ждет семью в новом году: 6 – «полное благополучие», 8 – «богатство» и т.д. Обязательным блюдом на новогоднем столе являются пельмени с разнообразными начинками: рыба, курица, свинина, креветки сочетаются с капустой, сельдереем, луком-пореем, тофу. Популярна традиция делать один или несколько «счастливых» пельменей, в которые кладут монету. Считается, что того, кому достался пельмень с монетой, обязательно ждет удача и высокий заработок в новом году.

Развлечения в новогоднюю ночь. В России считается, что в новогоднюю ночь нельзя спать, иначе год будет скучным. Официальная часть праздника – ежегодное поздравление президента по телевидению, следующий за ним бой курантов, под который принято открывать и пить шампанское, поздравляя друг друга и желая счастья в новом году: «С Новым годом! С новым счастьем!» Часто веселье продолжается до утра, а люди, встретившие Новый год с семьей, объединяются в дружеские компании и уезжают в другое место.

В Китае основным компонентом новогодней программы считается гала-концерт по телевидению, в котором сочетаются разные жанры: песни, танцы, юморески, театральные миниатюры. Совместный просмотр этой передачи

всей семьей считается важнейшей традицией, объединяющей членов семьи вне зависимости от их возраста. В России похожие телешоу тоже существуют, однако в последние годы они теряют свою популярность, особенно среди молодежи, и их просмотр все меньше считается важным и обязательным атрибутом новогодней ночи. Еще одним существенным отличием является время запуска салютов: в России их принято запускать после наступления Нового года, а в Китае – до.

Новогодние приметы и поверья. В Китае по лунному календарю Новый год продолжается 15 дней и предполагает определенные запреты на каждый день. Например, в первый день замужним женщинам не рекомендуется навещать своих родителей. Если разбивается посуда или зеркало, нужно упаковать их в красную бумагу и выбросить на пятый день. Нельзя сразу после Нового года стричь волосы, мыться и стирать одежду – считается, что это символизирует потерю богатства. В третий день нового года нельзя поздравлять друг друга и лучше остаться дома. В седьмой день не следует использовать иголки и нитки, а также ругать и критиковать детей, потому что этот день считается Днем рождения каждого человека. Это символическое напоминание о важности взаимоуважения людей и ценности каждого из них. В России новогодние приметы не так популярны и в наши дни им не придается большого значения.

Новогодние подарки. И в Китае, и в России на Новый год принято делать подарки близким. Однако в России, в отличие от Китая, распространена традиция класть подарки под елку. Хорошим сюрпризом считается дорогостоящая вещь, которую человек хотел бы приобрести себе сам. Для детей часто кладут под елку угощения и игрушки, о которых они мечтали. Китайцы, как правило, посещают родственников, друзей и коллег, принося им в подарок небольшие приятные лакомства: фрукты, конфеты, вино, морепродукты и даже молоко с разными вкусами (фруктовое, шоколадное и т.д.). Близким делают более крупные подарки, например, бытовую технику. Детям обычно дарят красный конверт с деньгами, которые они могут потратить на свое усмотрение.

Таким образом, традиции празднования Нового года в России и в Китае существенно различаются, что отражает культурный опыт каждого народа.

Ван Сяоци

wangxiaoqi0617@163.com

магистрант Хэбэйского педагогического университета

Хэбэй, Китай

магистрант-стажер

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Кабанкова Ю.Ю.

JUKabankova@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Значение концепции соборности и понятия коллективизма для осмысления феномена русского национального менталитета, с точки зрения российских и китайских исследователей

Ключевые слова: соборность, коллективизм, русский менталитет, китайский менталитет.

Аннотация. В данной работе исследуется феномен русского национального менталитета на основе концепции соборности. Явление коллективизма рассматривается как воплощение принципов соборности в общественной жизни, указывается на своеобразии коллективизма в России, обозначается его ценность для современного общества.

Wang Xiaoqi

Kabankova Ju.Ju.

The importance of the doctrine of sobornost and the concept of collectivism for understanding of the Russian national mentality phenomenon from the point of view of Russian and Chinese researchers

Keywords: sobornost, collectivism, Russian mentality, Chinese mentality.

Abstract. This paper examines the phenomenon of Russian national mentality on the base of doctrine of sobornost. The research considers the phenomenon of collectivism as the embodiment of the principles of sobornost in the social life. The study indicates the originality of collectivism in Russia and its value for the modern society.

Концепции соборности в России всегда придавалось особое значение, она заключает в себе важные положения для осмысления сформировавшегося

веками русского национального менталитета. Понятие «соборность» было предложено русским философом А.С. Хомяковым в XIX веке, и его суть кратко можно определить как единение в духе любви и свободы на основе принятия фундаментальных ценностей православного вероучения. Термин «соборность» не имеет аналогов в других языках. Словом «соборная» первоучители славянства Кирилл и Мефодий при изложении 9-го члена Символа веры перевели термин «кафолическая» (Церковь) [1].

В условиях секуляризации общественного сознания, влияние религии в целом, в известном смысле, ослабевает, и вместе с тем, соборность как основанная на стремлении к любви, свободе и единству составляющая русского национального менталитета сохраняет свое важное значение и находит воплощение в развитии тех или иных форм коллективизма, что оказывает существенное влияние на происходящие в российском обществе процессы.

Исторически появлению в России концепции соборности предшествовали определенные явления социальной и духовной жизни. Во-первых, это исконно славянский общинный уклад, получивший развитие в крестьянской общине, в системе самоуправления древнерусских городов, в институте Земских соборов. Оглядываясь на прошлое российской социальной системы, можно заметить, что община является уникальным явлением в истории российского общества. В общине земля и средства производства принадлежат всем, эта общинная собственность так же, как и порядок пользования ею внутри общины, не является константой, а формируется на основе определенных соглашений индивидов в коллективе. Таким образом, индивидуальное и коллективное существование в общине являются взаимозависимыми и неотделимыми друг от друга. То, как в своей работе А.С. Хомяков определяет понятие «соборность», а именно как целостное сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям, можно в определенном смысле соотнести с пониманием слова «лад» в период древней Руси, которое главным образом означало согласие, любовь и радость [6]. Это дает основание полагать, что концепцию соборности можно рассматривать в тесной связи с общественной жизнью русского народа и того времени. Проявление единства в русском духе согласия – признак коллективизма той эпохи.

Во-вторых, концепция соборности отражает появившийся на Руси с принятием Христианства принцип взаимоотношений верующих внутри церковной общины и высшего божественного начала. Корень слова «соборность» – «собор». «Собор» означает объединение людей, исповедующих общую веру, и храм, где собираются люди, чтобы проводить общий религиозный ритуал. Верующие молятся в храме соборно, обращая общую молитву к Богу, и, вместе с тем, каждый человек вступает в молитвенное общение с Богом индивидуально, сохраняя свою независимость и стремясь приблизиться к Богу в своих собственных желаниях, намерениях и поступках. Следовательно, одним из

важнейших устремлений верующего человека является стремление к единству индивидуального и коллективного, частного и всеобщего – к соборности. И таким образом, можно заключить, что на основе стремления к соборности в общественной жизни людей происходит формирование сильного духа коллективизма. «В вопросах веры, – писал А.С. Хомяков, – нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия». Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора [2].

По утверждению Хомякова, соборность – это цельность, внутренняя полнота, множество, собранное силой любви в «свободное и органическое единство». Соборность коренится в общественном сознании и религиозных учениях православной церкви, она формирует русский национальный менталитет, одной из важных черт которого можно назвать сильное чувство коллективизма.

Необходимо отметить, что понятие коллективизма в применении к культурно развитым обществам принципиально отличается от понятия первобытного коллективизма. Так, в условиях только формирующихся и еще не сложившихся социальных структур «коллективизм первобытной общины был, прежде всего, следствием ограниченности и недееспособности отдельного индивида» [7]. В любой развитой культуре коллективизм и индивидуализм не могут существовать отдельно друг от друга. Истинный коллективизм основывается на истинном индивидуализме, без истинного индивидуализма подлинный коллективизм не может существовать.

Коллективизм – это мощная духовная сила, которая обеспечивает определенные гарантии для нации и для страны в реализации общих идеалов и достижении целей, к которым стремится общество. Для русской нации значение коллективизма заключается в том, что, благодаря развитию такого типа социальных отношений, в обществе собираются воедино национальные силы и укрепляется патриотизм.

Вспоминая известные факты исторического прошлого России, нельзя не отметить, что наиболее высокого уровня патриотизма и коллективизма россияне достигали в критические моменты истории страны. Мы обнаруживаем примеры необычайной сплоченности людей в то время, когда нация сталкивалась с нападением агрессоров. Так во время Отечественной войны 1812 года, перед лицом мощной наполеоновской армии, и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, в противостоянии гитлеровским войскам в тяжелое время блокады Ленинграда, обороны Москвы и Битвы под Сталинградом, российские народы объединялись, смело сопротивлялись врагу и изгоняли захватчиков со своей родной земли.

В современной России формирование духа взаимопомощи и сотрудничества в общественной жизни стало основным содержанием культивирования традиций коллективизма. В большинстве учебных заведений уделяется значительное внимание развитию у детей и молодежи чувства коллективизма как особой культурной традиции и принятых в обществе моральных принципов. Создаются различные объединения и движения: общественно-политические, патриотические, религиозные, познавательные, волонтерские, студенческие и т.д. В средствах массовой информации и академических изданиях можно найти программы и публикации, освещающие те или иные аспекты существования коллективизма как формы общественных отношений. Можно сказать, что сегодня коллективизм в России, во многом питаемый духом соборности, идет в ногу со временем и постоянно обогащает духовное содержание. Вне всяких сомнений, как источник национального духа и культурная ценность, коллективизм является психосоциальным элементом и традиционным социальным стандартом. Коллективизм набирает силу и является источником непрерывного развития России.

Литература

1. Лазарев В.В. Соборность. Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека Института философии Российской Академии наук. <https://iphlib.ru/library/colle ction/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178>
2. Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки, 2008. [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_1\(9\)/29.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_1(9)/29.pdf)
3. Платонов О.А. Соборность. <http://www.hrono.ru>
4. Подвойская И.В. Понятия «коллективизм» и «соборность», их интерпретации и соотношение // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2011. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-kollektivizm-i-sobornost-ih-interpretatsii-i-sootnoshenie>
5. Помазанский М.П. Соборность и церковное сотрудничество. <http://www.russian.orthodoxchurch.ws>
6. Фаминцын А.С. Божества древних славян. Санкт-Петербург, 1884. <http://ru-sled.ru/lad-bog-soglasia-lyubvi-vesny-i-veselya/>
7. Фетискин В. В. Первобытный синкретизм // Философия и общество. 2002. № 2 (27). <https://cyberleninka.ru/article/n/pervobytnyy-sinkretizm>
8. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8 т. Университетская типография. М., 1886–1906. <https://runivers.ru/lib/book3560/18632/>
9. 潘玉琴从“聚合性”看俄罗斯民族精神首都师范大学学报 [J] 2006.
10. 杨玉波乌托邦的构建:《苦难历程》中的“聚合性”主题 俄罗斯文艺 [J] 2012年 04期.

Ван Тин

1505727806@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Харбинского научно-технического университета

Харбин, Китай

Караджев В.И.

VIKaradzhev@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Символика цвета в русских и китайских паремиях (лингвокультурологический аспект)

Ключевые слова: лингвокультурология, паремия, цветообозначение, символика цвета, белый.

Аннотация. В данной работе анализируются национально-специфические особенности и символическое значение слова «белый» в составе паремиологических единиц русского и китайского языков. Белый цвет широко используется в составе паремий русского и китайского языков, объем значений прилагательного «белый», символика и ассоциативные связи в двух языках не совпадают, что вызывает трудности в межкультурной коммуникации.

Wang Ting

Karadzhev B.I.

Color symbolism in russian and chinese paremias (linguistic and cultural aspect)

Keywords: cultural linguistics, paremia, color designation, color symbolism, white.

Abstract. The article is devoted to nationally specific features and symbolic meaning of the word «white» in the paremiological units of the Russian and Chinese languages. White is widely used in the paremias of the Russian and Chinese languages, the scope of meanings of the adjective «white», the symbolism and associative links in the two languages do not coincide, which causes difficulties in intercultural communication.

Цветовая картина мира, связанная с восприятием и символикой цвета того или иного этноса, различна у разных народов, так же как и картина

мира в целом. Помимо универсальных черт в системе цветообозначения, обусловленных общностью происхождения и единообразием ментальных процессов, у разных народов отмечается различное отношение к тому или иному цвету, зафиксированное во вторичных номинациях, устойчивых сравнениях, паремиологических единицах в силу их способности аккумулировать социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию национального характера.

Паремиологические единицы с цветовым компонентом служат важным средством выражения национального менталитета. Коннотации этнокультурного и социального планов проявляются в цветовых предпочтениях каждого народа, несмотря на наличие универсальности цветового символизма в разных культурах. Лексемы, обозначающие цвет, в составе устойчивых выражений выступают, в основном, в роли адъективного компонента, мотивируя образную семантику паремий в целом. Цвет становится в них главным когнитивно-оценочным признаком. Для сравнительного анализа мы взяли языки разных систем: русский и китайский, чтобы ярче продемонстрировать общность и специфику восприятия цвета разными народами.

Предметом исследования данной работы являются пословицы русского и китайского языков с цветовым компонентом «белый». Белый цвет является одним из наиболее употребительных в составе паремий русского и китайского языков. Объём значений прилагательного белый в двух языках не совпадает: семи значениям слова «белый», представленных в Словаре русского языка [9], противопоставлены десять значений в китайском языке. Три значения слова «белый» совпадают в двух языках: ‘очень светлый’, ‘чистый’ и ‘контрреволюционный’. Четыре значения слова, зафиксированные русскими словарями, имеют национально-специфический характер и являются лакунарными по отношению к китайскому языку; шесть значений слова белый, отмеченные китайскими толковыми словарями, являются лакунарными по отношению к русскому языку.

В значении ‘цвет снега, молока, мела’ прилагательное «белый» используется в следующих пословицах: *Бурлак что сиротинка: когда белая рубашка, тогда и праздник; И белый песок в грязи чернеет; Рубашка беленька, да душа черненька; Черная корова, да белое молочко даёт; Черная собака, белая собака – а все один пес* [3].

Чаще всего в составе пословиц слово «белый» и его дериваты реализуются в значении ‘чистый’: *Мойся, хоть кожу сотри, а белее воды не будешь; Мыло серо, да моет бело; Кругла, бела, как мытая репка; Мойся беленько – гости близенько.*

В составе паремий у прилагательного «белый» наряду со значением ‘чистый’ имеется и значение ‘красивый’, не зафиксированное толковыми словарями русского языка: *Мила не бела, да я и сам не красен; Кто кому*

52 | миленок, и не умыт – беленок; И личиком бела, и с очей весела; Всего милее, у кого жена всех белее; Мило не мыло, а беленькое личико.

У каждого народа за цветом закреплено какое-либо символическое значение. К несопадающим символическим значениям относятся: в русском языке белый – это праздник, свадебное платье, цветения садов; в китайском языке белый – это похороны и траур. Выражение «быть в трауре» в китайском языке звучит как «надеть белое» [7, 96].

В русском языке словосочетание *белые руки* обозначает лентяя: *Белые руки труды не любят; Белые руки чужие труды любят; Не береги ручки белы, а береги совесть чисту*. В китайском языке существует пословица: *白手拿白鱼* *Белыми руками взять белую рыбу*, где *белые руки* – символ честного, неподкупного человека, что в русском языке передаётся значением фразеологизма *чистые руки*. В русской лингвокультуре белый цвет – один из основных элементов цветовой символики, противопоставленный, прежде всего, черному и красному цвету, что находит свое материальное отражение в значениях: 1) светлый; 2) хороший; 3) мужской; 4) живой; 5) молодой; 6) ясный; 7) счастливый; 8) здоровый; 9) работающий [5, 151–154].

В.П. Бутромеев отмечает, что белый цвет у древних славян был траурным цветом, но потом стал восприниматься как символ чистоты. Белый цвет – это и цвет солнца, и серебра, и здорового тела. Но в то же время белый цвет был и цветом привидений, и бестелесных духов, и, наконец, это цвет уходящей из тела души [2, 148].

Представление о «царстве тьмы» как о загробном мире, противопоставленном «белому свету», характерно для всех славянских народов. Белый свет – наш, «этот» свет, и он противопоставлен «тому», не белому цвету, как день – ночи. Белый свет, как и белый день, мотивирован признаком ‘ясный, светлый, чистый’ [5, 152], что находит своё отражение в паремиях русского языка: *Белый свет на волю дан; Белый свет не околица (не огорожен), а пустая речь не пословица; Дружка нет: не мил и белый свет; Замуж выйти – расстаться с белым светом; Красное солнышко на белом свете чёрную землю греет; Свет бел, да люди чёрны; Деньга про белый день, деньга про красный день да деньга про чёрный день*.

Белый цвет используется и в государственной символике России: верхняя полоса государственного флага – белая, она символизирует мир, чистоту, непорочность, невинность. Символика белого цвета в китайской лингвокультуре этого значения не имеет. «Цветовые слова китайского языка развили, в сравнении с русским, необычайно широкий круг коннотативных переносных значений, что объясняется приверженностью Востока к символике цвета» [6, 16]. В китайской лингвокультуре белый – это цвет, символически связанный со старостью, осенью, увяданием, т.е. завершением цикла и выходом за грань мира [там же]. Поэтому белый цвет в одежде означает траур, и подчеркивает

значение предметов как связанных с похоронами. Однако данные символические значения в составе китайских паремий не зафиксированы. Наоборот, в китайских пословицах белый цвет ассоциируется со здоровьем: 白痰轻, 绿痰重, 吐了黄痰要了命 *Белый плевок легкий; зеленый плевок серьезный. Плевать желтым плевком до смерти.* Значение: если человек плюет желтым плевком, он скоро умрет. Белый – это символ здоровья.

Белый цвет в китайских паремиях может быть обозначением высокого происхождения, символом чистоты и успеха, истины и добра: 白的易黑, 黑的难白 *Белый легко чернеет, черный трудно белеет.* Значение: белый – добрый; черный – злой. Кто-то легко может стать плохим, если в будущем он захочет быть добрыми, то этого будет очень трудно добиться. Белый – символ истины, добра.

Мировидение, отраженное в паремиях при помощи цвета, характеризуется отношениями оппозиции. Данное положение получает свое подтверждение на материале паремий русского и китайского языков. Так, в русских пословицах противопоставлены:

а) белый – черный: *Рубашка беленька, да душа черненька; Земелька черная, а хлебец белый родит; Из черного не сделаешь белого; Любовь может и слепа быть – черное за белое почитает;*

б) белый – черный – красный: *Красное солнышко на белом свете черную землю греет; Весна красна – лето красное, зима бела – осень черная; Деньга про белый день, деньга про красный день да деньга про черный день.*

В паремиях китайского языка встречается противопоставление: а) белый – черный: (白的易黑, 黑的难白 *Белый легко чернеет, черный трудно белеет;* 不分青红皂白 *Не уметь отличить черное от белого;* 白鸡窝里拿不出黑蛋来 *В курятнике у белой курицы, нельзя взять черное яйцо;* 白纸黑字, 神力难移 *На белой бумаге написаны черные слова / черным по белому написано;* б) белый – красный: 红口白牙跑舌头 *Белые зубы, красный бег языка;* 白豆腐说成红猪血 *Белый тофу подчеркивает красную кровь;* 白萝卜扎刀子 – 不出血的东西 *Белый нож воткну, а красный вынул;* белый – зеленый: 小葱拌豆腐, 一青二白. *Зеленый лук пополам с соевым творогом один зеленый, другой – белый;* 白痰轻, 绿痰重, 吐了黄痰要了命 *Белый плевок легкий; зеленый плевок серьезный.*

В составе русских паремий нам не удалось обнаружить оппозицию белый – зеленый, в составе китайских паремий не встречается тройная оппозиция белый – черный – красный, что связано с особенностями мировидения носителями двух лингвокультур.

Выявление особенностей семантики, национально-культурной маркированности паремий с цветовым компонентом позволит в наглядной форме представить универсальное и национально-специфичное на уровне символов двух культур, и определить некоторые специфические черты русской и китайской ментальности.

Литература

1. Абыякая О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического писания. Дис... канд. филол. наук. – С-Пб., 2003. – 240 с.
2. Бутромеев В.П. Мифы и легенды древних славян / В.П. Бутромеев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 448 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Рус. яз. Медиа, 2004. – 814 с.
4. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике: Учебник / Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
5. СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1–3. – М., 1995, 1999, 2004.
6. Чэнь Си. Переносные значения слов-цветообозначений в устойчивых сочетаниях китайского языка в сопоставлении с русским языком. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1991. – 26 с.
7. Шевчук О.П. Цветообозначения китайского языка, их особенности и национально-культурная специфика. Дис. ... канд. филол. наук. – Уссурийск, 2004. – 159 с.
8. 禾木, 中华谚语词典, 上海人民出版社, 2004.
9. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Ван Цзыцзюнь

wzjcrystal@hotmail.com

магистрант-стажер

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

магистрант Фуданьского университета

Шанхай, Китай

Кабанкова Ю.Ю.

JUKabankova@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Анализ прагматических функций дискурсивных слов с использованием ресурсов Национального корпуса русского языка на примере слов «кажется» и «наверное» в исследованиях китайских русистов

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, дискурсивные слова, прагматическая функция.

Аннотация. Данная работа посвящена изучению возможностей использования НКРЯ для анализа прагматических функций слов «кажется» и «наверное» на уровне дискурса, основываясь на реальных примерах корпусов, с целью расширения и дополнения исследований дискурсивных слов, проводимых в традиционных грамматических рамках.

Wang Zijun

Kabankova Ju.Ju.

Analysis of pragmatic functions of discursive words using the resources of the Russian National Corpus on the example of words “кажется” and “наверное” in the Chinese scholars» researches

Keywords: Russian National Corpus, discursive words, pragmatic function.

Abstract. The article aims to study the pragmatic functions of the words “кажется” and “наверное” at the discourse level by using Russian National Corpus. Based on real examples of corpus, we may expand and complement the studies of discursive words fulfilled in the traditional grammatical framework.

Появление корпусов открыло новый мир для современных исследований в области лингвистики. Корпусы активно развиваются уже несколько десятилетий благодаря своим мощным резервным возможностям, а также благодаря разработке систем удобного и быстрого поиска данных. Важнейшая роль корпусов состоит в том, что с их помощью может осуществляться быстрый поиск и обеспечивается поддержка огромного массива текстовых данных для исследований.

Крупнейший российский корпус – Национальный корпус русского языка – был официально открыт в 2004 году и с тех пор быстро развивается. Необходимо отметить, что русскоязычные корпуса обладают преимуществами широкого выбора текстов, большого объема лингвистической информации, широкого представления тематики и комплексного дизайна поиска.

Можно сказать, что использование корпусов при изучении языковых явлений в различных областях помогает нам объективно, всесторонне и количественно анализировать язык, а также исследовать вопросы языкового употребления, тем самым способствуя прогрессу и развитию различных сфер лингвистической науки.

НКРЯ с его богатыми корпусными ресурсами и возможностями поиска текстов, приближенных к реальности употребления языка, а также точного отбора доступной информации и получения конкретных текстовых данных стал источником материала для нашего исследования дискурсивных слов и их прагматических функций. Приведем пример некоторых данных из нашего исследования, подчеркивающий обширность доступного в НКРЯ материала. При поиске по слову «кажется» мы обнаружили в общей сложности 119 203 документа, содержащих 288 727 494 слова. После ограничения по части речи было найдено 17 130 документов, которые появлялись 97 626 раз.

Определение «дискурсивные слова» было введено в область русской семантики в 1980-х годах, его смысл сводился к тому, что вводные слова, частицы, междометия, наречия, местоимения и структуры предлога интегрировались на основе их функции. Их общая семантическая особенность заключается в том, что они не участвуют в описании контекста, выраженного предложением, а лишь описывают отношения между контекстом и фактом или отношения между определенными элементами в дискурсе.

С целью расширения и дополнения исследований дискурсивных слов, проводимых в традиционных грамматических рамках, мы в своей работе анализируем прагматические функции слов «кажется» и «наверное» на уровне дискурса с реальными примерами корпуса, основываясь на данных НКРЯ.

Дискурсивные слова «кажется» и «наверное», описываемые в нашем исследовании, с точки зрения достоверности указывают на неуверенность говорящего в отношении соответствия содержания диалога реальности. В словаре русского языка С.И. Ожегова слово «кажется» определяется как вводное

слово, которое имеет то же значение, что и слова «вероятно, по-видимому, наверное» или «ведь, же». Человек добавляет данные слова к предложению утверждения, когда он не полностью уверен в подлинности содержания. Оба слова имеют общий «скрытый» смысл, а именно «неуверенность», но их значения и прагматические функции несколько отличаются. Проиллюстрируем это некоторыми примерами.

В ванной страшно гудела вода и в кухне тоже. «Кажется, уже полилось на пол», – подумала Маргарита и добавила вслух: – «Однако расслаживаться нечего». Из кухни в коридор уже бежал поток. [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]. Прагматическая функция слова «кажется» в данном примере заключается в формировании источника дискурса. Предложение основано на собственном опыте и знаниях говорящего. Услышав звук льющейся воды, говорящий на данном основании делает вывод, что вода может быть на полу, и, не имея полной уверенности в этом, принимает решение о том, что нужно уходить.

То, что он говорил, посмеиваясь, в виде шутки – «Дети мои, следуйте трамвайному правилу – не высовывайтесь!» – было не просто балагурством. Тут была потайная мудрость, которую он исподволь, застенчиво и как бы бессознательно пытался внушать. Но для чего не высовываться? Кажется, ему представлялось это важным само по себе. [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]. В данном примере мы наблюдаем функцию сокрытия реальности дискурса. Говорящий использует слово «кажется», так как, имея определенное отношение к «известному», он по тем или иным причинам – из-за статуса или своего отношения к человеку в общении – не прямо утверждает «известное», а передает информацию с некоторой долей неопределенности, обозначая в предложении, что якобы не вполне уверен в своем утверждении.

Неуверенность, выраженная словом «наверное», в речевых действиях часто связана с гипотезами. Говорящий проверяет гипотезу, сообщая свое предположение адресату, чтобы получить подтверждение достоверности гипотетического содержания.

Вы же не можете жить одни до зимы, правда? У вас ведь и денег нет, наверное? Тетка что-то еще говорила и говорила. Но у меня вдруг так зашумело в ушах, что я перестала ее слышать. [Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)]. Здесь употребление слова «наверное» обусловлено прагматической функцией проверки и подтверждения факта. Говорящий сверяет информацию с адресатом, так как он не совсем уверен в ее правильности и хочет подтвердить или изменить свою гипотезу.

Слово «наверное» также может иметь прагматическую функцию побуждения и пожелания в устном или, как в приведенном ниже примере, имитирующем устное дисплейном общении. С тоном неопределенности в голосе говорящий придерживается принципа вежливости и выражает

58 | свою просьбу адресату не прямо, а эвфемистическим образом давая понять о своем желании.

*Возможно, именно она помогает им узнать друг друга и, **наверное**, подружиться. Теперь мы знаем, почему выигрывают американские Янки.* [Коллективный источник. Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006–2011)]. Говорящий использует слово «наверное», отправляя импульсивный запрос адресату, чтобы побудить адресата отреагировать, дать отзыв, сделать комментарии. Он надеется, что адресат предпримет определенные действия в речевом общении и даст некоторую обратную связь.

В заключение хотелось бы отметить, что на примере дискурсивных слов «кажется» и «наверное» мы увидели, что они не влияют на реальное содержание предложения, в состав которого входят, но их прагматические функции в реализации речевых актов нельзя игнорировать, прагматическая функция слова «трансформируется в зависимости от контекста» [1, с. 180]. Употребляя различные дискурсивные слова с учетом их прагматических функций, говорящий может выражать определенные «скрытые смыслы» и применять те или иные стратегии в диалоге, чтобы общение протекало гладко и таким образом улучшалась приемлемость дискурса.

Литература

1. Макарова А.А. Контекст как первопричина трансформации смысловой структуры термина экономики// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. – С. 180–183.
2. Москович В.А. Статистика и семантика. – М.: Наука, 1969. – 265 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.12.2019)
4. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/>
5. 何兆熊. 语用学概要[M]. 上海外语教育出版社, 1989
6. 何自然. 语用学概论[M]. 湖南教育出版社, 1987
7. 何自然, 冉永平. 话语联系语的语用制约性[J]. 外语教学与研究, 1999(03):1–8.
8. 王臻. 俄语语料库语言学研究现状与瞻望[J]. 中国俄语教学, 2007(02): 44–47.
9. 许宏. 俄语“不确信”话语词的语义和语用分析[J]. 语言学研究, 2015(07): 36–41, 62.

Ван Шуцзе

395554593@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Китайского университета коммуникаций

Пекин, Китай

Андреева Н.В.

NVAndreeva@pushkin.institute

канд. пед. наук, старший преподаватель

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Орнитонимы в русском и китайском языках в лингвокультурологическом аспекте

Ключевые слова: орнитонимы, коннотация, фразеологизмы, лингвокультурология.

Аннотация. Статья посвящена компаративному анализу пословиц, фразеологизмов и других устойчивых оборотов с компонентами-орнитонимами в русском и китайском языках. Авторы исследуют культурологический аспект, отраженный в языковом материале, на примере логоэпистем «сорока», «ворона», «кукушка» и «журавль».

Wang Shujie

Andreeva N.V.

Russian and Chinese ornithonyms from the linguocultural perspective

Keywords: ornithonyms, connotation, phraseological units, linguoculturology.

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of proverbs and phraseological units with ornithonyms in Russian and Chinese languages. The authors explore the cultural aspect reflected in the linguistic material, using the concepts «magpie», «crow», «cuckoo» and «crane» as an example.

Культура народа может отражаться в языке через наделение одних и тех же реалий окружающего мира разными символическими значениями. Для исследования мы отобрали ряд ключевых для русского и китайского языков орнитонимов – названий птиц. Среди прочих методов мы использовали корпусную лингвистику в подтверждение частотности употребления выражений с орнитонимами в русском языке.

В русской картине мира орнитоним *сорока* имеет несколько символических значений. В широко употребляемых фразеологических единицах со-

рока может символизировать болтливость человека, распространение им сплетен, раскрытие тайной информации без предоставления доказательств и при нежелании называть источник информации (например, фразеологизм «сорока на хвосте принесла» – 21 упоминание в национальном корпусе русского языка, далее – НКРЯ). Образ сороки связан и с более негативным переносным значением – недовольство и надоедливость. Такое значение встречается, например, в иносказательном выражении «Заладила сорока Якова, про одного-про всякого» (8 упоминаний в НКРЯ), а также проявляется в частотном использовании сравнительного оборота «как сорока» (71 упоминание в НКРЯ): «заладил как сорока», «трещит как сорока», «да что ты как сорока!» и т.д. Таким образом, можно говорить о том, что в русской культуре орнитоним «сорока» имеет скорее негативную коннотацию и связан с отрицательными характеристиками человека [1].

В китайской культуре, напротив, сорока – символ позитивных перемен, счастья и везения. Это значение можно выявить, проанализировав в лингвокультурологическом аспекте приметы и легенды китайской культуры. Одна из примет гласит: «Если сорока кричит, то жди счастья» (喜鹊叫, 喜事到). Героям китайского предания – влюбленным друг в друга и разлученным Волопасу и Ткачихе – сороки раз в год помогают встретиться на «мосту», соединяя для них Млечный путь. Из этой легенды в китайский язык пришло устойчивое выражение «встреча на мосту, который построен сороками» (鹊桥相会), означающее встречу влюбленных после долгой разлуки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что коннотации орнитонима «сорока» в русском и китайском языках противоположны: негативная в русском, позитивная – в китайском.

Орнитонимы *ворон* и *ворона* в русском и китайском языках имеют как сходные коннотации, так и различные. Прежде всего необходимо отметить, что в русском языке различаются символические значения «вóрона» и «ворóны», а в китайском такой разницы нет. В русском языке ворона – символ рассеянности, небрежности, бездействия («ворон считать» – 22 упоминания в НКРЯ в разных грамматических формах). Кроме того, образ вороны может символизировать самовлюбленного, но пустого человека, пытающегося казаться более значительным, важным: «ворона в павлиньих перьях» – 12 упоминаний в НКРЯ). Коннотация фразеологизма «белая ворона» (59 упоминаний в НКРЯ) – человек, отличающийся от других, – традиционно была негативной, поскольку отражала коллективистские ценности русской культуры. Однако стоит отметить, что в последнее время такая коннотация неустойчива и вместе с изменением ценностей под влиянием глобализации все больше трансформируется в позитивную (яркая, выдающаяся личность). Негативное значение в большей степени сохраняется во фразеологизме «ни пава ни ворона» (8 упоминаний в НКРЯ), обозначающем человека, не

примкнувшего по своим взглядам и ценностям ни к одной, ни к другой из противоположных групп. Образ вороны в русском языке используется и для выражения страха, трусости, имеющей под собой основания: фразеологизм «пуганая ворона», пословица «Пуганая ворона и куста боится» (33 упоминания в НКРЯ суммарно). Ворон же в русской культуре чаще всего ассоциируется с нечистой силой, смертью, опасностью, угрозой («Вороны слетелись на падаль», «ворон кружит»).

В китайском языке орнитоним «ворон / ворона» также может символизировать смерть и несчастье: «Если ворона кричит, то жди беды» (老鸦叫, 祸事到). Однако помимо этого у образа ворона / вороны есть и другие отрицательные смыслы: фразеологизм «вороний рот» (乌鸦嘴) используется для обозначения человека, чьи негативные предсказания сбываются (схоже с русским «Накаркал!»), а пословица «Все вороны в мире одинаково черные» (天下乌鸦一般黑) подразумевает, что эксплуататоры и угнетатели одинаково плохи, где бы они ни находились.

Таким образом, орнитонимы «ворон» и «ворона» имеют негативные коннотации как в русском, так и в китайском языке, но их семантика частично совпадает, а частично различается.

Орнитоним *кукушка* в русском языке имеет негативную окраску. Кукушка может символизировать лицемерие и лесть: «Кукушка хвалит петуха (за то, что хвалит он кукушку)» (7 упоминаний в НКРЯ). Помимо этого, образ кукушки тесно связан с отрицательным женским образом и может использоваться для выражения соперничества («Ночная кукушка дневную всегда перекукует» – 15 упоминаний в НКРЯ) или обозначения плохой матери («Не мать, а кукушка!» – 3 упоминания в НКРЯ). В русской примете «Сколько раз кукушка прокукует, столько лет мне (тебе) жить осталось» также отражен скорее негативный смысл, поскольку кукушка редко кукует много раз подряд.

В китайском же языке кукушка – символ урожая. Китайская пословица гласит: «Кукушка кукует – пора убирать пшеницу и сеять рис-зерно!» (布谷布谷, 割麦种谷!).

Можно сделать вывод, что русский орнитоним «кукушка» имеет отрицательные коннотации, в то время как китайский – положительные.

Различными коннотациями обладает и орнитоним *журавль* в русском и китайском языках. В России он символизирует нечто недостижимое, несбыточную мечту: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» (33 упоминания в НКРЯ).

В Китае же «журавль» используется для положительной характеристики человека. Фразеологизм «журавль стоит в куриной стае» (鹤立鸡群) употребляется для обозначения человека заметного и выдающегося по внешности или способностям. Устойчивое выражение «плывущие облака и дикий журавль» (闲云野鹤) говорится о свободном, беззаботном человеке, своего

62 | рода отшельники, не связанном обязательствами. Одно из наиболее важных символических значений орнитонима «журавль» – долголетие. О долгожителях говорят: [у них] «возраст черепах и журавлей» (龟年鹤寿), так как, по легенде, журавль может жить более тысячи лет.

Таким образом, коннотации орнитонимов в русском и китайском языках нередко различаются, часто их относительно устойчивое значение трансформируется, так как «коммуникативно-прагматический потенциал» национально-специфических единиц «раскрывается только в рамках коммуникативной деятельности» [2, с.13], что необходимо учитывать при межкультурной коммуникации и в обучении русскому как иностранному.

Литература

1. Зиновьева Е.И. Орнитоним сорока в русском языке и культуре: универсальное и национально-специфичное // Мир русского слова. № 4. – СПб., 2012. – С. 82–86.
2. Караджев Б.И. Интенциональные значения пословиц с предикатом-императивом // Вестник ЦМО МГУ. – 2011. № 3. – С. 13–19.
3. Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html>
4. Словари и энциклопедии «Академик» <https://dic.academic.ru/>

Ву Фыонг Тхао
vupthao@gmail.com
магистрант

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Персиянова С.Г.
SGPersyanova@pushkin.institute
канд. филол. наук,

декан факультета обучения русскому языку как иностранному,
доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Обучение вьетнамских студентов использованию русских фразеологизмов со значением «Человек и его тело» (уровень В1–В2)

Ключевые слова: русский язык, фразеологизм, обучение, сопоставительный анализ.

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс обучения русским фразеологизмам вьетнамских учащихся, представлен сопоставительный анализ русских и вьетнамских фразеологизмов со значением «Человек и его тело».

Vu Phuong Thao
Persyanova S.G.

Teaching Russian phraseologies with the meaning of “Human body” to Vietnamese learners (level B1–B2)

Keywords: Russian language, phraseology, teaching, comparative studies.

Abstract. The article considers the process of teaching Russian phraseologies to Vietnamese learners. It presents a comparative analysis of Russian and Vietnamese phraseologies with the meaning of «Human body».

1 Языковые единицы – это единицы языка в виде звуков, морфем, слов, словосочетаний, предложений. К ним относятся слово, словосочетание (свободное и несвободное), предложение и др. Несвободные словосочетания, имеющие одно неделимое значение, называются фразеологизмами. Они являются достаточно употребительной частью лексического состава русского языка. Знание фразеологизмов с разными значениями, которые связаны с человеком и культурой, и умение их употреблять во многих ситуациях не

64 | только делает речь иностранных учащихся более живой, эмоциональной, но и улучшает их коммуникативные навыки.

2. Полноценная коммуникация иностранных учащихся на русском языке, правильное понимание художественных и публицистических текстов становится затруднительным без знания наиболее употребительных фразеологических оборотов. Обучение вьетнамских студентов использованию русских фразеологизмов требует определенных методических подходов, так как в этих фразеологизмах иногда отражены противоположные черты культуры, обычаев, традиций и быта двух народов. «Одним из важнейших практических вопросов современной методики преподавания РКИ являются особенности организации учебного материала, учитывающие объективные причины, препятствующие успешному овладению русским языком» [4, с. 62], среди которых и разница в языковой картине мира.

3. Названия частей тела являются одними из наиболее часто участвующих слов в образовании фразеологизмов. Используя их в переносном значении, люди более полно передают свои мысли и чувства. Сравнительный анализ некоторых русских и вьетнамских фразеологизмов со значением «человек и его тело» показывает разницу в значениях данного типа фразеологизмов в русском и вьетнамском языках.

4. Самыми частотными во фразеологизмах являются следующие компоненты: *голова, рука, зуб, язык, ухо, глаза*.

Рассмотрим сначала фразеологизмы с компонентом «голова». Нетрудно заметить, что во фразеологизмах русского и вьетнамского языков компонент «голова» всегда занимает первое место, так как он самая важная часть человеческого тела. Компонент «голова» в русском и вьетнамском фразеологизмах часто выражает ум, мышление и память человека. Приведем примеры некоторых таких пар: *высоко держать голову* и *ngẩng cao đầu* (т.е. быть независимым и гордым); *осмотреть с головы до ног* и *soi kĩ từ đầu đến chân* (т.е. всего, тщательно, внимательно осмотреть); *голова пройдет, то хвост тоже может* и *đầu xuôi đuôi lọt* (т.е. если работа начинается хорошо, выгодно, то и далее всё будет гладко); *как снег на голову* и *từ trên trời rơi xuống* (т.е. неожиданно); *ломать голову над задачей* и *nghĩ nát óc* (т.е. напряженно думать). Некоторые русские фразеологизмы имеют во вьетнамском языке полные эквиваленты – это фразеологизмы, которые не только основаны на одном и том же образе, но и часто имеющие одинаковый лексический состав (см. первые три фразеологизма). Другие русские фразеологизмы имеют во вьетнамском языке неполные эквиваленты – это фразеологизмы, не полностью идентичные по своей образности, но совпадающие по значению и экспрессивности (см. два последних фразеологизма).

5. Далее рассмотрим фразеологизмы с компонентом «рука» и «язык». Слово «язык» в русских и вьетнамских фразеологизмах встречается как намек

на речевую деятельность, а рука с древнейших времен была орудием труда человека. Приведем такие примеры, как: *золотые руки и đôi bàn tay vàng* (т.е. кто-либо умело, искусно всё делает, справляется с любой работой); *язык без костей и lưỡi không xương trăm đường lắt léo* (т.е. кто-либо очень разговорчив, не в меру, болтлив, говорит глупости); *ноги носят, а руки кормят и tay làm, hàm nhai – tay quai miệng trề* (т.е. нужно потрудиться, чтобы хорошо жить); *найми общий язык и tìm tiếng nói chung* (т.е. достигнуть взаимопонимания); *на языке медок, а на сердце ледок и khẩu Phật tâm xà* (т.е. кто-либо двуличный, лживый; несмотря на то, что он говорит тебе красивые речи, льстивые слова, хвалит, думает он на самом деле другое, недоброе). В данном случае некоторые русские фразеологизмы имеют во вьетнамском языке полные эквиваленты (первые два фразеологизма), а некоторые – неполные эквиваленты (последние три фразеологизма).

6. Таким образом, обучая иностранных студентов русской фразеологии, преподаватель должен понимать возможные трудности, проблемы и использовать соответствующие типы упражнений и заданий. Преподаватель может на уроке показать рисунки со значением фразеологизмов или предложить игровые задания по этой теме, чтобы студенты могли легче запомнили фразеологизмы и их значения.

Литература

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Ву Тхань Там. Изучение русской фразеологии во вьетнамской аудитории // Русский язык за рубежом: Вьетнамская русистика. 2017. – № 23. – С. 40–45.
3. Нгуен Тхи Тхует. Система методических заданий при обучении русской фразеологии во вьетнамской аудитории // Сборник тезисов Международной студенческой научно-практической конференции «В мире русского языка и русской культуры». – М., 2019. – С. 166–168.
4. Шантурова Г.А. Особенности организации учебного процесса в этноориентированной программе РКИ// Межпредметные связи в период стажировки иностранных студентов-филологов в государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 2020. – С. 62–67.

Вэн Цзыся

1041459549@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина,

Москва, Россия

студент университета им. Сунь Ятсена,

Гуанчжоу, Китай

Бабенко А.В.

AVBabenko@pushkin.institute

ассистент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Языки национальных меньшинств в процессе развития и глобализации России

Ключевые слова: русский язык, национальный язык, татарский язык, нацменьшинство.

Аннотация. В статье рассматривается ситуация развития языков нацменьшинств на примере полученных результатов массового опроса, проведенного в Казанском университете в декабре 2019 г.

Weng Zixia

Babenko A.V.

Languages of national minorities in the process of development and globalization of Russia

Keywords: Russian language, national languages, Tatar language, national minority

Abstract. The article examines the situation of the development of languages of national minorities using the results of a mass survey conducted at Kazan University in December 2019 as an example.

На сегодняшний день в мире насчитывается более 6500 языков. По исследованию ученых, каждые две недели один язык исчезает окончательно, и, возможно, через 200 лет 80% из них будут обречены на исчезновение. Россия – это многонациональная и многоязычная страна, на территории которой всего 174 языка, но в соответствии с цифрами, опубликованными на сайте ЮНЕСКО, 136 из них находятся на грани исчезновения, а 20 из которых уже считаются вымершими. Такие цифры свидетельствуют о том, что стало необходимо, способствуя распространению русского языка, в то же

время защищать языки национальных меньшинств и тем самым сохранять разнообразие культуры.

Национальный язык важен для нацменьшинства, так как уважение к их языкам в большей степени обозначает признание их положения в стране. В последние десятилетия уделяется внимание развитию национальных языков на всей территории РФ. Закон «О языках народов РФ», в соответствии с Конституцией Российской Федерации, направлен на создание условий для сохранения равноправного и самобытного развития языков, поскольку считается, что языки народов РФ – национальное достояние Российского государства. Также проводятся различные мероприятия и программы, направленные на усиление защиты и исследования языков меньшинств.

Однако русский язык как первый язык государства является приоритетным на всей территории России. В данной связи, чтобы лучше узнать об уровне владения национальным и русским языками нацменьшинства, о частоте использования этих двух языков в разных жизненных сферах, в декабре 2019 года в Республике Татарстан нами был проведен массовый опрос, в котором участвовали 100 студентов татарской национальности Казанского университета. Полученный результат таков.

Уровень владения русским и татарским языками опрошенных.

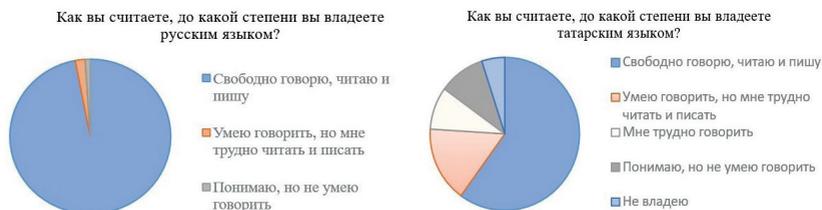

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Из полученных результатов опроса мы узнали, что 97% студентов татарской национальности прекрасно владеют русским языком, однако лишь 60% из них считают, что свободно говорят, читают и пишут на своём родном языке. Среди опрошенных нет тех, кто абсолютно не владеет русским языком, но 5% молодых людей ответили, что они не имеют ни малейшего представления о татарском языке.

Полученные данные обусловлены следующими факторами. Во-первых, по мере развития глобализации постепенно выявляются преимущества русского языка и ряда основных языков в мире, таких как английский язык, французский язык, китайский язык и испанский язык. 13% опрошенных изучают ещё один иностранный язык, кроме русского и татарского языков. Во-вторых, данные опроса показали, что, используя свое свободное время, значительное количество людей изучают популярные на сегодняшний день языки, чтобы

иметь возможность поступить в престижные университеты, и в дальнейшем найти высокооплачиваемую работу. Отвечая на вопрос «какой язык полезен для вас в дальнейшей работе и жизни?», 95% респондентов выбирают русский язык. В-третьих, стоит отметить, что происхождение опрошенных влияет на полученные результаты. Всего 82% наших респондентов родом из городов, где промышленность развивается быстрее и национальный язык находится под угрозой модернизации, хотя возможно языки нацменьшинств в сельской местности сохраняются лучше.

Язык может выжить только в том случае, если он является языком общения. Однако, к сожалению, по отношению к частоте использования татарского языка в повседневной жизни, только 56% респондентов выбрали «часто», 16% из них принадлежат к группе «совсем не пользуюсь». Такой результат демонстрирует то, что во многих семьях у старшего поколения нет высокой мотивации для обучения младшего поколения своему родному языку. Таким образом, можно сказать, что Россия в большей степени является одноязычной страной, поскольку многие языковые меньшинства становятся русскоязычными. На это повлияла политика (например, в законопроекте о школьном образовании обязательным является русский язык и заметно снизилось количество часов на изучение языков меньшинств), а также отношение к языкам меньшинств как к «чему-то провинциальному».

Первые шаги по улучшению данной ситуации уже сделаны. Депутатом Госдумы Ильдаром Гильмутдиновым внесен законопроект о том, что школьникам Республики Татарстан разрешат сдавать ЕГЭ на родном татарском языке, в Республике Крым осуществляют свою работу отдельные телеканалы языков меньшинств, выпускается пресса на языках этнических меньшинств.

Разнообразие языков и культур – это ценное богатство одной страны, важно прилагать усилия к обеспечению существования и развития национальных языков, чтобы найти баланс между русским языком и национальными языками меньшинств.

Литература

1. Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф. Языковая политика Республики Татарстан (1990–2000-е гг.) // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сб. очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. – 236 с.

2. Опрос: Сколько языков во всем мире? ПостНаука. 2018 г. https://yandex.ru/q/question/travel/pochemu_v_raznykh_stranakh_govoriat_na_f73f95c9/

*Гао Гэ**gaoge1204@163.com**студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия**студент Даляньского университета иностранных языков**Далянь, Китай**Андреева Н.В.**NVAndreeva@pushkin.institute**канд. пед. наук, старший преподаватель**Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия*

Компаративный анализ образов Бабы-Яги и персонажей китайской мифологии

Ключевые слова: Баба-Яга, китайская мифология, русские сказки, компаративный анализ.

Аннотация. Статья посвящена компаративному анализу образов ряда персонажей китайской мифологии и персонажа волшебных русских сказок – Бабы-Яги. В исследовании изучаются сходства и различия между образами Бабы-Яги и образами богини земли Нюйвы, бога подземного царства Ямараджи и представителями нечистой силы в китайской мифологии.

*Gao Ge**N.V. Andreeva*

Comparative analysis of the Russian Baba Yaga and characters of Chinese mythology

Keywords: Baba Yaga, Chinese mythology, Russian fairy tales, comparative analysis.

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of several characters in Chinese mythology and the character of magical Russian fairy tales - Baba Yaga. The study explores the similarities and differences between the images of Baba Yaga and the images of the goddess Nyuva, the god Yamaraja and representatives of the evil spirits in Chinese mythology.

Исследователь русского фольклора В.Я. Пропп определяет сказочный образ *Бабы-Яги* как противоречивый, сочетающий в себе три роли: вительницы, дарительницы и похитительницы. С этой точки зрения, можно провести параллель с христианским образом бога, единого в трех ипостасях. Дарительница воплощает идею спасения от беды, помощи сказочным героям.

Воительница испытывает персонажей, чтобы дать им возможность пройти определенный обряд инициации. Похитительница несет в себе идею опасности и власти над персонажами, символизирует разрушительное начало.

В китайском фольклоре и мифологии нет аналогичного образа, который объединял бы в себе все три ипостаси, поэтому рассмотрим нескольких персонажей, имеющих сходство с образом Бабы-Яги.

Нюйва – богиня земли, творец мира, «богиня со змеиным хвостом». Она была дочерью мифического китайского царя Суй-жэнь, научившего свой народ добывать огонь. В китайской мифологии считается, что Нюйва починила небосвод цветным камнем, создала человека по своему подобию и сотворила мир. Эта богиня представляет собой положительного персонажа. Наиболее очевидным сходством между образами Бабы-Яги и Нюйвы является отражение в них черт матриархата. По утверждению В.Я. Проппа, «Баба-Яга символизирует ту стадию развития общества, когда плодородие мыслилось через женщину без участия мужчин. С падением матриархата женщина лишается власти, но с женщиной-матерью-властительницей в мифе происходит иначе: она теряет материнство, но сохраняет его атрибуты: власть над животными, над жизнью и смертью человека» [1, с. 111]. Равным образом, Нюйва тоже символизирует власть матриархата, поскольку именно она сотворила все живое.

Ямараджи (по-китайски Янь-ван) – владелец подземного царства, отвечающий за продолжительность жизни человека. Считается, что первоначально персонаж появился в индуизме, откуда был заимствован в даосизм и буддизм, соединившись с китайским персонажем – владельцем ада. Важно отметить, что в китайской мифологии Ямараджи, будучи владельцем ада, все еще является богом, а не демоном (нечистью), поскольку характеризуется справедливостью, а не злобой. Такое разграничение очень важно для китайской культуры.

Пример нечисти можно найти в одной из четырех «Великих книг Китая» под названием «Путешествие на запад». В ней встречается изображение *оборотня – белого оленя*, который похищает детей и пожирает их сердца, чтобы сохранить молодость и достичь бессмертия. Этот герой выступает в роли похитителя, исходя из чего можно провести параллель с Бабой-Ягой. Однако он не может одновременно дарить героям волшебные средства и спасать им жизнь, поэтому выступает только в одной из трех ипостасей, присущих Бабе-Яге.

Ещё одним различием является обряд поклонения мифическим персонажам. Так, в Китае люди поклоняются Нюйве и Ямараджи, их монастыри широко распространены по всей стране. Китайцы верят, что, совершив преступление, они могут замолить свой грех перед Ямараджи, представляющим собой *охранника царства теней*. Баба-Яга также наделена функцией

охранника царства мертвых, однако у нее не существует последователей, которые пытались бы заслужить ее прощение, несмотря на то что в сказках представлен именно такой сюжет – прошедший обряд инициации герой заслуживает прощения и получает волшебное средство (помощника). Такое различие, по-видимому, связано с божественной природой Ямараджи, а также с ограниченностью и большей конкретикой его функций: если Баба-Яга сочетает в себе три различные ипостаси одновременно, то Ямараджи осуществляет только такие функции, как правосудие и наказание грешников.

Еще одно различие персонажей русского и китайского фольклора и мифологии кроется в использовании героями *волшебных транспортных средств*. Баба-Яга передвигается, летая в ступе, в то время как китайские боги, как правило, передвигаются на волшебных животных: Верховный Достопочтенный Владыка Лао – на черном быке, богиня Сиванму – на девятиглавой черной птице, Чжан Го-лао, один из восьми бессмертных богов, – на осле. Есть и исключения: например, Нэчжа – третий принц лотоса – летает на ветро-огневых колесах.

Также следует сравнить *места жительства* разных героев. В китайской культуре существует принципиальная разница между богами и нечистой силой. Большинство богов живут в раю, и у каждого из них есть свой собственный небесный дворец. *Нечистая сила*, напротив, помещается в пещерах, в оформлении которых учитывается специфика нечисти (например, паутиная пещера). В этом проявляется сходство нечисти в китайской мифологии с русской Бабой-Ягой, которая живёт в избушке на курьих ножках. Эти помещения выглядят пугающе, что подчеркивает их необычность и секретность.

Таким образом, между образами Бабы-Яги и некоторых персонажей китайской мифологии есть определенные сходства: Баба-Яга и Нюйва являются мифическими фигурами, наделенными матриархальными чертами; Баба-Яга и Ямараджи выполняют функцию охранников царства мертвых; Баба-Яга и нечисть в китайской мифологии живут в необычных, ужасающих и приземленных местах, а не на небесах, как боги. Однако существуют и различия: Нюйве и Ямараджи поклоняются в современном Китае, в то время как у Бабы-Яги в России нет последователей; китайские боги передвигаются в основном на волшебных животных, в то время как Баба-Яга – в ступе; образ Бабы-Яги соединяет в себе три ипостаси, в то время как в китайской культуре эти роли разделены между разными персонажами.

Литература

1. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: ЛГУ, 1986. – 512 с.

Феминитивы современного русского языка в медийном дискурсе

Ключевые слова: феминитивы, гендерная лингвистика, языковая асимметрия, медийный дискурс, словообразование.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феминитивов современного русского языка в медийном дискурсе. В статье рассматривается тенденция феминизации номинаций лиц, перечисляются продуктивные словообразовательные модели. Сделаны выводы о языковой трансформации в связи с усиливающейся ролью женщины в обществе.

Gevorgyan M.A.

Feminitives of the modern Russian language in media discourse

Keywords: feminitives, gender linguistics, linguistic asymmetry, media discourse, word formation.

Abstract. The article is devoted to exploration of feminitives in media discourse of modern Russian language. The article deals with the trend of feminization of the categories of persons, lists the word-formation models. The language transformation in connected with the increasing role of women in society.

С появлением гендерной лингвистики параллельно развивается феминистская лингвистика, представители которой критикуют патриархальное сознание в языке [1]. Публицистика наиболее быстро и активно реагирует на события, которые происходят в языке, этим и объясняется тенденция активного использования феминитивов.

Языкознание придерживается андроцентрических начал. Женщины игнорируются языком.

Как известно, феминитивы – это слова женского рода, номинации лица, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода [4].

Феминитивы являются недостаточно исследованным направлением в отечественном языкознании. В России эта тема начала рассматриваться на полвека позже, чем в западных странах, к 90-м годам XX века.

Современное русское медиапространство характеризуется двумя тенденциями феминизации личных имен: актуализацией использования существующих наименований лиц женского пола и появлением новых словообразовательных моделей, по которым образуются феминитивы-неологизмы. Не будем забы-

вать, что «медиапространство – это явление, направленное на воздействие на аудиторию посредством содержания передаваемой информации, а также являющееся механизмом актуализации информации при помощи коммуникативных средств». Гендерное переформатирование общества находит отражение в языке и популяризируется посредством медиа.

Многие феминитивы образуются от существительных мужского рода добавлением суффиксов. Проблемным вопросом является то, что большинство суффиксов имеют стилистическую маркированность, негативную коннотацию, фамильярны (*врачиха, ректорша*), обозначают жену представителя данной профессии (*лифтерша, генеральша*), звучат непривычно (*авторка, режиссерка*). Рассмотрим их подробнее.

По мнению Б. Новицкой, наиболее продуктивным средством образования феминитивов является суффикс -к(а). Примеры: *студент – студентка, юрист – юристка, программист – программистка, журналист – журналистка, автор – авторка*. Он продуктивен и многозначен как в русском, так и в других славянских языках [3, с. 74]. Е.А. Земская утверждает, что суффикс -ка нейтрализует значение «лицо мужского пола» [2, с. 264].

Феминитивы с суффиксом -ниц(а) в большинстве случаев воспринимаются как нормативные. Они образуются от существительных мужского рода на суффикс -тель. Примеры: *учитель – учительница, воспитатель – воспитательница, писатель – писательница, правитель – правительница*. В медиапространстве можно часто увидеть образованное по той же модели выражение пользовательница сети, которое широко используется феминистками. В социальных сетях в обсуждениях можно уследить использование таких слов, как тестировщица, вдохновительница, создательница [ВКонтакте, обсуждение темы].

В разных интернет-источниках одни и те же новости представлены с использованием феминитивов и устоявшихся форм мужского рода. Новость о смерти Татьяны Устиновой представлена следующим образом: «В Канаде скончалась первооткрывательница Долины гейзеров» [Коммерсант, 07.09.09], «Умерла первооткрыватель Долины гейзеров Татьяна Устинова» [Российская газета, 07.09.09].

Российская пресса представляет Розу Паркс как «правозащитницу» [РИА Новости, 27.02.13] и «зачинательницу движения за права чернокожих» [ВикиЧтение].

На странице ТАСС можно встретить оба коррелята в новости об одной и той же женщине: «СМИ: умерла летчица, которая первой в мире преодолела звуковой барьер на МиГ-21», «Биография летчика-испытателя Марины Попович» [ТАСС, 30.11.17].

Использование автором феминитивов зависит от его позиции, убеждений, идентичности, пресуппозиции. В интернет-изданиях наряду с общеприняты-

74 | ми феминитивами (*читательница, жительница, выпускница, пенсионерка*) используются и такие, как волонтерка, фрилансерка, модераторка. В некоторых текстах авторы довольно смело употребляют звучащие непривычно номинации женского рода, что является последствием лингвокогнитивной модернизации.

В современном русском медиапространстве феминизация наименований лиц по социальной и профессиональной принадлежности привела к активному словообразовательному процессу. Возрастающий интерес социолингвистов к изучению гендерных вопросов, способы их образования и активное употребление феминитивов в медиапространстве являются закономерным итогом усиливающейся роли женщины в жизни общества. Гендерное переформатирование общества находит отражение в языке.

Литература

1. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>
2. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 264
3. Новицка Б. Феминитивы с суффиксом -к(а) в новой русской лексике // *Studia rossica posnaniensia*. – Poznan, 2006. – Z. 33 (С. 74).
4. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://a-z-gender.net/feminitivy.html>

Языковая личность русского политика

Ключевые слова: русский язык, языковая личность, политический дискурс, блог-дискурс, политический блогер.

Аннотация. Тезисы посвящены анализу особенностей языковой личности русского политика. На примере текстов блога А. Навального в соответствии с теорией Ю.Н. Караулова отмечены особенности языкового, мировоззренческого, ценностного, культурологического и личностного компонентов языковой личности.

Ghezelbash Niloofar

The linguistic personality of the Russian politician

Keywords: Russian language, linguistic personality, political discourse, blog discourse, political blogger.

Abstract. The theses are devoted to the analysis of the features of the linguistic personality of a Russian politician. On the example of the texts of the blog A. Navalny in accordance with the theory of Yu.N. Karaulov noted the features of the linguistic, ideological, value, cultural and personal components of the linguistic personality.

При анализе текстов российских политических блог-дискурсов как особого вида коммуникации на первый план выходит рассмотрение особенностей языковой личности русского политика как автора текстов. Проводя анализ уровней языковой личности можно определить степень владения ей обыденным языком, включая фонетические и грамматические знания, выявить жизненную/социальную или политическую позицию, и в связи с этим – определить прагматическую направленность текста, отметить особенности индивидуального стиля, репрезентировать языковую картину мира, а также её национальную составляющую.

Под термином «языковая личность» Ю.Н. Караулов подразумевает человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью» [2, с. 3]. В определении Караулова способности человека анализируются в совокупности с особенностями порождаемых им текстов.

В.И. Карасик отмечает, что в качестве инварианта языковой личности может выступать «базовый национально-культурный прототип носителя языка» [1, с. 4]. При этом О.С. Оленёв также пишет, что язык художников слова, писателей, а также авторов текстов в интернет-коммуникации не способен полностью отразить языковую компетенцию личности [5, с. 21].

Помимо собственно языкового компонента, в содержание языковой личности включаются также ценностный и мировоззренческий компоненты, так как язык оказывает влияние на глубинное восприятие личностью мира, культурологический компонент, демонстрирующий уровень освоения национальной культуры как средства повышения интереса к языку, а также личностный компонент.

В рамках рассмотрения вопроса о языковой личности политических блогеров мы проанализировали блог российского оппозиционного политика Алексея Навального, отметив в нём реализацию основных компонентов языковой личности.

Так, анализируя собственно языковой компонент личности русского политика А. Навального, мы обратились к отрывку текста, опубликованного в его блоге:

«Мы отказываемся признать, что у нас в нашей стране прав меньше, чем у лапшичной, иски которой на тему “люди съели бы больше лапши, если бы не Навальный и Соболь” принимаются и удовлетворяются, а наши жалобы на сотни незаконных конфискации, обысков, арестов счетов и т.д. игнорируются.

Мы так, по гамбургскому счёту. Кто за этим стоит? Ясно, что Путин. Вот на него в суд и подаем.

У нас сейчас непростые времена, но уверяем всех, что ФБК и вся наша система штрафов станет в результате только сильнее» (блог Алексея Навального, Москва, 21.11.2019).

Важнейшая языковая особенность текста заключается в неоднородности его лексического состава. Политик умышленно использует языковые средства разных функциональных стилей для того, чтобы его текст был полностью понятен любому читателю, он «разбавляет» отрывки, содержащие юридические и политические термины лексемами разговорного стиля с целью упрощения текста и придания ему экспрессивности. В анализируемом тексте словосочетания «обыски», «аресты счетов», «незаконных конфискации», «политически мотивированное преступление» относятся к официально-деловому стилю речи, а лексемы «лапша», «по гамбургскому счёту» и «лапшичной» – к разговорному.

В данном случае можно говорить о картине языкового смешения, или стилевой пестроте. Однако если в случаях ненамеренного смешения стилей можно говорить о нерегулированности использования новой лексики и межстратовом характере нарушения целостности текста [3, с. 237], то в тексте

А. Навального подобное смещение можно назвать намеренным и вызванным своеобразным способом реализации стратегии самопрезентации.

Анализируя ценностный и мировоззренческий компоненты языковой личности, отметим, что практически в каждом тексте политика реализуются стратегии манипулирования сознанием адресата. Так, в ряде текстов политик открыто призывает адресата к действию: «Сейчас очень хороший момент. Мы будем глупыми, если упустим его. Нужно действовать прямо сейчас, и совершенно понятно, что делать. / Подпись. Несите вашу подпись нормальному кандидату прямо сейчас, не мешкая» (блог Алексея Навального, Москва, 18.06.2019).

Рассматривая культурологический компонент, обратим внимание на следующий текст:

«Получил большое удовольствие и больше всего от мысли, что русская культура жива и развивается. Русский язык – электрический ток, которым выступающие старались ударить противника. / Только вы не кидайте помидорами сразу с криком “ну какая это культура?!?” / Ну а что это? Это ж самый настоящий поэтический конкурс. Там, извиняюсь, не особо и рэп. Чуваки пишут стихи и орут их друг другу в лицо. И это посмотрят 30 миллионов человек. То есть все молодые люди страны. / Разве это не прекрасно? Ну да, мат. Ну да, довольно часто весьма низкопробный юмор. / Тем не менее все равно это конкурс русских поэтов. Ну уж какие они есть. И на русском языке. Ну уж какой он есть в его современном виде» (блог Алексея Навального, Москва, 14.08.2017).

В данном тексте мы видим не только попытку анализа современной культуры с точки зрения культуры классической, но также и реализацию личностного компонента языковой личности, в том числе через использование иронии и сарказма (*Получил большое удовольствие и больше всего от мысли, что русская культура жива и развивается*), цитирования с использованием черт пунктуации, свойственной интернет-коммуникации (*ну какая это культура?!?!*) и диалогизма (*Ну а что?*). Ирония в данном случае рассчитана на привлечение двух типов представителей электората: тех, кто заметит иронию и оценит ее, и тех, кто не заметит ироничного тона и согласится с авторской оценкой.

Таким образом, анализ языковой личности политика Алексея Навального показал, что автор использует все многообразие языковых и стилистических средств, призванных привлечь внимание адресата, воздействовать на его сознание, а также вызвать эмоции от восприятия текстов блога.

Литература

1. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология – Philologica. 1994. – № 3. – С. 2–7.

2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. *Язык и личность*. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
3. Китанина Э.А., Божинская Т.Л. Проблема неоднородности общества и социальная дифференциация языка на рубеже XX–XXI вв. // *Теория и практика общественного развития*. – 2009. – № 3–4. – С. 233–240.
4. Навальный А.А. Блог Алексея Навального [Электронный ресурс]. Москва. режим доступа: <https://navalny.com/p/6268/>, <https://navalny.com/p/6156/>, <https://navalny.com/p/5496/> (дата обращения: 25.03.2020).
5. Оленёв О.С. Динамическое моделирование русской языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2006. – 23 с.

Гуйди Илария

ilariaguidi20@gmail.com

*студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия*

Соловьева И.В.

ivsolovieva@pushkin.institute

*старший педагог
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия*

Язык и социальное поведение

Ключевые слова: народ, национальные культуры и языки, общество, окружение, мышление, восприятие мира, отношение, видение, влияние.

Аннотация. «Скажи мне слово – и я скажу, кто ты» [1, с. 3]: как языковые структуры и национальная культура влияют на отношение людей и на их восприятие в целом.

Guidi Ilaria

Solovieva I.V.

Language and social behaviour

Keywords: people, national cultures and languages, society, environment, thought, perception of the world, attitude, behaviour, influence.

Abstract. “Tell me a word and I’ll tell you who you are”: how language structures and national culture influence people’s attitudes and perception of things.

В мире сегодня существует примерно 7000 языков, которые сильно отличаются друг от друга звучанием, лексическим составом, а также фонетикой и структурой. У каждого народа есть своя культура и язык, и они тесно связаны друг с другом, поскольку появились и развиваются в то же время. Поэтому они влияют на мышление, отношение и восприятие людей, так как язык определяет реальность. Через язык культура реализует себя и выражает сущность человека. Язык не существует вне человека, и человек не существует вне языка. «Язык формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию» [2, с. 1]. Карл Великий, император Римской империи, сказал: «Владеть другим языком – это как иметь вторую душу» [3, 1:40]. Это происходит потому, что каждый язык обладает различными структурами и словосочетаниями для выражения своего подхода к миру, и это отражается на отношении и способе осмысления вещей и людей.

Учёные спорят об этом уже давно, потому что этот вопрос вставал ещё в древности. До недавнего времени не было достаточно данных, чтобы разрешить споры, но сегодня возможно обосновать гипотезы благодаря научным исследованиям. Теперь можно достоверно сказать, что «через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он является, о его культуре, о правилах общежития, о системе ценностей, морали, поведении и т.п.» [1, с. 1].

Представим ряд примеров, принадлежащих к разным языкам, и сравним их с русским языком, чтобы вышеперечисленные понятия стали яснее. Начнем с племени австралийских аборигенов, с которыми работала Лера Бородицки – американский психоллингвист, специалист по когнитивной науке. Этот народ, который называется «куук-таайорре», не использует слова «левый» и «правый», а вместо этого люди называют стороны света: север, юг, восток и запад. Это влияет на повседневную жизнь настолько, что стороны света присутствуют в любых разговорах. Например, простое приветствие будет звучать так: «Куда вы направляетесь?», а ответ: «Далеко на северо-северо-восток». Это показывает, что они очень хорошо ориентируются, гораздо лучше народов, у которых есть специальные слова для направления.

Еще один интересный пример – счет количества вещей. Порядок чисел – это лингвистическая хитрость, которую мы знаем с детства, но в некоторых языках нет слов, обозначающих число, как «три» или «четыре». У них просто не существует такая языковая структура и им невозможно назвать определенное количество.

Внешний мир определяется человеческим глазом через цветовой спектр. Однако некоторые языки по-разному воспринимают границы цветов и употребляют разные слова для определения их оттенков. Например, в русском языке, как и в итальянском, есть разница между синим и голубым (т.е. *'blu'* и *'azzurro'*): русскоговорящие четко различают эти два оттенка. А в английском языке нет такого различия. У них есть единое слово *blue* 'синий', которое обозначает все цвета от светло-синего до темно-синего, и они медленно реагируют на смену оттенков.

Язык может определять вещи, понятия вины, события, наказания или память очевидцев. Все это немаловажно в повседневной жизни. Люди обращают внимание на разные вещи в зависимости от того, что от них требует язык. Например, англоговорящие скажут «он разбил вазу», а не «ваза разбилась», как на испанском, итальянском и русском. У них тоже есть такая конструкция: «Я сломал свою руку», которая и существует на итальянском и на русском, но во многих языках это невозможно, так как это означало бы добровольно сломать свою руку. Очевидно, в английском языке люди запомнят виновника, потому что английский язык требует такой конструкции: «Он это сделал, он разбил вазу / сломал свою руку» (*'He broke the vase / he broke his arm'*).

В то же время носители других языков не придают значение тому, кто это сделал, если это произошло ненамеренно. Они просто скажут, что событие случилось и что это было случайно. «Язык направляет ход наших суждений о произошедшем» [3, 10:36].

Это всего лишь несколько возможных случаев и примеров полезных для понимания того, насколько и как язык влияет на мировоззрение и наше поведение. Язык указывает на определенные понятия и действия через особые конструкции и словосочетания, он взаимосвязан с культурой, и это формирует и дифференцирует восприятие вещей. Мы не замечаем этого до того, как мы не вступаем в контакт с другими народами и культурами, тогда мы вынуждены об этом думать и начинаем обращать внимание на разницу. Языки являются живыми организмами. Несомненно, они рождаются, растут, развиваются в определенной среде, изменяются и, в конце концов, могут умереть. Безусловно, язык принадлежит обществу и людям как членам того или иного общества. «Язык и отражает, и формирует объективный показатель народного характера» [1, с. 2].

Литература

1. Арешова Э.В. Влияние языка на формирование личности. Тезис. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/33e/uch_2010_iii_00035.pdf
2. Вербицкая Л.А. Язык и общество. Роль языка в жизни общества. Тезис URL: <http://sevcbs.ru/main/wp-content/uploads/2015/12/215.pdf>
3. Boroditsky Lera. La nostra lingua influenza il modo in cui pensiamo (Наш язык влияет на то, как мы думаем). Видео (Ted Talk), 2017. URL: https://www.ted.com/talks/lera_boroditsky_how_language_shapes_the_way_we_think/transcript?language=it
4. Meli Elena. La lingua che parliamo influenza la personalità e modella il cervello (Язык, на котором мы говорим, влияет на личность и формирует мозг). Статья, 24/03/2016. URL: https://www.corriere.it/salute/neuroscienze/16_febbraio_26/lingua-influenza-personalita-modella-cervello-95a1f04a-dc83-11e5-830b-84a2d58f9c6b.shtml?refreshce-cp
5. Trincherо Sara La tua personalità a seconda delle lingue che parli (Ваша личность в зависимости от языков, на которых вы говорите). Статья, 20/05/2016. URL: <https://www.ultimavoce.it/lingua-12154-2/>

Демкина Надежда Вячеславовна

demkinanadya@yandex.ru

*студент Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарев
Саранск, Россия*

Маслова А.Ю.

al_mas@mail.ru

*д-р филол. наук, профессор Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
Саранск, Россия*

Репрезентация фразеосемантического поля «Человек» во Фразеологическом словаре старославянского языка

Ключевые слова: фразеосемантическое поле, микрополе, человек.

Аннотация. Исследование посвящено фразеосемантическому полю «Человек» в старославянском языке, в частности семантической специфике структурирующих его микрополей, которые представляют характеристику средневекового человека, его поведение, чувства и эмоции.

Demkina N.V.

Maslova A.Y.

Representation of the phraseosemantic field «Man» in the Phraseological dictionary of the old Slavic language

Keywords: phraseosemantic field, micro field, human being.

Abstract. The study is devoted to the phraseosemantic field “Man” in the old Slavic language, in particular to the semantic specificity of the micro-fields structuring it; the specific features, studied in the article, represent the characteristics of the medieval man, his behavior, feelings and emotions.

В последнее время в связи с переосмыслением духовно-нравственных ценностей и актуализацией религиозных истоков значительно возрос интерес к старославянскому языку как к культурно-историческому феномену, в котором находит отражение духовная и историко-культурная память народа. Осознание и осмысление человеком мира происходит через передачу культурно значимых смыслов в естественный язык. По словам В.Г. Гака, «человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию» [1, с. 260]. В связи с этим интерес представляет исследование фразеосемантического поля «Человек» на материале «Фразеологического

словаря старославянского языка» под редакцией С.Г. Шулежковой [2], в котором представлены устойчивые словесные комплексы, характеризующие мир смыслов и ценностей средневековой культуры. Анализ фактического материала показал, что это поле структурировано микрополями: характеристика личных качеств человека; его поведения; чувств и эмоций.

Микрополе «Характеристика личных качеств человека» представляет различные номинации человека: по социальному признаку *живущии окръсть*, т.е. *'соседи'*, *простъ людинъ*, *чловѣкъ* – *'мирянин'*, *вдовица въметаѣща двѣхъ лептъ* – *'вдова, отдающая последнее, что у нее есть'*. В данном случае актуализируется не только семейный статус – женщина, у которой умер муж, но и совершаемое ею действие. Номинацию человека по состоянию, в котором он находится, представляют фразеологизм *братъ мои мьньшии* в значении *'нуждающиеся люди'* и более конкретизированный фразеологизм *чаѣжиии движения въ водѣ*, т.е. *'ожидающие, жаждущие исцеления'*. Отдельную семантическую подгруппу составляют номинации человека по отношению к вере, к Богу. Это номинации, констатирующие принадлежность к христианской вере: *члуда свѣта* – *'люди, обращенные в христианскую веру, добродетельные, праведные'*, *воинъ христовъ* – *'последователь Иисуса Христа, стойко переносимый гонения и муки'*; и номинации, актуализирующие семы покорности, силы веры человека. Последние представлены в отношениях градации: *рабъ божии*, *рабъ господнь* – *'безусловно покорный вере в Бога человек'*; *угодникъ Божии*, *Христовъ* – *'человек, полностью посвятивший себя Богу и следующий всем его заповедям'*, *Божии чловѣкъ* – *'истово верующий в Христа человек, посвятивший всю свою жизнь служению Господу'*.

Представительна семантическая подгруппа, содержащая отрицательные характеристики человека. *Вожди слѣпши оцѣждаѣще мушницъ а вельбѣдъ поглѣцаѣще* – *'о людях, которые, заботясь о мелочах, забывают о самом главном'*; *врази чловѣку домашьнии* – *'близкие, родные люди, хорошо знающие слабости человека и пользующиеся его любовью, могут стать самыми опасными врагами'*; другие ФЕ представляют людей неправедных, слабых, не уверенных в своей вере, и тем самым вступают в антонимические отношения с предыдущей подгруппой: *зблжѣдъшее овѣча* – *'оступившийся, согрешивший человек'*, *ветѣхьи чловѣкъ* – *'греховный человек, не способный противостоять соблазнам'*; ФЕ *блуднии сынъ*, в отличие от современного значения, акцентирует внимание на семе раскаяния и освобождения от грехов: 1) *'о человеке, который раскаянием заслужил милосердие'*, 2) *'тот, кто с помощью Бога освободился от грехов'*.

Микрополе «Поведение» представлено ФЕ, характеризующими действия человека. Эти действия могут быть направленными на адресата: *възлагати*, *въскладати на плеча чловѣчьска (чьто)* – *'взваливать на кого-либо тяжелые обязанности, в том числе духовные'*; *камень подати (кому)* – *'отказать*

84 | в жесткой, уничижительной форме на просьбу о помощи'; и не адресованные, направленные на само действующее лицо: *възимати грѣхы (въсего) мира – 'брать на себя ответственность за чужие поступки'*, это может быть репрезентация конкретных ситуативных действий: *метати жрѣбиѡ – 'бросать жребий'*, *обрати са въспѣть – 'возвращаться, оборачиваться'*.

Отметим, что довольно активны ФЕ, содержащие соматизмы *очи, уши, лице, прѣстъ*: *видѣти сжчѣць въ очесе брата своего, имѣли уши слышати да слышитъ; лицемъ къ лицу; прѣстомъ своимъ не хотѣти двигнѣти*. Особо выделяются ФЕ, репрезентирующие моральные сентенции, представляющие собой нравоучительные изречения в форме прямых и косвенных советов и предостережений: *иже нѣсть на вы по васъ есть – 'тот, кто не против вас, тот за вас'*; *дрѣво от плода своего познаеть са – 'человека должно оценивать по его поступкам'* и др.

Микрополе «Чувства, эмоции» представлено ФЕ, которые не столько называют само чувство, сколько указывают на причину его возникновения и пребывания в таком состоянии. При этом выявлено указание только на ощущение счастья: *блаженъ мжжѣ же не идетъ на свѣтъ нечѣстивыхъ – 'счастлив тот человек, который не общается с безбожниками, с людьми бесчестными'*. Таким образом, уже начальный этап исследования фразеосемантического поля «Человек» на материале старославянского языка подтверждает, что вся духовная сфера средневекового человека была сакрализована, вся она была подчинена главному принципу Средневековья – сопричастности Богу.

Литература

1. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – С. 260–265.
2. Фразеологический словарь старославянского языка / Отв. ред. Шулежкова С.Г. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 424 с.

Ду Цяо

575567466@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Хэйлунцзянского университета

Харбин, Китай

Ванюшина Н.А.

nayanyushina@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Образ Татьяны Лариной в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Ключевые слова: образ, русская литература, Татьяна Ларина, Евгений Онегин.

Аннотация. Женские образы занимают центральное место как в произведениях китайских, так и российских писателей-классиков. Фигура Татьяны Лариной является воплощением идеала того времени, сочетание внешней мягкости и нежности с твердостью характера выделяют ее на фоне других героев.

Du Qiao

Vanyushina N.A.

The image of Tatiana Larina in the novel by Alexander Pushkin Eugene Onegin

Keywords: image, Russian literature, Tatiana Larina, Eugene Onegin.

Abstract. Women's images occupy the central place in the novels of both Chinese and Russian classical writers. The figure of Tatiana Larina is the embodiment of the that time's ideal, the combination of external softness and tenderness with firmness of character distinguish her from other characters.

Женские образы в произведениях классической литературы всегда привлекают особое внимание читателей. В китайской литературе авторы с особой тщательностью описывают своих героинь, стараясь уделить внимание не только внешним данным, но и характеру. Так, великий Лао Шэ сравнивает своих героинь с горными цветками дивной чистоты, а Дин Лин, говоря о глазах прекрасной девушки, проводит параллели с крупным жемчугом и драгоценностью. Ван Мэй в произведении «Глубокое озеро» также

демонстрирует приверженность к классическому пониманию красоты, это можно объяснить многовековыми традициями, которые передавались из поколения в поколение в китайской литературе. Женщина, в понимании китайских авторов, должна быть хрупкой, чтобы мужчина ее защищал. В отличие от славянской, культура Китая относится негативно к девушкам с большой грудью и бедрами. Густые черные волосы выгодно оттеняют бледность кожи. Именно бледность считалась прерогативой состоятельных людей, показателем праздности. Показательным примером является сравнение девушки с Луной, которая отличается не только красотой, но и добавляет таинственности женским образам литературных произведений Китая.

В русской литературе авторы подчеркивают не только красоту, грацию и изящность девушек, но и их черты характера. Проводя героиню через определенные жизненные обстоятельства и ставя их перед сложным выбором, писатели показывают, таким образом, сильные и слабые стороны характера. Одним из ярчайших женских образов русской литературы является Татьяна Ларина в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Татьяна, хоть и выросла в богатой семье и получила прекрасное образование, не блистала при дворе, а была, скорее, простой провинциальной девушкой. Автор не наделяет ее ослепительной красотой, но дает ей нечто большее – ту мечтательность и задумчивость, которые говорят о глубине душевной натуры и выделяют ее на фоне других. «Она любила на балконе предупреждать зари восход», – такое мы видим описание. Кроме того, А.С. Пушкин старательно подчеркивает, что перед нами далеко не обычная девушка, она выделяется на фоне остальных, чувствуя и сама свою особенность. Даже в кругу семьи она не находит своего места:

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой [1].

Тонкость натуры девушки в этом описании можно сравнить с работами китайских авторов, которые также подчеркивали хрупкость женщины.

Самым главным занятием для нее было чтение, которое приносило ей радость, позволяя окунуться в новый, специально созданный ею воображаемый мир, в котором живут идеальные герои.

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо [1].

Именно поэтому, руководствуясь вымышленными образами, ей так будет трудно выбрать спутника жизни. Она хочет видеть рядом с собой человека

необыкновенного, способного на благородные поступки, отличающегося от всех остальных.

Говоря о ее каждодневной жизни, писатель также подчеркивает ее неординарность:

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела [1].

А.С. Пушкин изображает свою героиню как девушку высоких моральных качеств, она лишена фальши и притворства, столь свойственных придворным кокеткам того времени. Ее душевная простота в сочетании с глубиной внутреннего мира, естественность, в сочетании с тонким чувством природы делают этот образ таким же ярким, как и описание главного героя – Евгения Онегина. Особое внимание стоит уделить тому, как автор говорит об отношении Татьяны к природе, тем самым, проводя параллели между тонкой душой девушки и красотой русской природы:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму... [1]

Мы видим, насколько многогранным получается образ Татьяны Лариной в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Это произведение занимает достойное место и входит в золотой фонд русской литературы.

Литература

1. Пушкин А.С. Евгений Онегин. – М.: Художественная литература, 1997. – 220 с.

Ин Юе

Yingyue2000630@sina.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Фуданьского университета

Шанхай, Китай

Борисенко В.И.

evi095@mail.ru

канд. истор. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Фальсификация Великой Отечественной войны: зарождение и развитие явления

Ключевые слова: фальсификация, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Советский Союз, правда о Победе.

Аннотация. В связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне активизировалась деятельность по фальсификации роли и значения СССР в борьбе с нацистской Германией. В тезисах рассматриваются причины этого явления, процесс его развития, последовательная защита Россией исторической правды о Победе.

Ying Yue

Borisenko V.I.

Falsification of the Great Patriotic War: the origin and development of the phenomenon

Keywords: falsification, the Great Patriotic War, World War II, Soviet Union, the truth about Victory

Abstract. In connection with the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, activity was intensified to falsify the role and significance of the USSR in the fight against Nazi Germany. In theses the causes of this phenomenon, the process of its development, the consistent defense by Russia of the historical truth about the Victory, are considered.

Проблема фальсификации истории всегда была и остается актуальной. В начале XXI века она находится в зоне пристального внимания общественности и государственных институтов нашей страны. Президент России в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г. подчеркнул необходимость сохранить правду о Великой Отечественной войне, противостоять

фальсификации ее истории. «Мы должны защитить правду о Победе. Наглому вранью и попыткам переиначить историю мы должны будем противопоставить факты», – сказал он [3]. В связи с этим Президент России поручил создать крупнейший комплекс архивных документов по Второй мировой войне доступный как россиянам, так и иностранцам.

Сразу после окончания войны появились первые попытки переписать ее итоги. Главной целью фальсификаторов было сместить Советский Союз с позиции международного лидера. Параллельно велась работа над принижением роли СССР в военных событиях 1939–1945 гг. в целом и роли страны в Победе над фашизмом.

Можно выделить две основные причины зарождения явления фальсификации:

1. Неожиданное возвышение Советского Союза благодаря победе над сильнейшим в военном отношении государством – гитлеровской Германией. «При этом следует учитывать, что антисоветская составляющая идеологии фашизма имела немало сторонников среди влиятельных политических, финансовых, промышленных и военных кругов не только Германии, но и других западных держав, стремившихся «канализировать» агрессивные устремления Гитлера на Восток и его руками расправиться с «общим врагом» – Советским Союзом» [1, с. 11].

2. Зарубежные недоброжелатели не могли и не могут признать историческое значение СССР в Великой Победе, т.к. это повлечет за собой необходимость предоставить соответствующее место на международной арене России, как правопреемнице СССР. А это «больше всего не устраивает тех, кто пытается сегодня определять судьбы человечества» [1, с. 11].

Если говорить о русских авторах фальсификаций, то следует подчеркнуть, что в их лице представлены современные модернизаторы, протестующие против преклонения перед Великой Победой и героями тех времен. «Это, – считают они, – последний плацдарм, который еще удерживают “консерваторы”. Этот плацдарм “новопротченцы” пытаются ликвидировать» [1, с. 11].

При этом вся ложь, которую они любыми путями стараются распространить в обществе, сразу же подвергается громким разоблачениям, их несостоятельность доказывается неопровержимыми фактами. Несмотря на это, тираж их «сочинений» до сих пор очень высок.

По словам американского историка Дж. Ная, «в информационный век побеждает тот, чья история убедительнее, чья история способна привлечь людей» [2, с. 12]. Отсюда делаем вывод: чтобы быть убедительными, мы должны до последнего отстаивать объективность изложения исторических фактов, связанных с нашей страной, т.к. именно в этом и есть наша убедительность.

Для продвижения своих взглядов на исторические события и «лживых» исторических работ и исследований фальсификаторы уже после окончания

90 войны стали активно использовать СМИ, литературу, школьные и вузовские учебники, телевидение.

Хорошие книги о войне с подлинными фактами почти не выходили, в основном, из-за недостатка финансирования. Миллионными тиражами издавались книги фальсификаторов, а спонсоры с Запада и отечественные издательства с удовольствием это поддерживали.

Последними из самых популярных такого рода книг стали: «Беру свои слова обратно» В. Суворова (Резуна) (2005 г.), «Отцы-командиры» А.З. Лебединцева и Ю.И. Мухина (2004 г.), «Десять сталинских ударов» В.В. Бешанова (2005 г.) и другие произведения, оскорбляющие чувства ветеранов [1, с. 13].

Основные темы, на которых играют мнимые историки, это:

1. Истинный виновник начала Второй мировой войны;
2. Роль Пакта Молотова – Риббентропа в развязывании войны;
3. Взаимоотношения нацистской Германии и Советского Союза;
4. Истинные цели Советского Союза в войне;
5. Настоящие Герои и подлинные Победители в войне;
6. Страна, внёсшая решающий вклад в победу над фашизмом.

В последнее время, особенно в связи с приближающимся 75-летием Победы в Великой Отечественной войне, фальсификация истории Второй мировой войны вступила в новую стадию. В сентябре 2019 г. Европарламент принял резолюцию, возлагающую равную ответственность за начало войны на гитлеровскую Германию и СССР. Это решение Президент России назвал абсолютно неприемлемым и некорректным, верхом цинизма [4]. Польша развернула громкую кампанию по переписыванию истории Второй мировой войны. В частности, она возлагает на Россию ответственность за ее развязывание, выдвигает к России требования по оплате репараций за ущерб в этой войне [5].

В условиях нарастающего в европейских странах исторического ревизионизма роли и значения Советского Союза в Победе в Великой Отечественной войне Российская Федерация делает и будет делать все для защиты правды о войне.

Литература

1. Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России // Интернет-проект «Великая Победа» в XIV т. – М.: Изд-во МГИМО. Кн. XIV. Линия фронта – история. 2015. – С. 7–19. URL: <http://histrf.ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/xiv-liniia-fronta-istoriia> (дата обращения 19.02.2020).
2. Нарышкин С.Е. Честная история – ключ к формированию доверительных отношений между народами. – Интернет-проект «Великая Победа» в XIV т. – М.: Изд-во МГИМО. Кн. XIII. За честную историю. 2015. –

С. 10–12. URL: <http://histrf.ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/xiii-za-chiestnuiu-istoriiu> (дата обращения 19.02.2020).

3. Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 // Президент России. Официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 18.02.2020).

4. Путин счел неприемлемым приравнение коммунизма к нацизму // Взгляд. Деловая газета. 19.12.2019. – URL: <https://vz.ru/news/2019/12/19/1014516.html> (дата обращения 24.02.2020).

5. Пушков: Варшава приписала себе несуществующую победу над Россией // Взгляд. Деловая газета. 03.02.2020 – URL: <https://vz.ru/news/2020/2/3/1021654.html> (дата обращения 24.02.2020).

Лингвокультурный анализ концепта «хлеб» на материале устойчивых выражений персидского и русского языков

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, хлеб, фразеологизмы, Иран, Россия.

Аннотация. Межкультурное сопоставление играет значительную роль не только в изучении чужой культуры, но и в понимании своей. В статье рассматривается лингвокультурологическая характеристика концепта «хлеб» на материале устойчивых выражений персидского и русского языков.

Kalashi Nahideh

Linguocultural analysis of the concept «bread» on the material of stable expressions of Persian and Russian languages

Keywords: Linguocultural concepts, bread, phraseological units, Iran, Russia.

Abstract. Intercultural comparison plays a significant role not only in the study of foreign culture, but in the understanding of their own. This article describes Linguocultural characteristics of the concept of «bread», based on the material of stable expressions of the Persian and Russian languages.

Концепт, являясь по своей природе основной ячейкой культуры в ментальном мире человека (Ю.С. Степанов), анализируется обычно в контексте других явлений и изучается на материале пословиц и поговорок, идиом, клише литературных произведений. Если слово реализует себя в контексте речи, то концепт проявляется в контексте культуры. По мнению В.И. Карасика, концепты характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысложизненные ориентиры поведения [1, с. 263]. Ю.С. Степанов отмечает, что «концепт – это ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек, рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей”, сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5, с. 40]. Лингвокультурный концепт, логическое понятие и лексическое значение представляют собой разные смысловые образования. Что касается слова, оно своей семантикой обычно репрезентирует только фрагмент концепта [3, с. 187–188].

«Хлеб» является одним из важнейших факторов жизнедеятельности, что находит воплощение в языке и коммуникативной деятельности, однако специфика этого концепта в персидском и русском языках изучена еще недостаточно. В данной статье рассматривается описание основных характеристик концепта «хлеб» в персидском и русском языках, который является одним из основных в концептосфере каждого народа. Мы постарались методом сопоставительного анализа проанализировать и систематизировать устойчивые выражения персидского и русского языков, выражающие концепт «хлеб». Особое внимание уделено функционированию данного концепта в исследуемых лингвокультурах. В разных языках существуют лингвоспецифичные обозначения объектов материальной культуры, например, особых видов хлеба (в России – черный и белый хлеб, а в Иране – Сангак, Тафтун). С хлебом в России связан обычай приветствовать дорогих гостей хлебом-солью – выходить им навстречу, держа на красивом вышитом полотенце большой каравай хлеба, в центре которого помещена солонка. Гость должен отломить кусочек каравая, обмакнуть его в соль и съесть. В этом обряде хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль – защиту от враждебных сил. Сегодня хлебом-солью встречают гостей в особо торжественных случаях, а также на этнографических праздниках [4, с. 592].

Хлеб для иранцев тоже имеет особое значение и, безусловно, должен быть поставлен на стол (скатерть). Клятва на хлебе – самая высокая клятва среди иранцев и заключается в том, что если человек клянется хлебом, то значит нельзя сомневаться в его честности. В национально-культурном сознании иранских и русских людей хлеб относится к высшим ценностям бытия. Он используется в некоторых религиозных обрядах, осмысливается как дар Божий. Считается большим грехом выбрасывать хлеб.

Слово *хлеб* входит во многие устойчивые выражения, пословицы и поговорки. Самые известные из них, как выше сказано, связаны с обрядом встречать гостей хлебом-солью. В русском языке с этим связаны слова *хлебосол*, *хлебосольный* и *хлебосольство*, синонимичные, соответственно, словосочетанию *гостеприимный человек* и существительному *гостеприимство*. Хлеб-соль в обеих культурах имеет ценное значение, например, *хлеб-соль водить с кем-н.* نان و نمک کسی را خوردن (дружить с кем-н.; разг.).

В рассмотренных фразеологизмах персидского и русского языков, а также при сравнении спектра значений, связанных с этими понятиями, можно увидеть как сходное, так и различное отношение к концепту «хлеб». Например, в персидской пословице *Пшеничного хлеба мы не едали, но у других видали.* نخورده ایم نان گندم، دیده ایم دست مردم، и в русской пословице: *Сам не едал, но видал, как мой барин едал* можно увидеть сходное отношение к хлебу. В пословице *Пеки хлеб, пока печь горяча.* نان تورا گرم است، نانت را بپز – эквивалент с русской пословицей: *Куй железо, пока горячо* [2, с. 155].

В результате мы видим, как фразеологизмы отражают народный менталитет и выполняют важную функцию культурных стереотипов, существующих в данных лингвокультурах, и в этом их важнейшая роль в процессе овладения межкультурной компетенцией изучающих РКИ.

Литература

1. Карасик В.И. Антология концептов. – В 6 т. Т. 1 / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
2. Курогли Халиг. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. – 1-е изд. – Тегеран: Гутенберг, 1992.
3. Рябкова Е.С. Лингвокультурный концепт как элемент языка и культуры. – Грамота, 2012. – № 4 (59). – С. 187–188. URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2012/4/60.html> (дата обращения 23.02.2020).
4. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение (Теория и практика обучения русскому языку как иностранному). – М., 1995. – 93 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Школа языки русской культуры, 1997. – 990 с.

Языковые приемы вовлечения в террористическую деятельность

Ключевые слова: коммуникативные приемы, вовлечение, террористическая деятельность, лингвистическая экспертиза, интеракция.

Аннотация. Целью статьи является анализ лингвистических механизмов вовлечения в деятельность запрещенных организаций. Рассматривается система коммуникативных приемов, которые использует адресант, а также роли участников интеракции. Актуальность работы состоит в необходимости исследования вопросов террористической угрозы. В заключение устанавливается, что основным для методики лингвистических экспертиз по проблемам вовлечения является описание тактик и приемов вовлечения, выявление их языковых маркеров и прагматического потенциала.

Kasabieva O.E.

Language techniques for engaging in terrorist activities

Keywords: communication techniques, involvement, terrorist activity, linguistic expertise, interaction.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the linguistic mechanisms of involvement in the activities of prohibited organizations. The system of communication techniques used by the addressee, as well as the roles of participants in the interaction, is considered. The relevance of the work is the need to study the issues of the terrorist threat. In conclusion, it is established that the main method of linguistic expertise on issues of engagement is to describe the tactics and techniques of engagement, identify their language markers and pragmatic potential.

В процессе общения язык используется не только для передачи информации, но и для воздействия на адресата. Цель навязать адресату свою точку зрения, определенный взгляд на проблему наблюдается сегодня практически во всех сферах коммуникации. В особенности это касается языковых приемов вовлечения в террористическую деятельность.

Исследование призыва как речевого действия нуждается в решении вопроса в рамках лингвистической прагматики, научную основу которой составляет теория речевых актов. В предложенной Дж. Р. Серлем классификации призыв определяется в виде императивов, т.е. «речевых актов, целью

96 | которых является побудить адресата делать или не делать что-либо» (сюда входят также просьбы, советы, инструкции, запреты и т.д.) [2].

«Речевые акты призыва террористической направленности представляют собой часть общественно-политического общения» [1, с. 420].

Грамматические особенности террористических воззваний в основном не отличаются от призывов других видов, по этой причине наряду с проявлением синтаксических структур и морфологических форм открытых призывов необходимо прежде всего учитывать лексическое содержание этих структур.

Все примеры взяты из данного источника [3].

В числе лексических средств, используемых в призывах, чаще всего встречаются:

эмоционально-оценочные лексемы с точным значением оценки: *кафиры, мунафики, муртады, русня, воры, свинороды;*

оценочные лексемы в словосочетаниях: *произвол чиновников, продажные западные демократы;*

инвективная лексика: *не покупай у черных; против Кремля-ди;*

В отличие от эксплицитных призывов имплицитные реализуют речевое воздействие иным способом. В реальном общении не все компоненты коммуникативного акта вербализуются, что может быть умышленным намерением автора.

Лексическими особенностями скрытых призывов являются: отглагольные лексемы с семантикой действия и его результата. Например: *О, верные рабы Аллаха, умма ждет своих спасителей, она уже наполнена клеветой и кровью. Многие земли, уже платят кровью за бездействие многих сынов уммы; Поистине, Умма наблюдает за вами!*

Из данного выражения можно извлечь следующий скрытый смысл: умма надеется, что вы можете это сделать. Лексема *надежда* в этом случае осуществляет роль смыслового свертывания.

Лексемы с семантикой долженствования, побуждения, запрета и ожидания, т.е. *может, должен, обязан* и т.д. Например: *Сегодня именно тот день, когда сыны и дочери уммы могут пожертвовать своей жизнью и состоянием ради религии Аллаха, трудясь чтобы освободить умму от изменников и законов неверия.*

К показателям имплицитных призывов, которые принадлежат грамматическому уровню, относятся: глаголы будущего и настоящего времени, обозначающие перспективу следующих действий. Например: *Только те, кто сражается, войдут в рай.*

При этом роль адресата в точности не определена, под воздействием находится любой читающий или слушающий, и для выражения косвенного призыва используются безличные предложения с модальными глаголами, такие как *нужно, должно, необходимо, хватит*. Например: *Братья мусуль-*

мане, хватит терпеть, как над нами издеваются кяфиры, надо выходить на Джихад.

Посредством сопутствующих тактик также осуществляется скрытый призыв таких как: тактика обвинения. Например: *Именно вы будете причиной, почему мы не смогли доставить джихад...*

Таким образом, имплицитные призывы передают информацию, подталкивающую, привлекающую к действиям, и целенаправленно формируют у адресата желание действовать, вовлекать в описываемые действия, а также дают составленную программу действий.

Совокупность взаимодействующих приемов и критериев исследования позволяет выявить в тексте имплицитные призывы, которые обладают практически такой же воздействующей силой, как и эксплицитные призывы, поэтому одна из основных задач заключается в совершенствовании методики диагностирования скрытого призыва, анализ и описание способов выявления маркеров имплицитных призывов в тексте.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. – М.: Флинта-Наука, 2007.
2. Сёрль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Б.Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170–194.
3. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН.

Фонетический акцент как следствие межъязыковой интерференции

Ключевые слова: фонетическая интерференция, фонетика, русский язык как иностранный, типы интерференций, типы ошибок.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению фонетического акцента через призму межъязыковой интерференции. В статье рассмотрены виды языковой интерференции, связь между фонетической и артикуляционной базой родного языка учащегося с изучаемым языком.

A.A. Kuznetsova

Phonetic accent as a result of interlanguage interference

Keywords: phonetic interference, phonetics, RFL, types of interference, types of errors.

Abstract. The article is devoted to the consideration of phonetic accent through the prism of interlanguage interference. The article considers the types of language interference, the relationship between the phonetic and articulation base of the student's native language with the language being studied.

1 При изучении иностранного языка каждый учащийся должен знать не только значения слов, уметь соединять их в словосочетания и предложения, овладеть всеми видами речевой деятельности, но и освоить фонетический строй и интонацию изучаемого языка. Для этого нужно уделять достаточное количество времени изучению фонетических особенностей иностранного языка. Именно перенос фонетических навыков с родного языка на изучаемый, отсутствие внимания к постановке звуков и обучению интонации порождает фонетический акцент. Нарушения в речи иностранцев являются следствием интерференции, которая проявляется на всех уровнях языка, в том числе и на звуковом. В последнем случае принято говорить о фонетической отрицательной интерференции.

2. Явление межъязыковой интерференции описывается в трудах многих зарубежных и отечественных исследователей: Э. Хаугена, В.А. Виноградова, Н.Б. Мечковской, Е.А. Оглезнева, В.Ю. Розенцвейга, У. Вайнрайха, Л.П. Крысина и др.

3. Под фонетической интерференцией в статье Е.А. Будник понимается нарушение вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух, а иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем [1, с. 171].

4. В работах У. Ванрайха мы обнаруживаем следующее деление фонетической интерференции на типы [2, с. 25-60]:

- Фонемная недодифференцированность (*under-differentiation*), то есть неполная дифференциация фонем вторичной языковой системы. Так, количественная редукция в японском языке возможно только у гласных [i] и [u] в позиции между глухими согласными или после глухого в конце слова. В русском языке редукция будет зависеть от положения безударного гласного в слове.

- Сверхдифференцированность в фонемном составе второго языка (*over-differentiation*) или сверхразличение. Подмена мягкого звука [д'] на фрикативный [дж'] и [т'] на [ч]. Из-за отсутствия мягких согласных [д'] и [т'] в японском языке происходит замена на те звуки, которые отдаленно напоминают мягкие согласные в родном языке учащихся. При этом твердые звуки студенты произносят правильно.

- Реинтерпретация (*reinterpretation of distinction*) различий фонем вторичной системы представляет собой переразложение дифференциальных признаков фонем вторичной системы. В японском языке гласный [e] произносится как русский звук [э]. В позициях после мягкого согласного используется дифтонг [ie]. Поэтому студенты не дифференцируют мягкость согласного перед [e] в русском языке. При этом правильно произносят слова, где данная фонема стоит после непарного твердого.

- Субституция звуков речи (*actual phone substitution*) – это неразличение иррелевантных признаков фонем. Например, при анализе речи японских учащихся можно заметить, что они заменяют русские [y] и [ы] на звук [u]. Это связано с тем, что данный язык не имеет аналогов данных звуков, а при сравнении характеристик японский [u] занимает среднее положение между русскими гласными [y] и [ы].

Наиболее распространенным типом фонетической интерференции считается субституция звуков речи. И если первые три связаны с нарушением дифференциальных признаков фонем, то последний тип объединяет нарушения на уровне интегральных признаков.

5. Также Н.А. Любимова в своей работе пишет о том, что стоит учитывать фонетическую интерференцию, которая проявляется не только при производстве речи, но и при ее восприятии. Она затрагивает перцептивную и артикуляционные базы, тем самым нарушая взаимодействие между слу-

100 | хопроизносительными навыками во вторичной языковой системе [3, с. 12]. Мы можем наблюдать данную ситуацию в смешанных группах. Многие иностранцы жалуются, что не понимают, что говорят студенты, чей родной язык отличается от их. Для решения данной проблемы преподаватель должен уделять достаточное внимание фонетическим навыкам каждого студента и организовывать учебный процесс так, чтобы работа происходила в группах или парах, где родные языки студентов отличаются.

6. Сопоставительный анализ двух языковых систем остается наиболее эффективным инструментом для прогнозирования и решения проблем. Но он не дает четких результатов, он лишь наводит нас на возможные ошибки и причины их появления. На точность данного метода влияют многие факторы: наличие диалектов в языке (например, в Китае каждая провинция имеет свой диалект, который может совершенно не совпадать с литературным китайским языком, который чаще всего анализируют), индивидуальные особенности артикуляционной базы студента, другие иностранные языки, которые знает учащийся.

7. При фонетической интерференции происходит смешивание двух систем языков, что приводит к появлению третьей, промежуточной. В таком случае воспроизводство и восприятие речи происходит по правилам последней системы, которая не похожа ни на первую, ни на вторую. Но благодаря системности и предсказуемости возможных ошибок в речи неродного языка появляется возможность устранения типичных ошибок при использовании сознательной опоры на родной язык учащегося и как следствие фонетического акцента.

Литература

1. Будник Е.А. Фонетическая интерференция и иностранный акцент при обучении русскому произношению // *Lingua mobilis*. – Челябинск, 2012. – С. 171–179.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // *Новое в лингвистике*. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25–60.
3. Любимова Н.А. Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финно-русского двуязычия). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 196 с.

Ле Тхи Куинь Хоа

quynhhoa.194@mail.ru

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Милованова М.С.

MSMilovanova@pushkin.institute

д-р филол. наук, профессор

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Иллюстративный материал как эффективный способ обучения русским отантропонимическим прагматонимам

Ключевые слова: русский язык, иллюстративный материал, обучение лексике, антропоним, русское личное имя, отантропонимические прагматонимы.

Аннотация. В статье рассматривается иллюстративный материал как эффективный способ обучения отантропонимическим прагматонимам, раскрываются особенности и способ применения этого метода в преподавании РКИ.

Le Thi Quynh Hoa

Milovanova M.S.

Illustrative material as an effective way of teaching Russian otanthroponymic pragmatonyms

Keywords: Russian language, illustrative material, teaching vocabulary, anthroponym, Russian, personal name, anthroponymic pragmatonyms

Abstract. This article reviews illustrative material as an effective way of teaching otanthroponymic pragmatonyms, reveals the features and application of applying this method in teaching Russian as a foreign language.

Планируя занятия по русскому языку, нужно думать не только о том, чтобы учащиеся запомнили новую лексику, ту или иную конструкцию, но и о том, чтобы помочь студентам понять традиции и культуру носителей изучаемого языка. Одним из аспектов, который наиболее ярко отражает русскую культуру, историю, русский дух, является ономастика. Многие современные онимы создаются с участием русского личного имени, в частности – прецедентного имени (ср. тенденции в образовании *метронимов* [2]). Например, названия магазинов, напитков, продуктов, зданий и т.д. имеют отношение к русскому личному имени: марка шоколада «Алёнка», шоколад «Иван да Марья», молотый кофе «Петр Великий», сгущенное молоко «Антошка»,

102 | кондитерская «Волконский», ресторан «У Адама», водка «Иван Грозный», крем для рук «Алиса», торговый центр «Дарья», кухонная студия «Мария», АО «Ирина» и т.д.

Отантропонимические прагматонимы – названия, с которыми изучающие русский язык сталкиваются ежедневно, – рассматриваются как лексические единицы, поэтому при обучении этим единицам также используют методы обучения лексике. Одним из наиболее эффективных способов является использование средств наглядности. Цель данной статьи – представить иллюстративный материал как эффективный способ освоения темы.

На начальном этапе обучения РКИ русское личное имя всегда считается загадкой для иностранных студентов, особенно носителей вьетнамского языка. Очевидно, что русское личное имя и форма вьетнамского имени являются совершенно разными: русское официальное имя состоит из трёх компонентов: *собственное имя, отчество и фамилия*, а у вьетнамцев – две формы имени: *фамилия + дополнительное имя + собственное имя* или *фамилия + собственное имя*). Несмотря на широкое и глубокое изучение антропонима в ономастической системе, отантропонимические онимы (в частности – прагматонимы с антропонимической основой) до сих пор пока ещё не получили достаточного освещения в практике преподавания РКИ.

Общеизвестно, что использование иллюстративных материалов в преподавании повышает производительность как с точки зрения качества обучения, так и количества учащихся, освоивших материал. Иллюстративные материалы не только облегчают работу преподавателей, но и мотивируют студентов к участию на занятиях. А.Н. Щукин подчеркивает важность различных визуальных материалов, используемых в процессе обучения лексике, утверждая, что они помогают учащимся довольно легко приобретать новые знания, особенно для конкретизации предмета, для легкого запоминания того, что было изучено, и для привлечения внимания учащихся.

Каждая марка имеет свой собственный логотип, товарную рекламу или изображение, представляющее продукт. В таком случае использование иллюстративных материалов как одного из приемов обучения отантропонимическим прагматонимам значительно облегчает учебный процесс, делает его ближе и доступнее учащимся. Когда студенты видят эти материалы, они не только узнают денотаты, но начинают интересоваться историей, стоящей за названием известного бренда.

Например, кофе «Петр Великий»: когда преподаватель показывает картинку, студенты не только знают, что это название известного продукта, но и благодаря изображению на упаковке узнают, что в его названии участвует прецедентное имя – имя царя и первого русского императора, известного своими государственными реформами, основателя новой российской столицы – Санкт-Петербурга.

Конфеты «Гулливер». В этом случае через изображение учащиеся имеют представления о продукте и узнают, что эти конфеты носят имя персонажа из романа английского писателя Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» – популярного произведения для детского и семейного чтения, хорошо известного любому русскому человеку.

Таким образом, использование средств наглядности необходимо для привлечения внимания студентов и повышения мотивированности в освоении темы «Русское личное имя в современных названиях (прагматонимах)».

Литература

1. Быкова О.П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде: Учебно-методическое пособие / О.П. Быкова. – М.: Русский язык. Курсы, 2014. – 200 с.
2. Милованова М.С., Одои-Аджей С. Метроним как объект лингвистического и лингвокультурологического исследования // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 6. – С. 88–92.
3. Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном / А.Н. Щукин. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 784 с.

Ли Пэйян

lpeiayang@mail.ru

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Пекинского университета языка и культуры

Пекин, Китай

Бертякова А.Н.

anna_lazzo@list.ru

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Предложно-падежная форма как маркер семантической трансформации имени

Ключевые слова: предложно-падежная форма, семантическая трансформация, предложная вариативность.

Аннотация. В работе на примере предложно-падежных форм *из гостей, в гости, в гостях* демонстрируется способность релятивной единицы быть маркером семантической трансформации имени, обусловленной иным состоянием субстанции.

Li Peiyang

Bertjakova A.N.

Prepositional-case form as a marker of semantic name transformations

Keywords: prepositional-case form, semantic transformation, prepositional variability.

Abstract. The paper demonstrates the ability of a relational unit to be a marker of semantic transformation of a name due to a different state of substance using the example of prepositional-case forms from *из гостей, в гости, в гостях*.

Падежная форма (на каком бы уровне синтаксиса она ни работала) способна однозначно участвовать в порождении нашим сознанием определенного смысла, потому что за ней стоит интуитивно улавливаемое носителями языка пространственное представление. Это находит подтверждение в структуре человеческой психики, к древнейшим оппозициям которой принадлежат пространственные представления [3].

Маркируя в отдельном сегменте высказывания базовое локативное значение пространственной модели взаимоотношения объекта и предикатив-

ного признака, предлоги актуализируют семантическую сущность имени, склонную к трансформации в результате изменения состояния субстанции, наполнения ее новым содержанием... [1, с. 88].

Способность предложно-падежной формы служить маркером семантической трансформации имени как следствие перерождения субстанции рассмотрим на примере вариативных форм родительного, винительного и предложного падежей существительного *гость*.

В Словаре русского языка в четырех томах выделяются следующие значения существительного *гость*:

1. Тот, кто навещает, посещает кого-л.
2. Постороннее лицо, приглашенное или допущенное на какое-л. собрание, заседание и т.п.
3. В старину: купец, преимущественно иноземный.

После характеристики значений слова как фразеологические единицы, связанные с ним, приводятся предложно-падежные формы: *в гости, в гостях, из гостей*. В гости пойти (или поехать и т.п.) – направиться куда-либо в качестве, на положении гостя. В гостях (быть, обедать и т.п.) – в качестве на положении гостя. Из гостей прийти (или вернуться и т.п.) – вернуться оттуда, где был гостем [5, с. 339].

Действительно, в контексте глаголов или отглагольных существительных со значением направленного движения или глагола со значением нахождения, пребывания наблюдается трансформация значения существительного *гость*: оно становится синкретичным, совмещающим элемент значения ‘субъект действия’ и ‘территория’. В то же время в контексте глаголов и отглагольных существительных с иным значением (например, речи, мысли и др.) сохраняется присущее ему значение субъекта действия. Ср. примеры:

(I.1) *Однажды возвращались они из гостей ночью. Зубр был выпивши и, выйдя на Фридрихштрассе, запел во весь свой голосище про атамана Кудеяра и двенадцать разбойников* (Даниил Гранин. Зубр);

(I.2) *Могу предположить, что кто-то из гостей не понял, о чем шла речь на международной конференции «Арктика: настоящее и будущее», которая прошла в Петербурге в начале декабря прошлого года* (Владимир Соколов, Наталья Шергина. Мы сейчас в тёплой фазе).

(II.1) *И когда Алевтина наконец выписывается из больницы, она зовет его в гости – она полулежит, она ещё не вполне оправилась* (Владимир Маканин. Отдушина);

(II.2) *Когда вернулась мама Зина, работавшая до трех, все спали. Утром она проводила гостей на автобусную станцию, и они уехали по пыльной плоской дороге* (Людмила Улицкая).

(III.1) *Он не бывал в гостях у сослуживцев, ни с кем из них не делил досуга за оградой института* (А. Солженицын. В круге первом);

(III.2) *Самгин слушал его невнимательно, думая: конечно, хорошо бы увидеть Бердникова на скамье подсудимых в качестве подстрекателя к убийству! Думал о гостях, как легко подчиняются они толчкам жизни, влиянию фактов, идей* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Очевидно, способность предложно-падежных форм из *гостей, в гости, в гостях* быть маркером семантической трансформации имени, обусловленной иным состоянием субстанции (обозначаемый объект имени – замкнутое пространство, помещение), свидетельствует о возможной трансформации единицы релятивного плана в единицу плана номинативного, в то время как предложные варианты существительного *гость*, объектом обозначения которого является лицо, сохраняют исключительно релятивный характер (о предложной вариативности см.: [2, с. 137]).

Таким образом, предложную вариативность имени следует рассматривать как один из механизмов развития языка, как результат «противоречия, возникающего между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [4, с. 14].

Литература

1. Бертякова А.Н. Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: Сборник научных трудов Международного научного симпозиума / Науч. ред. д-р филол. наук, проф. В.Н. Степанов; отв. ред. Л.В. Ухова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 88–93.
2. Бертякова А.Н. К вопросу о вариативности нормы употребления служебного слова // VI Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторический судьбы и современность» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) Труды и материалы под общ. ред. М.Л. Ремневой и О.В. Кукушкиной. – М., 2019. – С. 137–139.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
4. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. – М., 1976. – С. 14.
5. Словарь русского языка в четырех томах под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – С изменениями. – Т. I.

Ли Чэнюй

770329377@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Нанкинского университета

Нанкин, Китай

Шантурова Г.А.

GAShanturova@pushkin.institute

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Лингвистический анализ поэмы М. Цветаевой «На красном коне» в гендерном аспекте

Ключевые слова: гендерный аспект, лингвистический анализ.

Аннотация. В данной работе рассматриваются гендерномаркированные языковые средства в поэме М. Цветаевой «На красном коне», применяются методы лингвистического анализа.

Li Chengyu

Shanturova G.A

Linguistic analysis of M. Tsvetayeva's poem On the Red Horse in the gender aspect

Keywords: this work examines gender-labeled language tools in the poem by M. Tsvetayeva "On the Red Horse", linguistic analysis methods are used.

Abstract. Gender aspect, linguistic analysis.

Термин «гендер» определяется в науке как «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [2]. В современной лингвистике проблема гендера возникла значительно позже, чем в других гуманитарных науках, хотя в последнее время рассмотрение в гендерном аспекте творчества того или иного писателя или поэта приобретает все большую актуальность. Это объясняется не только спецификой социокультурной ситуации XX–XXI вв., сложившейся в современном обществе, но и тем, что гендерный подход в изучении языка и коммуникативного поведения позволяет значительно расширить границы научных исследований.

Задачей настоящей работы является попытка лингвогендерного прочтения поэмы М.И. Цветаевой «На красном коне». В нашем исследовании

108 | мы опираемся на методику комплексного анализа гендерномаркированных языковых средств, включающую семантический и концептуальный анализ исследуемых языковых единиц, разработанную известным российским ученым Л.А. Ермаковой [1].

Проведенный нами анализ гендерномаркированных языковых средств языка поэмы «На красном коне» состоял из следующих этапов:

1. Отбор номинаций, указывающих на лиц мужского и женского пола: *конный, стан в латах, Царь, всадник, Ангел, гордец, вожатый, Гений; девочка, девушка, женщина* и т. д. Для усиления эффекта художественной выразительности используется приём метафоры и метонимии, которые не только символизируют лицо мужского пола, но и представляют такие дополнительные черты характера самого героя, как отважность, воинственность, самоволие, гордость и т.д.

2. Определение мест гендерномаркированных единиц в синтаксической структуре и семантике:

- цепочки отрицаний. В самом начале поэмы наблюдается резкий контраст Музы-всадника с образом Музы-женщины. Это реализуется за счет цепочек отрицаний, относящихся к действиям, которые традиционно связаны с заботой о маленькой девочке: *Не Муза, не Муза // Над бедною люлькой // Мне пела, за ручку водила. // Не Муза холодные руки мне грела, // Горячие веки студила. // Вихор ото лба отводила – не Муза, // В большие поля уводила – не Муза. // Не Муза, не черные косы, не бусы, // Не басни... К устам не клонился, // На сон не крестил. // О сломанной кукле // Со мной не грустил.* Подобная конструкция частично повторяется в последних строках: *Не Муза, не Муза, – не бранные узы // Родства, – не твои пути, // О Дружба! – Не женской рукой, – лютой, // Затянут на мне – // Узел, благодаря чему текст представляет собой единое целое, несмотря на сложность сюжета. Очевидно, что образы «чёрные косы», «бусы» и тут косвенно ориентированы на А. Ахматову, которой посвящена данная поэма. Опираясь на известные в то время изображения своей современницы, М. Цветаева создала портрет Музы-красавицы в противопоставление своему Музе-всаднику.*

- эллиптические конструкции. Быстрота событий сна героини переданы с помощью эллипсиса: *Бешеный всплеск маленьких рук // В небо – и крик: – Кукла!; – Клянись, что тотчас – с мосту, // Коль я туда – цветок, // Платок... – Смотрит – и – просто // Вниз головой – в поток!; Смех – и в ответ – яростный плеск // Крыл и когтей – свёрла.*

- прием контраста: «черным косам» противопоставлены «два крыла светлорусых. Коротких – над бровью крылатой».

- вопросительные конструкции. Неожиданность событий отражается в вопросительных конструкциях: *Кто это – след – скоком гоня // Взор мне метнул – властный? // Кто это – след – скоком с коня // Красного – в дом –*

красный?!; Кто это вдруг – взмахом плаща // В воздух меня – вскинул? // Кто это вдруг – красным всплеща // Польем – в огонь синий?!; Кто это след – наперерез – // Молнией – в гром орлий?!

- синтаксический параллелизм при помощи повторяющегося предлога без: *Девочка – без – куклы. <...> Девушка – без – друга! <...> Женщина – без чрева! Обозначены этапы взросления и утраты жертвы.*

- параллельные анафорические конструкции для выражения решительности: *Не любит! – Не надо мне женских кос! // Не любит! – Не надо мне красных бус! // Не любит! – Так я на коня вздымусь! // Не любит! – Вздымусь – до неба!*

Не любит! – Не надо мне женских кос! // Не любит! – Не надо мне красных бус!..

Гендерный анализ поэмы позволяет нам не рассматривать семантическую оппозицию «женщина – мужчина» ведущей в тексте. Доминантной оппозицией поэтического текста является семантическая оппозиция «быт – Бытие». В центре поэмы стоит процесс духовного становления героини, который представлен здесь как ряд последовательных событий: героиня меняется, продвигается, растёт и становится поэтом-Гением, «в поэме женственное начало в лице героини проходит испытание мужественным духом» (С.Н. Бройтман). Недаром поэма «На красном коне» начинается с пожара, который разрушает все плотское и земное (отречение от детства, любви, материнства), но дает начало духовному «ремеслу», уходя от «человеческого» к «поэтическому».

Обобщая сказанное, можно сделать следующий вывод: гендерный подход в лингвистическом анализе текста позволяет раскрыть не только глубину и своеобразие языка поэмы «На красном коне». С помощью гендерномаркированных языковых средств М. Цветаева создаёт авторскую систему приёмов художественной экспрессии, которая отражает специфику идиостиля поэта.

Литература

1. Ермакова Л. Гендерно маркированные языковые средства в поэтическом дискурсе Марины Цветаевой: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2018.

2. Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения: 11.05.2013).

Ло Хань

522016800@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Юго-Западного нефтяного университета Чэнду, Китай

Е.И. Головаха

YGolovakha@pushkin.institute

ассистент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Концепт «солнце» в русской и китайской лингвокультурах

Ключевые слова: концепт, солнце, культура, сопоставление.

Аннотация. Данная работа посвящена сопоставительному анализу концепта «солнце» в русской и китайской языковых картинах мира. Выявлены сходства и различия концепта «солнце» в двух лингвокультурах.

Luo Han

Golovakha E.I

The concept “sun” in Russian and Chinese language cultures

Keywords: concept, sun, culture, comparison

Abstract. This paper is devoted to comparative analysis of the concept “sun” in Russian and Chinese language pictures of the world. Purpose of this paper – to reveal the similarities and differences of the concept “sun” in two linguocultures.

В настоящее время в современной лингвистической науке активно изучаются отдельные концепты, связанные с этническими культурными особенностями народов [1, с. 5–6]. Анализ концепта «солнце» в лингвокультуре двух стран позволяет выявить национальные своеобразия в русской и китайской языковых картинах мира.

Лексемы «солнце» в русском и «太阳/日» в китайском языках фиксируют общие значения: «небесное светило» и «свет, тепло, излучаемые этим светилом». Однако в русском языке слово «солнце» имеет больше значений, чем в китайском. Так, в толковом словаре С.И. Ожегова представляются следующие дополнительные значения данного слова: «то, что является источником, средоточием чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого»; «гимнастическое упражнение»; «раскрой одежды» [2].

Концепт «солнце» эквивалентен в русской и китайской научных картинах мира как научное понятие «солнце». Однако данный концепт также имеет

сходства и в языковых картинах мира. Национальная общность отражается в таких положительных ассоциациях с этим словом, как «счастье», «тепло» и «надежда». В сознании русского и китайского народов солнце как источник света приносит людям тепло и надежду, согревает и питает людей, даёт счастье. В то же время солнце (как начало дня) рассматривается как начало жизни, весны. Также в двух лингвокультурах солнце представлено как символ урожая и труда, так как в древности наши предки начинали работать в полях после восхода солнца, и богатство урожая зависело от продолжительности солнечных дней. Это отражено в китайской пословице: «日出而作, 日落而息» (*работа начинается с восходом солнца и заканчивается на закате*) и в русском аналоге: «Солнце встанет, так и утро настанет».

На протяжении более тысячи лет развития России религия всегда играла важнейшую роль в формировании ее этики и культурных традиций, в том числе и в формировании содержания концепта «солнце». В русской культуре религиозные особенности концепта «солнце» определяются в первую очередь язычеством. В славянских мифах солнце тесно связано с богами. Прямое отношение к светилу имели Дажьбог (Дажьбог) и Хоре. Дажьбог являлся богом солнечного света, а Хоре был воплощением солнечного диска. Солнце предстает как источник жизни, источник различных благ (в том числе, в социально значимой сфере: Дажьбог считался первым правителем, учредителем календарного счета дней, законодателем). Солнечная символика (крест, круг, колесо, свастика, глаз в круге и т. д.) неизменно украшала одежду и головные уборы славян, осуществляя функции оберега.

Такой солярный культ также существует в Китае, но различие заключается в том, что в Древнем Китае у солнца не было точного образа, и люди считали, что в солнце поселился трехногий ворон, присутствующий во многих мифах. Согласно древнекитайскому трактату «Шань хай цзин», существовало десять трехногих воронов, поселившихся в десяти солнцах. Каждое утро они по очереди летают из восточной шелковицы «фусан» в западное дерево «жому» [3, с. 65–66]. В древних мифах трёхногий ворон, являясь слугой верховной богини, каждый день приносил ей еду. И тогда трехногий ворон считался символом счастья.

В прошлом китайский народ рассматривал солнце как символ счастливого предзнаменования и высшей власти. Существует пословица: «天无二日, 土无二王» (*на небе не бывает двух солнц, а на земле не бывает двух царей*). Так, солнце представляет собой символ некоторых древнекитайских сообществ. В современном сознании китайцев солнце часто ассоциируется с китайской коммунистической партией, которую можно считать гарантией блага и счастья народной жизни. В песнях часто упоминают китайскую коммунистическую партию и новый социальный строй как восходящее солнце, что обозначает, что новая партия и новый социальный строй идут во главе и помогают развивать страну.

Кроме того, в китайском языке есть много фразеологизмов, в которых солнце тесно связывается с верностью, преданностью, правдой и др. Например, «指天誓日» (букв.: *показывая на небо, клясться солнцем*); «忠贯日月» (букв.: *верность солнцу и луне*); «拨云见日» (букв.: *рассеять облака и увидеть солнце*).

На основе вышеизложенного можно утверждать, можно концепты «солнце» и «太阳/日» являются важнейшими фрагментами языковой картины мира в обеих лингвокультурах и играют важную роль в сравнении национальных культур России и Китая.

Литература

1. Паносова Е.П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. С. 5–6.
2. Толковый словарь С.И. Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/>
3. Ян Мин. Сопоставительное исследование лингвокультурологических полей концептов «солнце»/ 太阳 в русском и китайском языках. – 2016. – С. 65–66.

Ли Вэньди*lwd0712@163.com**студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия**студент Ланьчжоуского университета**Ланьчжоу, Китай***Шамсутдинова Р.Р.***RRShamsutdinova@pushkin.institute**ассистент**Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина**Москва, Россия*

Ошибки при переводе туристических общественных знаков (на примере Циньхуандао)

Ключевые слова: общественные знаки, скопос-теория, лексические ошибки, грамматические ошибки, культурные ошибки.

Аннотация. Играя роль подсказок и указателей, общественные знаки широко используются на территории туристических достопримечательной. Популярный среди российских туристов город Циньхуандао имеет высокий статус в области перевода общественных знаков. В данной статье на базе скопос-теории анализируются лексические, грамматические и культурные ошибки, допущенные при переводе, рассматриваются причины их возникновения и предлагаются контрмеры.

Li Wendi**R.R. Shamsutdinova****Errors in translation of tourist public signs (by example of Qinguangdao)**

Keywords: public signs, skopos theory, lexical errors, grammatical errors, cultural errors

Abstract. Playing the role of hints and pointers, public signs are widely used on the territory of tourist attractions. The city of Qinguangdao which is popular among Russian tourists has a high status in the field of public signs translating. This article analyzes lexical, grammatical, and cultural errors that occurred during translation, examines the causes of their occurrence, and suggests countermeasures.

Общественные знаки – это открытая публике текстовая или графическая информация, выполняющая функции уведомления, инструктирования, напоминания, демонстрации, предупреждения и связанная с жизнью, про-

114 | изводством, экологией и бизнесом. Общественные знаки, в соответствии с классификацией Люй Хэфа, делятся на указательные, информативные, ограничительные и принуждающие [4], где первые (*Ресторан, Камера хранения*) сообщают информацию о предоставляемых услугах, вторые (*Открыто, Вход*), регулируют соблюдение гражданами норм поведения, целью третьих (*Опасно, Осторожно*) является предупреждение граждан, а последние (*Купаться запрещено, Не прислоняться*) запрещают определенные виды действий.

При переводе туристических общественных знаков мы опираемся на скопос-теорию, в центре внимания которой – перевод как вид деятельности, имеющий свою цель, задачу и предполагаемого адресата. Перевод общественных знаков – это практический перевод, учитывающий специфику восприятия носителей целевого языка, на что и ориентирована скопос-теория [1, с. 93].

Ошибки, допущенные при переводе общественных знаков, размещенных на территории достопримечательностей в Циньхуандао, можно разделить на три категории: лексические, грамматические и культурные.

Под лексическими ошибками мы понимаем неправильное написание слов, в том числе, пропуск букв в слове или добавление лишних, путаницу схожих букв: *Безопасность занимает лервое место в ходе туризма*. Кроме того, часто встречается ошибочный выбор слов, что вызывает недоразумения. Ср. *Туристы остановки* вместо более уместных *Не входит* и *Проход запрещён*.

Грамматические ошибки затрагивают спряжение глаголов, отсутствие склонения или неверный выбор падежа имени существительного (ср. *Персонал столовой* вместо корректного *Столовая для персонала*), а также построение предложений. В последнем случае ошибки связаны с копированием исходного предложения – дословным переводом. Ср. переведенное слово в слово *Будьте культурным туристом при любовании достопримечательностями*, которое следовало бы заменить на *Соблюдайте правила поведения при посещении достопримечательностей*.

Культурные ошибки связаны с чрезмерным буквализмом, отсутствием у переводчика достаточной информации и игнорированием культурных различий. Например, полученное в результате буквального перевода *В храме идёт утренний колокол и вечерний барабан, звук барабана с утренней зарей плывет на поверхности моря* (оригинал 庙内有晨钟暮鼓之说, 清晨敲钟, 晚上击鼓, 鼓声伴着朝霞暮霭回荡 于海面) не учитывает иероглифическое 之说, что означает употребление фразеологизма. Храмовая традиция звонить утром в колокол и ударять вечером в барабан стала источником для соответствующего фразеологического оборота, используемого с целью приободрить кого-либо в непростой ситуации. Более корректным, таким образом, является вариант *В храме утром ударяют в колокол, а вечером – в барабан*, дополненный информацией об истории происхождения фразеологизма и его значении.

Причины появления этих ошибок связаны с недостаточным уровнем подготовки переводчиков, определяющим в том числе полноту понимания культурных и когнитивных различий между данными странами, а также с отсутствием контроля за переводом общественных знаков с китайского на русский язык.

В связи с этим можно предложить следующие рекомендации. Во-первых, важно тщательно подходить к выбору слов, чтобы избежать копирования оригинального текста. Так, вместо *Смотреть ваш шаг* лучше использовать *Осторожно, ступеньки*. Стоит также обратиться к уже существующим общественным знакам на русском языке, к примеру, *От себя, На себя, Внимание, Не курить*. Кроме того, в китайских общественных знаках много эпитетов, поэтому в подобных случаях можно прибегнуть к опущению семантически избыточных слов [2, с. 493]: перевод должен передавать только основную информацию, что соответствует характерному для общественных знаков принципу простоты и ясности. основополагающим фактором являются различия в культуре и мышлении, учёт которых способствует наиболее качественному переводу общественных знаков.

Литература

1. Джабраилова В.С., Безух А.Э. Скопос-теория как фактор прагматической адаптации при переводе слоганов коммерческой рекламы с английского языка на русский // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 4. – С. 92–95.
2. Сун Чуньмэй, Шантурова Г.А. Анализ приемов перевода на материале текстов «Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года» // *Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Методиевские чтения»*. – М., 2018. – С. 492–495.
3. 鲍雪. 我国境内俄语公示语误译研究 (Бао Сюэ. Исследования по неправильному переводу российских общественных знаков в Китае: Маг. дис. – Хэйлунцзянский университет, 2017. – 63 с.).
4. 吕和发. 公示语的功能特点与汉英翻译研究 // *术语标准化与信息技术 (Лью Хэфа. Функциональные характеристики общественных знаков и исследование китайско-английского перевода // Стандартизация терминологии и информационные технологии*. – 2005. – № 2. – С. 21–35.).

Лин Чэн

nonnaling242@gmail.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Сианьского нефтехимического университета Сиань, Китай

Ванюшина Н.А.

navanyushina@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Моцарт и Сальери – герои-антиподы трагедии А. С. Пушкина

Ключевые слова: антагонист, протагонист, герои-антиподы, А.С. Пушкин.

Аннотация. В статье рассматриваются образы героев-антиподов Моцарта и Сальери в трагедии А.С. Пушкина. Противопоставленность главных героев выступает авторским приемом, направленным на наиболее полное описание характеров персонажей. Построенная на авторском вымысле трагедия затрагивает актуальные вопросы противопоставления гения и злодея, добра и зла, значимые во все времена.

Ling Cheng

Vanyushina N.A.

Mozart and Salieri – antipodes of the tragedy by Alexander Pushkin

Keywords: antagonist, protagonist, antipodes, A.S. Pushkin.

Abstract. The article considers the images of the antipodes of Mozart and Salieri in the tragedy of A.S. Pushkin. The opposition of the main characters acts as an author's technique aimed at the most complete description of the characters. Based on the author's fiction, the tragedy touches on the topical issues of the opposition of genius and villain, good and evil, which are significant at all times.

Герои-антиподы изображены во многих произведениях мировой классической литературы. Антиподами называют действующих лиц, которые противопоставляются автором друг другу на основе разницы взглядов, убеждений, образа и отношения к жизни. Такой прием построения литературного произведения призван показать наиболее полно образы героев, помогая четче увидеть авторскую позицию, они выявляют все детали характеристики главного героя-протагониста. Таким образом, поляризуются честность и подлость,

коварство и благородство, фальшивость и стремление к истине. Одним из ярчайших примеров китайской литературы, отражающих противоборство героев-антиподов, является роман Чэнь Чжунши «Равнина белого оленя». На страницах книги рассказывается полувековая история двух влиятельных семейств – Бай (кит. 白) и Лу (кит. 鹿). Мы видим, как сменяются поколения героев, их жизнь представлена на фоне важнейших исторических событий жизни Китая. На протяжении всего романа члены семей противопоставлены друг другу, с помощью такого приема автор показывает различные точки зрения на происходящее, на то, как меняет политический курс страны жизнь простых людей.

Одним из самых известных примеров такого противопоставления в русской классической литературе является трагедия А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», представляющая вниманию читателя характеристику героев, двух выдающихся композиторов, диаметрально противоположных друг другу. Один из них, Антонио Сальери – злой и желчный, а второй Вольфганг Амадей Моцарт – жизнерадостный и веселый. Трагедия построена на описании двух полюсов – доброжелательность, открытость и зависть, природный талант, гениальность и упорный труд, направленный на совершенствование своего ремесла. Произведение А.С. Пушкина не имеет доказанной исторической основы, построено на череде слухов, связанных с безвременной смертью Вольфганга Моцарта. Можно сказать, что творение автора способствовало укоренению в общественном сознании мифа о причастности Антонио Сальери к смерти Моцарта, именно на этой основе имя Сальери превратилось в нарицательное в русской культуре. Сальери признает гениальность своего оппонента:

Какая глубина!
 Какая смелость и какая стройность!
 Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
 Я знаю, я».
 Крылатой фразой стали слова Моцарта:
 «Он же гений,
 Как ты да я. А гений и злодейство –
 Две вещи несовместные. Не правда ль?

Именно противопоставления гения и злодея и лежит в основе произведения А.С. Пушкина. Моцарт не осознает своего величия, не может объективно оценить тот дар, которым он награжден свыше. Он весьма небрежно относится к своим великим творениям, отмечая, что «божество моё проголодалось» [1, с. 52], низводя тем самым гениальность до обыденных потребностей. Именно такое поведение Моцарта наводит Сальери на мысль о том, что он должен остановить его, помешать ему погубить все величие музыки и авторов, ее творящих:

Что пользы в нём? Как некий херувим,
Он несколько занёс нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь! [1]

Каким образом можно творить великие произведения, оставаясь свободным от зависти со стороны окружающих, как можно быть великим, оставаясь при этом простым человеком, окруженным только лишь друзьями и единомышленниками – такие вопросы, актуальные и на сегодняшний день, ставит автор в своем произведении.

Учитывая тот факт, что трагедию «Моцарт и Сальери» считают авторским вымыслом, она, бесспорно, затрагивает важнейшие проблемы общественной жизни, пополняя коллекцию золотого фонда русской литературы и являясь одним из гениальных произведений великого русского поэта и писателя.

Литература

1. Пушкин А.С. Маленькие трагедии. – М.: Азбука-классика, 2017. – 208 с.

Лексико-фразеологические инновации российско-украинского кризиса

Ключевые слова: формальные неологизмы, семантические неологизмы, актуализированная лексика, дискурс массмедиа.

Аннотация. Исследование посвящено изучению неологизмов, возникших во время украинского кризиса конца 2013–2014 года. Иллюстрируется, что пополнение лексического состава языка в данный период осуществлялось за счет появления новых лексических единиц, изменения значения уже существующих, а также активизации пассивных пластов лексики.

N. V. Litynskay

Lexical and Phraseological Innovations of the Russian-Ukrainian Crisis

Keywords: formal neologisms, semantic neologisms, activated vocabulary, mass media discourse.

Abstract. The paper focuses on the neologisms that emerged in Russian during the Ukrainian crisis of 2013–2014. It is argued that the renewal of the lexical composition of the language occurred due to the creation of new words, the semantic transformation of existing ones and the activation of passive layers of the vocabulary.

2014 год был отмечен всплеском неологической активности в русском языке. Причиной этого стали события в Украине, оказавшиеся в центре внимания российской общественности. Как известно, лексико-семантическая система языка наиболее восприимчива к социальным факторам, поскольку именно в ней отражается реакция общества на острые социальные потрясения. При этом некоторые номинативные единицы имеют ограниченный срок существования, другие же, наоборот, входят в состав языка и активно используются на протяжении длительного времени.

Исходя из данного предположения, в настоящем исследовании будет произведен анализ лексических и фразеологических инноваций русского языка, источником появления которых стали события в Украине конца 2013–2014 года.

Для отбора неологизмов использовались интернет-сообщества «Слово года» и «Словарь года» – лингвистические проекты, занимающиеся фиксацией

120 | новых слов и выражений и составляющие их рейтинги за один календарный год. Преобладание в вышеуказанных проектах слов, касающихся украинской тематики в 2014 году, делает их важным иллюстративным источником для целей данного исследования.

Дальнейший контекстуальный анализ неологизмов произведен на материале электронных версий российских общенациональных периодических изданий – «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Российская газета» и «Новая газета». Средства массовой информации – одна из наиболее распространенных форм существования языка, следственно дискурс массмедиа является сферой появления, функционирования и распространения лексических и фразеологических неологизмов.

Под «неологизмом» подразумевается слово, значение или сочетание слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке [1, с. 8]. В данной статье анализируются собственно неологизмы (формальные неологизмы), т.е. слова, созданные в период кризиса, ранее не использовавшиеся, и семантические неологизмы – уже известные языку лексические единицы, изменившие свое значение в процессе внутрисловной семантической деривации (метафорического или метонимического переноса, расширения или сужения значения).

Появление формальных неологизмов вызвано необходимостью заполнения номинативных лакун. Примером этого может быть лексема крыминг (митинг, организованный в поддержку присоединения Крыма), коллокация крымская весна (период, ознаменовавшийся проведением протестных акций на полуострове и закончившийся присоединением Крыма к РФ) и крымнаш – известный лозунг, превратившийся путем языковой компрессии в существительное.

Семантические неологизмы появляются через придание новых коннотаций уже существующим номинативным единицам. Например, эвфемизм вежливые люди возник в результате реинтерпретации прилагательного вежливый, что привело к расширению сочетаемости этого прилагательного и, как результат, к появлению окказиональных коллокаций (вежливый Крым, вежливая азбука, вежливый захват).

Еще одним источником обновления лексического состава языка является «актуализированная лексика», т.е. номинативные единицы, повысившие в исследуемый период свою функциональную значимость [2, с. 49–54]. Например, лексема запрещенка, означающая в советские времена запрещенную к публикации литературу, начала использоваться для обозначения запрещенных к ввозу в Россию продуктов после введения санкций. Актуализация периферийного слоя лексического состава языка объясняется тем, что некоторые слова в определенную эпоху оказываются более коммуникативно пригодными для отражения важных общественных явлений.

С точки зрения морфологических характеристик, производными основами для образования неологизмов оказываются лексемы, попавшие в фокус внимания общественного мнения (в терминологии Т.В. Шмелевой, «ключевые слова текущего момента» [3, с. 33]). Например, продуктивной основой формальных неологизмов являются лексемы, которые ассоциируются с местами разворачивания украинских событий – «Майдан» и «Крым». Данные топонимы имеют высокий деривационный потенциал, который проявляется в образовании словообразовательных парадигм. Таким образом, наиболее популярные слова конкретного периода становятся основой для образования неологизмов.

Анализ лексической сочетаемости неологизмов показал, что их активное употребление в текстах масс-медиа приводит к тому, что со временем они приобретают новые смыслы и дополнительные коннотации, расширяют свои деривационные возможности и сферу употребления, становятся объектом морфологических преобразований и языковой игры. В этом контексте неологизация понимается как процесс, представляющий собой обновление лексико-семантической системы языка в соответствии с интерпретацией говорящими актуальных событий общественно-политической жизни, преобразованием их языкового сознания и изменением их ценностных ориентиров.

Литература

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992.
2. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века. – Воронеж, 2004.
3. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // *Colleqium*. – 1993. – № 1. – С. 33

Лу Цзяюань

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

магистрант Сямэньского университета

Сямэнь, Китай

Шутова М.Н.

marina.shu@mail.ru

д-р пед. наук, профессор

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Считалка как произведение устного народного творчества

Ключевые слова: фольклор, считалка, детская речь, развитие детей.

Аннотация. В статье рассматривается один из жанров русского народного творчества, а именно считалка. Анализируются считалки, которые используются и детьми, и взрослыми. Особенно интересно исследование того, как считалки влияют на формирование детской речи, моторику и интеллектуальное развитие детей.

Lu Jiayuan

Shutova M.N.

Nursery rhymes as a work of oral folklore

Keywords: folklore, reading room, children's speech, development of children

Annotation. The article discusses one of the genres of Russian folk art, namely the reader. The readers are analyzed, which are used by both children and adults. Of particular interest is the study of how counters affect the formation of children's speech, motor skills and the intellectual development of children.

1 Устное народное творчество существовало еще в дописьменную эпоху, произведения народного творчества передавались из поколения в поколение устно. С одной стороны, оно является единственной «неписаной историей», что восполняет всю картину жизни народа и даёт важный материал для изучения. С другой стороны, произведения народного творчества с самого рождения сопровождают человека и способствуют его формированию и развитию. Малые жанры фольклора – это небольшие по объёму фольклорные произведения. Некоторые исследователи называют их детским фольклором, так как такие народные произведения входят в жизнь человека очень рано, ещё до овладения речью. В русском устном народном творчестве много видов малых жанров.

2. Считалки, как малый жанр фольклора, представляют собой рифмованные или белые строки, которые часто содержат какой-то законченный рассказ и используются в качестве прелюдии к детской игре [1]. С самого младенчества дети слышат считалки, а становясь постарше, сами с большим удовольствием используют их в своих играх и забавах. Считалки входят в жизнь людей очень рано, ещё до овладения речью. В наше время, также придаётся большое внимание считалкам. Под современными считалками в рамках данного исследования мы подразумеваем и сами считалки, а также молчанки, страшилки, дразнилки, заклички и т.д.

3. Сейчас считалки как малый жанр фольклора не только используются детьми в детской игре для распределения ролей или очереди, но и позволяют взрослым распределить коллективную работу в непринуждённой обстановке. Именно поэтому внимание участников в большинстве случаев уделяется не тому, что содержится в текстах, а тому, что выходит в результате. Одновременно считалки также играют важную роль в педагогике, часто используются в обучении правильному произношению, в приобщении детей к русской национальной культуре и непосредственно образовательной деятельности.

4. Из всего многообразия жанров и форм детского устного народного творчества наиболее завидная судьба у считалок. С раннего детства (3–5 лет) и до вступления в юность считалка является любимым произведением ребенка. Считалками принято называть короткие рифмованные стихи, применяемые детьми для распределения ролей в игре. В отличие от жеребьевки считалка обычно имеет не два, а четыре и более стиха шуточного содержания. Жеребьевка имеет форму вопроса, а считалка произносится в форме пересчета. Считалка обеспечивала равноправие участников игры. На кого она укажет, тот и будет «водить». Поэтому считалка строилась так, чтобы в последней строке содержалось указание на того, кому водить. Ведущий пересчёт скандирует, выделяя каждый слог:

Эники-беники, ели вареники.

Эники-беники, клёц!

5. Происхождение считалок учёные относят к языческим временам и связывают их с условной тайной речью, на основе которой создавалась загадка. Боязнь выдать свои намерения животным, птицам, рыбам и даже грибам привела к табу счета. Вспомним запрет грибников при сборании задавать вопрос, сколько грибов он уже нашел. Хозяйки дома избегали пересчитывать куриные яйца, чтобы куры не перестали нестись. Охотники считали, что пересчет убитой дичи во время охоты приведёт к неудаче. Это привело к тому, что люди придумали иносказательные формы счета.

6. Русская считалка является коротким рифмованным стихком и позволяет детям определить роль в игровой форме. Русская считалка характеризуется своими рифмами.

Во-первых, рифмы считалки различают по точности звучания. В нашей работе, рифмы русских считалок классифицируются по трем типам: точ-

124 | ные, приблизительные и неточные. У точных рифм концы строк совпадают абсолютно. Например:

Ехал Фома по дороге,
Сломал колесо на пороге!
Приходите все на чай!
Сколько чаек? Отвечай!

У приблизительных рифм концы строк совпадают не абсолютно, только похожи по звучанию. Например:

Тучи, тучи, тучи, тучи,
Скачет конь большой, могучий.

У неточных рифм концы строк совсем не совпадают. Например:

Подогрела чайка чайник,
Пригласила восемь чаек!

В силу характеристик считалок, в большинстве случаев в русских считалках употребляются смежная рифма, перекрёстная рифма и смешанная рифма. В нашей работе русские считалки разделены на четыре группы: детские считалки-числовки, заумные детские считалки, сюжетные детские считалки и считалки-заменки.

7. Считалки играют важную роль в постановке звука и вызывании голоса, речи.

Каждая считалка имеет свою определённую ритмическую структуру и характеризуется своим ритмом. Ребёнок начинает через ритм отличать один звук от другого. После многократных повторений дети зачастую незаметно запоминают ритм и хорошо дифференцируют звуки речи. Таким образом идёт коррекция не только регистра, но и интонации. Ведь основу музыки составляет мелодия, а основу речи составляет интонация. Любая ритмическая композиция, применяемая на музыкальной стимуляции, имеет свою мелодию и интонацию. Развитие ощущения восприятия звука, высоты звука помогает детям в коррекции звуков голоса и речи [2].

8. Основная задача состоит как в развитии речи, так и в интеллектуальном развитии, а также в развитии координации движения и моторики детей.

В последние годы, сохранение нематериального культурного наследия равносильно сохранению памяти людей о существующей исторической культуре. Это касается и устного народного творчества, в частности считалки как одного из малых жанров.

Литература

1. Что такое считалки: определение. Русские считалки и небылицы для детей [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/156004/chto-takoe-schitalki-opredelenie-russkie-schitalki-i-nebyilitsyi-dlya-deey> (дата обращения: 05.04.2018).

2. Шутова М.Н. Корректировочный курс фонетики русского языка для иностранных студентов в период стажировки в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина // Русский язык за рубежом. – М., 2017. – № 3. – С. 4–9.

Лю Чанчжэнь

1505237355@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Яньчэнского педагогического университета

Яньчэн, Китай

Шамсутдинова Р.Р.

RRShamsutdinova@pushkin.institute

ассистент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Интертекстуальность и фразеологизмы в произведениях русской литературы

Ключевые слова: интертекстуальность, РКИ, фразеологизмы, произведения русской литературы.

Аннотация. В данной статье рассматривается использование интертекстуальности в процессе обучения русскому языку как иностранному, в частности, обращение к фразеологии в произведениях русской литературы.

Liu Changzhen

Shamsutdinova R.R.

Intertextuality and phraseological units in the works of Russian literature

Keywords: intertextuality, Russian as a foreign language, phraseological units, works of Russian literature

Abstract. This article discusses the use of intertextuality in the process of learning Russian as a foreign language, in particular the reference to phraseology in the works of Russian literature.

Оформившаяся в рамках постструктурализма под влиянием идей М.М. Бахтина, Ю.Н. Тынянова и Ф. де Соссюра [8, с. 15] теория интертекстуальности сегодня широко используется во многих областях, в том числе в методике обучения русскому языку как иностранному. Данный термин, отталкиваясь от концепции диалога М.М. Бахтина, впервые предложила французская исследовательница Ю. Кристева, которая отмечала, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это выпитывание и трансформация какого-либо другого текста» [5, с. 167]. Работая с произведениями русской литературы, иностранные учащиеся ближе знакомятся со спецификой русской культуры и русского менталитета, отраженными

126 | в языке. Использование интертекстуальности как средства обучения русскому языку как иностранному способствует овладению учащимися культурным фоном и, как следствие, обеспечивает лучшее понимание художественных произведений.

В круг интертекстуальных включений входят и фразеологические обороты, под которыми мы вслед за Н.М. Шанским понимаем воспроизводимые в готовом виде языковые единицы, состоящие из двух и более ударных компонентов словного характера, фиксированные по своему значению, составу и структуре, т.е. как эквивалентные слову фразеологизмы, так и пословицы и «крылатые слова» [6, с. 22]. Писатели регулярно обращаются к подобным выражениям, помещая их в тот или иной социокультурный контекст, что вызывает определенную степень затруднения у иностранных учащихся. Приведем некоторые примеры.

(1) – *Так и сделайте, княгиня, как хотите, – сказал он, опять оглядываясь. – Тяжела шапка Мономаха!* – сказал ему шутя Степан Аркадьич, намекая, очевидно, не на один разговор с княгиней, а на причину волнения Левина, которое он заметил (Л. Толстой, Анна Каренина). Здесь мы встречаем ставшую «крылатой» строчку из трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкина. Исходно шапка Мономаха – неотъемлемый атрибут церемонии венчания на царство – являлась символом царских прав. В качестве устойчивого оборота употребляется с целью выразить жалобу на большую ответственность лидера [7, с. 765–766].

(2) – *Испортит сено, – сказал он. – Ничего, барин, в дождь коси, в погоду греб!* – сказал старик. Левин отвязал лошадь и поехал домой пить кофе (Л. Толстой, Анна Каренина). *Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях <...>. Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тес, рассуждая, и, конечно, справедливо, что в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет* (Н. Гоголь, Мертвые души). Данные устойчивые выражения, связанные с погодой и климатическими условиями, отражают реалии крестьянской жизни – специфику сельскохозяйственных и бытовых работ: вплоть до XX века самым широким классом российского общества были крестьяне. Однако не стоит понимать значение указанных выражений буквально: если первое можно интерпретировать как ‘всему свое время’, то второе употребляется в случае, если из-за лени какое-то дело откладывается [3, с. 57].

(3) *Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..* (А. Островский, Гроза). Знание историко-культурного фона облегчает понимание фразеологизмов, а вслед за ними – и фрагментов текста. Определенные исторически значимые события закрепились в образе фразеологизмов. Указанный оборот, обозначающий свободного, ни от кого не зависящего человека, связан с событиями

XV–XVII вв., когда крепостные крестьяне, стремясь стать свободными, бежали на окраины Русского государства [1, с. 239–240].

(4) – *Но я не понимаю жестокости, к кому же? К вам! Как оставаться в том городе, где вы? Нет, век живи, век учишь. И я учусь понимать вашу высоту и ее низость* (Л. Толстой, Анна Каренина). Семантика данной устойчивой единицы, выражающей в указанном случае интенциональное значение упрека [4, с. 13], как правило, не вызывает у китайских учащихся трудностей в связи с наличием в китайском языке эквивалентной по значению пословицы – янььюй 活到老，学到老.

Фразеологические единицы характеризуются экспрессивностью, способны передавать оценку и эмоциональное отношение говорящего, что определяет их частое функционирование в диалогах персонажей художественных произведений, воссоздающих живую разговорную речь. Использование писателями устойчивых оборотов является проявлением интертекстуальности как свойства текста: знание данного лексического материала облегчает понимание.

Таким образом, фразеологизмы, будучи сосредоточением национально-культурной семантики языка, являются непосредственным проявлением присущей литературным произведениям интертекстуальности, использование которой в процессе обучения направлено на формирование у иностранных учащихся лингвистической и социокультурной компетенции. «Усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое языком», – подчеркивали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [2, с. 4].

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998. – 704 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1990. – 246 с.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М., 2000. – 544 с.
4. Караджев Б.И. Интенциональные значения пословиц с предикатом-императивом // Вестник ЦМО МГУ. – 2011. – № 3. – С. 13–19.
5. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОСС-ПЭН, 2004. – 656 с.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – СПб., 1996. – 192 с.
7. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М., 2005. – 880 с.
8. Ямпольский М. Память Тиресия. – М., 1993. – 224 с.

Лян Кэсинь

1005409524@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Китайского нефтяного университета

Циндао, Китай

Шантурова Г.А.

GAShanturova@pushkin.institute

доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Роль эмоциональных факторов в изучении русского языка как иностранного

Ключевые слова: эмоция, экстраверт, интроверт, тревожность.

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о роли эмоциональных фильтров при обучении, описывается их связь с изучением иностранных языков, также рассматриваются психологические барьеры, возникающие при обучении и обусловленные эмоциональными факторами.

Liang Kexin

Shanturova G.A.

The role of emotional factors in the study of Russian as a foreign language

Keywords: emotion, extroverts, introverts, anxiety.

Abstract. This article discusses the role of emotional filters in learning, describes their relationship with the study of foreign languages, and also considers the psychological barriers that arise in learning and are caused by emotional factors.

Эмоции – это особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями, мотивами и отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности [2]. Современные гуманитарные науки рассматривают эмоции как определяющие составные части когнитивных состояний и процессов. Многочисленные психологические исследования подтвердили, что когниция и эмоция, не являясь полностью изолированными противоположными аспектами, находятся во взаимосвязи, обнаруживают различные взаимодействия.

В процессе изучения иностранного языка выделяются разнообразные эмоциональные факторы, которые можно рассматривать как внутренние психологические барьеры (эмоциональные фильтры) влияющие на изучение языка.

Согласно теории «аффективных фильтров», выдвинутой известным лингвистом и педагогом С. Крашен (Krashen) [5], входящая информация может стать усвоенной только через процесс эмоциональных фильтров, уровень развития которых непосредственно влияет на успешность в овладении иностранным языком.

В данной работе мы рассматриваем такие внутренние психологические барьеры, возникающие у студентов-русистов при изучении русского языка как иностранного, как психологический тип личности, отношение к учёбе и тревожность, считая их наиболее значимыми факторами, влияющими на успешность при изучении иностранного языка.

1. Психотипологические характеристики личности обучающихся.

Экстраверты: преобладает кратковременная память; память характеризуется независимостью; способны видеть оптимистическую сторону вещей и характеризуются активностью.

Интроверты: преобладает долговременная память; память характеризуется непрерывностью; сильные аналитические способности; способны видеть темную сторону вещей и характеризуются критическим отношением.

Американский лингвист Эллис (Ellis) [4] утверждает, что учащиеся-экстраверты приобретают коммуникативные навыки лучше и быстрее, чем интроверты, т.к. им нравится активно общаться с другими, но учащиеся-интроверты имеют преимущество в языковых навыках и тратят больше времени на чтение и письмо, поэтому общая успеваемость учащихся-интровертов более высокая.

2. Отношение к учебе.

Отношение к изучению иностранных языков состоит из трех частей: представление о цели обучения, степень симпатий и антипатий в изучении иностранных языков, осознание и реальные действия в изучении иностранных языков.

3. Тревожность.

Тревожность может влиять на количество и качество усвоенной информации и может быть разделена на две категории: конструктивная и деструктивная. Конструктивная тревожность является положительным фактором, она поддерживает активность учащихся, мотивирует на преодоление трудностей. Деструктивная тревожность приводит к неблагоприятным последствиям.

Нами было проведено анкетирование среди 20 китайских студентов-русистов, обучающихся в КНР и в России. Согласно данным анкетного опроса:

а) 45% из студентов – экстраверты (или более экстравертированы), 60% из них имеют высокие оценки; 55% из них интроверты (или более интровертированы), 63% имеют высокие оценки.

б) На вопрос, устраивает ли их стиль обучения, 50% студентов ответили, что им нравится стиль обучения преподавателей и еще больше нравится

130 | изучать язык и культуру. 20% студентов негативно оценили стиль обучения учителя, 20% студентов заявили, что обучение – это их личное дело, и оно не имеет ничего общего с другими факторами, и только 10% студентов относятся к стилю обучения безразлично.

с) 62% студентов положительно оценивают атмосферу на занятиях, где преподаватель и студенты могут активно взаимодействовать между собой. 24% студентов положительно оценивают атмосферу на занятиях, считают, что на занятиях интересно, но преподаватели редко дают студентам возможность участвовать в процессе обучения; 14% студентов отрицательно оценивают атмосферу на занятиях, т.к. преподаватели вообще не общались со студентами.

д) 73% студентов испытывают чувство тревожности, самоунижение и другие отрицательные эмоции в процессе изучения иностранного языка, являющиеся стрессовыми, но они полагают, что это способствовало успеваемости в целом, т.е. считают их конструктивными; 19% студентов полагают, что при изучении иностранных языков они часто испытывают тревожность как деструктивное чувство; только 8% студентов считают, что у них никогда не было чувства тревожности в процессе обучения, и им это безразлично.

В результате проведенного анализа нами выявлена зависимость между эмоциональными фильтрами и степенью успеваемости по иностранному языку китайских студентов-русистов. Мобилизация и контроль всех эмоциональных факторов – и благоприятных, и препятствующих обучению – играет важную роль в формировании языковых знаний и умений, позволяет правильно разрабатывать стратегию «мотивирующей деятельности педагога» [3, с. 69], оптимизировать учебный процесс. Рассматриваемая проблема остается актуальной.

Литература

1. Бартош Д.К. Особенности формирования эмоциональной культуры будущего учителя иностранного языка. М.: Научно-методическая работа, СПО. 2011. № 2.
2. Большой психологический словарь: АСТ; АСТ-Москва; Прайм-Еврознак; Москва; СПб; 2008.
3. Нечаева Е.В. Кан Инань. Некоторые приемы повышения мотивации в учебном процессе РКИ // В мире русского языка и русской культуры: Сборник тезисов Международной студенческой научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 68–70.
4. Ellis R. The Study of Second Language Acquisition[M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 1994.
5. Krashen S. Second Language Acquisition and Second Language Language [M]. Oxford Pergamon, 1981.
6. 余海燕. 浅析焦虑对外语学习者的影响 [M]. 考试周刊, 2014.

1141791483@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
студент Северо-Восточного университета
Шэньян, Китай

Макарова А.А.

AAMakarova@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Образ ласточки в произведениях русских и китайских поэтов

Ключевые слова: русская поэзия, китайская поэзия, ласточка.

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу образа ласточки в произведениях китайских и русских поэтов. Описание сходства и различия в понимании художественных образов позволяет лучше представить и понять национальные особенности восприятия картины мира народами Китая и России.

Ma Ni

Makarova A.A.

Image in swallow in Chinese and Russian poetry

Keywords: Russian poetry, Chinese poetry, swallow.

Abstract. This paper is devoted to analyze the image of swallows in Chinese and Russian literatures. The similarities and differences between the two countries' artistic images help us to understand the national characteristics of the perception of the world between the people from China and Russia.

Поэзия занимает важное место в литературе Китая и России, и за тысячелетнее развитие в этих двух странах появилась неповторимая, замечательная система образов поэзии. Обращение к тем или иным образам было обусловлено значением некоторых предметов, животных, явлений в жизни человека. В русской и китайской поэзии нередко можно встретить образы птиц, история которых измеряется тысячелетиями. И до наших дней эти образы сохраняют свои значения. Использование образов-символов позволяет поэтам и писателям создать в своих произведениях особый мир, в котором героев окружает одухотворяющая природа. С помощью этих образов авторы

132 | произведений стремятся донести до читателя свои мысли и чувства. Среди символических образов особо выделяется образ ласточки. Несмотря на различия в историческом и культурном фоне двух стран, можно отметить общие черты в отношении русских и китайских поэтов к образу ласточки:

Ласточка – символ весны. Все они видят надежду наступающей весны в образе ласточки. Ласточка, приносящая весну, как принято, олицетворяет переход от скучной тёмной зимы к солнечной живой весне, является символом надежды на обновление. *Что вьешься, ласточка, к окну / Что, вольная, поешь? / Или ты щебечешь про весну / И с ней любовь зовешь?* (А.А. Дельвиг. «Ласточка») [1]. Здесь ласточка главный персонаж. Она символизирует переход к весне и пробуждение. Такое использование отмечается и в стихотворениях китайских поэтов: *Пары иволог в теплой ветке / Силами борются за приют, не уступают. / Незнакомые ласточки прилетают / Принимаются за стройку нового гнезда* (Бо Цзюйи «Весенняя прогулка на южное озеро»). Пер. автора – Ма Ни) [2].

Ласточка – символ любви и счастья. Эта птичка обладает свободой и счастьем, к которым испокон веков стремятся влюблённые. Ласточки живут всегда парами, преданны друг другу: *И в возвышенных чувствах поправляю одежду чинно / И, растроганный думой, подхожу к певичке несмело, / про себя же мечтаю быть в летящих ласточек паре, / Той, что глину приносит для гнезда к госпоже под крышу!* (Ли Цинчжао. «Двенадцатое стихотворение»). Пер. М. Басманова) [3] В стихах автор выражает свое желание быть в «летающих ласточек паре», и тогда можно быть с любимым навсегда. Через образ ласточки поэт показывает прелесть любви и стремление к поиску своего счастья. *Мой третий завет такой: / Как ласточки за стрехой / Всегда неразлучными быть / И наяву и во сне!* (Фэн Яньцзы. «Чинминной»). Пер. М. Басманова) [3]. В русской культуре образ ласточки используется поэтами в качестве символа счастья, например, в стихотворении О.Ф. Берггольц: *Как обрадовалась я / твоему прикосновенью / ласточка, судьба моя, / трепет, дерзость, искушение! / Точно встала я с земли, / снова миру улыбнулась! / Точно крылья проросли / там, где ты крылом коснулась* (О.Ф. Берггольц. «Ласточка над обрывом») [4].

Ласточка – символ женской красоты. Дивная внешность ласточки напоминает китайскому поэту Цао Бинь прекрасную девицу: *...грациозная ласточка, / Кокетливая иволга, / Отчетливо я ее снова видел во сне* (Цао Бинь «Конец весны»). Пер. У Хань) [5]. У Н. Гумилева читаем: *И зачем эти тонкие руки / Жемчугами прорезали тьму, / Точно ласточки с песней раздуки, / Точно сны, улетающая к нему* (Н. Гумилев. «Корабль») [6].

Ласточка – символ тоски по родине. Ласточка перелетная птица, живет под крышей чужой семьи, у неё нет своего дома. Этим она напоминает поэтам их собственную жизнь в чужой стороне, далеко от родины, вызывая

чувство ностальгии: *Ежегодно я как ласточка летаю по морю неба, без цели, без устойчивого дома, прилетаю в крышу чужой семьи* (Чжоу Баньян «Мань-тин-фань»). Пер. автора – Ма Ни [7]. У русских поэтов: *Взгляну ль по привычке под крышу / Пустое гнездо под окном: / В нём ласточек речи не слышу, / Солома обветрилась в нём. / И вот их гнездо одиноко! / Они уж в иной стороне – / Далёко, далёко, далёко... / О, если бы крылья и мне!* (А.Н. Майков. «Ласточки») [6].

Есть некоторые различия в осмыслении образа ласточки русскими и китайскими поэтами. В произведениях русских поэтов:

Ласточка – символ покровительницы домашнего очага, уюта. Эта птица одна из немногих, которая живет под крышей человеческого жилья. Считают, что она приносит в дом и семью счастье и благополучие: *Птица, любезная людям! ты любишь сама человека; / Ты лишь одна из пернатых свободных гостишь в его доме; / Днями чистойшей любви под его наслаждаешься кровлей; / Дружбе его и свой маленький дом и семейство вверяешь, / И, зимы лишь бежа, оставляешь дом человека* (Н. Гнедич «Ласточка») [8]. Автор восхищается ласточкой, её привязанностью к людям.

Ласточка – символ свободы и творчества. *Счастливицы вольные птицы! / Не знают они ни темницы, / Ни ссылки, ни злой слепоты. / Зачем же родился не птицею ты? / Да! ласточкой, легкой касаткой! / Глядел бы на мир не украдкой, / Весь видел бы вдруг с высоты. / Зачем же родился не птицею ты?* (В. Кюхельбекер. «Счастливицы вольные птицы») [9]. В этом стихотворении раскрыт идеал свободы, духовной полноты и возвышенности над миром.

Ласточка – символ распада государства или династий. В древнем Китае нередко происходили распады царств, династий. Ласточка улетает на юг в конце осени, прилетает обратно весной. Несмотря на долгую разлуку с бывшим гнездом, ласточка запоминает, где ее гнездо, и возвращается в одно и то же место. Но с владельцем дома, может быть, что-то произошло из-за реформы или распада государства, и его нет в этом доме. Образ ласточки помогает китайским поэтам передать свои переживания, в том числе иронию по отношению к распаду государства или аристократической семьи: *Возле моста Чжунюэ – дикая трава и цветы. / Застава Уисяна в косых лучах заходящего солнца. / Встарь свившая гнездо над покоями Ван и Се ласточка. / Залетела в дом простолюдина* (Лю Юйси. «Улица вороньих одежд»). Пер. автора – Ма Ни [8]. Поэт показывает неизбежно изменившуюся судьбу знатных дворян и выражает чувство жалости к этой семье.

Таким образом, можно сделать вывод, что основные смысловые выражения образа ласточки в стихотворениях русских и китайских поэтов схожи и являются средством выражения чувств человека.

Литература

1. <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=12457>
2. https://m.gushiwen.org/mingjuw_1127.aspx
3. Geum.ru Образовательный портал <http://geum.ru/next/art-90995.leaf-4.php>
4. <https://www.culture.ru/poems/41394/lastochki-nad-obryvom>
5. У Хань Художественная семантика орнитологической образности в русской и китайской поэзии первой трети XX века: образ ласточки
6. <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-semantika-ornitologicheskoy-obraznosti-russkoy-i-kitayskoy-poezii-pervoy-treti-hh-v-obraz-lastochk>
7. <https://rustih.ru/>
8. <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?pid=fab9407e0aaf436f88fc7a33e133d500>
9. <https://rvb.ru/19vek/gnedich/01text/01versus/052.htm>
10. <https://subscribe.ru/archive/lit.poetry.rupoem/201503/31013101.html>
11. <http://a-pesni.org/romans/materi.htm>

Ма Сяонань

justina__ta@outlook.com

*студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия
студент Сычуаньского университета иностранных языков
Чунцин, Китай*

Головаха Е.И.

YGolovakha@pushkin.institute

ассистент

*Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия*

Цветобозначения в русском и китайском языках (на примерах «зеленый» и «желтый»)

Ключевые слова: цветобозначение, сопоставление, китайский, русский, желтый, зеленый.

Аннотация. Данная работа посвящена сопоставлению семантики желтого и зеленого цветов в русском и китайском языках. В центре внимания работы находится анализ колоронимов с точки зрения семантики, цветового восприятия, словообразования и этимологии.

Ma Xiaonan

Golovakha E.I.

The color words in Russian and Chinese languages (on examples green and yellow)

Keywords: color words, comparison, Chinese, Russian, green, yellow.

Abstract. This work is devoted to comparing the semantics of yellow and green colors in Russian and Chinese languages. The work focus on the analysis of colors in terms of semantics, color perception, word formation and etymology.

Цвет как неотъемлемая составляющая жизни человека всегда играл важную роль в процессах познания и отражения мира. При этом в разных лингвокультурах цветовые ассоциации сильно различаются, и даже базовые оттенки могут вызывать совершенно противоположные эмоции у представителей разных народов. Немалое значение при этом имеют определенные географические условия, а также социально-экономические и культурно-исторические особенности страны и этноса.

1. Прежде всего необходимо обратиться к этимологии данных цветобозначений. Когда речь идет о первоисточнике слова или иероглифа, то нельзя

136 не заметить, что «у любого языка изначально отсутствовало абстрактное наименование цвета, все они происходят от названий предметов» [3, с. 125]. К примеру, китайский иероглиф «绿 (люй)», обозначающий зеленый цвет, образован от иероглифа, обозначающего шелковую ткань. Это можно узнать из его левой части «纟», являющейся знаком шелка или ткани. В русском языке слово «зелёный» – производное с помощью суффикса *-ен-* от той же основы (*zel-*), что и диалектное *зель* ‘трава, зелень’. Ту же основу, но с перегласовкой *e/o* мы наблюдаем в словах *злак* (из **zolkъ*) и *золото* (из **zolto*) с этимологическими суффиксами *-k-* и *-t-*.

Что касается желтого цвета, то в китайском языке иероглиф «黄 (хуан)», обозначающий желтый цвет, в древней письменности изображался как или . Довольно распространенное академическое мнение заключается в том, что он обозначает беременную женщину. Так сложилось, потому что кожа беременной женщины казалась жёлтой из-за недостатка нужных для организма человека элементов. В русском языке слово *жёлтый*, как и *зелёный*, берет начало в праславянском языке. Оно образовано с помощью суффикса *-t-* от той же основы (*жъл- *gil*), что и диалектные *желуница* ‘желтуха’, *жолкнуть* ‘становиться желтым’.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что желтый и зеленый цвета в китайском и русском языках имеют совершенно разные источники.

2. Цветообозначения часто связаны с различными ассоциациями и эмоциями. В китайском языке зеленый цвет в древности был связан с низким положением в обществе, так как люди низших слоев общества носили зеленую одежду до Цинской династии. Но с изменением культурного фона это значение исчезло. В русском языке *зеленый* может иметь значения «молодой», «неопытный». Например, *зеленая молодежь*, а также значение «незрелый» – *зеленый фрукт*. Кроме того, в течение гражданской войны «зелеными» называли третью силу в годы Гражданской войны. Название отражает цвета лесов, в которых объединялись и скрывались *зеленые*. Наименование «зеленые» вошло в официальный словарь и делопроизводственные документы как красных, так и белых инстанций. «Зеленая» тема обыгрывалась в агитационной деятельности, публицистической и художественной литературе.

В наши дни как в современном китайском языке, так и в современном русском языке, зеленый цвет ассоциируется с растениями, весной, природой, здоровьем, миром и спокойствием.

Самым почетным, престижным и серьезным цветом в китайской культуре считался желтый. С точки зрения предков Китая, желтый цвет – символ почвы и земли. Кто владеет землей, тот имеет власть. В Древнем Китае царь владел всей землей страны, поэтому желтый цвет олицетворял власть. В повседневной жизни в желтый одевался только император Поднебесной, а обычным людям носить желтую одежду было совершенно запрещено. Однако

в современном китайском языке, испытывавшем влияние западной культуры, желтый цвет стал ассоциироваться с эротикой из-за публикации эротических книг и газет в жёлтой обложке с XVIII века в США. Сейчас китайцы используют «黄色录像», «黄色书籍» и другие выражения, которые имеют значения эротического видео и книги эротического содержания. В русском языке у жёлтого цвета такого значения нет, поэтому нужно обращать особое внимание на это в процессе любой коммуникации [4, с. 129].

В русском языке желтый цвет часто сопровождается такими эмоциями или значениями, как «разлука» и «измена». Поэтому, согласно русским суевериям, мужчине не рекомендуется дарить женщине желтые цветы. Но на самом деле, по мнению психологов, интенсивная жёлтая краска скорее радует человека, а также стимулирующе воздействует на его умственную жизнь. Поэтому в России XIX в. стены психиатрических больниц часто были окрашены в желтый цвет – отсюда произошло эвфемистическое словосочетание «жёлтый дом».

Стоит отметить, что в китайском языке существует выражение «戴绿帽子» (*носить зелёную шапку*), обозначающее человека, которому изменил его супруг или супруга. Учёные имеют разные точки зрения насчёт происхождения этого выражения. Одна из них связана с одеждой прошлых веков. Мы уже упоминали, что в зелёной одежде ходили люди из низших слоев общества. Так, во времена династий Мин и Цин служащие публичных домов должны были носить головные платки зеленого цвета. Отсюда и возникло выражение про обманутого мужа. Сейчас молодое поколение всегда ассоциирует зелёный цвет с изменой, превалирует его отрицательное значение. Это особенно заметно в интернете.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в русском и китайском языках желтый и зеленый цвета значительно отличаются первоисточниками и расширенными значениями, историческое развитие придало им специфические черты в рамках национальных лингвокультур.

Литература

1. Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. – М.: Речь, 2005. – С. 7–9.
2. Пань Фен. Исследование значений цветообозначений в современном китайском языке. – М.: Уханьское издательство, 2008. – С. 28–42.
3. Чжан Бо. Системность и доказательный способ родственных слов китайского языка. – М.: Коммерческое издательство, 2003. – 125 с.
4. Чу Юаньли. Расширенные значения основных цветообозначений в русском и китайском языках // Газета Хэйлунцзанского педагогического института. – 2005. – № 1. – С. 128–129.
5. Шапошников А.К. Этимологический словарь русского языка. – М.: Флинта, Наука, 2010.

Ma Цзе
Yejianning252423@163.com
стажер Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
ст. преподаватель Северо-Западного университета национальности
Ланьчжоу, Китай

Нечаева Е.В.
EVNechaeva@pushkin.institute
канд. пед. наук, доцент
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Гендерные различия вербальной коммуникации в русском и китайском языках

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, гендерные различия, вербальная коммуникация.

Аннотация. Гендерные факторы в межкультурной коммуникации привлекают все большее внимание исследователей. Изучение гендерных различий в вербальной коммуникации очень важно для межкультурного общения и изучения иностранных языков.

Ma Jie
Nechaeva E.V.

Gender difference in verbal communication in Russian and Chinese languages

Keywords: intercultural communication; gender difference; verbal communication.

Abstract. Gender factors have got more and more attention from researchers of cross-cultural communication. The study of gender differences in verbal communication is very important and necessary in improving the ability of intercultural communication, and such research has a positive role of borrowing in teaching foreign languages.

Язык как социальное явление изменяется по мере развития общества. Изучение языка мужчины и женщины является важной исследовательской задачей социолингвистов. Гендерные различия приводят к языковым изменениям и возникновению различных вариантов, проявляющихся в интонационном, лексическом, синтаксическом оформлении высказывания.

Женщины чаще выражают свои эмоции интонационно. Интонация речи женщины может определяться как стандартная либо мягкая, интонация мужчины характеризуется как стабильная и ярко выраженная. Важно повышение и понижение тона. В китайском языке женщина предпочитает использовать вопросительную интонацию даже в повествовательном и побудительном предложении, смягчая атмосферу общения и проявляя женскую нежность.

Мужчины-китайцы чаще используют нисходящую интонацию, выражая одобрение и согласие. В Китае учитель часто использует нисходящую интонацию и говорит «шан ке» (上课) ‘Начнем урок!’, что подчеркивает приказ, требование. А учительница предпочитает восходящую интонацию, как бы спрашивая согласия учеников.

Гендерные различия в интонации имеют коннотационное значение. Эмоции женщины богаты, женщина смело употребляет различные интонационные средства, чтобы выразить свои чувства, мужчина предпочитает интонационную сдержанность, чтобы показать осмотрительность и серьезность.

Лексические различия

Мужчины и женщины, говорящие на русском и китайском языках, по-разному используют лексические средства. В речи русской женщины чаще употребляются уменьшительно-ласкательные формы существительных и прилагательных, повторы. Например: «Давай мыть лапатунычки!»; «Бровь должна быть тоненькая-тоненькая...» (фильм «Служебный роман»). Для мужского общения это не характерно. Китайкам также нравится употреблять повторяющиеся формы. Например, «гоу гоу (狗狗)» – ‘собачка’; «бао бао (宝宝)» – ласковое обращение к ребенку; «сяо мао мао (小猫猫)» – ‘кошка’; «сяо цюнь цюнь (小裙裙)» – ‘красивая юбка’.

Различия в употреблении междометий

Во всех языках междометие существует для выражения чувств и эмоций. Более эмоциональные русские женщины часто используют междометия «ах, ух, ой». Например. «Ой. Посмотри, какие цвета!»; «Ах, какая интересная!»; «Ой, как вы мне надоели!». Более сдержанные китайки обычно используют междометия «ой (呀)» и «ах (哎呀)», в то время как и китайские, и русские мужчины чаще используют более «жестко» звучащие междометия «ха» и «ох». Например. «Ха, вот так! Значит, я эгоист?»; «Ох, Юра, если бы ты знал, как я ее боюсь!» (фильм «Служебный роман»).

Различия в употреблении местоимений и наречий

По сравнению с мужчинами русские женщины и китайки чаще употребляют местоимения и наречия, придающие высказыванию эмоциональность. Например, и в русском, и в китайском языке для женщин частотными являются слова «такой, какой» (如此), «очень (非常)», «довольно (十分)», «как (多么)».

Синтаксические различия

С точки зрения синтаксиса женщины и в Китае, и в России предпочитают восклицательные и вопросительные предложения, мужчины же чаще употребляют повествовательные. Вопросительные предложения в речи мужчин выражают конкретный вопрос, в женской речи они могут быть сигналом для продолжения разговора. Например:

Самохвалов: – «Филипс» – стереофонический магнитофон.

Новосельцев: – *Вмонтированный, да?* (фильм «Служебный роман»).

Калугина: – *Интересно. Загадка, да?*

Новосельцев: – *Да. Я знаю* (там же)

В ситуации побуждения к действию в отличие от русского языка, где ИК-3 указывает на вежливую просьбу, а ИК-2 выражает приказ (*Закрой окно!*) и для мужчин, и для женщин, китайка предпочтет формы вежливого вопроса *Можно ли закрыть окно?* (请把窗户关上好吗) или *Вы можете закрыть окно?* (你能把窗户关上吗). Мужчина-китаец выберет выражение нейтральной просьбы.

Анализируя гендерные различия в русском и китайском языках в области интонации, лексики и синтаксиса, мы утверждаем, что факторами, влияющими на эти различия, являются не только физиологические особенности полов, но и социальная культура общения, что важно для понимания проблем межкультурной коммуникации между Китаем и Россией.

Литература

1. Козельская Н.А., Назарова И.В., Селезнева Г.Я., Стернин И.А. Коммуникативное поведение. Русское и китайское коммуникативное поведение: Научное издание. Воронеж, 2002.
2. Саников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
3. Стернин И.А. Общение с мужчинами и женщинами [М]. 2001.
4. 陈艳清. 跨文化交际中性别差异的文化透视. [J]. 江西财经大学学报, 2004. 年第 6 期.

Психолингвистические факторы применения метода свободного ассоциативного эксперимента в преподавании русского языка как иностранного

Ключевые слова: русский язык, психолингвистика, ассоциативный эксперимент, Русский как иностранный

Аннотация. В данной статье речь идет о методе свободного ассоциативного эксперимента и его применении в преподавании русского языка как иностранного. Раскрыта суть данного метода, описаны преимущества свободного ассоциативного эксперимента над другими психолингвистическими методами.

Magomedova K.S.

Psycholinguistic factors of applying the method of free associative experiment in teaching Russian as a foreign language

Keywords: Russian, psycholinguistics, associative experiment, Russian as a foreign language

Abstract. In this article we are talking about the method of free associative experiment and its application in the teaching of Russian as a foreign language. The essence of this method is revealed, the advantages of a free associative experiment over other psycholinguistic methods are described.

Ассоциативный эксперимент является одним из первых проектных методов обучения. Австрийский психолог, психиатр и невролог Зигмунд Фрейд, а также его последователи пришли к выводу, что неконтролируемые ассоциации выступают в роли символической или иногда даже прямой проекции внутреннего содержания сознания, что дает возможность для применения ассоциативного эксперимента с целью выявления и описания аффективных комплексов [3, с. 5].

Выделяется три вида ассоциативного эксперимента:

- свободный ассоциативный эксперимент;
- направленный ассоциативный эксперимент;

- цепной ассоциативный эксперимент.

В статье рассматривается свободный ассоциативный эксперимент, в частности в преподавании русского языка как иностранного, а именно вид ассоциативного эксперимента, в ходе которого требуется мгновенно ответить первым, пришедшим на ум словом (реакцией) в ответ на предлагаемое слово (стимул). В данном случае, как утверждает российский лингвист, психолог, эссеист Р.М. Фрумкина, необходимость отвечать «первым словом, которое придет на ум» носит принципиальный характер. Временной промежуток между стимулом и реакцией должен быть минимальным, что не дает возможность участнику эксперимента размышлять над тем, что и как ответить, поскольку ассоциирование исключает принцип подбора ответов» [4, с. 60].

Свободный ассоциативный эксперимент является наиболее простым, в сравнении с направленным и цепным, однако достаточно эффективным исследовательским инструментом. В ходе проведения ассоциативного эксперимента фиксируется тип реакции, частота однотипных ассоциаций, величина латентных периодов (временной промежуток между словом-стимулом и ответом (реакцией) испытуемого, физиологические, поведенческие реакции и другие) [2, с. 15].

Метод свободного ассоциативного эксперимента хорошо зарекомендовал себя среди специалистов различной направленности за счет своей простоты и информативности. Применение данного метода используется в решении теоретических и практических задач в психологии, педагогике, лингвистике, психиатрии и других областях знания. Современные лингвисты все чаще и чаще применяют метод ассоциаций в лингвистических исследованиях, в частности при решении лингвокультурологических, когнитивных и психолингвистических задач [1, с. 40].

На ассоциации, возникающие в процессе проведения свободного эксперимента, оказывают влияние два фактора:

- лингвистический, то есть конкретные характеристики стимульного слова;
- прагматические, то есть влияние на результат личности самого испытуемого [1, с. 47].

В случае применения метода ассоциативного эксперимента в преподавании русского языка как иностранного в качестве прагматического фактора выступает этническая принадлежность учащегося, его культура. Такой подход помогает лучше понять восприятие мира тем или иным этносом, а также закрепить знания, полученные на занятиях.

Язык – это многогранный феномен, который, с одной стороны, оказывает влияние на общественную жизнь человека, а с другой стороны, формируется под влиянием внешних факторов. Такая же взаимозависимость просматривается в более обширном направлении социологической науки – социологии

языка. Таким образом, её идеи можно переложить в поле русского языка, учесть специфику его распространенности в той социальной сфере, в которой он существует. Сегодня проводится большое количество социологических исследований, изучается отношение к языку, желание иностранных граждан изучать русскую культуру посредством русского языка, затрагиваются многие другие вопросы, которые также могут отразить положение русского языка в современном мире.

В методике преподавания русского языка как иностранного ассоциативный эксперимент используется с целью получения информации, которая раскрывает языковую личность на трех уровнях:

- грамматико-семантическом;
- когнитивном;
- парадигматическом.

В результате проведения ассоциативного эксперимента перед исследователем открывается систематизированная картина мира, которая отражает иерархию ценностей, как отдельной языковой личности, так и целого народа.

Литература

1. Горошко Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – С. 40–47.
2. Джанаева В.В. К вопросу о свободном ассоциативном эксперименте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – С. 15.
3. Фрейд З. Введение в психоанализ // О психоанализе. – 1997. – С. 5.
4. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М., 2001.

Монтеро Адан Ариадна
lalilimonteroadan@gmail.com
студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
Матансас, Куба

Страмнова Т.В.
stramnova@pushkin.institute
канд. пед. наук, доцент, старший педагог
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Контрастивный анализ глаголов движения в русском и испанском языках

Ключевые слова: интерференция, глаголы движения, однонаправленное (неоднонаправленное) движение, приставка, контрастивный анализ.

Аннотация. В работе проводится контрастивный анализ глаголов движения на материале русского и испанского языков, результаты которого могут быть значимыми при изучении этой темы в группах испаноговорящих обучающихся.

Montero Adán Ariadna
Stramnova T.V.

Contrast analysis of movement verbs in Spanish and Russian

Keywords: interference, verbs of movement, unidirectional (not unidirectional) movement, prefix, contrast analysis.

Abstract. This article makes a comparative analysis of movement verbs in the Russian and Spanish languages. The results of this analysis can be very useful for Spanish speakers who study the Russian language.

Интерференция как взаимодействие языковых систем «выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [1, с. 87].

В данной работе мы остановимся на анализе межъязыковой интерференции, возникающей в силу существования различий в системах родного и изучаемого языков, в нашем случае испанского и русского, и проявляющейся на уровне значения и употребления. В связи с этим в сфере нашего наблюдения будет лексическая и семантическая интерференция в такой важной для всех изучающих РКИ теме, как глаголы движения.

В русском языке как иностранном глаголы движения представляют собой замкнутое лексико-грамматическое объединение небольшого количества слов, характеризующихся общностью семантики, некоторым своеобразием грамматических показателей, а также особенностями употребления в речи. Во многих языках, в том числе европейских, нет аналогичных языковых средств. К этим языкам относится испанский язык.

В испанском языке для того, чтобы стало ясно как передвигается объект, т.е. пешком или на транспорте, нужно добавить поясняющее слово. Например: *Yo voy a casa andando* – Я иду домой пешком. *Yo voy al trabajo en autobús* – Я еду на работу на автобусе.

Глаголы движения без приставок представлены в русском языке двумя группами попарно соотнесенных глаголов несовершенного вида однонаправленного и неоднаправленного (разнонаправленного) движения. В испанском языке каждому глаголу, передающему процесс движения, будут соответствовать два глагола в русском. Например: идти-ходить – ir (a pie, andando), ехать-ездить – ir (en transporte), бежать-бегать – correr, лететь-летать – volar, плыть-плавать – nadar. Именно поэтому, когда испаноговорящий произносит, например: «Yo voy al cine», он может иметь в виду – «Я иду в кино» (в данный момент), используя глагол однонаправленного движения, или «Я хожу в кино» [2].

Приставочные глаголы движения представляют особую трудность при овладении навыками их использования в русском языке, связанную прежде всего со сложностью усвоения механизмов образования видовых пар в глаголах движения, а также с многообразием смысловых отношений, выражаемых русскими приставками. В испанском языке приставочные формы глаголов не частотны. Таким образом, различие способов выражения определенных смыслов в русском и испанском языках приводит к интерференции.

Приведем несколько примеров сравнительного анализа употребления приставочных глаголов движения в русском и испанском языках:

(1) Я найду за хлебом по дороге домой. – De camino a casa yo iré a comprar el pan.

(2) В испанском языке это предложение может иметь значение. – Я пойду, чтобы купить хлеб.

(3) Мальчик заплыл далеко в море – *El niño nadó lejos*. В испанском языке глагол плыть используется без префикса, но с обязательной наречной формой.

(4) Мария выбежала из своей комнаты после того, как услышала страшный шум. – *María salió corriendo de su cuarto, después de escuchar un ruido espantoso*. В испанском языке значение префикса вы- передается инфинитивной формой беспрефиксального глагола с обязательным использованием деепричастного оборота.

146 | Проведенный сопоставительный анализ позволяет выделить некоторые различия в употреблении глаголов движения в русском языке по сравнению с испанским. Учет результатов анализа может быть полезен при обучении учащихся, для которых испанский язык является родным, так как позволит снизить количество ошибок, вызванных языковой интерференцией.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009.
2. <https://www.rusogratias.com/curso-ruso-leccion-14.php>

Способы выражения авторской модальности в медийном дискурсе (на материале современной заметки)

Ключевые слова: авторская модальность, языковые маркеры, уровни языка, вводные модальные слова, диалогизация речи.

Аннотация. Статья посвящена способам выражения авторской модальности в современной заметке. Рассматриваются морфологические, синтаксические и лексические аспекты авторского «Я». Таким образом, заметка становится диалогом журналиста с читателем, претерпевая изменения из констатирующей в интерпретационную.

Nasibyan L.I.

Ways to express the author's modality in media discourse (based on the material of a modern note)

Keywords: author's modality, language markers, language levels, introductory modal words, dialogization of speech.

Abstract. The article is devoted to ways of expressing the author's modality in a modern note. Morphological, syntactic and lexical aspects of the author's "I" are considered. Thus, the article becomes a dialogue between a journalist and a reader, undergoing changes from a statement to an interpretative one.

Цель исследования – с помощью конкретного анализа получить новые знания о способах выражения авторской модальности, продемонстрировав при этом коренные изменения, произошедшие в лингвистической идеологии. Теоретическая значимость работы заключается в том, что она представляет собой развернутое описание авторской модальности через понятия и категории. Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов при изучении языка прессы, а также в практике массовой коммуникации.

Заметка – один из старейших жанров журналистики, основное средство информирования аудитории о событиях, происходящих в мире [3]. Журналист, сообщая информацию, высказывает свое отношение к ней, какое впечатление произвело на него то или иное событие, тем самым проявляя авторское «я».

Триада «автор – текст – читатель (исследователь)» представляет собой структуру авторской модальности. Подход к языку как объекту исследования объективен и субъективен одновременно, однако, несмотря на объективный характер познания, в основе любой лингвистической теории лежат идентичные понятия субъективности и эвристичности, отражающие «внутреннюю парадигму» ученого [цит. по 5, с.10]. Последняя включает в себя отбор языкового материала, характер подхода к нему и теоретические установки, с позиций которых происходит осмысление языкового материала и является важной характеристикой исследователя как языковой личности.

Одним из знаков авторского присутствия в тексте является сообщение дополнительной информации, которая обычно вводится такими языковыми маркерами, как *кстати, между прочим, впрочем, наверняка, интересно что* и т.д. Например, заметка о затонувшем танкере в Ла-Манше: *Впрочем, как подчеркивает исполнительный директор ассоциации Анна Мамонова, есть ряд факторов, которые не позволяют региональным операторам тратить накопленные средства под ноль* [6]; *У Язова была настолько удивительная судьба, что ей наверняка когда-нибудь заинтересуются писатели-романисты* [Российская газета].

Следующая заметка о задержании студента, подозреваемого в распространении наркотиков, завершается так: *Кстати, отец задержанного, профессор Дроздов неоднократно отчислял студентов из руководимого им университета за пристрастие к наркотикам* [6].

В качестве дополнительных сведений, которые уже могут быть известным читателю, используется маркер напомним: *Напомним, такие защитники предоставляются подследственным бесплатно – за счет бюджета, по назначению дознавателя, следователя или суда* [6].

Авторская оценка, замечания, мысли, ассоциации обычно сопровождаются вводными словами *похоже, вероятно*: *Похоже, некоторые считают Кубок Содружества второстепенным турниром* [6]; *Она по-прежнему его любит. Но, вероятно, сил быть рядом нет уже никаких* [4].

Авторская модальность может пронизывать и основной текст заметки при помощи оценочной лексики. Например, использование разговорно-жаргонных слов, создавая иллюзию непосредственного общения с читателем: *Зато за несколько дней до своей позорной игры Анна с помпой открыла в этом городе новый магазин фирмы «Адидас»* [4]; *В дополнение к мизерным федеральным 70 рублям руководство округа решило ввести региональную доплату* [6]; *Потасовка разразилась вечером у городского парка* [6], разговорное слово не только выражает случившееся (ссора с дракой), но и выражает негативную оценку автора.

Для диалогизации речи чаще всего используются вопросительные предложения: *Какой же год начался на планете – 2003-й или ...2010? Ученые продолжают спорить* [6].

Авторская модальность проявляется эксплицитно (внешне) ровно столько, сколько и имплицитно (внутренне), то есть заметка превращается из констатирующей (безоценочная фиксация события) в интерпретационную (аналитическую или проблемную). Таким образом, анализ показал, что авторская модальность становится практически постоянным элементом заметки в массовой прессе. Более того, присутствие авторского комментария, оценки журналиста можно расценивать как положительный факт при условии, если они сопутствуют ему, а не подменяют его.

Литература

1. Валгина Н.С Авторская модальность. Образ автора. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/15.htm>
2. Гаджиева Л.А. Языковые стратегии и тактики репрезентации авторской модальности дискурсе деловых печатных СМИ.
3. Гордеева Н.Г. Авторская модальность в современной заметке.
4. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/>
5. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Липецк, 1996. – 22 с.
6. Российская газета. URL: <https://rg.ru/>

К вопросу об обучении категории рода имен существительных русского языка во вьетнамской аудитории

Ключевые слова: категория рода, функционирование предложно-падежной системы русского языка, вьетнамская аудитория.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности категории рода имени существительного в русском языке, которые вызывают большие трудности в процессе обучения студентов-вьетнамцев функционированию предложно-падежной системы русского языка.

Nguyen Thi Thuyet

To the Problem of Teaching the Gender Category of Russian Nouns to Vietnamese Learners

Keywords: the category of gender, functioning of the prepositional-case system of the Russian language, Vietnamese audience.

Abstract. The article presents the description of Russian gender category features, which cause great difficulties in the process of teaching Vietnamese students the functioning of the prepositional-case system of the Russian language.

Как известно, в русском языке категория рода имени существительного тесно связана с грамматической категорией падежа, что представляет для иностранных студентов, в том числе и вьетнамских, начинающих изучать русский язык, огромную трудность. В связи с этим при обучении студентов-вьетнамцев русскому языку, в частности предложно-падежной системе русского языка, признается необходимость изучения категории рода.

Следует отметить, что трудности при изучении вьетнамскими учащимися категории рода имени существительного вызваны различием в грамматическом строе изучаемого (русского) и родного (вьетнамского) языков. В русском языке род является грамматической классифицирующей категорией имен существительных и строится на противопоставлении трех родов. Русское существительное обычно относится к роду: мужскому, женскому и среднему. Всего по материалам исследованных современных словарей зафиксировано в русском литературном языке 3395 существительных. Из них мужского рода – 15600 слов (46%), женского рода – 13884 (41%), среднего рода – 48 (13%) [2, с. 196]. Кроме того, категория рода имеет важное значение для иностранных студентов при грамматическом построении русской речи в силу

согласования прилагательных, порядковых числительных, местоимений и других знаменательных частей речи с существительными русского языка. Например: Молодой человек, которому я позвонил вчера, уехал во Вьетнам. Стиральная машина, купленная в интернет-магазине в прошлом году, сломалась вчера. Письмо, которое моя мама получила, потерялось.

В отличие от русского языка во вьетнамском языке имя существительное не различается по родам. Так, для обозначения различия пола людей в случае необходимости употребляются разные слова или же средства словообразования: *nam* – юноша, *nữ* – девушка, *đàn ông* – мужчина, *đàn bà* – женщина, *trai* – мальчик, *gái* – девочка, *sinh viên nam* – студент (досл. студент + юноша), *sinh viên nữ* – студентка (досл. студентка + девушка) [1, с. 70]. Для определения рода животных используют также вспомогательные слова: *gà trống* – петух, *gà mái* – курица, *bò đực* – бык, *bò cái* – корова, *dê đực* – козел, *dê cái* – коза. Как видно, у данных существительных женский род выражается с помощью вспомогательного слова «*cái*», а специальные слова «*trống*» или «*đực*» прибавляются к названиям животных для мужского рода. Из этих примеров мы видим различие в составе грамматической категории рода и средств ее выражения между двумя языками, т.е. отсутствие категории рода в родном языке вызывает затруднения у вьетнамских учащихся в процессе усвоения категории рода существительных в русском языке.

Однако трудность усвоения категории рода обусловлена не только особенностями грамматического строя вьетнамского языка, но и наличием множественных исключений из правил, которые необходимо запомнить. Этот факт считается источником большей части ошибок учащихся в определении рода существительного. Например, «мой дедушка», а не «моя дедушка», «мой кофе», а не «мое кофе». Кроме того, большое количество слов, которые оканчиваются на мягкий знак, вызывает большие трудности у вьетнамских студентов при формировании у них полного представления о категории рода имени существительного и понимания специфики данной категории. Очень сложно объяснить студентам, почему существительное «словарь» относится к мужскому роду, но существительное «тетрадь» относится к женскому роду.

Все это свидетельствует о том, что для вьетнамских студентов усвоение рода имен существительных русского языка – большой труд, но в то же время является необходимым процессом при формировании грамматической базы для овладения студентами-вьетнамцами предположно-падежной системой русского языка на начальном этапе.

Литература

1. Зьонг Дык Ниём. Русская грамматика в сопоставлении с вьетнамской // Русский язык за рубежом. – 1982. – № 4 (78). – С. 69–72.
2. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени существительного в современном русском языке. – М.: Наука, 1971. – 300 с.

Нгуен Ха Тхань Нган

ntcodongnoi@gmail.com

магистрант Государственного института русского языка

им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Милованова М.С.

MSMilovanova@pushkin.institute

д-р филол. наук, профессор

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Активные зоометафоры в современной русской речи

Ключевые слова: зоометафора, актуальные зоометафоры, обучение РКИ.

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению зоометафор в аспекте преподавания РКИ. Предложен список актуальных зоообразов, используемых для оценочной характеристики человека в современной русской коммуникации.

Nguyen Ha Thanh Ngan

Milovanova M.S.

Active zoometaphors in the modern Russian communication

Keywords: zoometaphor, active zoometaphors, teaching RSL.

Annotation. This article is devoted to review the educational potential of zoometaphors in teaching Russian as a foreign language. The list of the most active animal nouns used for people metaphorical descriptions in the modern Russian communication is proposed.

В лексической системе любого языка мира важное место занимает анимальное лексико-семантическое поле, формируемое вокруг тематической группы названий животных. Для обозначения слов, входящих в эту тематическую группу, широко используется термин зооним. В узком смысле зооним – это наименование животного, а в широком – «образное, метафорическое – обладает ярко выраженным коннотативным потенциалом и употребляется в качестве экспрессивной оценки» [3, с. 17–18]. По словам Э.А. Кацитадзе, зоонимы, используемые в качестве номинаций для метафорической характеристики человека, называются «зоонимами-метафорами, или зоометафорами» [1, с. 1].

В естественном русском общении зоонимические метафоры активно и бессознательно используются для выразительности речи. Они отражают

«национальный характер, духовный опыт, менталитет, и поэтому без знакомства с ними адекватная коммуникация оказывается невозможной» [2, с. 109]. Таким образом, их включение в широкий образовательный процесс обучения русскому языку как иностранному необходимо.

Обучение метафорическим единицам, прежде всего наиболее активным и употребительным в современном речевом узусе, является первостепенной задачей. Следовательно, для выявления перечня актуальных зоообразов 95 метафорических зооединиц было проанализировано нами посредством методов корпусной лингвистики и метода опроса.

Для того чтобы углубить и конкретизировать анализ зооморфной метафоры, исследуемые единицы были рассмотрены на материале текстовых данных Национального корпуса русского языка. Причина выбора НКРЯ в качестве оригинального источника исследования заключается в том, что документы, сохраняющиеся в нём, в высокой степени отражают современную коммуникацию и последние тенденции словоупотребления.

Зоометафоры были проанализированы на материале 80 документов корпуса (по большей части – газетного) последнего десятилетия, в результате чего была сформирована база, включающая 930 контекстов. Исходя из количества обнаружений каждой зоонимической единицы в различных документах, было отобрано 15 самых употребительных зоонимов, содержащих оценочную характеристику человека: *гад* (12,36%), *зубр* (7,59%), *паразит* (5,97%), *козел* (4,88%), *заяц* (4,66%), *волк* (4,45%), *сова* (4,34%), *шакал* (3,69%), *кукушка* (3,47%), *свинья* (3,36%), *лиса* (2,60%), *баран* (2,39%), *петух* (2,17%), *собака* (1,84%), *лошадь* (1,74%).

С целью повышения объективности нашего исследования по изучению активных зоометафор, помимо анализа тестовых данных НКРЯ, преимущественно представляющих письменную речь, было опрошено более 100 россиян. По результатам проведённого нами опроса наиболее актуальными зоообразами являются *баран* (68%), *козёл* (62%), *крыса* (56%), *курица* (49%), *корова* (48%), *овца* (46%), *свинья* (46%), *змея* (41%), *гнида* (40%), *гад* (40%), *петух* (38%), *щенок* (34%), *заяц* (33%), *жук* (32%), *ворона* (32%).

Из приведенных выше результатов исследований суммируется и составляется нами список актуальных зоонимов в качестве характеризующих метафор в современной русской речи: *козел*, *гад*, *баран*, *свинья*, *заяц*, *петух*, *зубр*, *паразит*, *волк*, *сова*, *шакал*, *кукушка*, *лиса*, *собака*, *лошадь*, *крыса*, *курица*, *корова*, *овца*, *змея*, *гнида*, *щенок*, *жук*, *ворона*.

Следует отметить, что практически все актуальные зоообразы имеют отрицательную оценочную коннотацию (за исключением лексемы *зубр* для номинации многопытного и мудрого лица). В метафорическом употреблении существительные *козел*, *гад*, *свинья*, *крыса*, *собака* характеризуют ничтожного человека, делающего неприятности другим. Слова *паразит*, *шакал*,

154 | волк, змея, гнида, лиса, жук используются при обозначении пронырливого, хитрого и неприятного человека. Упрямого и не очень умного называют *бараном*, робкого, безответного – *овцой*; безвольного, трусливого – *зайцем*, *курицей*, *вороной*; человека заносчивого – *петухом*. Для представления образа крупного, нерасторопного, неповоротливого человека (речь идет о лице женского пола) употребляются номинации *корова* и *лошадь*. В речевой ситуации *щенок* воспринимается как ‘молодой, малоопытный’; *кукушка* – ‘женщина, отдавшая своих детей на воспитание другим людям’, возможно более широкое толкование – ‘не занимающаяся собственными детьми’; *сова* – ‘человек с ночной активностью’.

В заключение отметим, что анализ активных зоонимических метафор позволяет выявить национальные языковые особенности метафорических переносов и специфику их функционирования в современном русском общении. Результаты данного исследования помогают разработать специализированные учебные материалы, соответствующие коммуникативным целям, для применения в практике преподавания РКИ.

Литература

1. Кацитадзе Э.А. Метафоризация зоонимов в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Кацитадзе. – Тбилиси, 1985. – 20 с.
2. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: около 16 000 слов. – М.: Астрель, 2003. – 1021 с.
3. Лаврова О.В. Анималистическая лексика в аспекте межкультурной коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2006. – № 20. – С. 108–112.
4. Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: Дис. ... канд. филол. наук / Ильяс Устуньер. – Екатеринбург, 2004. – 172 с.

Николаева Нина Владимировна

ninallata@icloud.com

магистрант

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Камышева С.Ю.

sykatysheva@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Интенсивное обучение РКИ в формате онлайн

Ключевые слова: интенсивное обучение, русский язык как иностранный, преподавание РКИ, онлайн-обучение.

Аннотация. В работе рассматривается интенсивное обучение русскому языку как иностранному в формате онлайн. Авторы предлагают наиболее удобные для проведения занятий платформы, а также обращают внимание на особенности данного формата обучения.

N.V. Nikolaeva

Katysheva S. Yu.

Online intensive teaching of RFL

Keywords: intensive teaching, Russian as a foreign language, teaching of RFL, online teaching.

Abstract. The research explores online intensive teaching of Russian as a foreign language. The authors suggest the most convenient platforms for teaching online and present the features of this teaching format.

Онлайн-обучение в настоящее время пользуется особой популярностью. Связано это не только с развитием мира информационных технологий, но и с новыми условиями взаимодействия людей во время всеобщей самоизоляции. Аудиторные занятия перешли в интернет-пространство и потребовали изменений.

Наша цель – рассмотреть особенности интенсивного обучения в онлайн-формате, а также предложить набор инструментов, которые позволят организовать его без качественных потерь.

Имея опыт обучения иностранным языкам онлайн, в том числе русскому языку как иностранному, мы приходим к выводу, что подобный формат позволяет выстроить занятия так, чтобы удовлетворялись существующие принципы интенсивного обучения, такие как принцип коллективного взаимодействия,

156 | лично-ориентированное общение, ролевая организация учебно-воспитательного процесса, концентрированность в организации учебного материала и учебного процесса и полифункциональность упражнений [1].

Осуществить онлайн-обучение возможно, используя множество уже существующих платформ: Zoom, Adobe Connect, FreeConferenceCall, BigBlueButton и т.д. Эти ресурсы позволяют группе осуществлять как аудио-, так и видеосвязь; работать индивидуально или взаимодействовать в парах, тройках, группах и т.д.; получить групповую и индивидуальную обратную связь от преподавателя; работать с разными форматами документов (медиафайлы, презентации, текстовые документы, ссылки и т.п.); просмотреть запись занятия повторно и т.д.

Помимо платформ, обеспечивающих непосредственное общение участников обучения, существует множество ресурсов, которые позволяют преподавателю и студентам вести совместную плодотворную и занимательную работу. Использование интерактивных досок открыло массу возможностей для создания различных упражнений, карт памяти, иллюстраций и таблиц (Nearpod, Miro, Explain everything и т.д.). Редактировать видео и добавлять к ним различные задания возможно с помощью таких ресурсов, как ISLcollective, PlayPosit, MySimpleShow. Придумывать различные игры и взаимодействовать с аудиторией можно благодаря Kahoot, Padlet, Quizizz, Learning Apps, Quizlet и Mentimeter. Красочные презентации с интересными шаблонами можно создать на Google Slides или Canva. В качестве дополнительной практики спонтанной речи и аудирования можно предложить студентам проводить прямые трансляции на разные темы (например, в Instagram), а внеучебное общение перевести в формат голосовых или видеосообщений (Telegram, WhatsApp и т. п.).

Помимо очевидных плюсов подобного обучения, существуют и некоторые его особенности, которые выдвигают особые требования как преподавателю, так и студентам, например: все участники процесса обучения должны владеть высоким уровнем технической осведомленности – в связи с этим предлагается перед началом курса проводить консультации, в ходе которых будет возможно ознакомиться с платформами и их функциями; все участники обучения должны иметь доступ к качественному оборудованию и интернет-соединению, которые позволят им беспрепятственно осуществлять общение друг с другом. Подготовка занятий, как правило, будет занимать у преподавателя больше времени, но редактировать и форматировать уже готовые задания станет гораздо проще; разработанные материалы можно будет использовать несколько раз, а необходимости распечатывать их не будет.

Литература

1. Китайгородская Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 103 с.

Божий суд в структуре семантического поля «убити» в «Повести временных лет»

Ключевые слова: древнерусский язык, «Повесть временных лет», семантическое поле «убити», судебный поединок, Божий суд.

Аннотация. В статье исследуется отражение Божьего суда в «Повести временных лет». Ордалии, являясь значимым компонентом культурно-правового сознания славян языческого периода, сохраняются и в христианской Руси. Анализ летописи уточняет употребление лексических средств, входящих в семантическое поле «убити».

I.S. Nosov

The judgment of God in the structure of the semantic field “to kill” of the povest’ vremennykh let

Keywords: the judgment of God, trial by ordeal, semantic field “to kill”.

Abstract. The article examines the reflection of God’s judgment in the text of the Russian Primary Chronicle. Trials by ordeal had been being an important part of cultural legal consciousness of slavs in pagan age, they were maintained in Christian Rus’.

Повесть временных лет (далее ПВЛ) – это древнерусский литературный памятник, созданный православным монахом, в котором нашло отражение и культурно-правовое сознание восточного славянства языческого периода. Объектом исследования в нашей работе является Божий суд как норма обычного права.

Наиболее распространенным приемом решения спорных вопросов в обществах с обычным правом являлось *поле* как частный вид ордалии по типу Божьего суда, обозначающий судебный поединок, конечным результатом которого является смерть одного из участников поединка [см. 2, с. 75]. В ПВЛ Божий суд вербализуется следующими средствами: *убивати, кровь проливати, зарезати, удавити*.

Так, в дохронологической части ПВЛ, описывающем нравы деревлян: *а деревляни живяху звърьскымъ образомъ, живуще скотьскы: и убиваху другъ друга* [3, л. 5], использование фраземы *оубивати другъ друга* не соответствует

158 лексикографической традиции в описании значения глагола *убивати* ‘лишать жизни, умерщвлять’ как противоправного деяния [6, т. 3, стб. 1110]. Закрепилось представление о недопустимости и порицаемости у любого этноса убийства. Непосредственно в отношении деревлян его развивает Е.С. Каратыгин: «Ни археологические раскопки, ни данные заключающиеся в самой летописи, не подтверждают такой [данной летописцем] характеристики» [6, с. 121-122], а отсутствие оружия в захоронениях свидетельствует о мирном характере племени, наличие останков тканей и предметов быта – о существовании хлебопашества и различных ремесел, кости домашних животных указывают на скотоводство. Контрастность в описания нравов деревлян и полян усматривает и академик Б.А. Рыбаков: «По сравнению с “мудрыми и смыслеными” полянами [деревляне] действительно производили впечатление малокультурных племен, “живущих скотьскы”. <...> древляне “убиваху друг друга”, в чем, очевидно, следует видеть родовую кровную месть» [5, с. 86], что в контексте исследуемой нами проблемы, добавляет к общелексическому значению фраземы *оубивати другъ друга*, реализуемые в данном контексте значения ‘осуществлять кровную месть’ и – шире – ‘Божий суд как частный вид ордалии’. А.Н. Афанасьев описывает истоки возникновения Божьего суда: «Бог летних гроз <...> правой стороне дарует мужество, крепость и победное торжество, а неправую наказует <...>. Всякая битва <...> была спором, отданных на решение божества. <...> Поэтому и в частных раздорах, если обиженный восставал с оружием на обидчика, божество должно было помогать правому и карать нарушителя священных законов» [1, т. 2, с. 270].

Таким образом, фразема *оубивати другъ друга* должна трактоваться не как преступное убийство соплеменника, а как акт кровной мести или Божий суд (поле).

Фразема *кровь проливати*, употребленная в дохронологической части ПВЛ также с резко отрицательной коннотацией, четко вербализует противопоставление христианского идеала и языческого (половецкого): *половци законъ държатъ отецъ своихъ: кровь проливати* [3, л. 6]. По мнению С.А. Плетневой, у половцев существовало обычное право, дети обучались военному ремеслу с раннего возраста, а «все могущие носить оружие, даже молодые женщины, участвовали в военных действиях» [4, с. 134-137]. Мечь или Божий суд были явными и не только не считались преступлением, но даже предписывались, что подтверждает контекст: *половци законъ държатъ отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящися о семъ* [3, л. 6]: во-первых, действие убити соответствует законам предков; во-вторых, оно явно и этически оправдано (становится предметом гордости).

В рассказе о юноше-кожемяке: *И размгъривше межи обгъима полкома, и пустиша я к собгъ. И ястася крѣпко, и удави печенгъжинина в руку до смерти* [3, л. 42 об.] во фраземе *удавити в руку до смерти* глагол использо-

ван в прямом значении ‘задавить, задушить’ [6, т. 3, стб. 1143], со значением совершить противоправное деяние. Однако сама ситуация представляет санкционированный, предварительно оговоренный по результатам исхода судебный поединок. Следовательно, фраза вербализует воинский аналог судебного поединка – *поля*.

Аналогично использование глагола *зарезати* в рассказе о поединке Мстислава и Редеди: *И яста ся бороти крѣпко <...> удари имъ о землю. и вънзе ножъ зарѣза Редедю* [3, л. 50], где первичное значение ‘убить ножом’ [6, т. 1, стб. 945] сопровождается ситуативной коннотацией не противоправного деяния, но результатом судебного поединка.

Таким образом, в семантическое поле «убити» в ПВЛ анализируемые лексические единицы обозначают действие в рамках норм обычного права, в частности, судебного поединка – Божия суда.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. – М.: Индрик, 1994.
2. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М.А. Исаев. – М.: Спарк, 2001. – 119 с.
3. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. – Т. 1. – 496 с.
4. Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 210 с.
5. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 784 с.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб.: Тип. ИАН, 1893–1912.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Энциклопедический словарь (в 86 т.). Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. III. – С.-Петербург: Семеновская Типо-Литография (И.А. Ефрона), Фонтанка, 92/ 1890.

Отражение пандемии COVID-19 в русском языке

Ключевые слова: коронавирус, неологизмы, заимствования, коннотация.

Аннотация. В связи с распространением пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в словарном запасе русского языка происходят изменения, выражающиеся в появлении неологизмов, а также в изменении оценочной коннотации слов. В статье представлены примеры таких языковых единиц.

A.A. Prityula

COVID-19 pandemic reflection in Russian language

Keywords: coronavirus, neologisms, borrowings, connotation.

Abstract. Due to the spread of COVID-19 pandemic changes are taking place in vocabulary of Russian language. This phenomenon is expressed in the appearance of neologisms and changes in the estimated connotation of words. Examples of such linguistic units are presented in the article.

Все новости последних недель связаны так или иначе с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. В средствах массовой информации широко освещается как текущая ситуация в области здравоохранения, так и предполагаемые последствия пандемии для мировой экономики. Как и все, что происходит в нашей жизни, COVID-19 находит отражение в языке: появляются новые языковые единицы, уже известные слова вновь актуализируются и наполняются новыми смыслами.

Ежегодно в ряде стран проводится акция «слово года», целью которой является выявление наиболее актуальных, популярных и значимых слов и выражений. В России в 2008 году первое место в этой акции заняло слово «кризис», в 2012-м – «Болотная», а в 2018-м – «новичок». Пандемию коронавируса уже сейчас можно назвать ярчайшим событием 2020 года, поэтому слова «карантин», «самоизоляция», «удаленка», вероятнее всего, войдут в шорт-лист, а слово «коронавирус» можно считать одним из главных претендентов на победу.

Часто встречается выражение «заболеть коронавирусом». Например, информационное агентство «Интерфакс» 31 марта опубликовало новостную статью с таким заголовком: «Число заболевших коронавирусом в РФ за сутки

выросло на 500». Строго говоря, такая формулировка ошибочна, поскольку заболеванием является коронавирусная инфекция, коронавирус же – то, что ее вызывает. Однако в обиходной речи выражение «заболеть коронавирусом» используется довольно широко, что объясняется стремлением к упрощению речи, к экономии речевых средств. По этой же причине появляются и другие сокращения: «корона», «ковид».

Одним из продуктивных способов образования слов в русском языке является универбация. Так, еще одним вариантом сокращения стало слово «коронарка». Также актуализировались такие универбаты как «гречка» и «удалёнка».

Появляется большое количество слов с первой частью «корона-». Так, «коронаскептиками» или «коронадиссидентами» называют людей, утверждающих, что никакой пандемии нет, как и нет самого коронавируса, а «коронапроявлениями» Дмитрий Песков назвал симптомы коронавирусной инфекции.

Как в СМИ, так и в разговорной речи широко употребляется слово «карантин». Наряду с предлогом «в» с ним используется предлог «на». Можно наблюдать разницу в эмоционально-экспрессивной окраске этих высказываний. Например: «Нас отправили на карантин» и «Две недели уже сидим в карантине». Использование предлога «в» в этом случае придает высказыванию оттенок отрицательной оценки.

Еще одним широкоупотребительным на сегодняшний день словом является «самоизоляция». Его возникновение не связано с последними событиями, впервые оно было употреблено в 1940 году С.Л. Рубенштейном в книге «Основы общей психологии»: «Глубина и богатство личности предполагают глубину и богатство ее связей с миром, с другими людьми; разрыв этих связей, самоизоляция опустошают ее». У слова «самоизоляция» здесь довольно яркий негативный оттенок. Сейчас это слово актуализировалось, но стало звучать мягче. Такое изменение можно объяснить двумя факторами: с одной стороны, самоизоляция проходит в довольно комфортных для нас условиях, с другой – ассоциируется с ответственным отношением к здоровью окружающих, с препятствием распространению пандемии.

Появляются заимствования новых слов из других языков. Например, «инфодемия» (англ. *infodemic*) – обилие информации, затрудняющее выбор правильного поведения; распространение ложной информации о пандемии; «ковидиот» (англ. *covidiot*) – человек, пренебрегающий правилами изоляции, способствующий распространению вируса или паники; «карантин-шейминг» (англ. *quarantine shaming*) – негативная реакция, направленная на людей, нарушающих режим самоизоляции.

Язык является живым организмом, отражающим реакцию его носителей на все, что происходит в мире. Неудивительно, что пандемия, затронувшая весь мир, отразилась и на языковом портрете эпохи.

Пэй Юйци
 3032216388@qq.com
 студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
 Москва, Россия
 студент Хэйлунцзянского университет
 Хэйлунцзян, Китай

Труханова Д.С.
 DSTrukhanova@pushkin.institute
 ассистент
 Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
 Москва, Россия

Особенности использования вводных слов со значением неуверенности в парламентском дискурсе

Ключевые слова: политический дискурс, прагматика, парламентский дискурс, правительственный час.

Аннотация. Работа посвящена анализу коммуникативного поведения чиновников – представителей исполнительной власти в рамках коммуникативного события «правительственный час» в Государственной Думе и Совете Федерации. Отвечая на вопросы парламентариев, приглашенные должностные лица находятся в уязвимой позиции и стремятся сократить уязвимость своего лица с помощью различных коммуникативных тактик, среди которых одной из наиболее частотных является тактика снижения уверенности.

Pei Yuqi
Trukhanova D.S.

The Specific of Usage of Modal operators with Semantic of Uncertainty in Parliamentary Discourse

Keywords: political discourse, pragmatics, parliamentary discourse, governmental hour.

Abstract. The work is devoted to the analysis of the communicative behavior of officials – representatives of the executive power in the framework of the communicative event “governmental hour” in The State Duma and the Federation Council. Responding to questions from parliamentarians, invited officials are in a vulnerable position and seek to reduce the vulnerability of their face through various communication tactics, among which one of the most frequent is the tactic of reducing confidence.

Русскоязычный парламентский дискурс (ПД) как дискурс законодательных органов власти РФ федерального уровня наследует основные черты по-

литического дискурса (ритуализованность, условная информативность, агональность, манипулятивность, диалогичность, динамичность, медиатизированность). Вместе с тем можно отметить повышенную ритуализованность, сниженную фидеистичность и связь с административным дискурсом как его характерные черты. Основными функциями ПД являются: борьбы за власть, регулятивная, представительская (институализация политической оппозиции), совещательная и распорядительная. ПД реализуется в ряде коммуникативных событий (КС) разного ранга. Пленарное заседание как основное крупное КС включает в себя малые КС. Одним из наиболее сложных с точки зрения интенциональной организации КС ПД является правительственный час (ПЧ). ПЧ – это время встречи приглашенных должностных лиц (контрагентов) с депутатами и сенаторами (агентами парламентского дискурса). Целью встречи является реализация парламентариями функции парламентского контроля. Отношения парламентариев и приглашенных чиновников асимметричны.

ПЧ как КС является жестко ритуализованным, планируемым, со строго определенными локальными и темпоральными характеристиками. ПЧ имеет четкую структуру. Целостность коммуникативного события обеспечивается его целью (реализация агентами парламентского дискурса функции парламентского контроля), повесткой дня и регламентирующими документами. ПЧ является текстоцентричным КС. Текстоцентричность ПЧ нарушается во время ответов приглашенного чиновника на вопросы парламентариев. Эта часть ПЧ, которая и является предметом нашего анализа, имеет сложную институциональную архитектуру.

Общение парламентариев и приглашенных лиц конфликтно по сути, но конфликт скрыт. Коммуникативное поведение участников КС регулируется рядом факторов: природой парламентского дискурса (его ритуализованностью), законодательством, присутствием наблюдателей (вышестоящая власть, удаленный массовый адресат, медиа), условной открытостью, стремлением власти к позитивной самопрезентации. Лингвопрагматический анализ коммуникативного поведения субъектов политического дискурса возможен только с учетом экстралингвистических факторов, что позволяет «распознать и вывести все скрытые смыслы говорящего на поверхность» [3, с. 76].

Особо сложно создать позитивный образ власти представителям исполнительной власти. Их деятельность является объектом парламентского контроля, в рамках КС «ПЧ» они отвечают на неудобные вопросы, касающиеся внутренней и внешней политики РФ. С целью сохранить своё лицо они прибегают к коммуникативно-когнитивному феномену митигации, то есть стремятся сократить уязвимость своего лица используя тактики демонстрации активной деятельности, снижения определенности высказывания, подчеркивания субъективности точки зрения, снижения уверенности и др., которые реализуются разноуровневыми языковыми средствами.

Тактика снижения уверенности в собственных словах реализуется лексическими и грамматическими средствами (использование вводных слов и конструкций с семантикой неуверенности, лексики с семантикой потенциальности, форм сослагательного наклонения) в ситуации выражения приглашенным лицом несогласия, оценки, обещаний, признания недостатков в своей работе и др., то есть в таких ситуациях, которые являются потенциально конфликтными, снижают авторитет институционального лица чиновника. Наиболее часто описанная тактика реализуется за счет использования вводных слов и конструкций с семантикой неуверенности (*может быть / быть может; наверное; возможно; видимо / по-видимому; вероятно; должно быть; пожалуй; (мне / нам) кажется; показалось* и мн.др.).

Рассмотрим пример. 25.01.2017 на заседании ГД депутат Н.И. Рыжак («Справедливая Россия») задает вопрос министру иностранных дел С.В. Лаврову о причинах неудач в сфере российско-украинских дипломатических отношений. Приглашенное должностное лицо, отвечая на вопрос, стремится нивелировать его значение, призывая парламентариев заняться решением реально существующих проблем, а не анализировать их причины. Вместе с тем ПДЛ всё же называет причину – внешние независимые от российской стороны обстоятельства, но допускает, что работа российских дипломатов было не совсем эффективной. Признание собственной неэффективности угрожает авторитетности министра и его подчиненных. Сообщая эту информацию, ПДЛ снижает степень уверенности в собственных словах (1), а затем указывает на «объективную» причину провала (2): «Наверное, были ошибки (1), но мы все знаем, какую подрывную, контрпродуктивную роль сыграли наши западные партнеры (2) <описание западной русофобской пропаганды>». Вводное слово со значением неуверенности, лексическое средство митигации, дополняется синтаксическим – деперсонализированным бытийным предложением (ошибки «были», то есть ‘существовали сами по себе’, они не были допущены представителями ведомства). Обращает на себя внимание и употребление лексемы «партнеры», она имеет контекстуально обусловленное значение ‘противники’.

Надо отметить, что частотны случаи, в которых тактика демонстрации неуверенности реализуется одновременно несколькими средствами и сочетается с другими митигативными тактиками. Рассмотрим пример. 01.02.2017 на заседании СФ № 405 сенатор В.С. Тимченко (от Кировской области) задает вопрос министру труда и социальной защиты М.А. Топилину о возможности предоставления оплачиваемого срочного отпуска гражданам, ухаживающим за совершеннолетними недееспособными родственниками. Сенатор просит закрепить эту возможность законодательно. Министр готов рассмотреть вопрос, но в целом не соглашается с сенатором, маскируя несогласие за сомнением (для этого ПДЛ использует вводное слово со значением

неуверенности, частицу «бы»): «Как мне представляется, сейчас, наверное, не совсем правильно было бы ставить вопрос о том, чтобы возлагать это на работодателей, и не та экономическая ситуация, чтобы увеличивать количество оплачиваемых отпусков во всех секторах». Тактика демонстрации неуверенности дополняется тактиками деперсонализации (реализуемой за счет формулирования отказа безличной конструкцией), снижения интенсивности высказывания (реализуемая за счет введения наречия «совсем»), подчеркивания субъективности точки зрения (реализуемой с помощью клишированной конструкции «как мне представляется»), а также тактикой аргументирования (ссылкой на неблагоприятную экономическую ситуацию – «не та экономическая ситуация»).

Таким образом, использование вводных слов с семантикой неуверенности позволяет ПДЛ реализовать специфическую тактику, которая может сочетаться с иными тактиками, позволяя приглашенному лицу добиться митигативного эффекта.

Литература

1. Труханова Д.С. Митигативный потенциал обращения в институциональном политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. – № 11. – С. 211–215.
2. Боженкова Н.А., Катышев П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языковедение. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 76–92.
3. Паремюзашвили Э.Э. Стратегия доминирования в структуре непрямого речевого акта // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 71–77.

Устная разговорная речь в современной русской литературе на примере романа Е. Вильмонт «Хочу бабу на роликах»

Ключевые слова: стиль, разговорная речь, штампы устной разговорной речи, чтение.

Аннотация. Целью статьи является выделение и классификация наиболее частотных разговорных выражений, называемых штампами устной речи. Предлагаемый материал способствует лучшему пониманию художественного неадаптированного текста иностранцами, изучающими русский язык.

A. Rakovec

Colloquial Language in Modern Russian Literature on the Example of the Novel by E. Vilmont “I Want Woman on Roller Skates”

Keywords: style, colloquial language, “stamps” of colloquial language, reading.

Abstract. The aim of this article is to distribute and classify the most frequent colloquial expressions in Russian called “stamps” of the colloquial language. The following material contributes to a better understanding of the non-adapted text for foreign student, studying Russian language.

И зучая русский язык в родной стране, мы чаще всего пользуемся учебниками и учебными пособиями с текстами и упражнениями, где используется нейтральный стиль речи. При спонтанном общении с носителями русского языка в бытовых ситуациях и при чтении современной русской художественной литературы в подлиннике иностранцы замечают, что плохо понимают короткие диалоги и высказывания, которые, казалось бы, не должны вызывать трудностей ни с точки зрения лексики, ни с точки зрения грамматики. Возможен и культурологический шок, когда мы не понимаем, что мы не понимаем.

Анализируя с точки зрения стилистики отдельные слова, мы предполагаем, что проблема заключается в понимании разговорной речи на уровне лексики. Но почему слово «ладно», являющееся синонимом нейтрального «хорошо, согласен», непонятно в коротких высказываниях «Ладно тебе!», «Ну и ладно», «Ладно уж», когда ситуация общения или контекст художественного произведения, на наш взгляд, полностью или частично не соответствует ситуации?

Без знания интонационной системы русского языка трудно понять все тонкости диалогов разговорной речи как при аудировании, так и при чтении

аутентичных текстов. Понимание может быть достигнуто за счет изучения штампов устной разговорной речи, которые определяются как «*.../* готовая речевая формула, в которой значение отдельных слов не совпадает с общим значением высказывания и зависит от интонационного оформления» [2, с. 462].

Овладев интонационной системой русского языка и зная, что значение штампа может измениться в зависимости от интонации («*Ну да*» (ИК 3) – выражение удивления; «*Ну да*» (ИК 2) – выражение согласия), остановимся на анализе разговорной речи в современном художественном неадаптированном тексте. Для анализа выбран избобилующий штампами устной разговорной речи роман современной российской писательницы Е. Вильмонт «Хочу бабу на роликах».

Наиболее частотные штампы, используемые здесь, выделены в три группы: выражение несогласия, выражения согласия, выражения удивления.

Выражения несогласия

Ни за что. Вот уж нет. Ну что вы (ты). Да нет. Да ну. Вот еще. Еще чего.

Выражения согласия

А как же. Еще бы. А что? Ну что ж. Почему бы нет. Ну еще бы. Так и есть. Да уж. На все сто.

Выражения удивления

Надо же. Да ты что? Ну ничего себе. Ну и ну. Ну ты даешь! То есть как?

Отдельно следует упомянуть сложные по структуре штампы с труднодоступной иностранцам интонационной конструкцией ИК 7, которая характерна только для разговорной речи, и может полностью изменить смысл высказывания.

Например:

А что тут неудобного! (Здесь нет ничего неудобного).

Какой он старик! (Он не старик).

Да какая там судьба! (Это не имеет отношения к судьбе).

Чего тут не понять! (Тут все понятно).

Отобранный и систематизированный здесь минимум штампов позволяет иностранцам, изучающим русский язык, лучше понимать аутентичную разговорную речь при общении с носителями русского языка в бытовых ситуациях, при чтении художественной литературы, просмотре художественных фильмов и телевизионных передач.

Литература

1. Ван Сяо, Нечаева Е.В., Каргы Т.А. Штампы устной разговорной речи в практическом курсе русского языка для китайских учащихся // Международная студенческая научно-практическая конференция «В мире русского языка и русской культуры». Сборник тезисов. – М., 2017. – С. 28–30.

2. Нечаева Е.В., Каргы Т.А. Штампы устной разговорной речи при обучении русскому языку как иностранному // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 460–465.

Робаина Акоста Лиса

mulanyluz@gmail.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

дипломат Министерства иностранных дел Республики Куба

Красникова Е.Ю.

key2006@inbox.ru

канд. филол. наук, доцент, старший педагог

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Динамика изучения русского языка на Кубе

Ключевые слова: изучение, русский язык, продвижение русского языка на Кубе

Аннотация. Тезисы статьи посвящены анализу процесса изучения русского языка на Кубе и взаимосвязи этого процесса с историческим развитием отношений между СССР (Россией) и Кубой.

Robaina Acosta Lisa

Krasnikova E.Ju.

Dynamics of the study of the Russian language in Cuba

Keywords: study, Russian language, promotion of the Russian language in Cuba

Abstract. The abstract of the article is devoted to the analysis of the process of studying the Russian language in Cuba and the relationship of this process with the historical development of relations between the USSR (and Russia) and Cuba.

Изучение русского языка на Кубе восходит к 1782–1784 годам, когда русский врач Ф.В. Каржавин прибыл в Гавану и посвятил себя преподаванию английского, французского и русского языков. В 1818 году начинается коммерческий обмен между Кубой и Россией, и в Гаване создается первое российское консульство. В 1902 году между двумя государствами были установлены дипломатические отношения, которые прекратились в 1917 году, когда неокOLONиальное правительство острова не признало власть большевиков. В 1942 году связи с СССР возобновились, а в 1952 году президент Кубы Ф. Батиста разрывает двусторонние связи. В 1960 году после победы кубинской революции отношения на высшем уровне были возобновлены, а с 2000 года с приходом президента Путина отношения между Россией и Кубой значительно улучшились.

В 1960 году началось обучение в языковых школах в Гаване, одна группа кубинцев учится в Москве на переводчиков, а другая – на подготовитель-

ном факультете МГУ, чтобы стать преподавателями русского языка. Школа «Максимо Горки» в Гаване начала готовить переводчиков и преподавателей для лицеев и колледжей. Кроме того, были созданы 6 подготовительных факультетов для кубинских студентов, которые стали приезжать для обучения в СССР. В 1977 году в кубинской столице был открыт филиал Института русского языка, что ознаменовало начало расцвета изучения его на Кубе. С конца 1980-х годов кубинских студентов, отправленных на учебу в СССР и, следовательно, в средние школы, уменьшилось. Началось снижение интереса к русскому языку.

К 1991 году остались только две базы русского языка на Кубе: факультет иностранных языков Гаванского университета и Высший педагогический институт. С приходом к власти В. Путина в 2000 году был создан Фонд «Русский мир». Эта организация и МАПРЯЛ провели свои выездные семинары в Гаване в 2009, 2011, 2012, 2013 и 2015 годах. В 2010 году Гаванская книжная ярмарка была посвящена России, и с тех пор у России есть павильон на этой ярмарке. Фонд «Русский мир» предоставил Национальной библиотеке Кубы специализированную комнату по русскому языку, а в Пушкинском институте была создана кафедра на факультете иностранных языков Гаванского университета (FLEX). В 2014 году была сформирована группа специалистов по русскому языку, а через 20 лет FLEX присоединился к МАПРЯЛ.

В настоящее время преподавание русского языка проводится в языковых школах, в таких центрах, как ISPJAE, Военно-технический институт, Высший институт искусств и Университет Сьего-де-Авила на факультативных курсах, и особенно, в церквях и как эксперимент в двух вузах столицы. В FLEX молодые люди из разных провинций изучают русский язык с возможностью выбора второго языка.

По данным Россотрудничества, на Кубе популяризация русского языка является одной из основных задач в связи с тем, что кубинцы продолжают проявлять большой интерес к русскому языку и культуре (более 20 тысяч из них учились в СССР и в России). Кроме того, укрепление сотрудничества между Россией и Кубой в экономической и коммерческой сферах, которое наблюдается в последние годы, а также устойчивый поток российских туристов на Кубу побуждает молодых кубинцев изучать русский язык.

Сегодня работа Россотрудничества на Кубе по продвижению русского языка осуществляется в тесном контакте с посольством России на Кубе, с Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, с Министерством высшего образования Кубы, Университетом Гаваны и другими кубинскими университетами. Так, например, за последние годы Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина несколько раз посылал опытных преподавателей для работы в кубинских вузах, помогал с учебно-методическими материалами.

Одним из важнейших проектов развития преподавания русского языка является возобновление занятий по национальным телеканалам. В 2017/18

170 | учебном году русский язык был включен в образовательную программу двух средних школ в Гаване в качестве факультативной дисциплины. Также в университетах различных кубинских провинций были созданы кафедры русской культуры и языка.

Самый последний шаг в целях содействия изучению русского языка на Кубе был сделан в январе 2020 года, когда властями Гаванского университета была открыта подготовительная языковая школа, рассчитанная на 100 человек. В будущем планируется организовать еще три или четыре таких центра. Цель создания этой школы – предложить подготовительные вводные курсы для тех молодых кубинцев, которые собираются учиться в аспирантуре в г. Руисе, используя 100 российских стипендий.

Таким образом, изучение русского языка на Кубе имело свои взлеты и падения. После победы Кубинской революции в 1960 году, благодаря хорошим отношениям между Россией и Кубой, изучение русского языка на Кубе стало отвечать интересам обеих стран. В настоящее время разрабатываются различные проекты, позволяющие не только возобновить золотой век изучения русского языка в этой стране, но и усилить и расширить его распространение.

Литература

1. <http://cub.rs.gov.ru/es/activities/693>
2. <http://www.cubadebate.cu/noticias/2018/06/13/decadas-de-cultura-y-lengua-rusas-en-cuba/>

Методика формирования лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-филологов при изучении русского фольклора

Ключевые слова: язык, культура, коммуникативная компетенция, лингвокультурология, лингвокультурологический комментарий, фольклор.

Аннотация. Современное общество способствует активному развитию межкультурной коммуникации. Особую роль в формировании коммуникативной компетенции играет лингвокультурологическое комментирование текста, так как сочетает в себе не только языковую сторону, выраженную во фразеологии, но и тип мышления.

E.I. Sadovnikov

Methods of forming the linguocultural competence of foreign students of Philology in the study of the Russian folklore

Keywords: language, culture, communicative competence, linguoculturology, linguocultural commentary, folklore.

Abstract. Modern society contributes to the active development of intercultural communication. A special role in the formation of communicative competence is played by linguistic and cultural commentary of the text, since it combines not only the language side expressed in phraseology, but also the type of thinking.

В эпоху интенсивного развития информационного общества, в котором одним из преобладающих факторов является производство, хранение, переработка и реализация информации, особенно высшей ее формы – знаний, процесс глобализации сводится не только лишь к открытой свободной торговле, наращению всемирного капитала и развитию рынка труда. Важную роль в современной жизни общества играет межкультурная коммуникация, которая предполагает владение несколькими иностранными языками.

Позиция любого языка в современном мире поддерживается его местом в системе образования. Долгое время русский язык был одним из наиболее изучаемых языков мира, однако в конце прошлого столетия из-за политических событий в нашей стране количество изучающих русский язык за рубежом сократилось [2, с. 53–56]. Тем не менее русский язык

172 | сегодня занимает одну из лидирующих позиций в мире. Распространение русского языка в мире в качестве языка-посредника зависит от различных факторов. В частности, крайне важны сферы применения русского языка, а также их актуализация.

Базисные факторы, делающие для иностранных граждан изучение русского языка практической необходимостью, определяются перспективой международного экономического сотрудничества с Россией, в которой русский язык является государственным. Большую роль в усилении мотивации к изучению русского языка наряду с профессиональным фактором (получением специальности в стране изучаемого языка) играет русская культура, которая издавна рассматривалась как часть европейской и шире – мировой культуры. Русских классиков знают и чтут во всем мире, спектакли на русском языке ежегодно завоевывают сердца миллионов зрителей, песни на русском языке узнаваемы и популярны по всему земному шару. Однако особое место в наследии русского языка занимает русский фольклор. И весьма неспроста.

Согласно мнению многих ученых-фольклористов, фольклор любого регионального сообщества исторически создают представители различных слоев населения того или иного этноса, в котором они «говорят о себе» через преломление всей окружающей реальности, через ее соответствующую оценку. Все это образует внутреннюю духовную «атмосферу» любой социальной группы, общности [5]. Русский фольклор, создаваемый на протяжении многих веков, впитал в себя всю полноту культурного богатства русского этноса. Для того, чтобы говорить на русском языке, наличие одной лишь языковой компетенции недостаточно. Необходимо комплексное понимание русского менталитета, так называемой «русской души».

Изучению взаимосвязи языка и культуры было посвящено большое количество научных исследований. Большинство ученых утверждает, что «язык» и «культура» являются разными семиотическими системами. Культура является знаковой системой, однако данная система знаков культуры не обладает функцией самоорганизации подобно языковой знаковой системе. Язык как феномен своей целью предполагает установку на массового адресата. В феномен «культура» заложен принцип элитарности [3, с. 60].

Тем не менее, будучи разными, эти семиотические системы имеют и много общего. На это есть несколько причин: 1) субъектом языка и культуры всегда являются или индивид и социум, или личность и общество; 2) язык, равно как и культура, являются формами человеческого сознания, отражающими человеческое восприятие к окружающему миру; 3) язык и культура существуют лишь в постоянном диалоге между собой; 4) «историзм» и «нормативность» являются в равной степени значимыми критериями характеристики как языка, так и культуры [4, с. 183–185].

Язык и культура имеют тесную взаимосвязь в нескольких аспектах, а именно: 1) в формировании языковых способностей человека (т.е. в онтогенезе); 2) в процессе формирования общественного человека (т.е. в филогенезе); 3) в коммуникативных процессах [4, с. 213].

В конце XX века на стыке двух гуманитарных дисциплин (языкознания и культурологии) появляется самостоятельная дисциплина «лингвокультурология», в основе которой лежит диада «язык – культура». В контексте методики преподавания русского языка как иностранного существуют два подхода. Первый подход предполагает переход от изучения фактов культуры к фактам языка. Таким образом, культура является целью обучения, а язык средством. Автором данного подхода является В.В. Воробьев. По его мнению, «лингвокультурология – это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [1, с. 37].

Авторами второго подхода являются Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Этот подход предполагает изучение языка с точки зрения его культураносной функции. Этот подход получил название «лингвострановедение». В нем изучаются приемы и способы включения ознакомительно-познавательного потенциала языка в процесс преподавания.

Методика преподавания русского языка как иностранного рассматривает коммуникативную деятельность как ядро научного исследования и ставит перед собой цель – овладение коммуникативной компетенцией в различных видах речевой деятельности и сферах общения. Объединяя в сбалансированное целое все аспекты функционирования языка в процессе реализации коммуникативной деятельности, коммуникативная компетенция дает адекватную и исчерпывающую характеристику общения личности в данном национально-языковом коллективе. В коммуникативной компетенции язык и речь образуют единство средств и способов по отношению к реализующим вербальное общение процессам речепроизводства и речевосприятия. Именно она обеспечивает подлинное, а не мнимое общение, поскольку учитывает все факторы, формирующие структуру и содержание коммуникативной деятельности, в том числе и иноязычной [2, с. 82].

Особую роль в формировании коммуникативной компетенции играет лингвокультурологическое комментирование текста, так как сочетает в себе не только языковую сторону, а именно лексическое и синтаксическое оформление типа мышления, чаще выраженное во фразеологии (поговорок, пословицах), структуре предложения, но и тип мышления народа, усредненное понимание действительности определенной национальной общностью.

Литература

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 340 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
3. Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие / С. И. Лебединский, Л. Ф. Гербик – Минск, 2011. – 309 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001. – 208 с.
5. Новый словарь методических терминов и понятий [Электронный ресурс]. URL: http://methodological_terms.academic.ru/

Художественный текст как лингводидактический материал в обучении таджикских учащихся средних классов на примере сказки «Колобок»

Ключевые слова: лингводидактический материал, художественный текст, сказка, русский язык, таджикская школа.

Аннотация. В статье рассматривается художественный текст как лингводидактический материал в обучении русскому языку таджикских учащихся средних классов на примере сказки «Колобок». Рассмотрены жанры художественного текста и выявлена важность их использования в процессе преподавания русского языка в таджикской школе. Также представлен отрывок из сказки «Колобок» – для анализа и демонстрации функционирования синтаксических конструкций и морфологических моделей, показаны падежные конструкции в их речевой функции.

Z.Z. Saidov

Literary text as a linguodidactic material in the teaching of Tajik middle school students on the example of the tale “Колобок”

Keywords: linguodidactic material, literary text, fairy tale, Russian language, Tajik school.

Annotation. The article considers the literary text as a linguodidactic material in teaching Russian to Tajik middle school students on the example of the tale “Колобок”. The genres of literary text are examined and the importance of their use in the process of teaching the Russian language in a Tajik school is revealed. An excerpt from the fairy tale “Колобок” was also clearly demonstrated for the analysis and demonstration of the functioning of syntactic structures and morphological models, case structures in their speech function are shown.

В русской художественной литературе имеется три жанра: эпос, лирика, драма. Как правило, меньше всего трудностей у иностранцев возникает с восприятием эпоса. Дело в том, что эпические тексты содержат четкую фабулу, в результате чего их восприятие проходит с минимальным количеством помех. Что касается лирики, то отсутствие четкой фабулы затрудняет восприятие текста. Вместе с тем в эпосе применяется такое количество из-

176 | образительно-выразительных средств, которое может повлиять на восприятие «событийной истории», в результате чего учащимся не приходится строго и точно интерпретировать иносказательную манеру автора.

С нашей точки зрения, в процессе обучения русскому языку как иностранному следует придерживаться принципа поэтапного усложнения материала. В связи с чем для средних классов (5–9) идеально подойдет проза, обладающая смысловой завершенностью. К ней в первую очередь относятся сказки, рассказы, фрагменты больших прозаических произведений. В учебниках по русскому языку с таджикским языком обучения в средних классах требуется больше включать сказки, их мало наблюдается в действующих учебниках [3].

Народные сказки целесообразно включать в программу обучения с 5 по 7-й класс. Они характеризуются оптимальным лингводидактическим уровнем, обладают страноведческой ценностью, культурологической наполненностью.

Применение русских народных сказок в рамках обучения русскому языку является распространенной педагогической практикой, поскольку приносит результат. Отличительной особенностью русских народных сказок является равномерное употребление всех частей речи, в результате чего их допускается применять вне зависимости от грамматической темы урока.

Для обучения русскому языку в средних классах целесообразно включать художественные тексты, обладающие большим числом причастных и деепричастных оборотов. Детальное изучение таких произведений начинается только в старших классах. Если в составе текста имеется избыточное количество сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, то применение таких текстов рекомендуется ограничить. Отдельно стоит акцентировать внимание на употреблении глаголов, а также наглядно показать в тексте, как происходит их формообразование. Образность создается в тексте посредством лексических средств, в то время как грамматика становится побочным способом формирования образности. В результате проза, с позиции обучения грамматике, обладает большой ценностью при обучении таджикских детей русскому языку. Уже в 8–9-м классе школьники должны отличать ряд грамматических конструкций в художественном тексте. Специфика таких конструкций должна быть следующей:

1. род (мужской, женский, средний) и одушевленность/неодушевленность предмета;
2. предложно-падежная система (определение падежей и их окончаний);
3. согласование существительных с прилагательными;
4. виды глагола;
5. глаголы, обозначающие передвижение предмета в пространстве;
6. грамматическая база предложения (подлежащее и сказуемое);
7. главные члены предложения;
8. типы простых предложений [2, с. 120].

Особую пользу прозаические тексты могут принести педагогу при работе с глаголами. В частности, народные сказки весьма динамичны, поскольку в них присутствуют различные формы указанной части речи. Таджикиские школьники получают всю необходимую информацию о глаголах уже в средних классах (времена, спряжения, лица, глаголы движения и др.) [2]. Например, в 7-м классе рекомендуется изучить русскую народную сказку «Колобок». Она позволяет лучше усвоить грамматический материал, в том числе сравнительные степени прилагательных, падежные формы существительных, процесс образования глаголов движения.

В 7-м классе подробно изучаются падежи. В 8-м классе осваивается морфология на более глубоком уровне по сравнению с предыдущими классами. Помимо этого, проходит углубленное изучение частей речи: и самостоятельных, и служебных.

Нами была сделана попытка подобрать прозаический текст, с помощью которого можно было бы наглядно продемонстрировать применение указанных синтаксических конструкций и морфологических моделей.

Примером может служить сказка «Колобок», которую следует включить в программу освоения русского языка таджикскими школьниками средних классов.

«Жили-были старик со старухой. (простое предложение, повествовательное)

Вот и говорит старик старухе:

– ***Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку помети, не наскребишь ли муки на колобок.*** (использование инфинитива, глагола, дополнительная тренировка их распознавания)

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла муки горсти две. (работа с падежами; демонстрация использования дательного падежа существительных, анализ инверсионного порядка слов в русском предложении)

Замесила муку на сметане, состряпала колобок, изжарила в масле и на окошко студить положила. (работа с падежами; демонстрация винительного падежа существительных)

*Колобок полежал, полежал, **взял да и** покатился – с окна на лавку, с лавки на пол, по полу к двери, прыг через порог – да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.* (работа с предложениями, выражающими значение направления движения – куда? и откуда?)
Катится Колобок по дороге, навстречу ему....

*И покатился по дороге – только Заяц его и **видел!**...»* (сложное предложение, восклицательная интонация) [4, с. 23].

В указанном фрагменте русской народной сказки «Колобок» незнакомые учащимся слова составляют очень небольшое количество из общего объема

178 | текста, что полностью соответствует стандартам РКИ. Нужно давать толкование этим словам, и ученики должны записать их в словарную тетрадь. Регулярное повторение сюжетной линии и синтаксических структур в русских народных сказках обеспечивает их запоминание школьниками. Поскольку объем текста небольшой, то значительно улучшается познавательная мотивация учеников (для 6–7-го класса оптимальный объем художественного произведения составляет 600–800 слов).

Вместе с тем сказка «Колобок» далеко не так легко воспринимается иностранными школьниками, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что она содержит лексику, которая в обычной речи употребляется нечасто. В тексте очень много архаизмов («короб», «сусек» и т.д.). Помимо этого присутствуют краткие причастия («стужен», «мешен» и т.д.), а также другие лексические единицы, требующие дополнительного объяснения. С позиций методики обучения РКИ, это является главным лингвометодическим недочетом русских народных сказок, однако это не повод отказываться от применения таких художественных текстов на уроке.

Таким образом, использование художественных текстов, в том числе использование сказок в процессе преподавания русского языка в таджикской школе, является важным лингводидактическим материалом обучения. Фабула сказок всегда привлекательна и динамична, отсылает читателя к реальной жизненной ситуации, в тексте сказки демонстрируются изученные грамматические темы, а также, так как народные сказки весьма динамичны, в них присутствуют различные формы частей речи, вследствие чего они хорошо запоминаются и позволяют формировать коммуникативные компетенции иностранных учащихся [1, с. 28].

Литература

1. Барсукова-Сергеева О.М. Русская народная сказка как инструмент формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся // Русский язык за рубежом. – 2013. № 4 – С. 28.
2. Гусейнова Т.В., Шабурова Д.Х. Учебник для 7-го класса средней школы с таджикским языком обучения / Под ред. проф. Каримовой И.Х. – 2-е изд., с испр. и доп. – Душанбе: Матбуот, 2013. – 176 с.
3. Гусейнова Т.В. Русский язык: Учебник для 6-го класса средней школы с таджикским языком обучения / Под ред. проф. И.Х. Каримовой. – 2-е изд., испр. и доп. – Душанбе: Нур-2003, 2012. – 144 с.
4. Шамзи З.А. Принципы отбора художественных текстов в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) для иракской аудитории: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Шамзи Зайнаб Али; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 2013. – 23 с.

Сану Дауда

Sanoudaouda2020@gmail.com

магистрант

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Камышева С.Ю.

sykatysheva@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Система обучения русскому языку в Республике Мали

Ключевые слова: обучение, русский язык, Республика Мали, система, лицей.

Аннотация. В данной статье рассматривается система обучения русскому языку в Мали. В Республике русский язык преподается как в средних школах, так и в вузах как второй иностранный по выбору после английского. Выражается озабоченность ослаблением позиций русского языка в стране после ухода СССР с исторической сцены.

Sanou Daouda

Kamysheva S. Yu.

Russian language learning system in the Republic of Mali

Keywords: teaching, Russian, The Republic of Mali, the system, the lyceum.

Abstract. This article discusses the system of teaching Russian in Mali. In the education system of the Republic, Russian is taught in both secondary schools and universities as the second foreign language of choice after English. Concerns have been expressed about the weakening of the Position of the Russian language in the country after the Soviet Union's withdrawal from the historical scene.

В Республике Мали, как и в других развивающихся странах, после завоевания независимости было принято решение ввести изучение русского языка, одного из самых распространенных в мире, в систему образования, и на сегодняшний день этой традиции почти 60 лет. В системе образования Республики Мали изучение русского языка начинается в средней школе. Школьное образование длится 12 лет и делится на несколько ступеней: начальная школа – с 1 по 9-й класс, затем обучение продолжается в лицее – с 10 по 12-й класс. В лицее с 10-го класса русский язык изучается как

180 | второй иностранный язык после английского, и выбор иностранного языка делается самими учащимися из русского, немецкого, арабского, китайского и испанского. В 1960-х годах русский язык преподавали во всех лицеях Мали вне зависимости от специализации советские специалисты [2]. С 1976 года первые малийские преподаватели, выпускники Высшей Нормальной школы Бамако по специальности «русский язык», начали преподавать русский в лицеях Мали. С этого времени проводилась постепенная замена советских преподавателей малийскими. Сегодня в лицеях республики Мали русскому языку обучают национальные преподаватели, как и в вузах – Университете языков и гуманитарных наук и Высшей Нормальной школе Бамако.

Следует отметить, что преподавание русского языка в Мали прошло через разные исторические периоды. До «перестройки», то есть во время существования Союза Советских Социалистических Республик, русский язык занимал большое место среди учебных дисциплин в системе образования Республики Мали и изучался фактически во всех лицеях. Была создана Малийская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Особая роль принадлежала школе при Посольстве России в Мали, которая стала своеобразным центром для выпускников российских вузов, среди которых был президент Мали, члены правительства и парламента, руководящий состав малийской армии. Активно работал в Бамако крупнейший в Западной Африке Русский культурный центр [1]. С наступлением перестройки в России, изменением геополитической обстановки в мире русский язык утратил свои лидирующие позиции в учебных заведениях Мали. В наше время русский язык изучают около 2000 учащихся в 38 средних школах Мали. В Республике 69 учителей русского языка в средних учебных заведениях. Эти национальные кадры – выпускники Высшей Нормальной школы Бамако по специальности «русский язык», которой поручена подготовка учителей для средней школы. После реформы системы обучения 2010–2011 годов, в результате которой был введен «десятый год общего образования» для всех типов лицеев, русский язык в 11-м и 12-м классах, как и другие иностранные языки, изучается только в филологических классах 2 часа в неделю в 10-м классе, 4 часа в 11-м и 12-м классах. Ученики 10-го и 11-го классов учатся по учебнику «Русский язык для всех» под редакцией В.Г. Костомарова, в 12-м классе в обучении используется также «Учебник русского языка для франкоговорящих» В.Н. Ванеева и др.

В Университете языков и гуманитарных наук, куда ученики поступают после окончания средней школы, в настоящее время работают семь преподавателей, включая четырех постоянных и троих приглашенных, учатся на факультете русского языка 48 студентов, из которых 9 на первом курсе, 12 на втором, 13 на третьем курсе, 14 четверокурсников будет выпущено в этом году. Преподаются следующие предметы: грамматика, практика речи, чтение,

фонетика, правописание, лингвистика, перевод, страноведение, аудирование и русская литература. На третьем курсе начинают изучать методику преподавания РКИ, дидактику, русскую и сравнительную литературу, стилистику, лексикологию, страноведение, лингвистику текста и контрастивную лингвистику. Студенты обучаются 3 или 4 дня в неделю, при этом ежедневно 2 часа отводится на практику русского языка и 3 часа на общелингвистические предметы. Выпускники факультета получают диплом бакалавра с лицензией на право профессиональной деятельности и могут также поступить на конкурсной основе в престижную Высшую Нормальную школу Бамако, построенную СССР в 1960 году для подготовки учителей средней школы. На кафедре русского языка в настоящее время работают 7 профессоров, среди которых 1 на постоянной основе и 6 приглашенных; обучается 30 студентов, в том числе 10 из них будет выпущено в этом году с дипломом магистра и лицензией на право профессиональной деятельности.

В настоящее время, когда в Российской Федерации действует ФЦП «Образование» и целевые программы, связанные с продвижением русского языка в зарубежных странах, стали открываться Центры русского языка на Африканском континенте, например, в Камеруне и Гвинее, вопрос о возобновлении работы в Бамако Русского культурного центра, других центров русского языка становится актуальным и своевременным.

Литература

1. Тищенко О. Заграншкола как центр русской культуры за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/311/45707.php>
2. Seydou Loua. Les grandes réformes de l'école malienne de 1962 à 2016. *Revue internationale d'éducation de Sèvres* [Электронный ресурс]. 75 | 2017, 30-40 mis en ligne 01 septembre 2019, consulté le 16 février 2020.

Тема войны в творчестве Кукрыниксов

Ключевые слова: Кукрыниксы, художники военного времени, «Окна ТАСС», советское искусство.

Аннотация. Статья раскрывает тему войны в искусстве Кукрыниксов. Необходимость изучения вопроса диктуется требованием художественной практики, а также общей теоретической неразработанностью проблем изобразительного искусства военного времени. В статье описываются стилистические особенности, свойственные этому художественному союзу, и описания их самых известных картин и шаржей.

Sapunkova V.E.

The theme of war in the art of kukryniksy

Keyword: Kukryniksy, wartime artists, Windows TASS, Soviet art.

Annotation. The article reveals the theme of war in the art of Kukryniksy. The need to study the issue is dictated by the requirements of artistic practice, as well as the general theoretical lack of development of the problems of wartime fine art. The article describes the stylistic features of this artistic union, and descriptions of their most famous paintings and cartoons.

Кукрыниксы – самый известный советский коллектив художников. Этим псевдонимом они начали подписываться с 1920-х годов на коллективно выполненных ими карикатурах. Псевдоним Кукрыниксы образован по первым слогам фамилий и имени одного из художников: Куприянова Михаила Васильевича, Крылова Порфирия Никитича и Соколова Николая Александровича – действительных членов АХ СССР с 1947 года, народных художников СССР с 1958 года. Они были награждены орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени и медалями.

Кукрыниксы стали всемирно известны в качестве художников-сатириков и заняли ведущее место в советском искусстве. Они рисовали карикатуры в популярных газетах, на классические книги, а также декорации к известным театральным постановкам. Кукрыниксы, тесно сотрудничая с журналистами, выработали новый тип карикатуры: острый, злободневный, язвительный, шаржированный характерностью типов. Эти карикатуры по большей части были на политическую тему.

Ко времени Великой Отечественной войны Кукрыниксы уже стали зрелыми сатириками. Окончательно сложилась творческая методология, определился

весьма широкий диапазон художественных приемов, была отточена изобразительная техника. А главное – враг был изучен и понят, не только собственно политически, но и нравственно, эстетически. Разоблачая бесчеловечность как оборотную сторону и внутренний импульс любых теорий и действий фашизма, Куркуниксы вдохновляли советских людей на бой. Их первая работа эпохи 1941–1945 годов – плакат «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!». Коллектив нарисовал карикатуру через пару часов после объявления войны – буквально в тот же вечер. Уже 24 июня плакат стал незаменимой частью военного облика Москвы, а затем и других городов. В нем отчеканилась с логической ясностью краткой формулы вся ситуация начавшейся великой борьбы: Гитлер против человека. Резко и прямолинейно?! Иными плакаты и не могли быть. Это ведь не зрелище для медлительно задумчивого музейного созерцания. Необходимо было создать образы, которые были бы способны вселить свой гнев в каждого.

Куркуниксы стали инициаторами создания «Окон ТАСС», главного художественного проекта военного времени. Плакаты снабжались стихами и текстами. Все известные художники и карикатуристы сражались с фашизмом сообща в «Окнах». Плакаты были очень популярны, не оставляли зрителей равнодушными. Простой народ с нетерпением ждал выхода очередных сатирических плакатов. Смех давал людям силы для дальнейшей борьбы.

Это был масштабный проект – в нем принимало участие почти 208 человек. Художники и литераторы работали и в ночные смены. Работать нужно было срочно, чтобы уже через сутки на улицах висели яркие информационные листы. Многие плакаты писали вручную, так как типография не справлялась.

В «Окнах ТАСС» также работали:

художники: Черемных Михаил Михайлович, Шухмин Пётр Митрофанович, Радлов Николай Эрнестович, Котов Пётр Иванович;

поэты: Демьян Бедный, Лебедев-Кумач Василий Иванович, Маршак Самуил Яковлевич, Жаров Александр Алексеевич.

Использовались и стихи покойного Владимира Владимировича Маяковского.

На одном из известных плакатов серии «Окон ТАСС» «Превращение фрицев» (1943 г.) шеренги немецких солдат, которые направляет Гитлер, изменяются сначала в фашистские знаки, а затем в ряды берез в форме крестов. Это метафора гитлеровского нашествия – его начала и конца, который художники с полной убежденностью предвидели.

Главный прием Куркуниксов – ясная метафора, которая трактует самые главные политические и военные события времени. Гитлер пытался паучьими лапами своих танковых дивизий взять в клещи Москву, но его взяли в мертвую хватку другие клещи – ответный удар Красной Армии, что показано на плакате «Клещи в клещи» 1941 года. Те же клещи – на плакате «Три года войны» (1944 г.) – в форме цифры «3», своими концами сдавливают глотку

184 | Гитлера. У пустоголового фанатика в Берлине уже «котелок не варит», в результате его глупости появляется – «русский котел под Минском», в который приклад советского бойца уминает кучи немцев – наблюдаем мы на плакате «Два котла» (1944 г.).

Плакат «Ни сесть, ни слезть» показывает, в какую нелегкую ситуацию попал предатель Лаваль. Фашисты привязали его к стулу премьер-министра, поэтому он не может уйти с поста, но и нормально устроиться на роскошном стуле он не может, так как из него лезет штык «Сражающаяся Франция». Из-за чего гномик Лаваль комично балансирует на руках.

Большинство работ Кукрыниксов обладают многоплановой выразительностью, которая опирается на конкретные ситуации. Например, на плакате «Дойная корова» (1942 г.) изображается Гитлер, который доит корову. Фюрер зарабатывал баснословные деньги со своей книги «Майн кампф». В карикатуре 1942 года показывается, как Гитлер и Муссолини безбожно выкручивают Лаваля, а другие европейские сателлиты уже висят как грязное бельё на верёвке.

Возможно мнение, что карикатуры несколько облегчены, и их единственной целью является представить сильного врага жалким. Однако, сколь бы ни были просты плакаты, они содержат несколько образных слоев. Художники специально рисовали таким образом, чтобы это вызывало смех. Советские граждане не должны были терять силу духа даже в самые сложные периоды войны. Смех превращал легенды о непобедимости врага в фарс.

Стоит разобраться в природе этого смеха. Он вызван не столько комическими ситуациями, высмеивающими глупое и комичное, сколько осознанием своего собственного морального и общественного превосходства. Когда Гитлера и его сторонников изображают глупыми, пустоголовыми, художники хотят показать гниль духовного мира людей из гитлеровского общества, которое случайно оказалось у власти. Это и есть подлинная обстановка великой борьбы. Подобные карикатуры можно не только пересказать, но и полноценно заменить словами. В годы войны художники отточили свое мастерство. При этом они не потеряли свою креативность, наоборот, всякий раз они оригинально импровизировали на актуальную тему. Они нарисовали множество плакатов, каждый из которых содержит свой сатирический образ. Изобразительная метафора – их родная речь. Органичность этой речи – одно из доказательств жизнестойкости классических традиций в области сатиры. Гитлер, Геринг, Геббельс, Муссолини и прочие выступают в сатире Кукрыниксов не конкретными личностями, а самыми ужасными образами фашизма. Однако художники клеймят не отдельных личностей, а враждебную суть нацистской морали. Часто появляются мотивы «звероподобия» в антифашистских карикатурах Кукрыниксов, они связаны с идеей извращения фашистами человеческого в людях, «зверское начало» фашизма разрабатывается мастерами с особой остротой и силой. Зверство – это душа фашистов, поэтому звериное в изображениях – портретно, а человеческое – похоже на маску.

«Окна» активно работали в течение 1941–1945 годов, наконец отвага и труд советских людей были вознаграждены победой. Под руководством Коммунистической партии наша страна, разгромив гитлеровскую армию, залечивала раны войны и вступала в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

8 мая 1945 года представители немецкого главнокомандования в присутствии Верховного Главнокомандования советских и союзных войск подписали в Берлине акт о капитуляции.

Вскоре после этого исторического события, ознаменовавшего полную победу Советской страны, Кукрыниксы были направлены в Берлин. «С 21 мая, – рассказывают художники, – в течение месяца мы работали в столице Германии. Несколько дней подряд с 11 вечера до 3 часов ночи ездили писать этюды, интерьер зала, где происходило подписание капитуляции, один час писали и рисовали с натуры маршала Г.К. Жукова».

Сохранившиеся этюды Кукрыниксов дают представление о разрушенных улицах Берлина, о Рейхсканцелярии Гитлера снаружи и внутри, о кабинете Гитлера. Художники спускались в гитлеровское бомбоубежище, ходили по серым коридорам его, бывали в районных комендатурах Берлина, слушали беседы комендантов с немцами. Делали зарисовки. Впоследствии во время процесса над военными преступниками Кукрыниксы выезжали в Нюрнберг.

Картина «Капитуляция Германии» – большое многофигурное полотно – создана Кукрыниксами на основе множества портретов, написанных с натуры. Они проработали каждую деталь интерьера, начиная от коричневой обшивки стен, ярких красочных знамен союзников, кончая «той самой» чернильницей и «тем самым» графином, которые стояли на столе при подписании капитуляции Германии.

Отдельные портреты, особенно выразительные, «сочные» портретные этюды, написанные с натуры, правдивы, темпераментны. Очень верны детали. Но в целом картина холодна, однообразна по колориту. Сохраняя ценность художественного документа, она не волнует. По-видимому, жанр документального официального портрета не в характере Кукрыниксов, которым несравнимо более удаются тематические картины, исполненные драматизма. Более того, именно такого рода темы, которые дают художникам возможность выразительно показать социальный конфликт, разработать сюжет с ярко выраженной драматической завязкой, характерны для творчества Кукрыниксов.

Свидетельством этого вывода становится написанная в 1948 году картина «Конец. Последние дни гитлеровской ставки в подzemелье Рейхсканцелярии» – вершина в живописи Кукрыниксов, выдающееся произведение искусства, которым советские художники подытожили весь свой огромный творческий период Великой Отечественной войны.

Работа с натуры в Берлине и Нюрнберге дала возможность Кукрыниксам ярко и правдиво охарактеризовать типичных представителей Рейха, мораль-

186 ное, политическое и военное поражение фашистов. Конечно, работа с натуры в Берлине, наблюдения, накопившиеся в период процесса главных военных преступников в Нюрнберге, когда те предстали перед судом, позволили Кукрыниксам с такой убеждающей силой и выразительностью написать и типы действующих лиц, и обстановку подвала, ставшего последним прибежищем Гитлера и его сподвижников. Но ведь картина не сумма этюдов, а новое творческое образование. Этюды как таковые «умирают» в процессе создания картины. От своего рождения и до «смерти» они подчиняются замыслу художника, творческой работе его обобщающей мысли.

Множество раз Кукрыниксы рисовали Гитлера. В сознание людей прочно вошел сатирически обыгранный ими облик этого злобного фигляра с клоком волос на лысеющем черепе, с круглыми выпученными глазами. Гитлер изображен в момент своего падения, охваченный разрисованный художниками, он «обыгран» совсем по-новому и необыкновенно выразительно. Голова вздёрнута вверх, блуждающий взор прикован к потолку, который вот-вот рухнет под ударами советской авиации и артиллерии. От ответственности не уйти: одной рукой Гитлер схватился за ворот мундира, мундир душит его, другая рука уперлась в стену. Кажется, что происходит качка, и потерпевший крушение «фюрер» едва удерживается на ногах.

Гитлеровское бомбоубежище в тракторке Кукрыниксов напоминает гибнущий корабль. Картины в золотых рамах покосились, стул опрокинут, бумаги, приказы разбросаны по полу, трубка телефона, уже бездействующего, бессильно болтается на шнуре. Все в состоянии неустойчивого равновесия, все сдвинулось с мест, все идет прахом.

Матерый фашист, сидящий на первом плане, судорожно схватился обеими руками за стол и спинку кресла, словно боясь упасть. Он дико взирает в пространство, предчувствуя гибель; стоящий рядом с ним чемодан уже ему не нужен, поздно, бежать некуда.

Третий фашист – молодой питомец Гитлера – напился и заснул. Так же, как и все остальные, он не в состоянии мужественно встретить смерть и заслуженную кару: разложение «Рейха» зашло слишком далеко. Фигура молодого фашиста очень выразительна. Он в совершенном изнеможении, мундир расстегнут, голова запрокинута.

Четвертый фашист – личность зловещая. Он единственный в полной форме, военная фуражка низко нахлобучена, скрывая его взгляд. «Герр оберст» пригнулся, точно готовясь к последнему смертельному прыжку. Он, как, впрочем, и все остальные, даже не взглянул на «фюрера», когда тот появился в дверях. «Рейх» распался, каждый предоставлен самому себе.

За годы войны советские художники создали немало картин, разоблачавших фашистов в разные периоды их преступной деятельности. Произведения эти, безусловно, сыграли большую роль в борьбе с фашизмом. Большинство из них касалось существенных, но отдельных сторон антинародного бесчеловечного «гитлеризма».

Картина «Конец» вошла в историю советского искусства как широкое и глубокое художественное обобщение. В убедительной экспрессивной форме она разоблачила самое существо кровавого фашистского режима, развалившегося под ударами Советской Армии-освободительницы.

Идейно-политическая и творческая зрелость коллектива, годами выработавшаяся Кукрыниксами культура замысла сказались прежде всего в том, как безошибочно точно нашли эти опытные художники угол зрения на исторические события. Из всей совокупности явлений они выбрали момент «кульминации», когда на головы фашистов обрушилась справедливая кара, страстно ожидаемое народами возмездие.

Отразив эту всенародную мечту о победе, советские художники-гуманисты чрезвычайно ярко, с большой психологической глубиной показали развращающее воздействие фашизма на человека. Заключив Гитлера и его сподвижников в каменный мешок, художники показали типических представителей гитлеровского режима в их полной и безнадежной изоляции от всех живых сил страны, проявив при этом историзм мышления, понимание событий в перспективе их прогрессивного развития.

В картине «Конец» слились воедино сильнейшие стороны таланта и мастерства Кукрыниковов, страстная публицистичность антифашистов, психологическая выразительность, умение драматически раскрыть острый социальный конфликт, с помощью удачно найденного сюжета показать сущность данной социальной силы, её типические черты. Художники проявили блестящее мастерство в построении мизансцены, психологически мотивировали каждый взгляд, жест, позу, движение действующих лиц.

С исключительной рельефностью показав агонию кучки фашистов, художники так komponуют картину в целом и в отдельных частях, что дают зрителю полную возможность почувствовать за рамками изображенного противоборствующую историческую силу. Одного безумного взгляда Гитлера, устремленного вверх, достаточно, чтобы подчеркнуть смысл происходящего. Зрителю совершенно ясно, что судьбы лиц, скрывшихся в бомбоубежище, решаются там, наверху.

Гонимый ужасом перед неминуемой катастрофой, Гитлер спасается в бомбоубежище и застывает в дверях. Зловещая тень от его фигуры упала на окованную металлом дверь. Лицо и руки «фюрера» освещены холодным мертвенным светом.

Гитлер – фокус композиции – помещен не в центре (как предполагалось в первом черновом эскизе) и не на первом плане, а в глубине, по диагонали, слева. Это очень важный композиционный прием, обусловленный замыслом, усиливающий динамичность картины. Действие развивается и нарастает от первого плана к последующему. Также нарастает неровный, скачкообразный ритм. Яркий, жесткий искусственный свет из невидимого источника борется с резко очерченными косыми тенями, которые отбрасывают находящиеся в комнате предметы.

Энергия, динамика композиции, борьба светотени усиливают напряжённость момента. Художникам удалось изобразить не застывшее бытие, а стремительное развитие действия.

Каждый персонаж – необходимое звено в развитии драматического конфликта. Все действующие лица и введённые в композицию предметы вовлечены в действие. Всей совокупностью художественных средств авторы картины подводят зрителя к самостоятельному выводу о неминуемой позорной катастрофе, заслуженной каре, обрушившейся на военных преступников.

Развязка близка, дело идет к концу – это ощущение передано с большой силой. Цветовая гамма, построенная на преобладании темных и холодных тонов, материальность живописи – все это помогает раскрыть сущность явления, основную идею картины. В этом произведении художники добились подлинного реализма в трактовке сложной исторической темы, в обрисовке врагов. Они охарактеризовали ситуацию, в которую попал «фюрер» и его сподвижники, трагикомическими чертами. Наличие острого гротеска придало всему произведению неповторимый характер «кукрыниксовской» сатиры.

В картине «Конец» художники как бы суммировали свой богатейший опыт карикатуристов-международников, мастеров шаржа и живописцев. Как живописцы Кукрыниксы овладели к тому времени мастерством пластической формы и выразительностью колорита, то есть необходимыми качествами мастеров станковой картины.

В этом оригинальном произведении, новаторском и глубоком, уроки мастеров прошлого претворены творчески.

Объединяя личные дарования, в которых и много общего, и много различного, художники добились индивидуального «кукрыниксовского» почерка в живописи в той же мере, как и в графике. Их «почерк» отличает, прежде всего, органический сплав «весомой», материальной живописи, построенной обычно на цветовых контрастах и светотени, и характерного, острого рисунка. Творчеству их присущ ярко выраженный волевой характер, выношенный взгляд на жизнь.

Картина «Конец» есть плод современной живописи, носящей на себе печать испытаний, выпавших на долю народа в его беспримерной борьбе с фашизмом, печать мудрости народа-победителя.

Картина заняла выдающееся место в советской живописи. Своим обличительным пафосом она отвечает интересам, выражает чаяния широких демократических масс всего мира, подчеркивая лишний раз мировое значение советского искусства. За картину «Конец» Кукрыниксы удостоены Сталинской премии первой степени. На всех зарубежных выставках, и в частности, в демократической Германии, где экспонировалась эта картина, она привлекала внимание, вызывала весьма высокие оценки как выдающееся художественное произведение современности.

«Беспощадно разгромим и уничтожим врага!»

«Превращение Фрицев»

«Ни сесть, ни слезть»

«Три года войны»

«Дойная корова»

«Капитуляция Германии»

«Два котла»

«Клещи в клещи»

«Конец. Последние дни гитлеровской ставки в подземелье Рейхсканцелярии»

Литература

1. Герценберг В.Р. Кукрыниксы об искусстве. – М.: Изобразительное искусство, 1981. – 240 с.
2. Соколова Н. Кукрыниксы. – М., 1955.

Синь Мэнфэй
1308183708@qq.com
студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
студент Хэйлуцзянского университета
Харбин, Китай

Шутова М.Н.
MNShutova@pushkin.institute
д-р пед. наук, профессор
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Сопоставительный анализ выражения приветствия в китайском и русском языках

Ключевые слова: выражение приветствий; русский и китайский языки; сопоставительный анализ.

Аннотация. В статье анализируются способы выражения приветствий в русском и китайском языках, причем анализ проводится методом сопоставления и обоснования использования приветствий знакомых и незнакомых людей, людей разного возраста. Выделяются сходства и отличия в приветствиях этих двух языков.

Xinmengfei
Shutova M.N.

Comparative analysis of the expression of greeting in Chinese and Russia

Keywords: expression of greetings; Russian and Chinese languages; benchmarking.

Abstract. The article analyzes the methods of expressing greetings in Russian and Chinese, and the analysis is carried out by comparing and justifying the use of greetings from acquaintances and strangers, people of different ages. There are similarities and differences in the greetings of these two languages.

Приветствие – это устное или письменное обращение, выражающее привет для вступления в контакт человека (группы людей) с другим человеком (с группой людей). Обычно с приветствия начинается общение. Оно является неотъемлемой частью речевого этикета. По определению Н. И. Формановской, речевой этикет – это прежде всего этикет. В частности, это приветствие и прощание, обращение, благодарности и извинения и многие

другие речевые проявления этикета [1, с. 5]. Речевой этикет представляет собой совокупность словесных форм учтивости, вежливости, используется в речи каждого из нас ежедневно и многократно при обращении, приветствии, прощании и извинении, без него нельзя обойтись в каком бы то ни было уголке Земли и даже за её пределами [2, с. 3]. Всем известно, что у каждого свой способ приветствия и выбор приветствия зависит от возраста, должности и ситуации, поэтому усвоение правил речевого этикета «представляет большую проблему для иностранных учащихся, изучающих русский язык» [3, с. 1749]. Если вы приветствуете человека из другой страны, то выбор приветствия зависит от национальной культуры.

По тематическому принципу анализ приветствия в русском и китайском языках позволяет выделить следующие два аспекта: приветствовать незнакомца и приветствовать знакомого. Приветствие – это, прежде всего, благопожелание. Оно не зависит от степени знакомства, потому что мы все хотим произвести хорошее впечатление на других при встрече. Хотя у некоторых русских не принято приветствовать незнакомых, тем не менее, многие русские все-таки приветствуют незнакомых из вежливости, особенно приветствуют тех, кто им незнаком, но регулярно встречается. При приветствии незнакомцев китайские и русские приветствия в основном одинаковы и используют такие формы приветствия, как: *здравствуй!* (你好 ни hao); *здравствуйте!* (您好 нин hao), (好 hao). В Китае эти приветствия означают ‘всё хорошо; доброе утро’ (早上好/早~); ‘добрый день’ (中午好); ‘добрый вечер’ (晚上好); ‘всем привет’ (大家好). В сфере услуг приветствовать незнакомых необходимо, потому что теплое вежливое обращение привлечет клиентов.

В Китае и России *Добро пожаловать!* (欢迎光临), *Чем я вам могу помочь?* (您需要点什么/需要帮助吗) обычно употребляются. В больнице врач сначала спрашивает: *на что вы жалуетесь?* (您哪里不舒服). Это приветствие одинаково в обеих странах. Приветствия необходимы, когда нам нужна помощь от незнакомцев. Мы часто используем такую форму: *здравствуйте, извините за беспокойство* + просьба или вопрос (您好, 不好意思打扰一下). Конечно, существует разница между двумя странами при приветствии незнакомцев. Эта разница в основном отражается в некоторых районах Китая, где влияние местной культуры сформировало уникальное местное приветствие: уникальное местное обращение + приветствие. Например, в Цзинане люди обычно добавляют обращение «учитель» перед приветствием. Пример: 师傅/老师您好, 请问... 怎么走? (*Учитель, здравствуйте! Как доехать до...?*). В Гуандуне, чтобы выразить гостеприимство (особенно в сфере услуг), люди часто добавляют обращение “красивая девушка”, “симпатичный парень” перед приветствием. В Тяньцзине, приветствуя женщин, люди любят добавлять обращение “сестра” (姐姐) перед приветствием, независимо от их возраста. Поэтому, когда вы путешествуете по Тяньцзиню, вас называют

192 | старшей сестрой не потому, что вы старая, а потому, что это уникальный способ выразить гостеприимство для местных жителей. В целом, две страны приветствуют незнакомцев почти одинаково, но существуют некоторые региональные различия.

Когда вы приветствуете пожилых людей или руководителей, вы обычно выбираете более формальное и вежливое выражение, иногда даже такое, как при приветствии незнакомых. Китайцы обычно используют такую форму: обращение /должность + приветствия старейшин и руководителей. Например: 叔叔好 (*Дядя! Здравствуйте!*), 老师好 (*Преподаватель! Здравствуйте!*). При приветствии знакомых обе страны имеют сходства и различия, что отражается в следующих ситуациях:

1. Приветствуя знакомых, россияне обычно выбирают эти выражения вместо «здравствуйте»: *Привет! Здорово! Салют! Чао!*, но в Китае нет особого одного слова, чтобы заменить выражение 你好 (*Здравствуйте*). В Китае люди обычно кивают головой, улыбаются или машут рукой – это самый простой способ приветствовать знакомых. В некоторых районах Китая выражение *Ты ел?* (你吃了吗?) обычно используется в качестве первого предложения для приветствия знакомых, потому что мысль «для народа пища – самое главное» уже укоренилась в сердцах китайцев. Так что это выражение становится все более популярным в Китае.

2. Если вы хотите узнать о жизни и делах при приветствии знакомых, то китайцы и русские обычно используют такие выражения: *Как дела? Как живете? Как жизнь? Как работа?* (最近怎么样? 最近好吗? 最近生活如何? 工作如何?). Следует подчеркнуть, что в России осведомляться о жизни и делах обычно не принято со стороны младшего (по возрасту и положению) по отношению к старшему [1, с. 92]. Но в Китае так делать можно, и это старших по возрасту радует, потому что они думают, что о них заботятся. Здесь следует упомянуть, что в этом случае у китайцев есть свой уникальный способ выражения. Приветствуя знакомых, люди часто угадывают, что они собираются делать по одежде и времени встречи, и приветствуют, исходя из своих предположений. Если мы видим друзей в красивой одежде и макияже, мы, вероятно, спросим: *На свидание?* (这是去约会啊), *За покупками?* (这是去逛街吗). Кроме того, существуют подобные выражения: *Домой с экскурсии?* (旅行回来啦), *На работу?* (去上班呐), *На занятия?* (去上学呐). Эти выражения не нарушают личную неприкосновенность, а представляют собой наш уникальный способ выразить заботу о других.

3. Когда гостей приглашают к столу, выражения двух стран, по сути, одинаковы, но они немного различаются по форме. Русские часто используют форму Хлеб-соль, что означает приветствие сидящих за столом или иногда приглашение к столу [1, с. 90], в Китае – *Все хорошо едят и пьют* (大家吃得好喝好). Оба выражения означают, что хозяин хочет, чтобы гости

наслаждались вкусными блюдами, разница в том, что в Китае название еды не используется при выражении приветствия.

4. Выражение удивления при неожиданной встрече в двух странах многочисленны и аналогичны: *Какая встреча! Какая неожиданность! Не ожидал вас встретить здесь! Какими судьбами!* По-китайски: 好巧啊! 多年没见了! 缘分啊! В России эмоционально окрашенными вариантами приведенных выражений с указанием преувеличенного срока разлуки являются следующие: *Сто лет не виделась! Целую вечность не виделась! Тысячу лет не виделась! Сколько лет, сколько зим!* [1]. Такие выражения не распространены в Китае.

5. В ситуациях условленной встречи выражения в обеих странах одинаковы: *Ты давно ждёшь?* (你早就在这等着了吗?), *Я не опоздал?* (我没迟到吧), *Вот я и пришёл!* (我来了!). Эти формулы речевого этикета выражают надежду на то, что мы не побеспокоили других и не заставили их долго ждать.

Приветствия в Китае и России имеют сходства и различия. Мы думаем, что эти приветствия, по сути, являются пожеланиями друг другу. Искренне надеемся, что сравнение этих приветствий может помочь лучше понять культурные различия между двумя странами.

Литература

1. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. – М.: Русский язык, 2002.
2. Формановская Н.И. Вы сказали: «Здравствуйте». Речевой этикет в нашем общении. – М.: Знание, 1982.
3. Шутова М.Н. Русский речевой этикет: методика обучения русской интонации иностранных учащихся // VI Конгресс РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России»: Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ. – Уфа, 2018. – С. 1749–1751.

Преподавание русского языка ППС средней и высшей школы КНР. Особенности методики. Пути к унификации и стандартизации учебного процесса

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, двуязычный перевод, мастерство перевода.

Аннотация. В статье раскрываются особенности преподавания русского языка профессорско-преподавательскому составу КНР в Российской Федерации и особенности методики и подходов.

Strovskiy M.D.

Teaching Russian language teaching staff of secondary and higher schools of the Chinese. Features of the technique. Ways to unify and standardize the educational process.

Keywords: intercultural communication, bilateral translation, art of translation.

Abstract. The article covers special details of linguistics education in Russian of Chinese teachers and professors in the Russian Federation as well as approaches and methods.

Русский язык, на котором говорят не только в России, но и в странах бывшего СНГ, набирает в последнее время все большую популярность и среди учащихся зарубежных государств. Причин этому несколько, и они хорошо известны. Это и все возрастающая роль России в мире, популярность ряда русских брендов, становление новой русской государственности, личность национального лидера и пр. Впрочем, немалую роль здесь играет и прежняя тесная связь стран-участниц ВЭД, Варшавского договора, сохраненные тесные взаимоотношения между бывшими партнерами и союзниками. Одним из ключевых партнеров России ныне является Китайская Народная Республика (КНР), где русский язык традиционно изучает довольно большое количество молодых людей самых разных специальностей и направлений. Несмотря на то что в отличие от эпохи СССР русский язык не является первым по

популярности языком среди учащихся в Поднебесной, он все так же входит в тройку самых востребованных языков и активно пропагандируется с учетом все возрастающего туристического потока в нашу страну туристов из Китая. Порукой тому и достаточно сильные экономические связи КНР и РФ, членство в совместных международных организациях, тесная дружба между президентом Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином. Одним словом, русский язык свои позиции среди молодых специалистов КНР не потерял, оставаясь востребованным предметом, объединяющим несколько специальностей: русский язык и литература, перевод и переводоведение, преподавание русского языка, межкультурная коммуникация и т.д.

Впрочем, темой данной работы стоит считать не подготовку молодых специалистов, а повышение квалификации уже имеющих высшее образование или даже научную степень бакалавра, магистра и доктора специалистов. К таким стоит отнести преподавателей средней школы, где русскому языку обучаются средние и старшие школьники, а также преподавателей высших учебных заведений, которые свое собственное образование получали, зачастую, довольно много лет назад, имеют немалый опыт работы с языком и в должности преподавателей, и как переводчики, гиды, ассистенты и пр. Многие из них много раз бывали в России, стажировались здесь по линии министерства образования и культуры.

Несмотря на наличие ряда крупных центров изучения русского языка на территории КНР (Пекинский университет, Пекинский университет языка и культуры, Шанхайский университет, Сианьский педагогический университет), разумно предположить, что без зарубежной стажировки в специализированном учебном заведении на территории нашей страны говорить о полноценной подготовке специалистов-русистов не представляется возможным. Ситуация стандартна и для любого другого иностранного языка. Лишь попадание в языковую среду и пребывание в ней длительное время является достаточной проверкой собственных знаний и навыков. Для сравнения, отечественные китайцы отправляются на стажировку в КНР, как правило на рубеже 2–3 курса и пребывают там около года, изучая не только сам язык, но и культуру. Аналогично действует и китайская сторона, направляя в Россию своих специалистов сроком на 10–12 месяцев.

Следует, Впрочем, оговориться, и отметить, что стажировка профессорско-преподавательского состава (ППС) КНР на территории РФ имеет ряд важных особенностей, о которых следует упомянуть еще до дискуссии о методиках и непосредственно преподавании русского.

Во-первых, приемом ППС КНР занимается в нашей стране непосредственно министерство образования РФ и Россотрудничество, а принимающей организацией выступает флагман славистики и русского языка – Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. Это особое учебное

196 | заведение было образовано еще в советское время в качестве специализированного ВУЗа, где качественное лингвистическое образование могли бы получить выходцы из ближнего и дальнего зарубежья, в частности представители стран из соцлагеря (Куба, Монголия, Вьетнам). Ныне в стенах института числится достаточно большое количество представителей самых разных стран, включая и 13 групп из КНР, причем благодаря стараниям автора первоначально слитые воедино преподаватели школы, вуза и бакалавры были разделены в рамках изучения такого предмета, как мастерство перевода. Со стороны же КНР отбором специалистов занимается министерство образования, которое на момент стажировки сохраняет за обучающимися оклады и надбавки, что, само по себе, определяет заинтересованность китайской стороны в переподготовке специалистов, которые проходят первоначальный строгий отбор для отправки в Россию.

Во-вторых, обучение людей, обладающих научными степенями или находящимися в возрасте, превышающем возраст наставника, также является специфической особенностью данного учебного процесса. Сама по себе преподавательская работа предполагает наличие четкой субординации между обучаемым и наставником, который, как правило, уступает по возрасту преподавателю. Здесь же автор работы вынужден находиться в аудитории с лицами, которые вышли из стен ВУЗа еще до его рождения (!), а это требует не столько выдержки и такта, но и умения строить урок с учетом возрастной специфики. Так, во время занятий полностью исключаются глаголы в повелительном наклонении, повышение голоса, открытое проявление недовольства, что нередко имеет место в ходе обучения обычных студентов.

В-третьих, и это самое важное, преподавание ведется на смеси русского и китайского языков, часто теоретическая часть объясняется исключительно на китайском, что требует от преподавателя существенных теоретических и практических знаний и навыков в области китайского языка. Этот же фактор влияет и на выбор учебников, материалов, домашних заданий и, наконец, тематики работы на уроке.

В силу того, что полностью укомплектованные китайцами группы русистов – явление крайне редкое и по сути ограничивается работой в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, автор, что называется, подводил теоретическую часть в своей работе, проводя, как это ныне модно говорить «разведку боем», осуществляя обучение ППС КНР методом проб и ошибок.

Следует сразу отметить, что, хоть программа учебного курса и включала разнообразную учебную литературу, автор остановился на двух учебниках, по которым занимался, еще будучи студентом ИСАА при МГУ, в частности «Общественно-политический перевод» под редакцией И.В. Войцехович и А.Ф. Кондрашевского, а также «Учебник делового китайского» за авторством того же А.Ф. Кондрашевского и его супруги, действующего переводчика-

синхрониста и талантливого педагога Г.Я. Дашевской. Особенностью же работы с этими учебниками следует признать интуитивный отбор «нужных» и «ненужных» уроков, а также дополнительный материал в виде статей не только из отечественных газет, но и из китайской прессы. Урок неизменно строится по следующему плану:

1) Опрос студентов об интересных новостях за неделю. Предполагается, что за неделю студент должен посмотреть телевизор, вырезать интересную статью, ознакомиться и быть в состоянии ее пересказать.

2) Чтение текста урока. В силу значительного объема уроков это чтение разбивается на перевод и пересказ, с последующим воспроизведением ситуативных заданий в группе уже на русском языке.

3) Обсуждение открытых вопросов общественной тематики на основе прочитанного с последующим изложением собственного мнения.

4) Перевод статьи «с листа» с китайского на русский.

Общей же отличительной чертой всего процесса обучения стоит признать факт «нетрадиционного» применения учебников, первоначально подготовленных для отечественных китаистов, однако применяемых «задом наперед», то есть для тренировки перевода с китайского на русский. В этом контексте как раз и следует отметить преимущество уже изученных книг и учебников ранее. Для работы с аудиторией дополнительного знакомства с книгой не требуется. Уроки, тематика и упражнения автором изучены ранее, хорошо известна лексика, грамматика, комментарии. Для китайских же преподавателей общественно-политическая риторика часто в новинку, однако они понимают важность этой направленности, поскольку именно общественно-политический перевод служит источником заработка для их подопечных, студентов и выпускников, которые в большом количестве идут на работу в коммерческие структуры, где требуется не знакомство с лирикой Лермонтова или Фета, а умение отличать ВВП от ВНП и однопалатный парламент от двухпалатного.

Помимо явной практической направленности данная методика отличается и определенной унификацией, поскольку, несмотря на различный уровень языковой подготовки (ВУЗовские преподаватели говорят на русском несомненно лучше школьных и лучше ориентируются в двуязычных переводах), терминология экономики, права, политики относительно понятна всем и не требует глубоких знаний, в то время как теоретическое языкознание, литературоведение, лингвистика и пр., то есть предметы, которые иностранные русисты также изучают, у многих из них вызывает полное непонимание, отчасти из-за нехватки теоретической подготовки, но в том числе из-за неспособности многих преподавателей учитывать, что их обыкновенный стиль преподавания не всегда понятен китайцам, которые испытывают трудности с восприятием на слух русского языка.

Постоянные отсылки к китайской действительности, сравнение образа жизни россиян и китайцев, политических систем, привычек, норм, хобби и уклада позволяют не только сделать обстановку в аудитории более свободной и понятной, но и «разговорить» аудиторию, наладить присутствующих на ровный, рабочий лад. Люди говорят о новом, ранее незнакомом, отталкиваясь от «старого», что заметно повышает их способности излагать свои мысли на иностранном языке.

Особенностью преподавания русского языка китайским преподавателям, как уже писалось ранее, является активное употребление китайского языка. На сегодняшний день в нашей стране такие случаи носят, увы, пока единичный характер, хотя именно переводчики могли бы активнее привлекаться к данной деятельности, поскольку именно работа со сложными текстами, требующими хорошего знания как родного, так и иностранного способствует лучшему изучению тонкостей перевода. Остается сожалеть, что для китайских коллег в России пока созданы не все возможности для дальнейшего совершенствования изучения русского. Определенной проблемой следует признать и частую неспособность русских преподавателей адаптироваться под китайский контингент, недостаточное владение страноведческими и национально-психологическими знаниями, связанными именно с представителями КНР. Надеюсь, что по мере укрепления двусторонних отношений между нашими странами данные недочеты будут постепенно устраняться.

Следует признать, что уровень письменного перевода китайских коллег часто выше, нежели навыки устной речи. Аналогичную тенденцию можно было видеть в советское время у многих отечественных переводчиков, прекрасно владевших письменным языком, но страдавших от недостаточной практики устной речи. Несмотря на работу с русским, многие китайские коллеги говорят плохо, не имеют навыков аудирования, плохо воспринимают речь на слух, ошибаются при изложении своих мыслей. Для решения этого вопроса более половины урока посвящается диалогической и монологической речи, свободному изложению своих мыслей на бытовые, относительно несложные темы, злободневные проблемы. Со временем речь становится более богатой и разнообразной.

Указанные методики лишь часть от применяемых автором на занятиях и практических семинарах. Следует отметить, что процесс обобщения и систематизации преподавательской работы с китайскими ППС будет впоследствии продолжен и освещен отдельной статьей.

Литература

1. Войцехович И.В., Кондрашевский А.Ф. Общественно-политический перевод. Начальный курс. – М.: Муравей, 2002.
2. Дашевская Г.Я., Кондрашевский А.Ф. Китайский язык для делового общения. – М.: ВКН, 2016.

Ложные англицизмы в современном русском языке и проблемы их лексикографической фиксации

Ключевые слова: современный русский язык, ложные англицизмы, лексикография.

Аннотация. В статье рассматриваются ложные англицизмы современного русского языка и вопросы их лексикографической фиксации. Особое внимание уделяется аналитическим сочетаниям и неологизмам, созданным в русском языке при помощи англоязычной основы и распространенных суффиксов англоязычного происхождения.

Studenikina N. V.

Pseudo-anglicisms in contemporary Russian and the problems of their lexicographic registration

Keywords: contemporary Russian, pseudo-anglicisms, lexicography.

Abstract. The article deals with the pseudo-anglicisms in contemporary Russian and the questions of their lexicographic registration. Special attention is paid to the analytical combinations and neologisms created in Russian with the use of the English-language stem and common suffixes of the English origin.

В группу слов, традиционно вызывающих трудности при определении их этимологии, входят псевдозаимствования. В настоящей работе речь пойдет о ложных англицизмах, при анализе которых мы будем опираться на современные лексикографические источники, главным образом на «Словарь новейших иностранных слов» под редакцией Е.Н. Шагаловой [5]. К ложным англицизмам относятся слова, похожие по своей форме на англоязычные, но не обнаруживающие этимонов в английском языке (*трейзер*, *коуб* и др.), и слова, имеющие совершенно иное значение, по сравнению с их формальным эквивалентом в английском языке (*флэпс* ‘гольфы для занятия аэробикой’ [5]; *флапс* ‘закрылки; транцевые плиты’ [1] и др.).

Ложными англицизмами можно также назвать и аналитические сочетания, обе части которых имеют англоязычное происхождение, но при этом как конкретные сочетания не обнаруживают семантических и / или формальных эквивалентов в языке-источнике: *фейс-контроль*, *дайв-шоп*, *гидростоп*,

200 | *авиастон / аэростон, фанджампинг*. Так, например, неологизм *дайв-шоп*, согласно «Словарю новейших иностранных слов» [5], обозначает ‘центр по обучению дайвингу’, тогда как соответствующее ему по форме сочетание языка-источника имеет неидиоматическое значение, складываемое из значений составляющих его компонентов: *dive* ‘нырять’ + *shop* ‘магазин’ → ‘магазин, продающий подводное снаряжение’. Сочетания *гидростон, авиастон / аэростон*, в свою очередь, образованы по модели другого ложного англицизма *автостон*, обозначающего ‘передвижение, обычно бесплатное, с использованием попутных автомобилей по намеченному маршруту’. Последний отмечается в словаре “Oxford English Dictionary” как термин французского происхождения, соответствующий английскому *hitch-hiking* [6].

Кроме того, в число ложных англицизмов входят и неологизмы, созданные в русском языке при помощи англоязычной основы и распространенных суффиксов англоязычного происхождения: *руфер – руфинг, коучер, пикапер, стендапер, лоукостер; сейфинг, фанджампинг – фанджампер, снейкер, джитер, тюнингер* и др. Появление подобных неологизмов можно связать с приобретением русским языком готовых словообразовательных микропарадигм в результате пассивной словообразовательной интеграции новейших англицизмов в условиях наличия среди последних однородных структурных и однокоренных коррелятов [4, с. 393–394]. Наиболее частотные микропарадигмы – пары или ряды имен существительных, связанные отношениями «(предмет/ явление) – действие/ деятельность с исходом на *-инг* [2] – деятель с исходом на *-ер*»: *инсайд → инсайдер, инсайдинг; копираст → копирастер, копирастинг; копирайт → копирайтер, копирайтинг; лайфхак → лайфхакер, лайфхакинг; вендинг → вендер; прайс → прайсинг* и т.д. Образование дериватов с указанными заимствованными суффиксами не только от англоязычных (*руфинг, руфер, пикапер, лоукостер* и др.), но и от исконно русских основ (*зацепинг, зацепер*) подтверждает продуктивность данных словообразовательных разрядов в принимающем русском языке [4, с. 307].

При этом такие неологизмы, как *пикапер, стендапер, лоукостер, сейфинг, тюнингер, снейкер, джитер*, в принципе не имеют существующих в английском языке прототипов. Проверка данных лексических единиц по поисковой системе Google показала, что функционирование указанных неологизмов ограничено русскоязычным сегментом интернета. В то же самое время неологизмы *коучер, руфер, руфинг, фанджампинг, фанджампер*, созданные при помощи распространенных суффиксов англоязычного происхождения, обнаруживают совершенно разные значения с формально близкими им словами (или словосочетаниями) языка-источника. Так, английское *roofing* значит ‘кровля, кровельные работы’ (*roofer* – ‘кровельщик’) [1], тогда как неологизм *руфинг* употребляется в русском языке для обозначения экстремального увлечения, заключающегося в восхождении на высокие здания

и сооружения без разрешения и соответствующей страховки и экипировки, а *руфер*, соответственно, обозначает поклонника такого рода развлечения. «Интересен при этом факт создания в русском языке целой словообразовательной пары ложных англицизмов с использованием англоязычная корневой (основа *roof* – ‘крыша’) и аффиксальных морфем (суффикс деятеля *-er* < *-er* и деятельности *-ing* < *-ing*) по образцу деривативных моделей языка-источника при отсутствии производящей основы как самостоятельной лексемы» [4, с. 287].

Другой словообразовательной парой, созданной на русской почве, являются неологизмы *фанджампинг* – *фанджампер*, относящиеся, как и в описанном выше случае, к сфере экстремальных развлечений. Так, аналитическое сочетание *фанджампинг* восходит к английским словам *fun* (‘веселье, забава’) и *jump* (‘прыжок, прыгать’) и в русском языке служит для номинации спортивного развлечения по прыжкам с трамплина в воду на велосипедах с выполнением акробатических трюков [5]. При этом словосочетание *fun jumping* в английском языке обозначает любые виды прыжков, имеющие развлекательный и увеселительный характер, не имея того идиоматического значения, которое присуще его формальному эквиваленту в русском языке. Английское же словосочетание *fun jumper*, в свою очередь, также обнаруживает неидиоматические значения ‘веселый прыгун’ и ‘забавный джемпер’ в соответствии с омонимичными значениями слова *jumper* в английском языке [1].

Особо следует обратить внимание на словарную фиксацию всех описанных выше видов ложных англицизмов. В соответствии с лексикографическим подходом к понятию «иноязычное слово» они нередко оказываются включенными в словари иностранных и иноязычных слов. В то же самое время в зоне об этимологии, как правило, не указывается отсутствие у них прототипа в языке-источнике или отсутствие с ним семантической корреляции. Так, ложные англицизмы *сейфинг*, *фанджампинг* – *фанджампер*, *руфер*, *руфинг*, *снейкер*, *джипер*, *тюнингер*, *трейзер*, *коуб*, *флэпс*; *дайв-шоп*, *гидростоп* / *аквастоп*, *авиастоп* / *аэростоп*, *фейс-контроль* описаны в «Словаре новейших иностранных слов» [5] как слова англоязычного происхождения с ошибочным указанием на несуществующий или неверный этимон: *safing*, *fun jumping*, *fun jumper*, *roofer*, *roofing*, *snaker*, *jepper*, *tuning*; *dive shop*, *hydrostop*, *aviastop* / *aerostop*, *face control* [7, с. 156].

Мы полагаем, что ложные англицизмы могут быть включены в словари иностранных слов на том основании, что они имеют в своем составе англоязычные морфемы и по структурному признаку могут восприниматься как иноязычные. В то же самое время представляется целесообразным приводить в словарной статье сведения о «ложном» иноязычном происхождении соответствующих лексем и в ряде случаев об отсутствии семантической корреляции с близкими им по форме словами или сочетаниями английского

202 | языка [4, с. 68]. В целом нам кажется необходимым проводить в словарях новых слов последовательное разграничение заимствованных неологизмов и неологизмов, созданных на местной почве, что позволит адекватно оценивать роль каждого из основных источников (заимствования и словообразования) в неологизации русской лексики [3, с. 122–123].

Литература

1. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. – М.: Русский язык, 1997.
2. Дьяков А.И., Скворецкая Е.В. Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 180–186.
3. Маринова Е.В. Так говорили в 90-е: размышления над страницами нового словаря // Русская речь. 2011. № 5. – С. 118–125.
4. Студеникина Н.В. Неологизмы англо-американского происхождения в современном русском языке (2000–2016 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Рим, 2018. – 537 с.
5. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. – М.: АСТ-Пресс, 2017. – 576 с.
6. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата последнего обращения: 25.03.2020).
7. Studenikina N. Ekaterina N. Šagalova, Slovar' novejšich inostrannyh slov (recensione) // Russica Romana. – 2018. – № XXV. – P. 153–156.

Сун Мэйци

sunmeitsi@yandex.ru

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Китайского университета СМИ

Пекин, Китай

Пашков А.В.

avpashkov@pushkin.institute

канд. филол. наук, заведующий кафедрой мировой литературы, доцент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Образ Петербурга в творчестве А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя

Ключевые слова: «Медный всадник», «Невский проспект», образ Петербурга.

Аннотация. Многие русские писатели имеют неразрывную связь с Санкт-Петербургом. А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь создали выдающиеся литературные произведения, в которых действие происходило в столице. В этой статье рассмотрены сходства и различия образа Петербурга в поэме «Медный всадник» и повести «Невский проспект».

Song Meiqi

Pashkov A. V.

The image of St. Petersburg in the work of A. S. Pushkin and N. V. Gogol

Keywords: The Bronze Horseman, Nevsky Prospect, the image of St. Petersburg

Abstract. Many Russian writers have an inextricable connection with St. Petersburg. A. S. Pushkin and N. V. Gogol created outstanding literary works in which the action took place in the capital. This article discusses the similarities and differences in the image of St. Petersburg in the poem The Bronze Horseman and the novel Nevsky Prospect.

С XVIII века до наших дней многие русские писатели неразрывно связаны с Санкт-Петербургом. Понятие «петербургский текст» ввел в литературоведческий обиход Владимир Николаевич Топоров. Ключевое произведение для формирования понятия «петербургский текст» в русской литературе – «Медный всадник» А. С. Пушкина. В поэме воплощены основополагающие для петербургского текста мотивы иллюзорности и противоречивости этого города.

Петербург появился как миф, он возник из небытия, на что А.С. Пушкин указал в предисловии к поэме «Медный всадник». Петр I, создатель мифа, стоял в устье Финского залива, решив построить здесь величайший город. Поэт описывает Санкт-Петербург как окно в Европу: великолепные дворцы, высокие мосты, оживленный порт... Даже старая Москва не может с ним сравниться.

Санкт-Петербург был построен на болотах. Строительство города наперекор природе явилось причиной многочисленных наводнений в Северной столице. Поэт описал страшное наводнение в Петербурге в ноябре 1824 года с точки зрения маленького человека Евгения. Больше всех от наводнения пострадали такие, как он, бедные люди.

После потопа они пытались восстановить первоначальный уклад жизни, чиновники ходили на работу, а купцы продолжали свою торговлю. К сожалению, Евгений не смог оправиться от удара: он целый день бродил по улицам, разыскивая свою любимую, все вокруг было для него таким призрачным.

При помощи приема антитезы А.С. Пушкин изобразил два противоположных пространства Петербурга: с одной стороны, парадную столицу с ее помпезной красотой и отголосками Петровской эпохи, а с другой – жизнь простых людей с их повседневными проблемами и страданиями в результате свойственных этому городу катаклизмов.

Также маленький человек в Петербурге изображается в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». Воплощением столицы становится ее главная улица. В повести изображены разные персонажи. Один из них – художник Пискарев.

Молодой человек испытал романтическое чувство к особе, которая оказалась падшей женщиной. Романтик был готов спасти свою возлюбленную, женившись на ней, но получил отказ. Тонкая и ранимая натура, он не смог перенести такого разочарования. Пискарев восхищается красотой, ценит ее. Но, к сожалению, возвышенный объект восхищения существует только в воображении художника. Оно не выдерживает столкновения с жестокой реальностью.

Контраст с жизнью бедных людей создает уклад процветающей части столицы. Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге. «Чем не блещит эта улица – красавица нашей столицы!». Но в отличие от А. С. Пушкина Н.В. Гоголь использует городской пейзаж, чтобы создать загадочную, мрачную и даже волшебную атмосферу.

Таким образом, А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь хвалили великолепие Петербурга и описывали жизнь города через образы маленьких людей. Но у писателей разные подходы к образу города: А.С. Пушкин сделал акцент на противостоянии великих исторических подвигов и жалкой жизни простых людей, а Н.В. Гоголь сосредоточился на мотиве иллюзорных мечтаний.

И в поэме «Медный всадник», и в повести «Невский проспект» есть свои особенности и преимущества, которые значительно обогатили образ Петербурга в русской литературе. 205

Литература

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. – СПб., Л.: Лениздат, 1991.
2. Гоголь Н.В. Невский проспект // Соб. соч. Т. III. – М.: Художественная литература, 1977.
3. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. – СПб.: Искусство, 2003. – 616 с.

Сюй Гаоцзе
692680276@qq.com
студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
студент Шанхайского университета иностранных языков
Шанхай, Китай

Труханова Д.С.
DStrukhanova@pushkin.institute
ассистент
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Особенности развития лексической системы современного русского языка

Ключевые слова: медиа, активные процессы, агональность, военная метафора, русский язык.

Аннотация. Работа посвящена анализу активных процессов в лексике. Авторы рассматривают усиление агональности современного коммуникативного пространства как фактор увеличения частотности употреблений лексем с военной семантикой за пределами профессионального военного дискурса на примере дериватов лексемы «бомба».

Xu Gaojie
Trukhanova D.S.

The feature of modern Russian language lexical system development

Keywords: media, agonality, military meanings and uses of words, cognate, Russian language.

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian lexical system development. The authors consider the enhancement of agonality in modern communication space and regard it as a growth factor of military semantic lexemes beyond professional military discourse on the example of the word “бомба”.

Языковая система трансформируется на всех уровнях, но известно, что активные изменения в лексике происходят быстрее и являются наиболее доступными для наблюдения [3, с. 133]. Они вызваны внутренними законами развития языковой системы и внешними взаимосвязанными факторами (глобализация, медиатизация, дигитализация, политизация общества). Основными тенденциями развития лексики можно назвать рост количества заимствований, размывание границ стилистической маркированности, из-

менение семантики и коннотативного ореола лексических единиц и др. Растет количество экспрессивных лексем, причем в основном в сторону увеличения количества лексем с негативной семантикой, так как усиливается роль военной метафоры в разных типах дискурса (А.Н. Баранов, Б.А. Бойко, Л.В. Балашова, Н.В. Федотова, А.П. Чудинов и мн. др.).

Лингвистическое наблюдение показывает, что в современном коммуникативном пространстве растет количество употреблений лексем с военной семантикой для подчеркивания исключительности действия, явления и события. В нашем исследовании мы поставили цель проанализировать это явление на примере лексемы «бомба» и ее дериватов.

Первым этапом работы было выделение дериватов анализируемой лексемы, их семантики с опорой на лексикографические источники. Выделенные значения мы сравнили с теми, которые формируются за счет употребления в повторяемых контекстах в медиатекстах, рекламе, устной разговорной речи, соцсетях. Представим результаты исследования.

Анализ лексикографических источников разного уровня позволил выделить следующие дериваты и их значения.

Бомба: 1) разрывной снаряд; 2) округлившийся при полете кусок лавы, (вулканическая бомба); 3) нечто неожиданное, сенсационное (в журналистике); 4) нечто таящее в себе опасность; 5) полная женщина; 6) круглые шарики мороженого; 7) что-л. по форме, напоминающее бомбу; 8) черные стальные карманные часы; 9) *карт.* повышающий стоимость игры коэффициент в преферансе; 10) встречающаяся в игре в шашки комбинация; 11) шпаргалка; 12) сексуальная женщина; 13) бутылка спиртного; 14) тысяча рублей.

Бомбить: 1) разрушать бомбами; 2) направлять что-л. кому-л. или куда-л. в большом количестве, причиняя беспокойство; 3) вымогать деньги и попрошайничать; 4) совершать кражи; 5) драться; 6) играть на музыкальном инструменте; 7) делать что-л. интенсивно; 8) таксовать; 9) заниматься спекуляцией; 10) вызывать контролера-надзирателя; 11) критиковать.

Бомбический: 1) *истор. воен.*, стреляющий артиллерийскими бомбами; 2) относящийся к бомбическим орудиям; 3) *жарг.* являющийся бомбой (т. е. важным, сенсационным).

Бомбовый: 1) предназначенный для бомбы; 2) относящийся к бомбе, связанный с бомбой, характерный для бомбы («бомба» здесь в первом значении).

«Бомбардировать» как и «бомбить» в значениях 1, 2, 3, 8.

Лексемы «бомбардир», «бомбарда», «бомбардирование», «бомбардироваться», «бомбардировка», «бомбардировочный» мы не рассматриваем, так как в результате лингвистического наблюдения мы не выделили новейших значений данных лексем.

Сравнение данных лексикографии и частотного употреблений этой группы лексем показывает, что «бомба», «бомбить», «бомбовый», «бомбический»

208 и «бомбически» развивают новые значения, которые пока не представлены в словарях, но частотны, не окказиональны.

1. Лексема «бомба» в значении ‘неповторимый, уникальный’, причем исключительность оценивается в основном положительно: *Хочешь как эта красотка? Фигура бомба за месяц под ключ!* (www.pinterest.ru);

2. Прилагательное «бомбический» в значении ‘великолепный, замечательный, удивительный’, ‘производящий «эффект бомбы»’: *Тариф бомбический – Билайн для дома!* (www.beeline.live); *Бомбические модели этой весны, которые подойдут всем* (www.woman.ru/fashion/shoes/article/174424/). Сочетаемость прилагательного довольно широка, хотя в основном оно используется для характеристики людей, предметов и явлений медиакультуры. Как синоним к этому прилагательному используется «бомбовый», хотя значительно реже, так как суффикс *-ов-* имеет значение принадлежности к лицу или предмету, названному мотивирующим словом (ср. с *-ическ-*).

3. Семантическая структура глагола «бомбить» сложна. Чтобы выделить актуальные значения, мы предложили респондентам указать среди выделенных нами те, которые обнаружили в словарях, а также дать свои определения. Было опрошено 104 человека в возрасте 14–57 лет. Большинство респондентов знакомы со значениями № 1 (73,1 %) и № 14 (55,8 %). (См. рис. 1.)

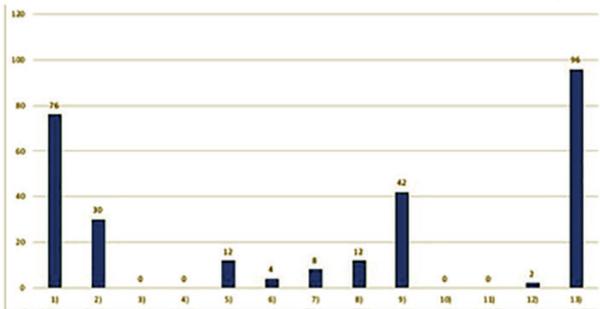

Рис. 1. Результаты опроса «Значения глагола “бомбить”».

Свободные ответы позволили выделить следующее значение глагола: ‘выражать / испытывать сильные отрицательные эмоции’ (раздражаться, злиться, беситься, возмущаться, жестко ругаться, выражать агрессию). Многочисленные примеры употребления глагола «бомбить» в сети и устной речи подтверждают результаты опроса.

4. «Бомбически» используется в основном как наречие степени: *бомбически крутой концерт, бомбически рекомендую*.

Таким образом, лексема бомба и ее дериваты активно развивают новые значения, которые используются для подчеркивания исключительности предмета, характеризуются экспрессивностью. Использование этих лексем в медиатекстах в новых значениях объясняется их «временной коннотацией

новизны», связанной с модальностью неожиданности / удивления в аспекте говорящего / слушающего [2, с. 25–26]. Новые значения рассматриваемых лексем отражают общие тенденции развития лексической системы русского языка, связанной с изменением «аксиосферы определенного общества»? представленного в «тот или иной период времени совокупностью традиционных и актуальных ценностей» [1, с. 139]. Изменения семантики и прагматики лексических единиц – это зеркало, в котором можно увидеть изменения окружающего мера и Homo Loquens, с другой стороны – они влияют на наше восприятие мира.

Литература

1. Болдышева А.Ю., Шамсутдинова Р.Р. Личность как актуальная ценность в современном российском обществе // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. – С. 139–141.
2. Заботкина В.И. Семантика и прагматика нового слова (на материале английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Заботкина. – Москва, 1991. – 51 с.
3. Kitanina E. Borrowings as Conflict Triggers in Russian Media Texts / E. Kitanina, D. Trukhanova // Media Education (Mediaobrazovanie). – 2020. № 60 (1). – P. 113–122.

Сюй Люи

18645779890@mail.ru

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Волкова С.Н.

snvolkova@pushkin.institute

канд. филол. наук,

доцент Московского государственного лингвистического университета

старший педагог

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Фразеологические единицы, содержащие топонимы, в сопоставительном аспекте (на материале русского и китайского языков)

Ключевые слова: фразеологические единицы, топонимы, астионимы, оронимы, национально-культурная семантика языковых единиц, сопоставительный анализ.

Аннотация. В работе представлены результаты сопоставительного анализа русских и китайских фразеологических единиц с компонентом-топонимом в плане выявления их лингвокультурных особенностей. Отмечаются общие черты в семантике и происхождении топонимических фразеологизмов двух языков. Рассматривается отражение данными языковыми единицами социокультурного своеобразия, вызванного условиями жизни и особенностями исторического развития двух народов.

Xu Liuyi

Volkova S.N.

Phraseological units containing toponyms in a comparative aspect (based on the material of the Russian and Chinese languages)

Keywords: phraseological units, toponyms, astyonyms, oronyms, national-cultural semantics of language units, comparative analysis

Abstract. The paper presents the results of comparative analysis of Russian and Chinese phraseological units with a component-toponym in terms of identifying their linguistic and cultural features. Common features in the semantics and origin of toponymic phraseological units of the two languages are noted. The article considers the reflection of these linguistic units of socio-cultural originality caused by the living conditions and features of the historical development of the two peoples.

Тесная связь языка с жизнью, историей общества, его культурой проявляется в большой степени во фразеологии. В ней сосредоточен духовный опыт народа. Фразеологические единицы как лингвокультурные тексты вызывают в сознании носителей языка определенную совокупность сведений, позволяют увидеть наиболее предпочтительные для данного национально-культурного менталитета идеи, характеристики, ассоциации.

В русском и китайском языках, как в любом другом языке, важна и интересна национально-культурная семантика языковых единиц, т.е. те языковые значения, которые отражают и передают от поколения к поколению особенности русской и китайской природы, экономики, общественного устройства, фольклора, художественной литературы, искусства, науки, быта и обычаев народа. Особый интерес представляют фразеологизмы, в состав которых входят топонимы. Таким образом, актуальность нашей работы обусловлена необходимостью исследования фразеологических единиц с компонентом-топонимом с точки зрения отражения в них этнокультурных особенностей. Сопоставительный характер исследования также обуславливает его актуальность, поскольку важной задачей лингвистики является определение сходства и различий между языковыми картинками мира (в частности, русской и китайской), выявления общих и специфических признаков, присущих разным культурам.

Нами был проведен сопоставительный анализ 148 фразеологических единиц, содержащих топонимы: 74 – русских и 74 – китайских. Исследование позволило сделать следующие выводы:

1. На основании семантики компонента-топонима все топонимические фразеологизмы русского языка можно разделить на две группы: 1) фразеологизмы, в состав которых входит топоним, именующий географический объект русскоязычного лингвокультурного ареала; 2) фразеологизмы с топонимами, номинирующими географические объекты за пределами области функционирования русского языка. Нами выявлено 42 русских фразеологизма со «своими» топонимами (например, *В Тулу со своим самоваром не ездят, Язык до Киева доведёт*) и 32 фразеологизма с «чужими» топонимами (*Все дороги ведут в Рим, Взлететь на Геликон*). Такое соотношение, на наш взгляд, объясняется особенностями формирования русской культуры, в частности активными культурными контактами с другими государствами. В русской культуре сочетаются как самобытные национальные черты, так и черты культуры тех народов, с которыми русские люди имели тесные связи; как видим, эта тенденция проявляется и в области языка, в частности фразеологии.

В китайской фразеологии нами были выявлены исключительно фразеологические единицы, в состав которых входят топонимы, именующие географические объекты, находящиеся в Китае (например, 邯郸学步 – дословно: «учиться походке в Ханьдане»; значение: в погоне за показным утратить

212 | суть; 南山可移 – дословно: «Южную гору передвинуть можно, но приговор суда отменить нельзя»). Как нам кажется, отсутствие среди китайских фразеологизмов так называемых «чужих» топонимов связано с характерными чертами культуры Китая, такими, как замкнутость, долгая самоизоляция и защита от внешнего влияния.

2. Среди русских топонимических фразеологизмов преобладают фразеологические единицы с топонимами-названиями городов (астионимы) – 53%, например: *Вязьма в пряниках увязла*; *Курский соловей*. Города уже на начальных этапах становления древнерусского государства имели большую ценность; в русском национальном сознании город – это не только исток цивилизации, центр, стягивающий к себе все пространства; но и сакральное место: в российской культуре традиционно образ города представлялся величественным, священным. Причем в составе «своих» фразеологизмов с астионимами наиболее частотным является астионим *Москва*, что говорит об исключительной значимости Москвы для всего русского лингвокультурного сообщества (*Кто в Москве не бывал, красоты не видал; Москва слезам не верит, ей дело подавай*).

Среди китайских топонимических фразеологизмов преобладают единицы с топонимами-названиями форм рельефа: гор и др. (оронимы) – 58%, например: 庐山真面 – дословно: «истинный вид гор *Лушань*», значение: действительное положение вещей; 暗度陈仓 – дословно: «тайно перейти через гору *Чэньцан*»; значение: вступить в тайную связь. Высокая частотность появления оронимов в идиоматических единицах вызвана большой значимостью гор в культуре и истории Китая: это и места обитания богов, и источники вдохновения для художников и поэтов, и места активных действий в политическом и религиозном дискурсе. Отметим, что мы выявили 43 китайских фразеологизма с оронимами, из них 33 – это фразеологизмы с оронимом *Тайшань*, что говорит об исключительной роли в истории китайского народа горы Тайшань, насчитывающей более 2000 лет и считающейся местом древней китайской цивилизации: например: 登兹泰山周览东极 – дословно: «поднявшись на Тайшань, оглядел восточные пределы»; значение: с высоты своего опыта уметь оценить обстановку; 蚂蚁搬泰山 – дословно: «муравьи могут сдвинуть Тайшань»; значение: объединив усилия, можно многого добиться.

3. И русские, и китайские фразеологизмы имеют одинаковые источники происхождения: 1) культурные и исторические события (*пропал как швед под Полтавой*; 朝秦暮楚 – «утром стоять за царство *Цин*, а вечером за *Чу*»); 2) мифы, легенды, предания: *гуси Рим спасли*; 叶障目不见泰山 – «один листок заслонил глаза так, что горы *Тайшань* не разглядел»; 3) народная речь: *В Тулу со своим самоваром не ездят*; 不到黄河不死心 – «не успокоится, пока не дойдет до реки *Хуанхэ*»; 4) афоризмы и цитаты из литературных произ-

ведений: *Волга впадает в Каспийское море*; 泰山不让土壤 – «Гайшань не пренебрегает песчинками».

Ещё раз подчеркнем, что китайская фразеология содержит топонимы, принадлежащие только собственной культуре. Особенно широко представлены в ней топонимы, связанные с важными событиями китайской истории. В системе русской фразеологии отражено постоянное взаимодействие русской культуры с культурами различных народов. В связи с этим в русской фразеологии значительную часть составляют онимы, связанные с мировой культурой – античными мифами (*кануть в Лету*, *троянский конь* и т.д.), христианской литературой (*Содом и Гоморра*, *вавилонское столпотворение* и т.д.).

4. Россия и Китай имеют долгую историю, которая нашла отражение во фразеологической картине мира каждого народа. В процессе развития человечества разные народы приобретают похожий опыт. Поэтому фразеологический фонд китайского и русского языков включает одинаковые или близкие по семантике единицы: 1) 有眼不识泰山 – «хоть и зрячий, а не узнал горы Тайшань»; значение: пройти мимо самого главного; не заметить самого важного (ср.: *а слона и не приметил*); 2) 得陇望蜀 – «только что овладели землями Лунчуани и уже зарятся на земли Шу»; значение: быть ненасытным, не удовлетвориться на достигнутом (ср.: *дай палец – откусит по локоть*). Однако подобных примеров немного, потому что фразеология – это часть языка, в большой степени фиксирующая национально-культурную специфику.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фразеологизмы являются неотъемлемой частью национальной культуры, они играют важную роль в процессе проявления национальных особенностей характера. Идиоматика языка хранит в себе систему ценностей, отношение к миру. Фразеологизмы, содержащие в себе топонимические элементы, ярко иллюстрируют культуру, менталитет носителей языка. Знакомство с фразеологией и с топонимами-компонентами фразеологизмов позволяет глубже понять историю и характер народа. Чем больше мы будем знать о значении и истории фразеологизмов, тем богаче будут наши знания о культуре каждого народа.

Тан Ивэнь
yiwentang2@gmail.com
студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
студент Сианьского нефтяного университета
Сиань, Китай

Сойникова А.Д.
annaso@mail.ru
старший педагог
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Художественный текст как источник формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов-филологов

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, русская классическая литература, поэма «Мертвые души», фразеология, лингвострановедческий словарь.

Аннотация. В статье говорится о некоторых аспектах формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов-русистов на примере изучения поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Tang Yiwen
Soinikova A.D.

Literary text as a source of formation linguistic and cultural competence Chinese students of Philology

Keywords: linguoculturological competence, Russian classical literature, poem Dead souls, phraseology, linguistic and cultural dictionary.

Abstract. The article deals with some aspects of the formation of the linguacultural competence of Chinese students of Russian studies on the example of studying the poem Dead souls by Nikolai Gogol.

В современной лингводидактике художественный текст трактуется как сложное системное образование, представляющее собой феномен культуры и одну из форм речевого общения.

Художественные произведения, существующие в виде текстов и созданные в недрах той или иной локальной культуры, служат ценным источни-

ком изучения всех аспектов национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения, являются значимым материалом для формирования лингвокультурологической компетенции.

Лингвокультурологическая компетенция определяется В.В. Воробьевым как система знаний о культуре, воплощенная в определенном национальном языке. Язык, являясь, по мнению В. Гумбольдта, «хранилищем духа», формирует этнический стереотип поведения, национальный характер.

Образцовым проявлением русского литературного языка является русская классическая литература XIX–XX веков, представляющая собой сокровищницу художественно-эстетических и социально-философских произведений. Текст художественной литературы – это форма «эстетического общения, воспроизводящая модель мира» (Ю. Лотман).

На филологических факультетах Китая при изучении русской классической литературы основное внимание уделяется истории создания литературного произведения, развитию сюжетной линии, характеристике главных героев, описанию событий.

Изучая русскую литературу в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина, студенты, с одной стороны, анализируют художественный текст с точки зрения языка, затрагивая все его уровни – от лексики до грамматики. С другой стороны, художественное произведение рассматривается как вид искусства и часть русской культуры, открывающей глубинный пласт фоновых знаний о ментальности, традициях, образе жизни, истории, национальных особенностях русского мира.

К примеру, «Похождения Чичикова, или Мертвые души» Н.В. Гоголя хорошо известны китайским студентам, избравшим русскую филологию своей специальностью. В основе сюжета, подаренного Гоголю А.С. Пушкиным, – авантюра с покупкой «мертвых» крестьянских душ, которую осуществляет П.И. Чичиков. Следуя за «сквозным героем», объезжающим имения помещиков, Гоголь создает колоритную галерею духовно деградирующих дворян-крепостников, «один пошлее другого». Портреты представителей городской власти – чиновников, «заклятых врагов» Гоголя, также сатирически изображаются писателем. Безусловно, китайским читателям понятна обличительная сатира Гоголя. Вместе с тем, думается, прав критик И. Золотницкий, увидевший в «Мертвых душах» «энциклопедию русского национального характера».

Гоголь неоднократно упоминал, что хочет написать книгу, в которой отразится «вся Русь». Понятие «вся Русь» связано прежде всего с задачей показать, «что ни есть и хорошего, и дурного в русском человеке», показать «свойство русской природы». Чтобы воплотить свой замысел, писатель обращается к русской фольклорной традиции. Всю поэму пронизывают народные пословицы, поговорки, приметы, в которых наиболее полно выразились

216 | особенности национального характера, нравственные качества, одобряемые или отвергаемые народом.

Так, характер помещика Манилова, пустого и беспочвенного мечтателя, объясняется пословицей «ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан». Медведеобразная натура Собакевича, хозяйство которого в каком-то «крепком и неуклюжем порядке», находит свое воплощение в пословице «неладно скроен, да крепко сшит». Вот почтмейстер признается, что русский человек «задним умом крепок». Именно эта «коренная русская добродетель» присуща многим персонажам «Мертвых душ», в том числе и Чичикову. Действительно, у русского человека есть способность после совершения ошибки сделать правильные выводы, именно это дает надежду на возрождение главного героя, которое писатель предполагал показать в последующих томах «Мертвых душ».

Однако на страницах первого тома Чичиков тоже «мертвая душа» феодально-крепостнического общества России. Поначалу этот герой выделяется на общем фоне своей деятельностью, активностью. Знание людей и жизни, практическая сметка, предприимчивость сами по себе положительные качества. На первый взгляд портрет Чичикова, «приятного во всех отношениях» человека коррелирует с китайской этикой «сохранения лица», которая сложилась исторически и также основана на иерархической организации общества. Этика «лица» отражает стремление к согласию в отношениях с окружающими, желание уйти от конфликтов. Но, вникая глубже в суть аферы Чичикова, понимаешь, что под маской порядочного человека скрывается аморальный, подлый делец нового типа, стремящийся заработать свой «миллион» любыми способами. Все это вступает в противоречие с китайской этикой «сохранения лица», поощряющей скромность и осуждающей бездуховность и мошенничество. Чтобы разобраться в сущности Чичикова, следует обратиться к лингвострановедческому словарю. Такие понятия, как «опекунский совет», «ревизская сказка», «ревизская душа», «воспитательный дом», «ссудно-залоговые операции» и т.д. погружают в мир той эпохи, знакомят с историческими реалиями и традициями, приводят к пониманию того, что Чичиков рассчитывал нажить на горе и смерти обездоленных детей, и без того полуголодных и плохо одетых. Это было понятно каждому современнику Гоголя, это важно знать и современным читателям, потому что без знания прошлого нельзя построить будущее. Эти знания нам дает литература, и в этом ее сила, ее ценность.

Метафора в политическом дискурсе

Ключевые слова: политический дискурс, концептуальная метафора, политика, выборы.

Аннотация. В данной статье анализируется роль концептуальных метафор в политическом дискурсе. В статье речь идет о том, что метафора является объектом и инструментом исследования вопросов взаимодействия языка и социального развития общества. Статья раскрывает содержание понятия термина «политический дискурс», который является комплексом всех речевых актов в политических дискуссиях, правил публичной политики, которые показывают специфические особенности ментального мира политика. Во время выборов политики обещают людям, что они сделают все для их будущего, поэтому они используют метафору, которая помогает привлечь внимание, а также выражает личное мнение политика. Метафора часто используется в политических речах и информирует людей.

Nikolina Tesla

Metaphor in political discourse

Keywords: political discourse, conceptual metaphor, politics, elections.

Annotation. This article analyzes the role of conceptual metaphors in political discourse. The article deals with the fact that metaphor is an object and tool of research on the interaction of language and social development of society. The article reveals the content of the concept of the term “political discourse” which is a complex of all speech acts in political discussions, rules of public policy, which show the specific features of the mental world of a politician. During elections, politicians promise people that they will do everything for their future, so they use a metaphor that helps attract attention, and also expresses the personal opinion of the politician. The metaphor is often used in political speeches and informs people.

Данная работа посвящена исследованию концептуальных метафор, которые помогают в политическом дискурсе создать необходимый образ восприятия действительности электоратом, то есть обозначить намерение политика или политической партии. Работа носит междисциплинарный характер. Актуальность исследования заключается в том, что практике оратории сегодня отводится огромная роль в современной науке. В соответствии с практическим подходом к риторике метафора в данных концепциях

218 | рассматривается как средство манипуляции, эмоционального воздействия и убеждения, а также как средство создания экспрессивности, что делает связь метафоры и политики особенно актуальной.

Объект рассмотрения – политический дискурс. Целью исследования является рассмотрение политической метафоры в современных средствах массовой информации. Политический дискурс специфичен тем, что имеет конкретную цель: как привести людей к определенным точкам зрения и убедить их в своем мнении, чтобы получить политическую власть. Теоретической базой работы являются труды современных исследователей: Т. Ван Дейка, Дж. Остина, Дж. Серля, М. Фуко, Е. Гоффмана, С. Виноградова, В.Р. Паршина, В.З. Демьянкова и других.

Основным лингвистическим ресурсом в политическом дискурсе является когнитивная метафора. В 1980 г. была создана оригинальная модель Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона. Концептуальная метафора основана на мыслительном процессе, способе понимания и организации концептуальной системы. А.В. Степаненко в своих произведениях говорила о прагматической, когнитивной, эмоциональной и репрезентативной функции, которую выполняет метафора в политическом дискурсе, а также о традициях культуры и истории народа.

Рассмотрим ряд примеров и проанализируем фреймовую структуру.

ПРИМЕР 1: *Чеченский кризис выявил общие проблемы: слабость новых государственных институтов, разобщенность власти и общества перед лицом реальных угроз* (rg.ru).

Указанный фрагмент содержит онтологическую концептуальную метафору – слабость: сфера-мишень: внутривнутриполитические проблемы общества; фрейм: оценка состояния власти; слот: проблемное, кризисное отрицательное состояние власти и ее общественных институтов к решению внутренних и внешних проблем; сфера-источник: физическое состояние человека; фрейм: болезненное состояние; слот: отрицательная коннотация, которая связана с критическим восприятием действующей власти, которое при помощи когнитивной метафоры передается читателям, оказывая воздействие на формирование отношения к политической партии, неспособной стабилизировать общественную обстановку.

ПРИМЕР 2: *Трамп был на седьмом небе от счастья после переговоров с Путиным.* (rg.ru). Данный отрывок содержит ориентационную концептуальную метафору: сфера-мишень: международные политические отношения; фрейм: политические переговоры; слот: позитивное, неконфликтное окончание переговоров; сфера-источник: пространство; фрейм: пространство верха; слот: положительная коннотация.

Указанный пример – показатель, с одной стороны, попытки стабилизации международных отношений, в то же время на фоне использования концеп-

туальной метафоры очевидна ирония, которая сопряжена с некоторой долей критики, являющейся намерением автора, создающего образ западного политика.

В результате исследования мы приходим к выводу о том, что политики манипулируют приоритетами и делают это главным образом с помощью метафоры. Поскольку они располагают огромными финансовыми ресурсами и имеют доступ к средствам массовой информации, им нетрудно охватить большое количество людей и маневрировать с помощью лингвистических ресурсов для формирования знаний и информации, чтобы подчеркнуть свои «хорошие» и «плохие» стороны, а метафора как естественная фигура мышления и речи представляет богатый материал для когнитивного осмысления языка, языковой картины мира, взаимодействия языковых явлений и человеческого фактора.

Таким образом, при помощи когнитивной метафоры происходит восприятие, интерпретация политических событий, которые воспринимаются сквозь призму положения в пространстве или физического состояния человека. На этом фоне когнитивная метафора служит средством оценки политических событий, с точки зрения авторской интерпретации, которая зависит от концепции журналиста, политика или издания.

Литература

1. Дейк ван Т.А. К определению дискурса. 1998.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 1980. Перевод на русский язык публикуется по соглашению с The University of Chicago Press, Chicago Illinois, U.S.A; Лицензия от 25.06.2001; Подписано к печати 21.07.2004.

Фам Тхи Ча

trapham910@gmail.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Ханойского университета

Ханой, Вьетнам

Петривняя Е.К.

libri_magistri@mail.ru

канд. филол. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Образ женщины на войне в прозе XX века «А зори здесь тихие ...» (Б. Васильев) и «Далекие звезды» (Ле Минь Хуэ)

Ключевые слова: русская литература, вьетнамская литература, тема войны.

Аннотация. В данной статье проводится сравнительное исследование особенностей изображения образа женщины на войне на материале русской и вьетнамской литературы. Специфика интерпретации и способов отображения сложнейших периодов в жизни любой страны – военных событий – важнейшая составляющая поствоенного воспитания последующих поколений. Трансформация судьбы женщины на войне в сознании народа тесно сопряжена с эстетической программой, изложенной в ярчайших памятниках национальной литературы, поэтому цель представленной работы сводится к наблюдению за приемами, оказывающими наибольшее воздействие на читателя, декодированию их смысловой насыщенности и сравнению специфики выбора тех или иных изобразительных средств в произведениях вьетнамской и русской прозы о войне.

Pham Thi Tra

E.K. Petrivnyaya

The image of a woman during the war in 20th-century prose «The dawns here are quiet...» (B. Vasilyev) and «Distant stars» (Le Minh Khue)

Keywords: Russian literature, Vietnamese literature, war theme.

Abstract. This article focuses on the comparison of the ways, in which the image of a woman in war is depicted based on Russian and Vietnamese literature. The principles of interpretation and methods of displaying the most difficult periods in the existence of any country – wars – are the most important components of post-war education to the following generations. Women's fate transformation

during the war in the minds of the people is closely linked to the aesthetic program, which is presented in the most brilliant monuments of the national literature, due to this fact the purpose of the research is to observe the techniques that have the greatest impact on readers, decode their semantic intensity and compare the art of choices of certain descriptive means in Vietnamese and Russian prose works connected with war.

Сравнительно-типологическое исследование приемов создания женских образов на войне в русской и вьетнамской литературе XX века, представленное на основе повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» и рассказа Ле Минь Хуэ «Далекie звезды» (перевод с вьетнамского выполнен автором статьи), позволяет выявить характер трансформации формально-содержательных компонентов произведений в зависимости от философских и нравственно-этических воззрений авторов.

Поэтика названия «А зори здесь тихие...» имеет амбивалентное толкование. В начале повести просматриваются традиции славянской мифологии, где Заря является солнечной сестрой, девой-воительницей, а тишина становится спутницей смерти (все девушки погибают в тихой карельской глуши). В финале произведения связующей нитью между прошлым и настоящим становится Федот Евграфыч Васков, вырастивший сына Риты Альберта, поэтому зори символизируют начало новой спокойной светлой жизни, а тишина становится символом мира. Автор вьетнамского рассказа сравнивает героический образ и красоту души трех молодых девушек с далекими звездами на небе, отсюда и символика названия «Далекie звезды».

И в русском, и во вьетнамском произведении используется прием антитезы добра и зла на уровне образной системы: пять русских девушек-зенитчиц, предотвращающих диверсию вооруженных фашистов, и три вьетнамские девушки, уничтожающие невзорвавшиеся бомбы, воплощают светлое начало, они – защитники Родины, которые ценой собственной жизни удерживают врага, выступают как символ справедливой войны. Немецкие диверсанты в русской повести и американские империалисты во вьетнамском рассказе – символ жестокости и олицетворение зла.

Хронотоп русской повести и вьетнамского рассказа строится также по принципу антитезы: военное суровое настоящее противопоставлено мирному прошлому и романтическим мечтам о будущем. И русский, и вьетнамский писатели индивидуализируют образы девушек, определяя историю каждой из них, отраженную в воспоминаниях, противопоставляя мир их мечты суровой реальности войны.

Особое внимание в русской повести уделяется поэтике имени. Имя каждой героини выступает важнейшим средством ее характеристики. Например, имя Евгения с греческого языка переводится как «благородная» и указыва-

222 | ет не только на благородство ее характера, но и на факт ее биографии, она дочь красного командира (вспомним, что в древности слово «благородный» связывалось с человеком «во благе рожденным»). Во вьетнамском рассказе прямая связь характера с именованим девушек не прослеживается.

С помощью использования метафоры автор неявно сравнивает трех молодых девушек с далекими звездами на небе. Назвав так произведение, автор создала красивый и героический образ, выразила красоту души и характер девушек Нго, Фыонг Динь и Тхао: они молодые, мечтательные, и в них отражается сияющий свет.

Революционные небесные звезды ведут вьетнамский народ к победе. Название произведения наполнено поэзией, такой выбор обусловлен романтическим настроением произведения, что типично для литературы в антиамериканский период.

В рассказах о войне должны быть специфические детали быта, описания бомб, боевых действий, человеческих жертв... но главным образом внимание должно уделяться все же изображению внутреннего мира отдельного человека, описанию красоты человеческой души в непростое время.

Таким образом, сравнительно-типологическое исследование русского и вьетнамского произведений помогает выявить национальную специфику и определить особенности мироощущения авторов в формировании и расширении художественных возможностей изображения судьбы женщины на войне.

Литература

1. Васильев Б.Л. А зори здесь тихие. – М., 1976.
2. Карасев А.В. Краткий обзор литературы по Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1961. № 6. – С. 54–62.
3. Ле Минь Хуэ. Далекие звезды (Переводила Фам Тхи Ча). URL: <https://kilopad.com/truyen-ngan-c197/doc-sach-truc-tuyen-nhung-ngoi-sao-xa-xoi-b7737/chuong-1-ti1> (дата обращения: 15.03.2020)

Фам Тхи Ча*trapham910@gmail.com**студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия**студент Ханойского университета**Ханой, Вьетнам***Третьякова И.А.***2708-65@mail.ru**канд. ист. наук,**доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия*

Хо Ши Мин и В.И. Ленин через призму мировоззрения современной молодежи

Ключевые слова: Вьетнам, Хо Ши Мин, Ленин, студенты, история.

Аннотация. Статья посвящена взглядам современной вьетнамской молодежи на деятельность лидера страны Хо Ши Мина и ее оценке с точки зрения молодых людей. Особое внимание уделено биографии вождя вьетнамской революции. Проводится сравнение знаний русской и вьетнамской молодежи исторического прошлого своих стран.

Pham Thi Tra**Tretyakova I.A.****Ho Chi Minh and Lenin through the prism of modern youth mindset**

Keywords: Vietnam, Ho Chi Minh, Lenin, students, history.

Abstract. The article is devoted to the views and assessments of modern Vietnamese youth on the activities of the country's leader Ho Chi Minh. Special attention is given to the biography of Vietnam's revolution leader. Comparison is made between the knowledge of Russian and Vietnamese youth on the historical past of their countries.

История для нас всегда представляла предмет особого интереса: изучение архетипов на примере отдельных исторических лиц, реконструкция исторических событий и исследование реалий позволяют выявить закономерности в развитии отдельных цивилизаций и культур, дают обширный инструментарий для дальнейшего анализа явлений настоящего времени.

Наш опыт работы со сравнительной историей не ограничивается данным исследованием, поскольку не так давно нами была подготовлена статья «Образ женщины на войне в русской и вьетнамской прозе XX века» для конференции

224 | в Прибалтике, но, к сожалению, ввиду разногласий политического характера исследование не было принято к публикации.

В истории любой страны найдутся яркие личности, способные вести за собой массы, совершать революции, реконструировать политическое и социально-экономическое устройство государства. Безусловно, такими харизматическими лидерами являются В.И. Ленин для России и Хо Ши Мин для Вьетнама.

Сегодня политический вектор России ощутимо сместился, уступив место отличным от советских идеологическим установкам, Вьетнам же по-прежнему остается социалистической страной во главе с Коммунистической партией. Тем не менее в 1990-х гг. и в нашей стране начались осторожные реформы, которые привели к относительной либерализации социально-экономической жизни при сохранении существующей исторической парадигмы и определенной системы ценностей.

Поскольку на данном историческом этапе особую важность представляют отношения России и Вьетнама, нами было решено провести опрос о лидерах Вьетнама и России среди молодежи этих стран. Цель исследования – определить взгляды современной вьетнамской молодежи на Хо Ши Мина и проанализировать полученные результаты. Для этого было проведено небольшое анкетирование среди вьетнамских студентов, которое содержало ряд вопросов по биографии и работам Хо Ши Мина. Подобное анкетирование было проведено и среди русских студентов с аналогичными вопросами про В.И. Ленина. Из 20 опрошенных вьетнамских студентов большинство знают работы Хо Ши Мина и основные факты его биографии. Поэтому можно сделать вывод, что и для сегодняшней вьетнамской молодежи Хо Ши Мин остаётся уважаемым человеком. Опрос же русских студентов выявил наличие лишь самых поверхностных знаний о Ленине (даже на элементарный вопрос о месте захоронения Ленина 7 из 20 не назвали Москва, Красная площадь, Мавзолей). Интересным является и тот факт, что 19 из 20 вьетнамских студентов знают, кто такой Ленин, но только 2 из 20 русских студентов знают, кто такой Хо Ши Мин. А между тем это был незаурядный человек, вождь вьетнамской революции, основатель независимого Вьетнама.

Хо Ши Мин родился в 1890 г. в небольшом вьетнамском селе Ким Лиен, когда Вьетнам была колонией Франции. При рождении его называли Нгуен Шинь Кунг, а в школьные времена Нгуен Тат Тхань, что означает «Нгуентриумфатор». Хо Ши Мином он стал для конспирации – когда проживал в Китае и воспользовался паспортом умершего местного жителя.

Благодаря отцу, который был служащим при императорском дворе, он имел возможность обучаться во французской школе, где пристрастился к чтению и узнал о Великой Французской революции. Первым европейским городом, который увидел своими глазами Хо Ши Мин, был Марсель, где

одни жили в роскоши, а другие – в крайней нищете. К своему удивлению юный вьетнамец обнаружил, что лозунг «свобода, равенство и братство» при капитализме – лишь красивые слова.

Пока Хо Ши Мин жил за границей, постепенно сформировалось его мировоззрение. Решающее влияние на него оказала работа В.И. Ленина «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросу» [1, с. 72]. Он был очарован мыслями Ленина, которые призывали к борьбе за освобождение угнетенных народов. Поэтому он отправляется в Советскую Россию изучать марксизм-ленинизм. Известен факт, что Хо Ши Мин мечтал встретиться с Лениным, но не успел этого сделать. Из Москвы он уехал убежденным борцом за освобождение Вьетнама.

Общеизвестно, что будущее страны находится в руках молодежи. А будущее начинается с прошлого, оценка которого очень часто меняется по истечении времени. Борьба мнений будет существовать всегда, а уж тем более у историков из разных стран мира. И к этому следует относиться как к нормальному, естественному процессу развития [2, с. 61]. Поэтому, чтобы достичь понимания и взаимного уважения молодежи, надо повышать общий уровень образованности, уважать прошлое своей страны, какое бы оно ни было, определять стратегию развития и лучшие пути ее достижения.

Литература

1. Ленин В.И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (Для Второго съезда Коммунистического Интернационала). – М.: Полное собр. соч. в 55 Т. – Т. 41. Май–ноябрь 1920. – С. 72–75.
2. Третьякова И.А. К вопросу о роли «Страноведения России» в обучении иностранных учащихся // Человеческий капитал. 2017. № 6. – С. 59–61.

Источники формирования лексики индустрии гостеприимства в современном русском языке

Ключевые слова: индустрия гостеприимства, заимствованное слово, интернациональный термин.

Аннотация. В статье речь идет о теоретических основах описания источников формирования лексики индустрии гостеприимства в современном русском языке. Перспективы исследования связаны с уточнением понятия «специальная лексика», а также с попыткой создания русско-вьетнамского словаря соответствующей тематики.

Phan Thi Kim Anh

Sources of the formation of the vocabulary of the hospitality industry in modern Russian

Keywords: hospitality industry, loan word, international term.

Annotation. The article deals with the theoretical foundations for describing the sources of the formation of the vocabulary of the hospitality industry in modern Russian. The research prospects are related to clarification of the concept of “special vocabulary”, as well as to an attempt to create a Russian-Vietnamese dictionary of relevant topics.

В настоящее время индустрия гостеприимства активно развивается во всем мире, в том числе и в России. В исследовании Л.А. Гарифуллиной дано следующее определение индустрии гостеприимства: «Сложная, комплексная сфера профессиональной деятельности людей, усилия которых направлены на удовлетворение разнообразных потребностей клиентов (гостей)» [2, с. 10]. Лексика, используемая в этой области, также изучается как специальная терминология.

В нашей работе рассматриваются три группы лексических единиц: исконно русские, заимствованные, интернациональные термины.

Следует признать, что исконная лексика является основной частью словарного состава русского языка. Исконные слова были образованы в данном языке из существующих в нем морфем или были унаследованы от более древнего «языка-предка». Исконная лексика современного русского языка

включает в себя слова периода XVI–XVIII веков, из древнерусского, протославянского и индоевропейского языков, а также слова, которые образовались на русской земле за последние два столетия. Это слова общелитературного языка. Данные слова принадлежат к широкой общелитературной, узкоспециальной (гостиничной) сфере. Означаемое и означающее у них в этих разных сферах не имеют разницы. Они различаются объемом семантики, объемом информации, типом значения. На этот пласт приходится наибольшее количество специальных слов.

В лексике индустрии гостеприимства в русском языке выявлено довольно большое количество заимствованных единиц. В словаре лингвистических терминов мы находим следующее определение феномена заимствования: «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов» [3, с. 110]. В русском языке заимствованные слова различаются по степени их ассимиляции: полностью ассимилированные, частично-ассимилированные и неассимилированные.

Освоенное заимствованное слово становится активным в словообразовательной системе языка, так как оно способно образовывать производные слова. В русском языке имеются также иноязычные слова и словосочетания, которые сохраняют свой иноязычный графический облик. Их называют иноязычными вкраплениями или варваризмами. Например: *Deluxe – роскошный тип отеля; трансфер – встреча или проводы в аэропорту (на вокзале); апартаменты – тип номеров в гостиницах, по своему оформлению приближенные к виду современных квартир, включая места для приготовления еды.*

По языку-источнику заимствованные единицы могут быть разделены на три группы: из языков зарубежных стран, из старописьменных языков народов СССР и из младописьменных языков тех же народов.

Англоязычная терминология оказала существенное влияние на формирование лексики индустрии гостеприимства в русском языке. В индустрии гостеприимства используется узкоспециальная лексика, то есть терминология для обозначения понятий данной сферы. Например: *Junior Suite (номер, включающий кухню и две комнаты: гостиную и спальню), европейский завтрак (завтрак, состоящий из кофе или чая, бутерброда с маслом, джема).*

В лексике индустрии гостеприимства функционируют и интернациональные единицы, слова, которые используются не менее чем в трёх языках при общности происхождения, общности или близости семантики, близости графическо-фонетической формы [1, с. 34]. Источниками слов – интернационализмов явились в основном древнегреческие, латинские, немецкие, французские, итальянские, английские, арабские по происхождению лексические единицы [1, с. 7]. Например: *флотель, сервис, менеджер, гостеприимство.*

228 | Таким образом, основными источниками формирования лексики индустрии гостеприимства являются исконно русские лексемы, заимствования, интернационализмы.

Литература

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Харьков, 1972. – 215 с.
2. Гарифуллина Л.А. Лексика индустрии гостеприимства в татарском языке в сопоставлении с английским языком. – Казань, 2008.
3. Нелюбин Л.Л. Лингвистика современного английского языка. – М.: МОПИ, 1990.

Русские идиомы для итальянцев: возможности фразеодидактики

Ключевые слова: идиома, русский язык, итальянский язык, корпус, мотивированность, дидактика.

Аннотация. В статье рассматриваются методы преподавания русских идиом итальянским студентам. Автор иллюстрирует возможности использования НКРЯ и параллельного русско-итальянского корпуса в преподавании русского языка как иностранного, а также анализирует, как с помощью когнитивного и историко-этимологического подходов проясняется мотивированность идиом, активизируются механизмы метаязыковой рефлексии и повышается языковая компетенция учащихся.

Floridi Federica

Russian idioms for Italians: possibilities in Phraseodidactics

Keywords: idiom, Russian language, Italian language, corpus, motivation, didactics.

Abstract. In the article some methods for teaching Russian idioms to Italian students will be analysed. The author shows how the Russian National Corpus and the Russian-Italian parallel subcorpus can be used to teach Russian as foreign language. Moreover, it will be seen how cognitive and historical-etymological approaches allow to make idioms' motivation explicit, activate metalinguistic reflection and improve communicative competence.

В настоящее время в преподавании иностранного языка принято считать, что активное владение фразеологизмами является необходимым условием межкультурной коммуникативной компетенции [9, с. 165]. Однако именно коллокации, идиомы, пословицы, поговорки и т.п. наиболее сложны для восприятия иноязычными студентами, ибо это сложные языковые единицы, обладающие высокой степенью устойчивости и часто несущие в себе культурную специфику. Кроме того, на понимание фразеологизмов зачастую влияет родной язык, приводя к межъязыковой интерференции [9, с. 164].

Цель данной работы состоит в рассмотрении некоторых методов преподавания русских идиом итальянским студентам. На основе конкретных примеров будет показано, что традиционные двуязычные фразеологические словари [6] являются недостаточными ресурсами, так как часто они регистри-

230 | руют устаревшие и непригодные эквиваленты и не отражают современный языковой узус. В работе иллюстрируется, как использование *Национального корпуса русского языка* и его русско-итальянского параллельного подкорпуса помогает учащимся понять прагматические и синтаксические особенности фразеологизмов и проследить их в реальном языковом узусе.

Помимо привлечения корпусов весьма перспективными в практике преподавания РКИ оказываются когнитивный и историко-этимологический подходы. Благодаря моделям когнитивной метафоры и метонимии возможно объяснить актуальное значение многих непрозрачных идиом [7, с. 115] и одновременно определить систематические межкультурные совпадения, например: *делать первый шаг к кому-л.* – *fare il primo passo verso qcn.* (в основе лежит концептуальная метафора *физическая близость – это психологическая близость*); *пускать пыль в глаза* – *buttare polvere negli occhi*, *идти ощупью / на ощупь в темноте* – *procedere tentoni/brancolare nel buio* (в обоих языках соотносятся с когнитивной метафорой *видеть – это знать*). С помощью историко-этимологического анализа иноязычный студент может узнать исторический или текстуальный источник значения исконно русских выражений и понять, почему, например, *танцевать от печки* значит ‘делать что-л., начиная с привычного места, с начала’, *путёвка в жизнь* обозначает ‘что-либо важное, что открывает путь кому-л. к полезной и плодотворной деятельности; то, что свидетельствует о пригодности, о хорошем качестве чего-л.’, а *прийти к шапочному разбору* передает смысл ‘прийти куда-л. слишком поздно, когда все уже кончилось’. Данный подход дает возможность приобрести знания и о так называемых *интернационализах* [5], то есть фразеологизмах, распространявшихся в европейских языках через общеизвестные литературные произведения, фильмы, сказки и т.п. [11], например *сражаться с ветряными мельницами* – *combattere con i mulini a vento*, *перейти Рубикон* – *passare il Rubicone*, *белая ворона* – *mosca bianca*.

Эти методы анализа фразеологизмов позволяют студентам размышлять над их конкретным узусом и семантикой как в русском, так и в родном итальянском языке. Подобное металингвистическое осмысление изучаемого материала приводит к тому, что в обоих языках повышается фразеологическая и коммуникативная компетентность учащихся.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008.
2. Берков В.М., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М., 2005.

3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь русского языка. Около 6000 фразеологизмов. – М., 2005.
4. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфической лексики // Плунгян В.А. Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб., 2009. – С. 383–400.
5. Солодухо Е.М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань: Изд-во Казанского университета, 1982.
6. Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. – М., 1982.
7. Cardona M. Il linguaggio figurato: idioms, metafore, metonimie. Un percorso cognitivo per l'educazione linguistica // Casadei F., Basile G. Lessico ed educazione linguistica. – Carocci, Roma, 2019. – P. 107–144.
8. Casadei F. Metafore ed espressioni idiomatiche. Uno studio semantico sull'italiano. – Bulzoni, Roma, 1996.
9. Cotta Ramusino P., Mollica F. Fraseologia in prospettiva multilingue: il continuum lessico-sintassi // Casadei F., Basile G. Lessico ed educazione linguistica. – Carocci, Roma, 2019. – С. 145–182.
10. Dobvol'skij D.O., Piirainen E. Idioms: motivation and etymology // Yearbook of phraseology. – Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2010. – С. 73–96.
11. Piirainen E. Widespread Idioms in Europe and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units. – Peter Lang, New York, 2012.

Халекова Диляра Рустамовна

h.dilyara@yandex.ru

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Камышева С.Ю.

sykamysheva@pushkin.institute

канд. филол. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Креолизованные тексты в практике преподавания РКИ: лингвокультурологический потенциал

Ключевые слова: креолизованный текст, русский язык как иностранный, методика преподавания, культура.

Аннотация. В работе рассматривается потенциал креолизованных текстов в культурологическом аспекте, а также основные характеристики, критерии отбора текстов и т.д. в обучении русскому языку как иностранному.

Khalekova D.R.

Kamysheva S. Yu.

Creolized texts in the practice of teaching Russian as a foreign language: linguoculture potential

Keywords: creolized text, Russian as foreign language, method of teaching, culture.

Abstract. The research examines the potential of creolized texts in the cultural aspect, as well as the main characteristics, criteria for selecting texts, etc. in teaching Russian as a foreign language.

В связи с тем, что настоящее время характеризуется «зрительной экспансией» [1, с. 44], особый интерес начинают представлять исследования, связанные с использованием креолизованных текстов в обучении иностранным языкам. Важно рассмотреть, как средствами креолизованных текстов выражается культура изучаемого языка в вербальной и в невербальной составляющих.

Под термином «креолизованный текст» подразумевается текст, состоящий из двух частей: вербальной (естественный язык человека) и невербальной (другие знаковые системы), которые образуют единое смысловое и функциональное целое. Оба элемента текста могут содержать в себе материал

культурологической направленности, и в этом аспекте КТ может восприниматься как лингвокультурологический феномен, отражающий в вербально-визуальной форме национально-культурный, лексический и семиотический уровни содержания текста.

К лингводидактическому потенциалу креолизованных текстов обращаются многие ученые. Особый интерес для исследователей представляют комиксы (работы М.В. Тоймурзина, Е.С. Авдеева и др.), карикатуры и реклама (И.В. Харченкова), вопросы гипертекстуальности электронных учебных пособий (Т.С. Куст), также рассматривается обучающий потенциал КТ в рамках компетентностного подхода, например, как фактора развития социокультурной (Л.А. Филимонюк, Д.А. Удод) или лингвокультурной компетенции. В целом наблюдается стремление к созданию научно обоснованной и методически оправданной системы работы с креолизованными текстами в различных направлениях.

Креолизованный текст может выступать как актуальный аутентичный материал и источник страноведческих, лингво- и социокультурных сведений о стране изучаемого языка. В связи с этим, несмотря на то, что при восприятии КТ «... между адресатом и адресантом (в широком смысле) появляется универсальный код как промежуточное звено – невербальный знак», возникает необходимость в овладении учащимися совокупности фоновых знаний для адекватного восприятия текста [1, с. 43]. Это позволяет формировать и совершенствовать ЛКК (понимание основных концептов культуры, знание об изучаемом языке, его истории, а также о национальной культуре страны изучаемого языка).

Если рассматривать КТ не только как средство обучения (наглядные ситуации, определенная лексика и грамматика), а также как и источник информации о культуре страны, то наряду с аутентичностью при отборе текстов важны следующие критерии: 1. Представленность в них ключевых концептов культуры; 2. Актуальность; 3. Интертекстуальность; 4. Частотность использования изучаемой тематической лексики; 5. Методическая целесообразность использования КТ; 6. Лингводидактическая ценность.

Изучение креолизованных текстов как средства формирования лингвокультурологической компетенции студентов приобретает особую значимость, когда нам необходимо расширять и корректировать представления мирового сообщества о нашей стране, о России, о её языке и культуре. Так, выделяют несколько типов креолизованного текста с учётом роли в процессе формирования образа страны изучаемого языка: тексты с социокультурными материалами (модели поведения, особенности быта и т.д.), тексты с страноведческим материалом (география страны, культура, обычаи и традиции), тексты с лингвокультурным материалом (менталитет и т.д.). Также выделяются наиболее частотные виды невербальных компонентов: предметы материаль-

234 | ной и духовной культуры, традиции, обычаи и праздники; географическое положение, особенности устройства и природы страны; культурное и историческое наследие; деятели науки, культуры, истории.

В качестве креолизованных текстов, которые могут быть полезны в обучении, используются следующие: карикатуры, комиксы, реклама, афиши, плакаты, Интернет-тексты (демотиватор, мем и др.) и т. д.

В различных работах рассматриваются следующие приемы и методы работы с текстами: комментирование (комментарий историко-бытовой, лингвострановедческий, этимологический, коннотативный), ролевая игра, дискуссия, эвристическая беседа, коллажирование, метод проектов, логико-смысловые модели и т. д. Главным становится умение студентов выделить набор ключевых понятий, выраженных в вербальной и невербальной частях.

Таким образом, в последнее время тема использования КТ в обучении иностранным языкам активно исследуется в различных направлениях, в том числе в лингвокультурологическом аспекте. КТ несут в себе большой потенциал для развития компетенций учащихся, формирования и совершенствования у них знаний о культуре и стране изучаемого языка. Для того чтобы методически обосновать использование КТ в обучении РКИ, считаем необходимым в будущих исследованиях:

- произвести отбор аутентичных текстов и выявить их возможности для применения на занятиях по иностранному языку;
- выявить лингвокультурологическую специфику русскоязычных КТ, а также в перспективе описать ряд лингвокультурем, существенных для понимания русскоязычных КТ: тематика, персонажи (фольклорные герои, герои фильмов и т. д.);
- разработать четкий алгоритм работы с КТ: от его отбора и создания как учебного текста до методики его подачи в аудитории инофонов.

Литература

1. Подколзина Т.В. К вопросу о роли невербальных знаков печатного текста в процессе обучения РКИ // Актуальные вопросы методики обучения русскому языку как иностранному: Сборник научных трудов: Профессиональная наука. – 2018. – С. 40–44.

Хо Тху Нга

hothunga810@gmail.com

магистрант

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Брагина Н.Г.

NGBragina@pushkin.institute

д-р филол. наук,

профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Языковой ландшафт Москвы: коммодификация и вьетнамская лексика в русской лингвокультуре

Ключевые слова: русский язык, межкультурная коммуникация, коммодификация, языковой ландшафт Москвы, вьетнамская лексика.

Аннотация. В данной статье авторы исследуют процесс коммодификации в городе Москва и связывают данное явление с интеграцией коммерческой деятельности вьетнамской диаспоры в сферы услуг столицы. В работе представлен анализ «вьетнамскости» в языковом ландшафте Москвы.

Ho Thu Nga

Bragina N.G.

Linguistic landscape of Moscow: commodification and Vietnamese vocabulary in Russian linguaculture

Keywords: Russian language, multicultural communication, commodification, linguistic landscape of Moscow, Vietnamese vocabulary.

Abstract. In this article, the authors examine the process of commodification in Moscow city and connect this phenomenon with the integration of commercial activities of the Vietnamese diaspora in the services sector in the city. The paper presents an analysis of the Vietnamese signs in the linguistic landscape of Moscow.

1 Привлекающий последнее время внимание лингвистов термин *коммодификация языка* появился сравнительно недавно (см. [5]). В нашей работе под *коммодификацией* мы будем понимать использование национального языка в условиях мирового глобального рынка с целью продвижения товаров, услуг и добавления им символической ценности за счет указания на их аутентичность, уникальность, связь с культурной традицией определенного этноса. Мы рассмотрим некоторые особенности коммодификации вьетнамского языка в русской лингвокультуре.

2. Вьетнамская диаспора как инициатор коммодификации:

Изначально в процессе коммодификации заинтересована вьетнамская диаспора. В большинстве ее представителями являются учебные и трудовые мигранты с 1981 года по сегодняшний день. Это были молодые вьетнамцы, которые приехали в СССР учиться или работать в Россию и на Украину (нынешние). Сейчас в состав вьетнамской диаспоры в России входят:

- Вьетнамцы, вовлеченные в «челночную» розничную торговлю.
- Вьетнамские бизнесмены, имеющие цеховое текстильное производство или предприятие по импорту товаров из Вьетнама.
- Вьетнамцы рестораторы, работающие поварами и обслуживающим персоналом вьетнамских ресторанов, работники объектов культуры и досуга, связанные с азиатскими единоборствами, массажными салонами и др.
- Мигранты из Вьетнама. Это рабочие на предприятиях, основанные более состоятельными вьетнамцами (рабочие заводов, повара, обслуживающий персонал вьетнамских ресторанов, школ азиатских единоборств, массажных салонов и т.д.).
- Вьетнамцы, прибывшие в Россию с деловыми, служебными и дипломатическими целями.
- Вьетнамские студенты российских вузов.
- Обрусевшие вьетнамцы с российским гражданством и не имеющие никаких связей с вьетнамским сообществом [4].

Из вышеперечисленных наиболее заинтересованными в коммодификации вьетнамской культуры в русскую лингвокультуру является третья группа. Количество таких мигрантов не велико, и концентрируются они в основном в Москве и Санкт-Петербурге [4]. Именно они делают самый большой вклад в интеграцию вьетнамской культуры в российское общество. Наряду с ними не меньшую роль играют русские основатели азиатских ресторанов, магазинов и других объектов азиатской культуры. В данной статье мы разберем процесс коммодификации в Москве.

2.1. «Вьетнамскость» в языковом ландшафте Москвы:

«Вьетнамскость» является маркетинговым инструментом и реализуется через условный набор маркеров и названий. Мы будем рассматривать визуальные и языковые репрезентации «вьетнамскости» в Москве.

2.2. Вывески в названиях ресторанов

В названиях используются вьетнамские слова в оригинале («Vô», «Nhà») (фото 1, 2) или в транслитерации: а) на кириллический алфавит («Гао», «Вьетхауз») (фото 3, 4); б) на латиницу («Viet Хо», «Xich lo») (фото 5). Возможен также перевод на английский язык («Madam Yen», «Viet Soul», «Viet Express») (фото 6). Вывески, а также некоторая информация (например, меню) может быть представлена на двух и более языках (идентичные тексты на русском и / или английском и вьетнамском языках) (фото 7, 8).

2.3. Самые распространенные названия вьетнамских блюд

В словарном обиходе чаще всего встречаются такие названия вьетнамских блюд как «фо бо», «фо га», «нем», «гой куон», «бун ча» и т.д. Транслитерируются также и другие названия блюд, встречающиеся реже вышеприведенных (фото 7, 8).

Фото 1. *depomoscov.ru*

Фото 2. *Афиша*

Фото 3. *VietXo.ru*

Фото 4. *Яндекс.Карты*

Фото 5. *Kristiya (IRecommend)*

Фото 6. *Ruslanviktorov (Yablор)*

Фото 7. *Соцсети*

Фото 8. *Михаил Костин (Яндекс.Дзен)*

2.4. Визуальный признак «вьетнамскости»

Чаще всего в качестве визуального маркера «вьетнамскости» типичны: предметы сельского хозяйства и рыночной торговли Вьетнама (плетянные изделия из бамбука, такие как шляпа нон, корзинки с фруктами, подносы и т. д. или инструменты рыболовства) (фото 1, 4, 7, 9, 10, 11). В оформлении наружной рекламы встречаются характерные логотипы в форме лотоса (фото 3), изображения драконов (фото 12), зеленая форма официантов коммунистической партии (фото 1). Нередко встречаются изображения павильона Кхюе Ван (в Храме Литературы) или Пагоды на одном столбе (фото 13, 14). Эти два изображения, как правило, символизируют Ханой.

Фото 9. *ruslanviktorov (Yablor)*

Фото 10. *Андрей Безуглов*

Фото 11. *Вика Динь (соцсети)*

Фото 12. *Андрей Безуглов*

Фото 13. *hotelhanoi-moscow.ru*

Фото 14. *minimum-price.ru*

Мы рассмотрели некоторые наиболее типичные случаи коммодификации вьетнамского языка в русской лингвокультуре. Дальнейшее исследование этой темы позволит понять и более подробно описать стратегии включения

Литература

1. Григоричев К.В., Гузей Я.С. Язык «этнических» рынков: базар как пиджин и ситуация границы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 3. – Т. 21. – С. 534–537.
2. Ольнова М. Русский язык в Северной Норвегии: исторические, экономические и культурные связи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 3. – Т. 21. – С. 590.
3. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 3. – Т. 21. – С. 498, 500.
4. Чесноков А.С. Вьетнамская диаспора в России: история и современность // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2009. – № 3. – С. 44–45.
5. Heller M. Globalization, the New Economy, and the Commodification of Language and Identity // Journal of Sociolinguistics. –2003. 4, 7. – P. 473–492.

Христу Мария
maria_palodia@hotmail.com
магистрант Российского университета дружбы народов
Москва, Россия

Работа над авторизованными конструкциями, включающими модели с типовым значением «субъект и его качество» на уроке РКИ

Ключевые слова: авторизация, авторизованные конструкции, субъект и его качество.

Аннотация. В статье описывается способ преобразования информации предложений с типовым значением «субъект и его качество» в иностранной аудитории.

Christou M.

Work on authorized models including models with the typical value “subject and its quality”

Keywords: authorization, authorized models, subject and its quality.

Abstract. The article describes the way to convert information of sentences with the typical value “subject and its quality” in a foreign audience.

В процессе преподавания иностранному языку большое внимание уделяется обучению созданию вторичных текстов (аннотации, реферата), что является обязательным компонентом учебных программ по русскому языку для студентов высших учебных заведений всех профилей подготовки.

Обязательное требование – не только научить понимать и переписывать информацию исходного текста, но и научить передавать информацию первичного текста различными способами выражения одних и тех же смысловых отношений.

В настоящей статье речь идет о преобразовании информации авторизуемой модели с типовым значением «субъект и его качество».

По мысли Г.А. Золотовой, авторизованные конструкции состоят из двух основных компонентов. Первый – это авторизующая модель для обозначения субъекта-автора, и вторая – авторизуемая модель для описания реальной или воображаемой ситуации. Например: *Ученые говорят* (авторизующая модель), *что эта гипотеза правильна* (авторизуемая модель). Авторизующая модель указывает на источник сообщения.

Г.А. Золотова выделила 3 типа взаимодействия моделей в авторизованных конструкциях:

1) Авторизующая модель не преобразует авторизируемую модель, например: *В. Гумбольдт считал, что язык – это часть «духовной культуры».*

2) Авторизующая модель преобразует авторизируемую модель, например: **В. Гумбольдт считал язык частью «духовной культуры».**

3) Авторизируемая модель преобразует авторизующую модель, например: *Язык считается (В. Гумбольдтом) частью «духовной культуры».*

Сравнивая эти 3 модели, обращаем внимание на изменение структуры предложения. В первом случае, это структура сложноподчиненного предложения, во втором и третьем – это структура простого предложения. При этом смысл не меняется.

Однако трансформация предложений вызывает трудности у учащихся. Основной трудностью является выбор нужной предложно-падежной формы компонентов предложения, а также выбор нужной части речи. Здесь помогут принцип наглядности, комментарии преподавателя, зафиксированное правило. Нужно представить речевые образцы, то есть конкретные примеры реализации конструкций, что становится опорой для учащихся.

В качестве примера приведем предложение с типовым значением «субъект и его качество». Типовое значение – это «смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов модели предложения» [3, с. 25], т. е. взаимодействие субъектных и предикатных синтаксем, которые образуют модель предложения. В модели с типовым значением «субъект и его качество» предикат может быть выражен (кратким) прилагательным или (кратким) причастием. Например: *Ученые сказали, что результаты эксперимента надежные.*

При трансформации предложения нужно:

– найти в авторизируемой модели причастие / прилагательное, выполняющее функцию предиката и образовать от него существительное: *надежные* → *надежность*.

– найти субъект (Им.п.) и изменить его падеж, поставить в родительный падеж (2): *результаты* → *результатов*.

Ученые говорят о надежности результатов эксперимента. Обратите внимание, что глагол управляет падежом, *говорит о чем?* (Пр.п.).

В качестве упражнений можно предложить следующие:

1) Прочитайте предложения. Найдите слова с обозначением качества. Трансформируйте предложения по образцу.

Образец: *Научные положения – достоверные.*

– *Автор обращает внимание на достоверность научных положений.*

2) Прочитайте предложения. Найдите существительные, которые обозначают качество или свойство. Измените это слово на прилагательное. Преобразуйте предложения, используя прилагательные в качестве предиката.

*Обратите внимание, что большинство существительных со значением свойства, качества оканчиваются на **-ость**.*

Образец: *Декан факультета говорил о плодотворности конференции.
– Конференция была плодотворной.*

Мы считаем, что конкретные примеры, комментарии преподавателя и такого рода упражнения способствуют формированию навыков передачи информации предложений с типовым значением «субъект и его качество».

Литература

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 352 с.

Ху Сюэфэн

1435808742@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

магистрант Харбинского научно-технического университета

Харбин, Китай

Ванюшина Н.А.

NAVanushina@pushkin.institute

канд. филол. наук,

доцент Государственного института русского языка

им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Сравнительная характеристика описания животных в русских и китайских народных сказках (на примере описания лошадей)

Ключевые слова: народные сказки, компаративный анализ, ценностные характеристики.

Аннотация. В статье рассматриваются способы описания животных в сказках, выделяются основные эпитеты и метафоры, анализируются сюжеты. Компаративный анализ образов животных в текстах сказок позволяет выделить некоторые основные ценностные ориентиры, свойственные русской и китайской культурам.

Hu Xuefeng

Vanyushina N.A.

Comparative characteristics of animal descriptions in Russian and Chinese folk tales (using the example of horse descriptions)

Keywords: folk tales, comparative analysis, value characteristics.

Abstract. The article discusses the ways to describe animals in fairy tales, highlights the main epithets and metaphors, and analyzes the plots. Comparative analysis of animal characters in fairy tales allows us to identify the main value orientations that are characteristic of Russian and Chinese cultures.

Волшебные сказки каждого народа – одни из древнейших. Именно в них находят отражение древнейшие языческие представления – вера в хозяев лесов (медведь), морей (морской царь), гор (Змей Горыныч) и культ предков. Главные герои наделены исключительно положительными характеристиками:

244 | они добры, сильны, борются за правду и справедливость. Китайская сказка обозначается тремя понятиями: волшебная сказка (xiān huà 仙话), сказка, миф (gùshi 故事, 神话), детская сказка (tóng huà 童话). Особый интерес представляют волшебные сказки, сравнимые с мифом, легендой и вымыслом. С давних времен люди хотели объяснить доступными средствами непонятные человеку явления природы, наделяя животных характеристиками, свойственными человеку. Именно в сказках находят отражение слова-реалии, которые представляют особый интерес при изучении русского языка как иностранного [2].

В отличие от русских сказок повествование в китайской начинается с описания конкретной местности. Например: «Давно это было, в маленькой деревне Хотун, что на берегу реки Хэйлунцзян...»; «Есть в Китае маленькая деревушка Хань...». Для русской сказки характерно описание действия или проблемы.

Многие народные сказки имеют интернациональный характер, это позволяет нам говорить об общности системы ценностей, о том, что народы прошли схожий путь своего развития. Передаваясь из поколения в поколение, сказки формируются и дополняются со временем. Однако, несмотря на определенную схожесть сюжета, они несут в себе особенности национальной культуры и понимания окружающего мира. Как в китайских, так и в русских сказках путем преодоления трудностей герои демонстрируют образцы поведения, становясь примерами для подражания и выполняя важную воспитательную функцию для маленьких читателей.

Проведение анализа характеров главных героев сказок представляют наибольший интерес для изучения, так как их описание дает возможность проследить особенности восприятия реальной действительности, психологии, выделить ценностные характеристики той или иной культуры и особенности восприятия добра и зла. Образы отрицательных героев, как им и положено, жестоки, коварны и алчны. Их нелюбезный облик выгодно оттеняет образ положительного героя. Борьба между светлым и темным началом всегда держит в напряжении маленьких читателей, позволяя им на протяжении всего повествования самим разобраться в том, что и кто является плохим или хорошим.

В русских и китайских народных сказках животные часто выступают героями, наделенные автором чертами человека. Наше исследование рассматривает описание лошадей в русских и китайских народных сказках. Образ коня в русских народных сказках берет начало из древних славянских мифов. Славяне почитали коня больше, чем других животных, поскольку предки большинства народов Евразии вели кочевой образ жизни. Здесь мы видим великолепного Золотого коня, бегущего по небу, сравниваемого с солнцем. Описывая своего героя, как «добрый конь», «волшебный конь», «богатырский конь», автор дает ему исключительно позитивную характеристику, подчерки-

вая его силу и выносливость. Волшебного коня в русских сказках называют «Сивка-бурка-вещий каурка». Эпитет «бурый» является родственным таким словам, как «буря», «буран», имея значение «метель», «вихрь», «бурлить», «шуметь», «бушевать». У такого коня цвет шерсти сравнивается с описанием наступающей бури, такой образ несет в себе неукротимую силу и скорость. В русских народных сказках буйные ветры, несущиеся облака, грозовые тучи, мелькающие молнии называются небесными конями. Приведем пример: «Зашумели ветры, заблестали молнии, затопали копыта, задрожала земля, и показался конь из коней; летит как вихрь, из ноздрей пламя, из очей искры сыплются, из ушей дым валит...» [1, с. 72]. Данное описание воплощает в метафорической форме всю силу и мощь русского коня, который сравнивается с грозной грозовой тучей. Здесь мы видим упомянутый выше бурый цвет, необычайную скорость, полеты в облаках, способность перескакивать через моря и горы, а также топот, от которого земля дрожит. Изображение солнечного коня сохранилось и в убранстве русской избы. Амулет с конской головой или подковообразной формой в сочетании с солнечным знаком считается мощным амулетом. В сказке «Жар-птица и Василиса Прекрасная» конь главного героя обладает необычайной силой, мудростью и волшебством. Конь также являлся очень ценным подарком.

Китайцы считают, что конь – самое совершенное и идеальное изображение животных в реальном мире, и он воплощает национальный дух, идеи настойчивости и борьбы. В Древнем Китае людей, обладающих способностями и талантами, сравнивали с конями, у Чжоу Тяньцзи (монарх в династии Чжоу) есть «восемь коней», что символизирует его многочисленные таланты. В древнем Китае конь помогал крестьянам в их нелегком труде, представляя силу, выносливость и трудолюбие. Так, в сказке «Маленькая лошадь, пересекающая реку» даже совсем маленький жеребенок везет зерно на мельницу, с большим трудом преодолевая коварную реку.

Таким образом, в русских и китайских народных сказках образ коня идентичен. В обеих культурах животные достаточно часто становятся действующими лицами, что связано с общностью в восприятии окружающего мира.

Литература

1. Белякова Г.С. Славянская мифология. – М.: Просвещение, 1995. – 240 с.
2. Ванюшина Н.А. Особенности обучения безэквивалентной лексике в практике преподавания русского языка как иностранного (для немецкоязычных студентов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3 (136). – С. 80–84.

Глагол-связка и формирование категории состояния в русском языке

Ключевые слова: глагол-связка, категория состояния, переход, предикативные предложно-падежные формы.

Аннотация. Статья посвящена анализу тесной связи категории состояния с глаголом-связкой, особенно со связкой быть. Глагол-связка не только функционирует как грамматический показатель времени и наклонения аналитической формы категории состояния, но и имеет важное значение в переходе других грамматических категорий в категорию состояния. Следствием перехода становится редукция лексических значений глагола-связки.

В современном русском языке актуализируется развитие синтаксических структур, построенных по схеме «подлежащее со значением лица + связка + предложно-падежная форма существительного» как значимой составной части категории состояния. При употреблении с предикативными предложно-падежными формами у связки *быть* проявляются иные синтаксические и семантические признаки, чем в соединении с безлично-предикативными словами на *-о*.

Huang Yangyu

Verb-conjunction and formation of the state category in Russian language

Keywords: verb-conjunction, category of state, transition, predicative prepositional-case forms

Abstract. The article is devoted to the analysis of the close connection of the category of state with the verb-conjunction, especially with the conjunction быть. The verb-conjunction does not only function as a grammatical indicator of the tense and mood of the analytical form of the state category, but also has an important role in the transition of other grammatical categories to the state category. The result of the transition is a reduction of lexical meanings of the verb-conjunction.

In modern Russian, the development of syntactic structure constructed according to the scheme «subject with the meaning of the person + conjunction + prepositional-case form of the noun» as a significant component of the category of state is updated. When used with predicative prepositional-case forms, the conjunction *быть* shows different syntactic and semantic features than when combined with impersonal-predicative words on *-о*.

В нашем исследовании рассматривается связь между категорией состояния и глаголом-связкой. Вопрос о возникновении категории состояния как особой части речи тесно связан с историей семантико-грамматического развития глагола *быть*.

Самый процесс перехода глагола *быть* в категорию связки разъясняется В.В. Виноградовым: «Термины, служащие для обозначения понятия *быть*, первоначально имели более конкретное значение, выражая определенную форму *бывания*, т. е. *пребывания в определенном состоянии и, в особенности, пребывания в том или ином месте*. Лишь на почве длительного процесса дифференциации постепенно образуется абстрактное значение бытия в смысле существования» [2, с. 333]. На этом основании устанавливается использование глагола *быть* как связки.

У связки *быть*, по существу, не являющейся глаголом, сохранены отдельные грамматические значения глагола: времени и наклонения. С помощью связки *быть* у категории состояния сформированы специфические аналитические формы выражения грамматических категорий времени и наклонения: настоящее время выражается нулевой связкой (*Мне больно; На улице жарко*), прошедшее и будущее время, а также формы сослагательного наклонения образуются посредством присоединения соответствующих форм связки *быть* (*Было / было бы стыдно; Будет жарко на улице.*). В соответствии с выраженным связкой грамматическим значением времени, слова категории состояния и обозначают изъявительное наклонение (*Мне было душно в автобусе*).

Глагол-связка также имеет важное значение в переходе других частей речи в категорию состояния. Нас особенно интересуют функции глагола-связки в переходе наречий в категорию состояния. В употреблении наречий в сочетании с вспомогательными глаголами значение признака действия ослабляется. Когда речь идет о сочетании наречий с отвлеченной связкой *быть*, то наречие приобретает предикативность, и возникают предикативные наречия.

Аналогичный процесс наблюдается и в переходе качественно-обстоятельственных наречий, выраженных предложно-падежными формами существительного, в категорию состояния. Для того чтобы проанализировать процесс грамматической категоризации семантики состояния и близость конкретной языковой единицы к наречиям или к категории состояния, можно применить шкалу переходности, разработанную В.В. Бабайцевой. «Ось $A \rightarrow AB \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B$ демонстрирует различное соотношение совмещенных свойств сопоставляемых явлений» [1, с. 133]. А и Б обозначают сопоставляемые равноправные члены оппозиции, обладающие полным набором дифференциальных признаков. «АБ, АБ, аБ – это переходные соединительные ступени, или звенья, отражающие взаимодействие между соотносительными (противопоставленными) явлениями» [1, с. 133].

Возьмем несколько предложений со словоформой *в ужасе* в соединении с различными глаголами-связками и попробуем квалифицировать эту сло-

248 | воформу как часть речи, используя шкалу переходности В.В. Бабайцевой (А – наречие, Б – категория состояния):

А – *Враги побегут в ужасе*;

АБ – *Мальчик и вовсе застыл в ужасе*.

АБ – *Даже мой Бум порой бывает в ужасе*.

аБ – *К утру я был от него в ужасе*.

Б –

В звене А наиболее четко обнаруживаются дифференциальные признаки качественно-обстоятельственного наречия: словоформа в ужасе выполняет функцию обстоятельства, примыкающего к глаголу *побегут* и означающего психологическое состояние при выполнении данного действия. В звене АБ активность глагола *застыл* уменьшилась по сравнению с глаголом *побегут* в первом варианте. И соответственно усиливается синтаксическая позиция словоформы *в ужасе*. В звене АБ словоформа сочетается с вспомогательным глаголом *бывает*, который теряет значение конкретного действия и обозначает недейственное состояние. Грамматическая тяжесть сместилась на словоформу, выступившую как основная часть аналитической формы составного сказуемого. Переход совершен в звене аБ: словоформа становится ядром аналитической формы сказуемого, в состав которой связка входит только как грамматический показатель определенного времени и наклонения. Звено Б у словоформы отсутствует, так как рассматриваемые словоформы не обладают полным набором дифференциальных признаков категории состояния – члены этого звена относятся к периферии категории состояния. Ядром системы являются безлично-предикативные слова.

В русском языке активно развивается группа предикативных предложно-падежных форм существительного с семантикой состояния. В отличие от безлично-предикативных слов на -о, рассматриваемые лексемы употребляются в двусоставном предложении. Например, *Родители Пастернака были в ужасе от его новых знакомств и называли нехорошую квартиру клоакой* [Владимир Абашев. Раскованный голос (Всеволодо-Вильва в судьбе Бориса Пастернака) // «Наука и жизнь», 2009]. *В общем, я в шоке – ко всему ещё Санька без меня никогда не оставался, не спал, не ел...* [Наши дети: Подростки (2004)]. *Яркие костюмы, громкая музыка, дети в восторге* [Северная сказка // «Экран и сцена», 2004.05.06]. В этих предложениях связка находится в двойных отношениях с подлежащим и предикативными предложно-падежными формами.

Выводы таковы: 1. В качестве грамматического показателя времени и наклонения связка является не отдельным служебным словом, а необходимым компонентом аналитической формы слов категории состояния. 2. В процессе трансформации других грамматических категорий в категорию состояния семантический центр тяжести сместился на словоформу, у которой

смысловая связь с подлежащим оказалась сильнее. Следствием становится эллипсис глагольной формы. 3. При употреблении с предикативными предложно-падежными формами у связки *быть* проявляются иные синтаксические и семантические признаки, чем в сочетании с безлично-предикативными словами на *-о*. Она служит не только грамматическим показателем времени и наклонения, но и синтаксическим «узлом» между подлежащим и предикативными предложно-падежными формами.

Литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. – М.: Дрофа, 2000. – 133 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 333 с.

Хэ Лицзюань

boliya964@gmail.com

магистрант

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкин

Москва, Россия

магистрант Педагогического университета Центрального Китая

Ухань, Китай

Стровский М.Д.

saint-michel@yandex.ru

старший преподаватель

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Россия

Перевод прецедентов «дяньгу» в аспекте теории релевантности (на примере речи Си Цзиньпина)

Ключевые слова: дяньгу, стратегии перевода, теория релевантности, культурная адаптация.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию перевода прецедентов «дяньгу» с точки зрения теории релевантности. В статье рассматриваются стратегии перевода некоторых дяньгу из речи Си Цзиньпина на русский язык.

He Lijuan

Strovsky M.D.

Translation of the precedents Diangu from the aspect of the theory of relevance (on the examples of Xi Jinping's speech)

Keywords: diangu, translation strategy, relevance theory, cultural adaptation.

Abstract. This article is devoted to the study of the translation of the precedents Diangu from the point of view of relevance theory. The article discusses strategies of translating some of the diangu from Xi Jinping's speech into Russian language.

Под термином «дяньгу» понимаются классические прецеденты, сюжеты, цитаты из классических источников, афоризмы, крылатые слова и выражения [1, с. 658]. Дяньгу представляют собой квинтэссенцию китайского языка, обладающую сжатостью конструкции и ясностью семантики. Дяньгу употребляются не только в китайской поэзии, но и в медиатекстах КНР как экспрессивное и оценочное средство.

Характерной чертой современного китайского медиадискурса является использование дяньгу, и председатель КНР Си Цзиньпин в своих докладах активно использует дяньгу из произведений китайской древней прозы и поэ-

зии, летописей и разных канонических книг, благодаря чему сформировался его особый индивидуальный стиль речи. Дяньгу включают в себя глубокое культурное содержание и специфику китайской истории, что затрудняет их перевод на русский язык. Перевод прецедентов «дяньгу» с китайского языка – это не только феномен межъязыковой коммуникации, но и перевод с древнего китайского на современный. Для наиболее успешного понимания значения и культурологического компонента дяньгу носителями другой культуры целесообразным представляется переводить такие выражения с помощью теории релевантности, предоставляющей наиболее широкие возможности для культурной адаптации при переводе.

Теория релевантности, созданная английским учёным Д. Уилсоном и французским учёным Дэном Спербером, в основе своей содержит два важных принципа: когнитивный принцип релевантности и коммуникативный принцип релевантности [2, с. 170]. Теория релевантности создана для научного описания процесса коммуникации и подходит для исследования перевода. Читая дяньгу в текстах СМИ, носители исходного языка обычно легко находят оптимальную релевантность и понимают культурное содержание таких выражений несмотря на то, что дяньгу включают в себя большое количество культурно-маркированных лексических единиц. Если эти дяньгу перевести буквально, читатели переведенного текста не всегда могут правильно понять мысли говорящего в связи с отсутствием соответствующих культурных реалий или противоречием с культурными реалиями [3, с. 135]. В соответствии с принципом оптимальной релевантности данная теория помогает переводчикам осуществлять наилучшую культурную адаптацию при переводе дяньгу.

В том случае, когда допущение культурной реалии в дяньгу уже существует в сознании читателей переведенного текста, можно воспроизводить релевантное допущение лексическим переводом. Например, 如履薄冰, 如临深渊 (будто ступать по тонкому льду, словно стоять на краю бездны); 明镜所以照形, 古事所以知今 (глядя в зеркало мы видим, как изменились сами, глядя в прошлое мы видим, как изменится будущее); 天下大事必作于细 (большие проблемы Поднебесной надо сделать маленькими). Когда читатели не могут посредством собственного умозаключения вывести релевантное допущение значения дяньгу, переводчику нужно дать дополнительное объяснение. Например, дяньгу 治大国若烹小鲜 (управление государством подобно приготовлению рыбёшки, требует минимального вмешательства) употребляется в значении: «Эффективное правительство требует минимального вмешательства». Такие способы перевода ещё не касаются культурной адаптации.

Когда трудно найти оптимальную релевантность в сознании читателей, в этом случае лучше искать аналог культурной реалии дяньгу в языке, на который переводится текст. Например, 君子一言, 驷马难追 (слово не воро-

252 | бей, вылетит не поймаешь): в этом дянью компоненты «君子» (благородный муж) и «驷马» (упряжка из четырёх лошадей) отражают специфику китайской культуры, и буквально фраза переводится как «если достойный человек сказал слово, то его не вернёшь и на упряжке из 4 лошадей». В русской картине мира такого понятия нет, поэтому, чтобы добиться оптимальной релевантности, лучше заменить данное выражение на существующую русскую поговорку. В дянью 鞠躬尽瘁, 死而后已 (отдавать все свои силы и энергию, пока не перестало биться сердце) компонент «鞠躬» значит *кланяться*, а компонент «尽瘁» значит *самозабвенно работать*. В сознании большинства русских читателей не существует допущение «кланяться связано с самозабвенно работать», и буквальное воспроизведение этого допущения не вызывает оптимальную релевантность, поэтому в этом случае необходимо трансформировать допущения в тексте перевода в целях культурной адаптации.

Использование дянью в текстах СМИ повышает эффективность коммуникации благодаря тому, что критическая оценка может быть выражена в оригинальной, «неагрессивной» и более приемлемой форме. В связи с этим перевод дянью также занимает важное место в трансляции ценностей китайского менталитета. Теория релевантности предоставляет переводчикам научный и наиболее оптимальный вариант для выбора адаптирующей стратегии перевода.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1983–1984. – Т. 1–4. – С. 658.
2. Кильмухаметова Е.Ю. Основные понятия теории релевантности // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 291. – С. 170–172.
3. Ло Мэн. Культурная адаптация при переводе в аспекте теории релевантности (на примере китайско- и русскоязычных переводов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 22 (761). – С. 129–140.
4. Си Цзиньпин использует дянью / Сост: отдел коммент. и рецензий газ. «Жэньминь жибао»; коммент. Ян Лисиня. – Пекин: Жэньминь жибао, 2015. – С. 161–170 (на кит. яз.).

1171194756@qq.com

студент Гуандунского университета иностранных языков
и международной торговли
Гуанчжоу, Китай
студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Бабенко А.В.

AVBabenko@pushkin.institute

ассистент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Фразеологизмы с цифровыми компонентами «три» и «семь» в русском и китайском языках

Ключевые слова: фразеологизмы, цифры, три, семь, русский язык, китайский язык, культура.

Аннотация. Данная статья выполнена в сопоставительно-контрастивном аспекте. Материалом исследования являются русские и китайские фразеологизмы, имеющие в своей структуре цифровые компоненты «три» и «семь». Подчеркивается целесообразность изучения фразеологии такого рода иностранными учащимися для осуществления удачной коммуникации на изучаемом языке.

Ji Tuo

A.V. Babenko

Phraseological verbs with numerical components three and seven in Russian and Chinese language

Keywords: phraseological verbs, numbers, three, seven, Russian, Chinese, culture.

Abstract. This article is made in a comparatively contrastive aspect. The research material is Russian and Chinese phraseological units with numerical components “three” and “seven” in their structure. The expediency of studying this type of phraseology by foreign students to ensure successful communication in the language being studied is emphasized.

Изучение фразеологизмов с цифровыми компонентами тесно связано с цифровой символикой. Важно учитывать сопоставительно-контра-

254 | стивный аспект в обучении китайских учащихся русским фразеологизмам, поскольку такие символические понятия, как цифры, обычно закрепляются в лингвокультурологии народа и неизбежно влияют на психологию обучающихся иностранному языку.

По определению Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина, фразеологизм – это «семантически несвободное сочетание слов (фразеологические единицы), которые воспроизводятся в речи в закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-семантического состава» [1, с. 370]. Также отметим, что в проведенном исследовании мы придерживались широкого понимания фразеологии и относили пословицы и поговорки к фразеологизмам, поскольку они несут в себе достаточно большую культурную и символическую значимость для обучающихся.

Цифровая культура и обычаи широко распространены у каждого народа и имеют свои особенности. На наш взгляд, наиболее интересными, с точки зрения частотности употребления как в русском, так и в китайском языках, являются фразеологизмы с цифровым компонентом «три» и фразеологизмы с цифровым компонентом «семь».

В русской культуре число «три» считается священным, т.к. это первая цифра, которая имеет в своем значении слово «всё». Это «небесное» число, символизирующее душу, имеет символический характер для христианства. Также в России существует понятие «сила трех», которое олицетворяет трехчастную природу мира: небо, земля, вода; рождение, жизнь, смерть; прошлое, настоящее, будущее; начало, середина, конец. Известной считается примета «третий раз – удачный». Она прослеживается в народных сказках: герои имеют три желания, исполнение которых происходит только в третий раз; часто нужно выдержать три испытания или три попытки, чтобы добиться благоприятного результата. Также в фольклоре обычно встречаются три царевича, три ведьмы, три феи (две добрые и одна злая). Что же касается языковых средств, то слова «тридевятый», «тридесятый», имеющие в составе слово «три», сочетаются со словами «царство», «государство». Они встречаются в сказках, легендах и имеют такие значения: 1) далекая страна; 2) очень далекое (захолустное) место. В русском языке широко представлены фразеологизмы, пословицы и поговорки с компонентом «три», например: *в три ручья плакать / рыдать* имеет значение долго и сильно плакать; *в трёх шагах* – находиться на близком расстоянии от чего-либо или кого-либо; *в три шеи гнать / выгонять* кого-либо – решительно и грубо прогнать кого-либо; *до третьих петухов* – до рассвета, т. е. долго; *третий лишний* – употребляется тогда, когда дело касается только двух человек; *обещанного три года ждут* – говорят шуточно, когда не верят в скорое выполнение кем-то данных обещаний или когда исполнение того, что обещано, затягивается на неопределённое время и т.д.

В китайской культуре отношение к цифре «три» имеет некоторую схожесть с русским отношением к данной цифре. В древности считалось, что мир управляется посредством трех начал – светил, звезд и чисел, а согласно «книге Перемен» это число объединяет небо, землю и человека. В «Дао-Дэ Цзин» («Книга пути и достоинства») можно найти пример такого понимания зарождения мира: «Дао рождает одного, одно рождает два, два рождает три, три рождает все сущее. Все сущее носит в себе *ян*, обнимает *инь*, и они пребывают в гармонии». Таким образом «три» считается привлекательной цифрой для китайского народа и используется достаточно часто. «Три» означает рост, развитие и стремление к реализации задуманной цели; удачу, успех. В китайском языке слово «три» (三 – *san*), кроме значения количества, имеет значение «много; слишком; крайность; скудность». Например, 三思后行 (*san si hou xing*) означает «много раз думать, потом делать»; 三令五申 (*san ling wu shen*) – много раз давать распоряжения и предупреждения; 三番五次 (*san fan wu ci*) – много раз. В «Китайском фразеологическом словаре» есть 78 фразеологизмов, в которых компонент «три» стоит на первом месте и является смысловым. Приведем некоторые примеры: 三足鼎立 (*san zu ding li*) – взаимное противопоставление трех держав; 三人成虎 (*san reng cheng hu*) – ложь, повторенная три раза, становится правдой; 三更半夜 (*san geng ban ye*) – середь ночи в третью стражу, т. е. глубокой ночью; 三朝元老 (*san chao yuan lao*) – хорошо подготовленный, высокообразованный человек; 三竿日上 (*san gan ri shang*) – солнце уже высоко, позднее утро; 三绝韦编 (*san jue wei bian*) – усердно читать, старательно заниматься и т.д. Также интересным по своему значению является фразеологизм 入木三分 («Тушь пропитала доску на глубину трех фэней») – написать с изумительной силой; высказать глубокое суждение; коснуться самого существа, самой сути.

Цифра «семь» как в русском, так и в китайском языке также имеет высокую частотность употребления, является достаточно популярной и любимой. В обеих культурах эта цифра считается благоприятной, счастливой и везучей.

В русском языке существует много фразеологизмов с компонентом «семь», и обычно они имеют значение «далеко» или «много». Например, *за семью замками* означает: что-то тщательно спрятано или надежно охраняется; *семь потов сошло* выражает максимум усилий для выполнения, осуществления чего-то; *семь пятниц на неделе* означает, что человек много раз изменяет планы (этот фразеологизм носит негативный оттенок); *работать за семерых / есть за семерых* – очень много, так, как могут семь человек. Стоит отметить, что данные фразеологизмы имеют одно общее значение – «много». Фразеологизм *на седьмом небе* имеет интересное и глубокое значение. В древности считалось, что небесный свод состоит из семи хрустальных сфер – небес. Эти семь небес состоят из разного материала: чистого серебра, чистого золота, жемчуга, белого золота, простого серебра, рубина и недоступного святого

256 | огня. На седьмой сфере, самой удаленной от земли, находилось «царствие господне», это место труднодоступно, чтобы попасть туда, нужно творить больше добра, поэтому пребывание *на седьмом небе* представляет собой нечто очень приятное, человек испытывает наслаждение и счастье.

Кроме этих фразеологизмов существует большое количество пословиц и поговорок с компонентом «семь», например, *семеро одного не ждут* – несколько человек не обязаны ждать одного опаздывающего; *семи пядей во лбу* – очень умный человек (предполагается, что высота лба пропорциональна уму); *у семи нянек дитя без глазу* – дело выполняется плохо, неудовлетворительно, когда за него отвечают сразу несколько человек; *семь раз отмерь, один раз отрежь* – перед тем как сделать, решить что-либо ответственное, серьезное, нужно тщательно обдумать, все предусмотреть; *семь бед – один ответ* – кто-либо, зная за собой какие-либо проступки, снова идет на риск, будучи готовым отвечать за все сразу.

В китайской культуре цифра «семь» (七 – qī) связана с «семью светилами» ци син (七星), «семью нотами» ци шэн (七声), является благоприятным, благородным и великим числом. В китайском языке также достаточно большое количество фразеологизмов с компонентом «семь» (七 – qī) помимо положительных значений носит нейтральное и отрицательное значение (значения «несчастье», «неудача», «бедствие»), например, 乱七八糟 (luan qi ba zao) – в полном беспорядке; 七窍生烟 (qi qiao sheng yan) – выйти из себя, метать громы и молнии, кипеть от злости; 七上八下 (qi shang ba xia) – находиться в состоянии растерянности; 七手八脚 (qi shou ba jiao) – суетиться; 七嘴八舌 (qi zui ba she) – болтать языком, трепаться; 横七竖八 (heng qi shu ba) – разрезанный во всех направлениях, т. е. вещи расположены на разных местах и комната находится в полном беспорядке и др.

Овладение цифровой культурой разных народов помогает обучающимся избавиться от психологических барьеров в языковой коммуникации. Через сравнение употребления в речи фразеологизмов с цифровым компонентом в русском и китайском языках раскрываются обычаи, традиции, менталитет двух народов. С помощью сопоставительно-контрастивного анализа фразеологизмов русского и китайского языков предоставляется возможность выявить их общие и индивидуальные языковые свойства, а включая в обучение устойчивые выражения с цифровыми компонентами, обучающиеся могут лучше понять не только язык, но и культуру в целом.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. – М.: Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.

2. Бабенко А.В. Роль языковой картины мира в системе преподавания фразеологии в иностранной аудитории // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 3 (268). – С. 60–63.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Эксмо, 2010. – 896 с.
4. Мэн Цинжун. О цифровой символике в русском языке на фоне китайской лингвокультуры. – М.: Вестник РУДН, 2007. – №4. – С. 45–49.
5. 中文短語詞典 1987. (Китайский фразеологический словарь)
6. 俄汉成语词典. 湖北: 湖北人民出版社. 1981. (Русско-китайский фразеологический словарь).

Цзя Цзыяо
1452596858@qq.com
студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
студент Тяньцзиньского университета иностранных языков
Тяньцзинь, Китай

Шурупова И.В.
IVShurupova@pushkin.institute
старший педагог
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Займствования-китаизмы в русском языке

Ключевые слова: займствования-китаизмы, русский язык, культура, лексико-семантическая группа.

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с активизацией процесса лексического займствования из китайского языка. Отмечается, что этот процесс является следствием развития политических, экономических и культурных связей между Россией и Китаем. В статье рассматриваются семантическая классификация займствованных слов-китаизмов и особенности их освоения русским языком.

JiaZiyao
Shurupova I.V.

Chinese borrowings in Russian

Keywords: Chineseborrowing, Russian language, culture, lexico-semantic group.

Abstract. The article is devoted to topical issues related to the activation of the process of lexical borrowing from the Chinese language. It is noted that this process is a consequence of the development of political, economic and cultural ties between Russia and China. The article deals with the semantic classification of Chineseborrowing and the peculiarities of their development in the Russian language.

Язык как самый традиционный и прямой способ общения людей ещё с древних времен тесно связан с прогрессом сообщества, развитием культуры и культурной интеграцией. Развитие любого языка происходит под влиянием множества самых различных факторов, которые неизбежно приводят к проникновению в этот язык новых слов. Займствования из других языков – это вполне закономерный и обоснованный процесс, и избежать его невозможно, если народ страны не живет полностью изолированно от остального мира.

Китай и Россия имеют более чем 300-летнюю историю политических, экономических, военных, торговых и культурных связей. В настоящее время эти связи еще больше развиваются и укрепляются, поэтому взаимное влияние культур и языков двух стран является неизбежным. Проникновение в современный русский язык китаизмов связано также с появлением в жизни россиян новых китайских предметов и понятий. Однако следует отметить, что заимствованных слов из китайского языка, вошедших в русскую речь, значительно меньше, чем из английского, латинского, греческого, французского, немецкого, тюркского языков. По неполной статистике в русском языке больше 100 слов китайского происхождения. Эти слова были заимствованы из разных областей жизни китайского народа: философии, религии, политики, культуры, спорта, питания, быта и т. д.

Все китаизмы можно объединить в различные лексико-семантические группы (ЛСГ). Например, в ЛСГ, включающие слова, связанные:

- с традиционной китайской мыслью, религией, политикой: маоизм (毛泽东思想) – система идеологических установок Мао Цзэдуна, даосизм (道教) – направление древнекитайской философии, гоминьдан (国民党) – консервативная политическая партия Китайской Республики;

- с традиционными китайскими видами спорта: ушу (武术) и кунфу (功夫) – виды боевых искусств;

- с традиционным китайским питанием: тофу (豆腐) – пищевой продукт из соевых бобов, богатый белком, личи (荔枝) и манго (芒果) – виды фруктов, минтай (明太鱼) – рыба, кетчуп (番茄酱) – соус;

- с названием растений и плодов: чай (茶) – напиток и лист чайного куста, обработанный и подготовленный для приготовления напитка, байховый (白花) чай – вид чая, женьшень (人参) – многолетнее лекарственное растение;

- с предметами быта: кан (炕) – лежанка в жилище китайского крестьянина, вок (锅) – круглая глубокая китайская сковорода с выпуклым дном маленького диаметра и т.д.

Проникая в русский язык, китайские слова приспособляются к фонетической, грамматической и семантической системам языка. Причем 99% заимствованных из китайского языка слов являются существительными. Как правило, большинство слов китайского происхождения приобретает новые грамматические категории (род, число и падеж) и изменяются по падежам. Частой причиной заимствования китайских слов в русском языке является отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора [1, с. 30], например, кан (炕), жемчуг (珍珠), фэн-шуй (风水). Китайские имена и фамилии, названия мест и наименования товаров передаются на письме с помощью транслитерации. Существуют также кальки и полукальки. Например, иглоукалывание (针灸), поднебесная (天下), маоизм (毛泽东思想), даосизм (道教).

260 | Несмотря на различные процессы заимствования, русский язык сохранил свою полную самостоятельность и, по мнению многих лингвистов, лишь обогатился за счёт заимствованных слов.

Литература

1. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы // Пособие для иностранных студентов-русистов. – Владивосток: Диалог-МГУ, 1997. – 308 с.
2. Сирожиддинов Ш.Ш. Межъязыковое контактирование как отражение социально-культурной интеграции в современном мире // Филология и лингвистика в современном обществе / Материалы III Международной научной конференции. – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 99–103.
3. Фомина М.И. Лексика и фразеология // Современный русский язык / М.И. Фомина. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 11–66.
4. 郭谷兮.语言学教程[M]. 西安:陕西人民教育出版社, 1987.

Цун Жун

690140160@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Юго-Западного университета

Чунцин, Китай

Головаха Е.И.

YGolovakha@pushkin.institute

ассистент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Каша в русской и китайской культурах

Ключевые слова: каша, еда, культура, сравнение.

Аннотация. В данной работе понятие «каша» рассматривается как важный компонент культур России и Китая, анализируются фольклорные и литературные источники. Фиксируются основные сходства и различия влияния «каши» на русскую и китайскую культуру.

Cong Rong

Golovakha E.I.

Porridge of Russia and China

Keywords: porridge, food, culture, comparison.

Abstract. In this paper porridge is regarded as an important part of Russian and Chinese culture, and the sources of folklore and literature are analyzed. It records the main similarities and different influences of Russian and Chinese culture.

Каша является одним из самых распространенных блюд в культурах питания России и Китая, а данная лексема относится к центральным понятиям концепта «Еда» и отражает как сходства, так и различия в русской и китайской лингвокультурах.

1. Каша в китайской культуре. Словарь Канси дает каше (粥) следующее определение: «густая пища, приготовленная из зерен, таких как рис, чумиза, кукурузные бобы и т.д.». Из риса в Китае готовят сухую кашу (фань) и очень жидкую (фамичжоу), обычно употребляемую на завтрак. Питьевая каша является важным компонентом культуры китайцев. История династии Чжоу гласит, что в 1000 г. до н.э., в марте, когда растут травы, а воздух становится сухим, предотвратить пожары было невозможно. Император приказал людям использовать огонь как можно реже, чтобы не провоцировать пожары. Тогда

262 | людей спасла каша, которой они питались, готовив ее один раз в три дня, чтобы сократить использование огня.

Каша в китайской культуре – не только средство насыщения, но и лекарство. В исторических записях указано, что знаменитый доктор Чунь Юйи использовал «огненную кашу Ци» для лечения болезни императора Ци [1]. Чжан Чжунцзин, доктор династии Хань, описал это в «Трактате о фебрильных заболеваниях»: «питье горячей каши после приема лекарства поможет лекарству работать» [2].

Еще одно из полезных свойств каши описано в популярном китайском романе «Сон в красном тереме». Героиня Сюэ Баочай говорит: «Вставай каждый день пораньше, бери гнёзда салангани, сахар и готовь кашу. Это лучше, чем любое лекарство» [3]. Сегодня китайцы также придают большое значение лекарственной ценности каши. Считается, что каша из зеленой фасоли помогает пережить жару, утолить жажду, а также спасает от теплового удара. Каша из батата полезна для желудка и увлажнения кожи.

Каша отражает многие обычаи китайцев. В древние времена было популярно использовать кашу, чтобы выразить уважение пожилым людям. В августе по лунному календарю пожилым людям следует давать кашу, чтобы заботиться об их зубах и животе. На празднике «Лаба» в Китае было принято есть кашу Лаба, которая в основном состоит из красной фасоли и многих других ингредиентов. Этот праздник – своеобразная подготовка ко встрече праздника Весны. Этот народный обычай передается и по сей день. У императора династии Тан Ли Шимин есть известная поговорка: «Вода может нести лодку, но она также может опрокинуть лодку». Он сравнил правительственный режим с «лодкой», а простые люди были «водой», поэтому «всякий, кто покоряет сердца людей, покоряет мир, а те, кто теряет сердца людей, теряют мир». Сейчас появилась новая версия этой пословицы: «Вода может нести лодку и готовить кашу». Каша во многих случаях является символом жизни и надежды.

2. Каша в русской культуре. Каша – важнейшее блюдо русской кухни. В словаре Д.Н. Ушакова дается следующее определение каши: «это кушанье из крупы, вареной в воде или молоке». В России каши с давних времен занимали почетное место в ежедневном рационе, являясь, по сути, одним из основных блюд на столе. Об этом и пословицы: «Каша – мать наша»; «Русского мужика без каши не накормишь»; «Густая каша семьи не разгонит». Без традиционной русской каши на столе нельзя было представить ни одно торжество. Кашу готовили на свадьбу, на крестины и именины, на похороны и поминки. В русских летописях сами застолья часто называли «кашей»: например, на свадьбе Александра Невского кашу чинили дважды – одну при венчании в Троице, другую во время всенародного гуляния в Новгороде. Кашей могли назвать свадьбу. В истории сохранилось предание о свадьбе Дмитрия Донского. Рань-

ше было принято «устраивать кашу» у отца невесты. Но Дмитрий Донской считал ниже своего достоинства ехать к нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. А князь отказался ехать в Москву к молодому Дмитрию: ведь последнему было в ту пору всего 16 лет. В конце концов, кашу устроили между двумя городами – в Коломне. От этих хлопотливых «каш», в которые был вовлечен весь город, и родилось выражение *заваривать кашу* (то есть затеять сложное, а иногда и неприятное дело). Готовились рождественские каши и каши по случаю окончания уборки урожая. Девушки готовили кашу на день Аграфены Купальницы из смеси различных круп. Кроме гороховых и зерновых каш, варили рыбные и овощные каши.

Каша может отражать отношения между людьми. О человеке ненадежном и несговорчивом говорят: «С ним каши не сваришь». А пословица «Каша маслом не испортишь» говорит о том, что добавление масла улучшает вкус любой каши, а в переносном смысле – что-либо необходимое, полезное не может помешать делу, испортить что-либо.

В современное время кашу тоже едят часто. Самые популярные каши русской кухни: манная, гречневая, рисовая, овсяная, перловая, кукурузная. Также каша является одним из обязательных блюд солдатской кухни в армии.

Таким образом, мы можем заметить, что каша в русской и китайской традиции – это не просто популярное блюдо, но и важный культурный элемент, отражающий сходства и различия и позволяющий глубже понять особенности России и Китая.

Литература

1. 司马迁 《史记·扁鹊仓公列传》
2. 张仲景 《伤寒论》

Цун Цун
xicali @163.com
 студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
 Москва, Россия
 студент Шанхайского университета иностранных языков
 Шанхай, Китай

Паремузашвили Э.Э.
EEParemizashvili@pushkin.institute
 канд. филол. наук, доцент
 Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
 Москва, Россия

Выражение благодарности в русском языке (с позиции носителя китайского языка)

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, речевой этикет, выражение благодарности, речевой жанр.

Аннотация. Данная статья посвящена речевому жанру благодарности с позиции носителя китайского языка, изучающего русский язык. В статье рассматриваются коммуникативные ситуации, характерные для данного жанра, способы выражения благодарности – прямые и косвенные, а также соотносятся такие понятия, как «благодарность» и «вежливость».

Cong Cong
Paremizashvili E.E.

The expression of gratitude in Russian language (from the perspective of the native Chinese speaker)

Keywords: Russian language, Chinese language, speech etiquette, expression of gratitude, speech genre.

Abstract. This work is devoted to the study of the speech genre of gratitude by Chinese students as part of the practical course of the Russian language. We consider communicative situations characteristic of this genre, ways of expressing of gratitude – direct and indirect, and also relate gratitude and politeness.

Благодарность как речевой жанр в системе речевого этикета играет важную роль в коммуникации людей. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова дано следующее определение этому понятию: «Чувство признательности к кому-н. за оказанное добро, внимание, услугу. *Принять с благодарностью что-н. Принести благодарность кому-н. Сделать что-н. в знак благодарности за что-н. Слова, выражающие эти чувства (разг.). Рассыпаться в благодарностях*» [1].

Как отмечено в словаре, с помощью благодарности выражается признательность. Это понятие связано с категорией вежливости, которое находит своё отражение в речевом этикете. Именно этим обусловлена общеупотребительность данного речевого жанра. Формулы речевого этикета входят в основу любого языка, поэтому при изучении русского языка иностранным студентам необходимо обратить внимание на их специфические черты.

Ниже мы сравним общеупотребительные формулы благодарности в русском и китайском языках, а также рассмотрим коммуникативные ситуации, требующие благодарности.

Как известно, употребительные формулы благодарности в русском языке следующие: *Спасибо! Благодарю (вас)! Большое спасибо (вам)! Я вам очень благодарен (признателен)! У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность (признательность)... Разрешите мне выразить свою благодарность за...* Можно сказать, что для выражения благодарности используются специальные слова или устойчивые словосочетания, такие, как «спасибо» и «благодарю вас». В китайском языке существуют подобные выражения: *xie xie* (спасибо), *gan xie* (благодарю), *shi zai shi tai gan xie nin le* (большое спасибо Вам). Безусловно, наличие дословного эквивалентного перевода играет важную роль в процессе изучения китайскими студентами русского языка.

Однако, кроме прямой благодарности, мы часто используем и её косвенные аналоги, когда выражаем свою признательность без слов благодарности. Типичными косвенными способами являются оценки и комплименты. Например: *Вы очень добры! Мы с вами так хорошо провели время (в гостях)! Благодаря вашим рекомендациям я выздоровел (обращение к врачу).* С помощью таких комплиментов и оценок говорящий также выражает признательность помогающему ему человеку, иногда эмоциональная составляющая при косвенном способе выражения благодарности даже сильнее, чем при прямом. При этом важно понимать, что косвенная благодарность тесно связана с конкретной ситуацией общения, включающей в себя экстралингвистические факторы, с которыми необходимо познакомить китайских студентов, изучающих русский язык.

Как было сказано выше, благодарность связана с вежливостью, это своего рода маркер, благодаря которому мы можем выделить воспитанного человека. В ответ на доброе отношение, оказанную помощь, заботу и услугу человек благодарит. При этом чувство признательности является доминирующим. Например:

- *Поздравляю тебя с днем рождения!*
- *Спасибо!*

Существует и другие ситуации, при которых слова благодарности являются показателем вежливости:

- *Садитесь, пожалуйста.*
- *Спасибо.*

В последнем примере «спасибо» не выражает признательности, это «реакция на действие» [2, с. 161]. Человек так отвечает на конкретное требование, реагирует на какое-то действие, чтобы не поставить другого в неловкое положение и показать своё вежливое отношение к собеседнику.

В заключение отметим, что, изучая русский язык, китайские студенты изначально думают и формулируют мысли по-китайски, после чего переводят их на русский. Эта когнитивная практика является универсальной, так как думать на своем родном языке – это инстинктивное желание, присущее человеку. Однако в результате такого процесса смысл фразы может быть искажен. Например, выражая благодарность, китайцы предпочитают употреблять многословные конструкции, чтобы полностью передать свою признательность. Часто китайцы предполагают, что без помощи того или иного человека они ничего не смогли бы сделать: *shi zai shi tai gan xie ni le, mei you ni wo dou bu zhi dao gai zen me ban cai hao, zhen shi bang le da mang le!* Это предложение буквально переводится на русский язык так: «Вам большое спасибо, что бы я без вас делал, ваша помощь действительно полезна!» В данном случае типичное русское выражение будет следующим: «Большое спасибо за вашу помощь!» Очевидно, что фраза на русском языке лаконичнее. Поэтому в данном случае дословный перевод может вызвать недоумение и привести к коммуникативным трудностям.

Обобщая сказанное выше, заметим, что одной из главных целей китайских студентов, изучающих русский язык, является адекватное понимание носителей языка, которое невозможно без экстралингвистических знаний, базирующихся на культуре, истории, географии страны. Понимание прагматики речевого этикета «представляет большую проблему для иностранных учащихся, изучающих русский язык» [3, с. 1749].

Как уже было сказано, благодарность и вежливость взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому данный речевой жанр важен не только в аспекте изучения русского языка, но и русской культуры в целом, так как он определяет речевой портрет носителя русского языка.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.
2. У Бо. Речевой жанр благодарности в русском языке (в сопоставлении с китайским) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2014. – № 3. – С. 158–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-zhanr-blagodarnosti-v-russkom-yazyke-v-sopostavlenii-s-kitayskim>.
4. Шутова М.Н. Русский речевой этикет: методика обучения русской интонации иностранных учащихся // VI Конгресс РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России»: Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ. – Уфа, 2018. – С. 1749–1751.

Наглядные материалы при обучении вьетнамских студентов РКИ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, наглядные материалы, вьетнамские студенты.

Аннотация. В статье поднимается проблема использования наглядных материалов на уроках русского языка как иностранного (РКИ) при обучении вьетнамских студентов.

Tran Thi Thoa

Tatarinova N. V.

Visual Aids for Teaching Vietnamese Students

Keywords: Russian as a foreign language, visual aids, Vietnamese students.

Abstract. The article raises the problem of using visual materials in the lessons of Russian as a foreign language (RFL) when teaching Vietnamese students.

По Э.Г. Азимову, А.Н. Щукину, термин «наглядность» может быть использован в двух значениях:

- а) как опора в процессе обучения на дидактический принцип наглядности, согласно которому обучение строится на конкретных образах, непосредственно воспринимаемых учащимися;
- б) как использование на занятиях специальных средств обучения.

На занятиях по русскому языку при обучении вьетнамских студентов большую роль играет звуковая наглядность. Основным способом реализации звуковой наглядности является аудиозапись. Аудиозапись выполняет важную дидактическую функцию, она представляет собой речевой образец, произносимый носителями языка. Вьетнамские студенты на занятиях часто воспринимают на слух русскую речь только одного или двух преподавателей. За пределами учебной аудитории вьетнамцам бывает очень непросто распознать, о чем говорят носители русского языка, поэтому на практике

268 | целесообразно предъявлять слушателям аудиозаписи, например, диалогов, телефонных разговоров и т.д. Тематика аудиозаписей должна быть актуальна как для бытовой, так и для социально-культурной сфер общения, потому что вьетнамские студенты достаточно любознательные и хотят понимать не только разговоры на бытовые темы, но и полезную информацию об истории и культуре России.

Вьетнамские студенты часто стесняются сказать, что они не поняли аудиозапись, поэтому после прослушивания аудиозаписи преподаватель обязательно должен провести беседу со слушателями и определить уровень понимания услышанного материала. Сначала вьетнамские студенты «боятся» аудирования и получают плохие оценки. Но со временем благодаря регулярному использованию звуковой наглядности вьетнамцы постепенно привыкают к такой работе и показывают хорошие результаты.

Вьетнамцы – это очень веселые, артистичные люди, поэтому на уроках по русскому языку они любят, когда преподаватели начинают использовать моторную наглядность. Моторная наглядность, как известно, передается через мимику, жесты, движения, экспрессивную интонацию, через забавные и полезные игры. Передача информации на языке тела помогает студентам снять стресс и легче понять и запомнить слова и выражения. На уроках моторная наглядность создает благоприятную психологическую атмосферу, мотивирует коммуникативную активность слушателей, делает учебную ситуацию более естественной, заставляет собеседника эмоционально реагировать и снимает языковой барьер.

Чрезмерное использование игр и средств наглядности в учебном процессе может вызвать эмоциональную перегрузку учащихся любого возраста. Они будут быстрее уставать и перегружаться, поэтому приветствуется использование физкультурных минуток как важного средства предупреждения утомления учащихся. Физкультурные минутки можно отнести к моторной наглядности, так как при их проведении учащиеся быстро запоминают, например, следующие слова: *встаньте, повернитесь, поднимите, опустите, налево, направо* и т.д.

Зрительная наглядность – самый популярный вид наглядности на уроках иностранного языка. К средствам зрительной наглядности относятся картины, картинки, фотографии, таблицы, схемы, различные карточки. Хочется отметить, что преподаватели должны полностью использовать методический потенциал такой наглядности: например, дать возможность каждому студенту поработать с картинкой. Вьетнамцы очень сдержанные люди, они никогда не скажут преподавателю, что им не хватило времени, чтобы выполнить задание. Так, если преподаватель решил использовать, например, картинку с изображением русской природы, то необходимо подготовить ряд заданий и упражнений.

Несмотря на то, что аудиозаписи, картинки, фотографии очень привлекательны для студентов, не стоит злоупотреблять средствами наглядности на учебном занятии. Включение наглядности в урок должно строго соответствовать ряду условий, прежде всего возрасту учащихся. Необходимо выбирать такие средства наглядности, которые будут способствовать более легкому пониманию и запоминанию новых слов и выражений, будут стимулировать коммуникационные потребности учащихся, заставлять их выражать свое мнение, мысли, формировать навыки и умения говорения. Кроме того, демонстрация должна быть приведена таким образом, чтобы все учащиеся имели возможность хорошо видеть демонстрируемый материал.

При использовании на практических занятиях по иностранному языку прямого, аудиовизуального или аудиолингвального методов обучения использованию наглядности придается решающее значение. Если же отдается предпочтение сознательно-практическому или коммуникативному методам, то наглядность – это вспомогательное средство обучения. Вьетнамские студенты, попадая в условия обучения в языковой среде, получают прекрасную возможность совершенствовать свои коммуникативные компетенции, а наглядность способствует эффективно и эффектно достичь этой цели.

Литература

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Буланова А.В. Применение наглядности как средства создания коммуникативной мотивации при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 2 (16).
3. Хабибуллина Ф.Г., Куренова Н.А., Зиганшина Г.Г. Использование наглядности на начальном этапе обучения в условиях реализации нового стандарта // Проблемы и перспективы развития образования: Материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). – Пермь: Меркурий, 2015. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/149/7797/> (дата обращения: 14.02.2020).

Трудности при изучении темы «Винительный падеж» в китайской аудитории и способы их преодоления

Ключевые слова: РКИ, винительный падеж, работа в китайской аудитории.

Аннотация. В статье рассматриваются трудности, возникающие у китайских учащихся при освоении темы «Винительный падеж», и способы их решения; предлагаются различные виды упражнений и методы, способствующие усвоению настоящей темы.

Zhang Lin

Difficulties in studying the theme of Accusative case in the Chinese audience and how to overcome them

Keywords: Russian as a foreign language, accusative case, work in a Chinese audience.

Abstract. The article discusses the difficulties arising in the development of the theme Accusative case, and methods for solving them; it offers various types of exercises and methods that help to learn this theme.

Китайский и русский языки – это два типологически далеких языка. Слова в китайском языке в большинстве случаев не имеют внешних морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи. В китайской грамматике отсутствуют такие категории, как формы лица, времени, рода, числа и падежа; порядок слов как грамматическое средство играет важную роль. Поэтому у китайских учащихся часто возникают проблемы при освоении русской грамматики.

Далее рассмотрим некоторые типичные ошибки, допускаемые китайскими студентами при изучении винительного падежа.

При изучении падежей в целом и винительного падежа в частности у китайских учащихся часто возникают трудности, связанные со смешением разных значений одного падежа или значений разных падежей. Например, в речи китайцев часто встречаются ошибки при употреблении именительного и винительного падежей: *Я приехать Москва. Студент идти общежитие.*

В русском языке прилагательные, согласованные с существительными одушевлёнными, образуют форму винительного падежа, аналогичную форме

родительного падежа, а прилагательные, согласованные с неодушевленными, – с формой именительного падежа. В подобных случаях китайцы также допускают ошибки. Например: *Увидел новый студент. Купил новая книга*. Китайские инофоны с трудом дифференцируют одушевленность / неодушевленность [1, с. 122].

Одним из самых надежных способов преодоления трудностей при освоении значений падежных форм является сопоставление с родным языком учащихся [3, с. 171]. Однако осуществить это достаточно сложно, так как не все преподаватели знают язык студентов (в нашем случае китайский), либо обучение ведётся по пособию, которое не учитывает родной язык учащихся. В таких ситуациях преподавателю необходимо использовать дополнительные материалы, так как приблизительное понимание грамматических явлений русского языка может привести к многочисленным ошибкам при построении собственного высказывания учащимися.

С целью отработки навыков владения винительным падежом методисты и преподаватели рекомендуют использовать следующую систему упражнений:

1. Упражнения для наблюдения и анализа грамматического материала (направлены на наблюдение над связью между формой и функцией грамматического явления).

2. Имитативные упражнения, направленные на тренировку употребления грамматических форм и конструкций (повторение речевых и языковых образцов).

3. Подстановочные упражнения – в них учащиеся производят подстановку, соединение, выбор и т. д. грамматических средств, исходя из предложенного языкового материала.

4. Трансформационные упражнения. Меняется структура предложения, грамматические формы, порядок слов, одна модель предложения может заменяться другой.

5. Репродуктивные упражнения – в этих упражнениях учащиеся сами выбирают лексические единицы и грамматические формы.

6. Ситуативные упражнения. Их цель – включение грамматических навыков в сложное речевое умение.

7. Упражнения в контексте межкультурной коммуникации (сравнение грамматического материала в русском языке с родным языком).

8. Грамматические игры, цель которых – формирование навыков и умений употребления грамматического явления в русском языке, в коммуникативной ситуации [1, с. 123].

Как отмечают преподаватели-практики, при работе в китайской аудитории важно учитывать некоторые правила создания равных возможностей для инвариантных и вариативных процессов познания грамматических единиц и категорий. Среди них:

- 1) приобретение навыков использования грамматических единиц и категорий опережает формирование умений;
- 2) устная форма понимания и запоминания грамматических единиц и категорий предшествует их письменной фиксации;
- 3) усвоение конкретных грамматических единиц и категорий предопределяют их обобщения;
- 4) повторение пройденного материала равнозначно по времени освоению нового материала;
- 5) «пошаговое» усвоение грамматических единиц и категорий русского языка трансформирует и расширяет «внутренние» условия познания учащихся;
- 6) большее количество времени на занятиях отводится механическому запоминанию грамматических конструкций, их повторению в сконструированных преподавателями ситуациях и выполнению имитативных условно-коммуникативных упражнений;
- 7) интерактивное обучение (через взаимодействие учащихся с преподавателем и друг с другом) способствует эффективному восприятию, запоминанию и употреблению грамматических форм.

В силу сложностей, связанных с изучением падежной системы русского языка, рекомендуется проводить корректировочный курс, который поможет учащимся систематизировать значения и формы падежей, что важно для автоматизации навыка употребления грамматических конструкций в свободной речи. При этом рекомендуется использовать больше заданий на устное опережение, применять когнитивные стратегии [2, с. 67–68].

Сложности при освоении винительного падежа обусловлены влиянием родного языка (в данном случае отрицательным) и, как следствие, интерференцией, а также спецификой категории падежа в русском языке.

Литература

1. Корчик Л.С. Работа над грамматической темой «Имя существительное» в китайской аудитории // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2013. – № 4. – С. 117–124.
2. Талыбина Е.В. Корректировочный курс по практикуму устной и письменной речи для иностранных студентов с учетом инновационных методик в системе бакалавриата // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2008. – № 4. – С. 64–69.
3. Ян Фан. Обучение русскому языку китайских студентов-русистов в грамматическом аспекте // Язык и культура. – 2014. – № 1 (25). – С. 168–173.

Чжан Луэ*luyezhang@yandex.ru**студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия**студент Тяньцзинского университета иностранных языков**Тяньцзинь, Китай***Шамсутдинова Р.Р.***RRShamsutdinova@pushkin.institute**ассистент**Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия*

Грамматические особенности русских и китайских фразеологизмов (на примере фразеологизмов с семантикой состояния)

Ключевые слова: фразеологизмы, чэньюй, русский язык, китайский язык, грамматика, семантика состояния.

Аннотация. Статья посвящена анализу грамматических особенностей русских устойчивых выражений и китайских чэньюй. На примере семантически близких фразеологизмов, реализующих значение состояния, рассматривается отношение данных единиц к частям речи и специфика их синтаксического поведения.

Zhang Luyue**Shamsutdinova R.R.**

Grammatical features of Russian and Chinese phraseological units (on the example of phraseological units with the semantics of state)

Keywords: phraseological units, chengyu, Russian language, Chinese language, grammar, semantics of state.

Abstract. The article addresses the problem of the grammatical features of Russian phraseological units and Chinese chengyu. The relation of these units to parts of speech and the specifics of their syntactic behavior are considered on the example of semantically similar phraseological units that implement the meaning of the state.

Фразеологические единицы включают в себе образное мироощущение. В подобных сочетаниях, как в зеркале, отмечает В.Н. Телия, отражается самобытный взгляд народа на мир, его оценка, передаваясь из поколения в поколение вместе с их постоянным употреблением в речи [5, с. 5]. Одна-

274 | ко интересна не только фиксация реалий культуры, но и грамматическое оформление и функционирование данных единиц. Рассмотрим некоторые грамматические особенности фразеологизмов в русском и китайском языках на примере семантически близких единиц, выражающих значение состояния.

Данным русским фразеологическим единицам соответствуют китайские устойчивые выражения – чэньюй: *вне себя / 忘乎所以, душа (сердце) не на месте / 心神不宁, как на иголках / 如坐针毡, на душе скребут кошки / 心乱如麻, не в духе / 无精打采, не в себе / 心慌意乱, не в своей тарелке / 心绪不宁, не находить себе места / 坐立不安, не знать, куда себя деть (девать) / 百无聊赖*. Русские фразеологизмы и китайские чэньюй роднят такие свойства, как воспроизводимость, устойчивость и сверхсловность, однако если русские устойчивые обороты могут состоять из разного числа компонентов – от предложно-падежной конструкции (*вне себя*) до равной предложению структуры (*на душе кошки скребут*), то китайские чэньюй отличаются единством формы, как правило, представляя собой конструкцию из четырёх иероглифов, что связано с их происхождением: чэньюй построены по нормам древнекитайского языка, а источником подавляющего числа оборотов является классическая литература [2, с. 18].

Русские фразеологизмы обычно соотносятся с различными частями речи [4, с. 204]. Так, обороты *не находить себе места* и *не знать, куда себя деть* уподобляются глаголу (*Не находя себе места, пошел слоняться по небольшой трехкомнатной квартире* (В. Быков, Бедные люди), фразеологизмы *вне себя, не в себе, не в духе, не в своей тарелке*, играя роль сказуемого двусоставного предложения, квалифицируются как периферийные единицы категории состояния. Аналогичным образом интерпретируется фразеологизм *как на иголках*, китайский аналог которого – чэньюй *如坐针毡* ‘сидеть как на подстилке из гвоздей’: *Что бы им такого сказать, чем огорошить? Ладно уж, они там и без того как на иголках* (Е. Завершнева, Высотка). Компонент *сидеть* для русского фразеологизма факультативен, при его употреблении в прямом значении оборот сближается с наречием: *Она просидела полчаса как на иголках, поглядывая на часы каждые несколько минут. <...> Она опять взглянула на часы у себя на руке. Кажется, пора* (З. Юрьев, Смертельное бессмертие). Образованные по модели двусоставного предложения *на душе скребут кошки и сердце не на месте*, в силу невозможности замещения словом категории состояния без нарушения структурного тождества, отстоят ближе к самостоятельным предложениям. В отличие от элементов русских фразеологизмов компоненты чэньюй не обнаруживают какого-либо морфологического маркирования [2, с. 23]. Сами чэньюй формально делятся, с точки зрения Чжао Ликунь [7], на глагольные, субстантивные и адъективные единицы. Все приведенные выше чэньюй с семантикой состояния относятся к группе глагольных устойчивых выражений.

Синтаксические функции глагольных чэньюй шире, чем функции глагола в предложении. Так, 忘乎所以 ‘забывать обо всём на свете’ (~ *вне себя*) выполняет роли и сказуемого (1), и определения (2): (1) 话又说回来, 他到底是个心地善良的人, 善待同事, 也肯帮忙, 只不过是将军头衔使他忘乎所以. (2) 庸俗它可以帮助放松绷得太紧的神经, 使过分的自信或忘乎所以的感觉得以清醒过来, 因为前后两者是相互牵连着的. Другая единица 心神不宁 ‘на душе беспокойно’ (~ *душа не на месте*) функционирует также в роли обстоятельства: “是不是他呢? 或者是他吧?” 我常常自问, 心神不宁地想着, 从她的一个爱慕者猜疑到另一个爱慕者. Близкое русскому *не в своей тарелке* 心绪不宁 ‘быть в взволнованном состоянии’ способно употребляться в качестве подлежащего: 但过不多久, 巴扎罗夫 本人也不再固执己见, 工作的狂热劲儿消失了, 代之而来的是寂寞之感和心绪不宁, 他的一举一动无不显出疲倦. Русские фразеологизмы менее свободны в синтаксическом функционировании, однако для *вне себя* и *не в себе* встречаются и варианты нетипичного употребления – в качестве определения (1) и дуплексива (2): (1) *Заявление написано ясно, отчетливо и собственноручно. Да, может, собственноручно (а может – и нет). Но человеком явно не в себе, в стрессе, в отчаянии* (С. Ландау, На краю круга девятого). (2) *Да и из комнаты Катя выходила явно не в себе, будто только проснулась* (В. Шаров, Воскрешение Лазаря). *Вне себя он метался по склону и потрясал кулаками* (Е. Лукин, Там, за Ахероном).

Таким образом, фразеологические единицы в русском и китайском языках не только обладают национально-культурной семантикой, но и характеризуются грамматическим своеобразием, что нужно учитывать при создании учебных материалов по РКИ для китайских студентов, так как «при изучении русского языка у студентов из Китая разрушаются устоявшиеся понятия и образуется новая грамматическая и логическая система» [5, с. 103].

Литература

1. Ван Синьюэ, Шантурова Г.А. Сопоставительный анализ ФЕ с общим значением «тоска» в русском и китайском языках // В мире русского языка и культуры: Сб. тезисов / Отв. ред. С.Г. Персиянова, И.А. Орехова. – М., 2019. – С. 35–37.
2. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. – М., 2007. – 509 с.
3. Готлиб О.М., Ма Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. – Иркутск, 2019. – 596 с.
4. Жуков В.П. Русская фразеология. – М., 1986. – 310 с.
5. Лю Сяоюн, С.Г. Персиянова. Грамматические трудности для студентов из Китая при изучении русского языка // В мире русского языка и русской культуры: Сборник тезисов Международной студенческой научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 102–105.

- 276 | 6. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М., 1995. – 368 с.
7. 刘玉, 曹洋阳, 姜南. 中俄俗语中的成语语源差异探究 // 外语交流 (Лю Юй, Цао Янян, Цзян Нань. Углубленное изучение этимологии фразеологизмов в русских и китайских поговорах // Коммуникация на иностранных языках. – 2013. – № 354. – С. 45–46).
8. 赵丽坤. 现代汉语成语语法功能研究 (Чжао Ликунь. Исследование грамматической функции современной китайской идиомы. – 2009. – 41 с.).
9. 方绪军. 现代汉语实词 (Фан Сюйцзюнь. Знаменательные слова в современном китайском языке. – 2000. – 310 с.).

Чжан Муэ

1803537300@qq.com

*студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия**студент Университета Внутренней Монголии**Хух-хото, Китай***Пашков А.В.**

AVPashkov@pushkin.institute

*канд. филол. наук, зав. кафедрой мировой литературы,**доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия*

Образ Пелагеи Ниловны в романе А.М. Горького «Мать»

Ключевые слова: русская литература XX века, женский образ, революция.

Аннотация. В произведениях русской литературы XIX века представлены совершенные женские образы, которые являются воплощением красоты и идеала. Однако с большими изменениями российского общества в XX веке женские образы в русской литературе также значительно изменились. В статье рассматривается один из наиболее ярких литературных образов начала прошлого столетия – Пелагеи Ниловны в романе А.М. Горького «Мать».

Zhang Muke**Pashkov A. V.**

The image of Pelagia Nilovna in Gorky's novel Mother

Keywords: Russian literature of the twentieth century, female image, revolution.

Abstract. In the history of Russian literature of the 19th century, many perfect female images appeared, which are the embodiment of beauty and ideal. However, with the great changes in Russian society in the 20th century, female images in Russian literature also changed significantly. This article will discuss one of the most striking literary images of the beginning of the last century – Pelageya Nilovna in the novel Mother by Gorky.

Женские образы традиционно играют в литературе ключевую роль. Женщины в изображении русских писателей XIX века были нежными, красивыми, сильными. Однако с течением времени женские образы в русской литературе изменились. После Октябрьской революции Россия стала первой социалистической страной в мире. В историко-культурном контексте первой трети XX века интересно раскрыть специфику одного из наиболее

278 | ярких литературных образов начала прошлого столетия – Пелагеи Ниловны в романе А.М. Горького «Мать».

Ниловна – женщина, увлеченная революционными идеями

На примере образа матери (Ниловны) в романе «Мать» А.М. Горького мы видим, как добрая угнетенная женщина становится революционером. Изначально Пелагея Ниловна – обычная русская женщина, у которой тяжелая жизнь. Мать каждый день возлагает надежду на Бога и первое время не понимает, что такое революция и истина. Поначалу ее пугают революционные увлечения сына Павла. Однако ему удается заинтересовать мать революционными идеями, в результате чего она осознает смысл собственного существования. Она инстинктивно прочувствовала справедливость прогрессивного учения, приобщилась к революционной деятельности. Даже когда ее сын арестован, она так и не оставляет свой революционный путь. Наоборот, мать интеллектуально и духовно развивается благодаря революционному движению. Она становится отличным пролетарским борцом. Приняв дело революции из любви к своему сыну, Ниловна постепенно объединяет материнские чувства и борьбу за новую жизнь. Она действительно становится смелым и решительным революционером.

Роман «Мать» был написан в начале XX века. В то время в российском обществе происходили большие изменения. Основываясь на образе Ниловны, Горький объясняет свое представление о ценностях, излагает собственную концепцию социальной истории. По мнению писателя, общественная жизнь важнее личной. Самые простые люди, став частью великой истории, могут и сами расти духовно. Роман описывает революционное движение народа и процесс развития русской рабочей революции. Социальная среда русской революции радикально изменяет Ниловну. Она больше не отсталая и невежественная домохозяйка, а предстает перед нами смелым и решительным революционным бойцом. Ее героическая борьба показывает, что с углублением революционных идей происходят фундаментальные изменения в жизни простых женщин.

Литература

1. Гончарова-Грабовская С.Я. Русская литература первой половины XX века: Учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2009. – 400 с.
2. Горький А.М. Мать. – М: Азбука, 2015. – 384 с.

Чжан Синьюй

xz523263@gmail.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Китайского университета коммуникаций

Пекин, Китай

Нечаева Е.В.

EVNechaeva@pushkin.institute

канд. пед. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Язык СМИ в сообщениях о начале эпидемии коронавируса в Китае и в России

Ключевые слова: язык СМИ, стиль, публицистический, разговорный.

Аннотация. В статье предлагается анализ языка СМИ в Китае и в России на уровне лексики, словосочетаний и синтаксических конструкций, проведенный при освещении одного события и позволяющий сделать выводы об общности и различиях менталитетов двух народов.

Zhang Xinyu

Nechaeva E. V.

The language of the media in reports of the start of the coronavirus epidemic in China and Russia

Keywords: language of the media, style, journalistic, colloquial.

Abstract. An analysis of the language of mass media in China and Russia at the level of vocabulary, phrases, and syntactic constructions, carried out when covering one event, allows us to draw conclusions about the similarity and differences in the mentality of the two peoples.

Рассматривая язык СМИ как разновидность литературного языка со сложным стилевым единством, где могут свободно сосуществовать нейтральный, публицистический, разговорный стили речи, следует сказать, что, как отметил В.Г. Костомаров [1], принятые на определенном этапе нормы и стандарты этого языка могут изменяться в связи с переломными событиями в жизни народов.

Безусловно, таким переломным моментом является пандемия коронавируса, и данная тема широко освещается в средствах массовой информации разных стран. СМИ «обращены к широким слоям населения» и формируют

280 | в определенной степени отношение общества к фактам действительности» [2, с. 131].

Для сравнения языков СМИ в публикациях китайских и российских газет мы проанализировали тридцать текстов, опубликованных в период с 22.01.2020 по 03.02.2020, с точки зрения основных признаков, характеризующих стиль изложения, а именно лексических единиц, словосочетаний и синтаксических конструкций.

Прежде всего в СМИ Китая и России следует отметить общую массовую направленность информации, ее доступность разным слоям населения, краткость, а также тот факт, что в целом газетные публикации написаны не нейтральным, а публицистическим стилем, что, на наш взгляд, объясняется серьезностью ситуации.

СМИ Китая и России с одинаковой частотностью используют следующие лексические единицы и словосочетания.

(Г. Онищенко) *возглавляет*; риск распространения *возрастает*; граждане Китая, *проживающие*; *посетить* страну; *сдерживание распространения*; *прибывшие* из КНР; *преддверие* Олимпиады; *предпринять* меры; *выросло число погибших*; *зафиксирован* первый случай; *намеренное заражение*; *эпидемия нанесла ущерб*; *ситуация встревожила*; *меры по предотвращению*; *уделять* серьезное внимание.

Но очевидны и некоторые отличия в освещении проблемы. Так, в российских СМИ в отличие от китайских можно отметить некоторую, на наш взгляд излишнюю, сенсационность заголовков статей. Например:

«Мы все умрем. Мифы и правда о коронавирусе» (РИА, 01.02.2020).

«Коронавирус поражает только китайцев» (МК, 28.01.2020).

«Узники эпидемии. Как живется людям, застрявшим в карантинном Китае» (АиФ, 29.09.2020).

«Уже 80 человек убил китайский коронавирус» (АиФ, 28.01. 2020).

«В мире нарастает паника» (АиФ, 28.01. 2020).

По сравнению с китайскими, российские журналисты чаще используют в публикациях элементы разговорной речи. Среди тридцати проанализированных текстов мы нашли лишь один пример «снижения» стиля в китайском источнике: «...лица врачей были близко к носу пациента» (Южный Метрополис Дейли, 03.02.2020).

В российских публикациях отмечено следующее.

Инфекция – пошла (АиФ, 28.02.2020); *жителя Германии заразила подруга, которую посетила родня из Уханя* (МК, 28.01.2020); *итальянцы испугались* (МК, 31.01. 2020); *на вокзале искали китайский коронавирус* (МК, 30.01.2020); *это не та зараза* (МК, 27.01.2020).

В китайских СМИ мы встретили отдельные лексические единицы и словосочетания, которые, на наш взгляд, характеризуют жителей КНР с точки зрения

менталитета, чего не было в российских публикациях. Например: *Терпеливые и профессиональные ответы на вопросы* (Женьминь Жибао, 03.02.2020); *отважная команда врачей* (Южный Метрополис Дейли, 03.02.2020); *сознательно строгая защита и изоляция* (Южные Выходные, 01.02.2020).

В отличие от российских СМИ, китайцы даже в коротких информационных заметках использовали пословицы, как общие для русского и китайского языков («Друзья познаются в беде»), так и собственно китайские («Нельзя бросать камни на упавшего в колодец»), что говорит о неустаревающих китайских традициях.

На основании проведенного анализа можно говорить о том, что язык СМИ является отражением разных менталитетов наших народов, но это не помешает нам вместе бороться и победить.

Литература

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – СПб, 1999.
2. Ванюшина Н.А. Использование эвфемизмов в современных СМИ (на примере описания войн и терактов)// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. № 2(46). – С. 131–134.

Чжан Тенань

437771376@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Шэньянского педагогического университета

Шэньян, Китай

Нечаева Е.В.

EVNechaeva@pushkin.institute

канд. пед. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина

Москва, Россия

Традиции празднования Нового года и праздника весны в России и в Китае

Ключевые слова: укрепление международных отношений, традиции, формы праздника, праздничный стол.

Аннотация. В статье рассматривается схожесть и разница традиций в праздновании Нового года в России и праздника весны в Китае.

Zhang Tienan

Nechaeva E.V.

Traditions of the celebration of the New Year and the Spring Festival in Russia and China

Keywords: strengthening international relations, traditions, forms of celebration, holiday table.

Abstract. The article discusses the similarity and difference of traditions in celebrating the New Year in Russia and the Spring Festival in China.

В последние годы с развитием международных отношений и культурных обменов между Китаем и Россией, особенно активизировавшихся после принятия в КНР программы «Один пояс и один путь», выдвинутой председателем КНР Си Цзинпином, знание культуры и традиций обеих стран приобрели особое значение, так как эти знания способствуют укреплению отношений между нашими странами.

Сегодня народы наших стран понимают культурные традиции друг друга глубже, чем раньше, выражают обоюдное желание узнать друг друга полнее. Особенно интересным является не только сходство этих традиций, но и существующие различия.

Для анализа сходства и различий в традициях России и Китая нами выбраны празднование Нового года и праздника Весны.

В Новогодние праздники в Москве люди все чаще выходят из дома, встречают Новый год на улице или на Красной площади, хотя традиционно – это семейный домашний праздник за накрытым столом рядом с украшенной игрушками елкой. В любой ситуации все ждут речи президента и бой Кремлевских курантов. Традиционно пьют шампанское и запускают фейерверки.

Дети получают подарки, которые приносят Дед Мороз и Снегурочка в течение всех новогодних праздников.

Необходимо заметить, что после революции 1917 года новогодние праздники были упразднены и только в 1935 году правительство СССР разрешило отмечать наступление Нового года, и Дед Мороз и Снегурочка, а также новогодняя елка вернулись к людям.

В отличие от россиян, празднующих наступление Нового года в ночь с 31 декабря на 1 января, где, безусловно, праздник является зимним, и ассоциируется со снегом, аналогичное торжество, имеющее древнюю историю, в Китае называется праздником Весны и отмечается по лунному календарю. Эта традиция связана с летоисчислением Китая.

В течение долгих веков в Китае складывался определенный образ праздника Весны. Прежде всего – это парные надписи (春联 чуньянь), которые появились в эпоху пяти династий и десяти царств, а наибольшее распространение получили во времена династий Мин (1368 г. н. э. – 1644 г. н. э.), Цин (1644 г. н. э. – 1911 г. н. э.) и Сун (960 г. н. э. – 1279 г. н. э.), о чем свидетельствует поэт Вин Аньши, который создавал их в стихотворной форме.

Рядом с парными надписями китайцы часто вывешивают горизонтальную надпись, называемую хенти, которая состоит из четырех иероглифов и по содержанию является фразеологизмом.

Дома украшают бумажными узорами и «китайскими узлами», заменявшими письменную речь.

В полдень китайцы взрывают хлопушки, история которых насчитывает более тысячи лет и которые должны отпугивать злых духов.

Взорвав хлопушки, китайцы начинают сервировать праздничный стол, на котором обычно есть рыба и сладкий рис. В древности рыба была символом богатства. Иероглиф, обозначающий слово «рыба» (鱼 юй) ассоциируется у жителей этой страны с фразеологизмом «нянь нянь ю юй» (年年有余), говорящим о том, что в новом году у каждого будет много зерна и денег.

В восемь часов вечера начинается трансляция праздника по телевидению, в десять каждая семья садится лепить пельмени, символизирующие встречу после разлуки.

Мы более полно рассмотрели китайские традиции празднования Весны, так как хотели познакомить всех с культурой и самобытностью Китая, но следует отметить, что оба праздника, какими бы различными они ни были, связаны с пожеланием счастья, благополучия для обеих наших стран, народов, каждой семьи, каждого человека.

284 | Проведенный компаративный анализ будет полезен при создании учебных материалов по РКИ и, в особенности, при подготовке преподавателем проектных заданий и проектов компаративного типа, цель которых – создание учащимися «речевого продукта, сравнивающего национально-специфические явления языка и культуры» [1, с. 134].

Литература

1. Филиппова В.М. Лингводидактический потенциал метода проектов и его реализация в преподавания РКИ. Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2019. – 208 с.

Взаимодействие и проблема интеграции китайских учащихся в российскую культурно-языковую среду в социальном аспекте

Ключевые слова: интеграция, китайский студент, языковая личность, социальный аспект.

Аннотация. Работа посвящена анализу интеграции китайских учащихся в российскую культурно-языковую среду в социальном аспекте в процессе начальной адаптации. Предмет исследования – личность китайского учащегося начального этапа обучения, выработанная в результате обучения русскому языку.

Zhang Shanzhi

Interaction and the problem of the integration of Chinese students in the Russian cultural and linguistic environment in the social aspect

Keywords: integration, Chinese student, linguistic personality, social aspect.

Abstract. The work is devoted to the analysis of the integration of Chinese students in the Russian cultural and linguistic environment in the social aspect in the process of initial adaptation. The subject of the study is the personality of the Chinese student at the initial stage of training, developed as a result of studying the Russian language.

Личностное развитие студента в вузе – это не только развитие интеллекта, но и готовность к автономности, самостоятельности в образовании, становление позитивного отношения к миру и принятию окружающих; формирование уверенности в себе, мотивации, самоактуализации, самореализации и самосовершенствования. Обучение в условиях иноязычной образовательной среды является наиболее сложным для адаптации иностранных студентов к новым условиям жизни и учебы в России. В первую очередь, это проблемы физиологической, социально-психологической и академической адаптации. Все эти адаптационные процессы взаимосвязаны, ни одна проблема не решается в отрыве от другой. Практика обучения показывает, что процесс адаптации иностранных студентов из разных стран и регионов различен. Если климат,

286 | религия, национальная еда, культура, обычаи или другие внешние факторы родной и чужой страны имеют значительные отличия, адаптация проходит тяжелее. У китайских учащихся, как и у учащихся-иностранцев из других стран, существует проблема адаптации (интеграции) к условиям проживания в другой стране, возникает не только языковой, но и культурный шок. Они испытывают значительные трудности при адаптации к условиям российской социокультурной среды. Перед учащимися встают проблемы универсального характера, связанные с обучением на неродном языке и изменившимися условиями проживания, а также специфические проблемы, обусловленные этнопсихологическими особенностями представителей китайской и русской этнокультур и существенной разницей в образовательных системах двух стран.

Многочисленные трудности, возникающие в процессе начальной адаптации иностранных учащихся (в том числе и китайских), могут быть связаны с различными факторами.

1. Отсутствие комфортных бытовых условий, соответствующих ожиданиям иностранных студентов и соответствующих международным стандартам (условия проживания).

2. Психологическая проблема: скучают по родителям, не дружат с другими студентами.

3. Проблемы, связанные с недостаточным знанием русского языка: проблемы коммуникации; непривычные климатические условия.

4. Учебно-познавательные трудности, вызванные в первую очередь языковым барьером; преодоление различий в системах образования; адаптация к новым требованиям и системе контроля знаний; организация учебного процесса, технологии обучения иностранным языкам, формирование навыков самостоятельной работы.

Можно отметить, что наибольшие трудности в адаптации к российской системе образования китайский студент испытывает в первый год пребывания в России, т.е. на начальном этапе обучения. Что касается физиологической адаптации, китайские студенты довольно легко вписываются в климатическую среду северо-западного региона по сравнению, например, с африканскими или латиноамериканскими студентами. Студенты из Китая любят заниматься спортом, с удовольствием участвуют в спортивных соревнованиях. Социально-психологическая адаптация понимается как вступление иностранного студента в систему межличностных отношений, таких как приспособление личности к группе, к взаимоотношениям в ней; проявление собственного стиля поведения [1]. По словам самих китайских студентов, им сложно адаптироваться даже к учебному режиму, который отличается от режима дня в китайских учебных заведениях: «подстраивание» под новый учебный режим, отсутствие обеденного перерыва, который студенты у себя на родине используют не только для приема пищи, но и для отдыха, что ведет

к невнимательности на уроках, появлению чувства усталости, снижению успеваемости. Кроме того, китайские студенты в силу своего менталитета, как правило, «не смешиваются» со студентами других стран и оказываются в плотной языковой изоляции как в учебной аудитории, так и в комнатах общежития. Рядом с китайскими студентами русскоязычными оказываются только преподаватели. К проблемам социально-психологической адаптации можно отнести и следующее обстоятельство: большинство моделей занятий в российской высшей школе для китайских студентов является новой формой обучения, отличной от принятых форм обучения в китайской школе [3, с. 91–96].

В связи со сказанным русский язык, по мнению некоторых исследователей, должен изучаться вместе с русской культурой, чтобы иностранец был максимально готов к коммуникации с носителем языка, к межкультурному общению [2, с. 151–154]. Успешной адаптации способствуют и внеаудиторные мероприятия: «Внеаудиторная работа на начальном этапе – один из способов в неформальной обстановке подготовить иностранного студента к коммуникации в обществе русских людей, заложить основы межкультурной и лингвокультурной компетенций» [2, с. 151–154]. Среди внеаудиторных мероприятий, проводимых на подготовительном факультете (ПФ) для иностранных граждан, наиболее эффективными являются следующие: посещения музеев, выставок, городских праздников; экскурсии по городу; интернациональные концерты; вузовские и межвузовские олимпиады; тематические праздники. Внеаудиторные мероприятия – это «прекрасная возможность проявить себя, раскрепоститься, познакомиться со студентами из других групп, использовать русский язык в естественных жизненных ситуациях» [2, с. 151–154].

Литература

1. Арсеньев Д.Г. Социально-психологические и физиологические проблемы адаптации иностранных студентов / Д.Г. Арсеньев, А.В. Зинковский, М.А. Иванова. – СПб: СПбГПУ, 2003. – С. 160.
2. Колесникова В.В. Внеаудиторные мероприятия как один из способов развития межкультурной и лингвокультурной компетенций на начальном этапе изучения русского языка как иностранного // Актуальные вопросы филологических исследований: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского / КубГТУ. – Краснодар, 2016. – С. 151–154.
3. Пак И.Я. Культурный шок китайских студентов, обучающихся в российских вузах, пути его преодоления / И.Я. Пак, Донмэй Вань // Материалы Всероссийского семинара «Методология обучения и повышения эффективности академической, социальной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе». – Томск: ТПУ, 2008. – С. 91–96.

Субъективная сущность семантики волевого ограничения

Ключевые слова: граница, семантика волевого ограничения, воля, ценность, эмоциональность

Аннотация. В данной статье субъективная сущность семантики рассматривается в плане таких понятий, как *воля, оценка, эмоциональность*. Рассматривается также концепт «граница» в менталитете русского народа и его связь с семантикой волевого ограничения.

Zhao Meiwei

745710600@qq.com

Pushkin State Russian Language Institute

The Subjective Essence of Semantic Restrictions of Volition

Abstract: In this article, the subjective essence of semantics is considered in the plans of the will, value, emotionality; as well as the study of the concept of «border» in the mentality of Russian peoples and its connection with the semantic restrictions of volition.

Keywords: border, semantic restrictions of volition, volition, value, emotionality.

Антропоцентрическая направленность современных научных исследований позволяет обратить внимание на коммуникативно-дискурсивные механизмы современной речи, суть которых можно охарактеризовать как *субъективность* – «субъективные стороны мысли» (Е.В. Гулыга) говорящего субъекта в непосредственной связи с ситуацией общения.

Русское коммуникативное поведение отмечено сильным желанием абсолютной свободы выражения собственной воли, оценки и открытым проявлением эмоциональности. Одним из отражений данного явления в языковой реальности является то, что в русском дискурсе с большой частотностью используются выражения с семантикой волевого ограничения – маркеры субъективного стремления к окончанию действия, прерыванию коммуникативной деятельности, т.е. речь идет о границе как понятии в высшей степени субъективном: говорящий ограничивает чужую волю, демонстрируя при этом свою [6, с. 149]. *Семантика волевого ограничения* связана с желанием субъекта, зависит от его модального импульса и определяется М.С. Миловановой «граница дозволенного и возможного, определяемая волей субъекта, – это граница его терпения и желание» [6, с. 149–152].

Таким образом, семантика волевого ограничения (далее вводится сокращение – СВО) рассматривается как полное отрицательное отношение говорящего (субъекта) к продолжению каких-либо действий. Например, высказывание “Шашлыки всё!” влечет за собой следующие возможные варианты интерпретации: 1) ‘шашлыки уже приготовили’; 2) ‘нет необходимости продолжения действия *жарить*’; 3) ‘у говорящего нет терпения и желания успокаивать слушателей тем, что больше не надо ждать’.

В дискурсивном общении отношение говорящего к высказыванию, к ситуации, реальному миру имеет ключевое значение и определяет в целом субъективную модальность высказывания – (не)возможность, (не)желательность, сомнительность [9, с. 93–94]. Полное отрицательное отношение говорящего к действительности, выраженное в СВО, обозначает, что, по мнению говорящего, нет возможности, желательности, необходимости появления или продолжения какого-нибудь действия или состояния. Самый общий смысл – нежелание, поскольку СВО является фрагментом смыслового поля субъективного отрицания с маркером – словом *нет* в его субъективном, «диалоговом» значении, дифференцирующий смысл – нежелание продолжения чего-либо и воля к его окончанию, установлению конкретных временных границ / пределов, связанных с понятием *терпение* [7, с. 220–224]. Ср.: 1) «Нет, и не выдумывайте вы, ради бога, не мучайте вы меня, несчастную...» (А.П. Чехов. Иванов 1887); 2) – А еще неделю это не могло подождать, мама? – Нет, потому что у доктора окно, и если не завтра, то через полтора года, а полтора года дядя Валера ждать не будет... А я всё, меня такси ждет» (Психологины, сезон 1 серия 1); 3) “– Успокойтесь! Я вас не понимаю. – А теперь точно всё, всё! Конечно, кому нужны бармены, которые будут стоять в этом паре и болтать на своем» (Отель Элеон, сезон 1); 4) «– А почему нас так мало едет? – Прекратить разговор! – сильным голосом прикрикнул один из солдат. – Запрещено!» (А.И. Мусатов. Клава Назарова. 1958); 5) «Она провела своей ласковой рукой по этим мягким русым волосам и сказала: – Не говори, не говори мне ничего... Не говори, я всё сама знаю. Пусть используют меня, как надо, а проситься я никуда не буду» (А.А. Фадеев. Молодая гвардия. 1943–1951). В данных выражениях имеется универсальная характеристика того, что в таком случае действительность определяется полностью по воле говорящего. Так как СВО прежде всего является субъективным, и ее субъективная сущность состоит в том, что на неё всегда накладываются волевой, оценочный, эмоциональный оттенок говорящего, чтобы осуществлять собственную коммуникативную цель.

Воля как один из значимых концептов русского национального сознания рассматривался в работах таких исследователей, как Т.В. Булыгина, А. Вежбицкая, А.Д. Кошелев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Топоров, А.Д. Шмелев и др. В имеющихся исследованиях интерпретация

290 | концепта «воля» в русском языке психолингвистически непосредственно связана с концептом «свобода», являясь особой единицей менталитета русского народа, имея ключевое значения для их мировоззрения [4, с. 34–35]. Воля определяется как состояние готовности к действию субъективного желания и хотения при абсолютной свободе, независимости, отсутствии подчинения и ограничения со стороны кого-либо [1, с. 244; 4, с. 36–37; 10, с. 430–433].

Таким образом, волевое ограничение представляет собой такое духовное положение субъекта, в котором можно свободно выражать желание прекращения возникновения или продолжения неприятной ситуации, не учитывая волю у других. Иными словами, в СВО наблюдается субъективное стремление к эгоцентризму, т.е. «Я» (говорящий / субъект = Я) по своему желанию и хотению дружественно или недружественно устанавливает метафорически границу между собой и «другим» (адресатом) средством собственным волевым ограничением. Ср.: 1) социальные предупреждения и запреты, например, «разворот запрещен», «стоянка запрещена», «движение на велосипедах запрещено», «поворот налево запрещен», «проход запрещен», «вход запрещен», «фотографировать запрещено», «купаться запрещено», «кормить запрещено», «не прислоняться», «по газонам не ходить» и т.д.; 2) выражения индивидуального волевого ограничения, например, «Как я могу тебе доверять? Вон! Пошли!»; «– Очень смешно! – Соня, ты чего? хорош жужжать. – Всё! уходи!»; «Не кричи не кричи! Всё всё всё!»; «Вон отсюда! Побыстрее!»; «Всё, я ушла.» (Отель Элеон, сезон 1). В данных высказываниях наблюдается ясная интенция говорящих к разделению противопоставленных метафорических пространств между собой и слушателями вне зависимости от их статуса, без учета желания других. Надо отметить, что СВО не только выражает запрет, адресованный говорящим другим, но может быть к самому себе, например, в сериале «Психологини» Таня Рубцова говорила себе, являясь адресатом собственного сообщения: «Нет! нет! нет!» («Психологини», сезон 1).

«Ненаблюдаемый внутренний мир моделируется языком по образу наблюдаемого внешнего, материального мира» [3, с. 66]. В СВО не только отражается «моя» воля (= ‘своя воля’), чтобы прекратить нежелательную ситуацию, но и скрывается «моя» внутренняя ценностная картина мира под закрыванием эмоционального импульса. Основной образ действия ценности представляет собой оценка, которая как главная форма взаимодействия человека и действительности «всегда в той или иной форме включает субъект и объект» [2, с. 9] и которую можно интерпретировать формулой «субъект оценки считает, что объект оценки – это *хорошо / плохо, добро / зло, полезно / вредно, опасно / безопасно* и т.п. [2, с. 5–6].

Ср.: 1) «Всё, достаточно. Пойдет в пятницу на выписку»; 2) «Ты увидел эту пустоту, и всё, достаточно»; 3) «Очень долго мог, но всё, хватит, больше не могу»; 4) «Всё, хватит с вами болтать, пошел я...»; 5) «Всё, хватит!»

В понедельник я его увольняю»; 6) «Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз»; 7) «Не ходи туда, упадешь! Не лезь на эту горку, скользко! Не бегай по газону, нельзя!»; 8) «Стоп, стоп, стоп, музыка, мы прогоняли скуку прочь // Душа поет, забот не зная никаких // Стоп, музыкант, танец молодых»; 9) Если ты так по-жеребьячи относишься к тому, что мы собираемся сделать, то вот тебе бог, а вот и порог. Иди от нас! (НКРЯ). «Функция выражения в оценочных высказываниях выступает на первый план в тех случаях, когда субъект обозначает с их помощью свое отношение к объекту» [2, с. 34].

В данных высказываниях наблюдается следующие общие характеристики смыслов ограничения: 1) по желанию говорящего ситуация в соответствующем контексте невозможно или ненужно действовать или продолжать, т.е. говорящий дал абсолютную отрицательную оценку на субъект; 2) говорящий находится в негативном эмоциональном состоянии с проявленным или скрытым отвращением, гневом; 3) волевое ограничение выражается с помощью пространственной метафорой концепта границы, например, «Всё, достаточно», «Всё, хватит» подразумевается, что терпение говорящего уже достигло границ вместилища, является метафорой вместилища; выражения «Стоп, стоп, стоп», «Не ходи», «и не будет», «Иди от нас» обозначают конечный или начальный пункта движения, являются метафорой по образной схеме *источник – путь – цель*. «Наши чувства по отношению к людям, вещам и событиям показывают, как мы их оцениваем, т.е. эмоции подразумевают восприятие ценностей, и логически зависят от оценок» [2, с. 226–227]. Таким образом, связь воли, эмоции и оценки является одной из основных проблем при анализе СВО в планах субъективности. На наш взгляд связь между субъективными компонентами СВО заключается в том, что появление воли и эмоциональности производится на основе ценностной системы субъекта, ценность как импульс, воля как динамика, эмоциональность как интенсификатор выражения СВО.

Таким образом, субъективную сущность СВО можно интерпретировать тем, что субъект по своей воле дает абсолютную отрицательную оценку на объект, т.е. по желанию говорящего нет возможности, необходимости появления или продолжения какой-нибудь ситуации. Через рассмотрение субъективной сущности СВО, наблюдаем универсальность концепта *граница* в менталитете носителей русского языка и эгоцентризм, противопоставление в их ценностной системе.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

- 292 | 2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 672 с. – (Studia philologica)
4. Карасик В.И. Антология концептов: Словарь / Науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.: ил.
5. Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 96 с.
6. Милованова М.С. Семантика модального ограничения в современном русском языке // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры, 2015. № 15. – С. 148–153.
7. Милованова М.С. Инвариантная семантика субъективного отрицания в современном русском языке // Актуальные проблемы обучения русскому языку XII. Брно: Masarykova univerzita, 2016. – С. 220–224.
8. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru/> Дата обращения – 02.02.2020.
9. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 440 с. – (Studia philologica).
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 989 с.

Чжоу Цзин

18800140269@163.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Шутова М.Н.

MNShutova@pushkin.institute

д-р пед. наук,
профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Концепт «любовь» в произведениях И.А. Бунина и китайских писателей

Ключевые слова: концепт «любовь», произведения И.А. Бунина, китайские писатели.

Аннотация. В статье мы анализируем концепт «любовь» и рассматриваем его в произведениях И.А. Бунина и китайского писателя Алая. Любовь у Бунина – это короткий миг между жизнью и смертью. Она такая же хрупкая и краткосрочная, как красота. И.А. Бунин предстает как философ, который размышляет о жизни и смерти.

Zhou Jing

Shutova M.N.

The concept of love in the works of I. A. Bunin and Chinese writers

Keywords: concept of love, works by I.A. Bunin, Chinese writers.

Annotation. In the article we analyze the concept of love and consider it in the works of I.A. Bunin and Chinese writer Alaya. Bunina's love is a brief moment between life and death. It's as fragile and short-term as beauty. I.A. Bunn appears as a philosopher who reflects on life and death.

– Скажи мне, что такое любовь?

– Это пузырьки в кости.

– Это глупость, – говорил сын, но умный отец понял, он улыбался и говорил:

– Дурачок, пузырьки рассосутся.

– Но они могут и лопнуть!

Так писал китайский писатель Алай в романе «Пылинки осыпались (Все закончено)», что, на наш взгляд, показывает, что любовь может как умереть, так и возродиться. В центре внимания нашей работы – концепт «любовь» в произведениях И.А. Бунина. Среди «жизни» и «смерти» только ограниченная любовь помогает схватить ценность жизни, и в то же время – спасение от смерти.

Во-первых, в произведениях Бунина любовь часто связана со смертью. И любовь здесь показана шире и обильнее, чем мыслится. А жизнь и смерть имеют необычную простоту и натуральность.

Жизнь похожа на гигантские песочные часы, как будто она перевернута с ног на голову после рождения человека и представляет собой неизбежность смерти, как бы верхнюю часть жизни. Это неуловимый миг. Все это нашло отражение во многих произведениях И.А. Бунина. Так, в рассказе «В Париже» главный герой из России, он живет в Париже один, он бросил молодую жену и теперь жаждет любовных походов. В конце концов, он отказывается от этого желания, он благодарит жену и оставляет ей все свои сбережения. Однажды он едет в метро, его голова внезапно откидывается, и он умирает.

Во-вторых, в творчестве И.А. Бунина всегда присутствует «красота». А жизнь и красота хрупки, недолговечны. Тогда в чем же смысл жизни?

Читая произведения И.А. Бунина, мы словно обмениваемся с ним мыслями. Только любовь существует между жизнью и смертью – вот единственный ответ. Только эта прекрасная, хрупкая и ограниченная любовь может показать смысл жизни.

Любовь не ограничивается только эмоциональными взаимоотношениями между сторонами. Это размышление о смысле существования, о жизни. В трансцендентном взгляде на жизнь и смерть, творчество И.А. Бунина вызывает удивительные чувства и мысли. Он не философ, он абсолютный мыслитель.

В одном из художественных фильмов, снятых по произведениям И.А. Бунина, упоминается поговорка «люди в мире голодны». «Голодные» люди делятся на два вида. Одни – это *little hunger*. Они обычные люди, которые голодны. Другие – *great hunger*. Это люди, которые голодны в смысле жизни, что, по утверждению И.А. Бунина, единственно верно.

Произведения И.А. Бунина фокусируются на захвате «мгновенного вечного» режима любви в форме эфемерной любви, чтобы компенсировать сонливость и абсурд непостоянного существования, с силой трагедии, потрясающей обычную человеческую природу, с любовью – «пламенем страсти», проповедующей идеал любви к прекрасному. В любви И.А. Бунин искал ценность человеческой природы, и, написав о любви, он достиг понимания сущности и смысла человеческого существования. Из рассказов о горестях и радостях любви он черпает самые оригинальные, но самые прекрасные чувства невинности. Анализируя эмоции, писатель больше всего ценит чистую истину между героями за пределами всего этического, в то время как моральное исследование на уровне реальности всегда находится в подчиненном, вторичном положении. Перед лицом любви и разума, трансцендентной истинной любви и реалистических обычаев жизни писатель явно предстает в статусе эзотерика.

Чжу Чжимен

carriezhuzhimeng@gmail.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Даляньского университета иностранных языков

Далянь, Китай

Купцова Г.Н.

GNKuptsova@pushkin.institute

канд. пед. наук,

начальник Центра обучения русскому языку как иностранному

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Русский народный танец и национальный китайский танец: сходства и различия

Ключевые слова: народный танец, классификация, сравнительная характеристика, общие черты, различия.

Аннотация. Танец является важной частью культуры, а национальный танец является также и важным символом народа. В данной статье рассматриваются русский народный танец и национальный китайский танец, выявляются их основные характеристики, описываются сходства и различия между ними.

Zhu Zhimeng

Kuptsova G.N.

Russian folk dance and national Chinese dance: similarities and differences

Keywords: national dance, classification, comparative characteristics, main features, differences.

Abstract. Dance is an important part of culture. And national dance is an important symbol of one nation. In this article we define Russian folk dance and national Chinese dance, show their main characteristics, and thus compare the similarities and differences between two dances.

В танцах каждого народа отражаются особенности его быта и истории. От поколения к поколению передаются наиболее красочные движения, сменяющиеся то в одном, то в другом ритме и определяющие своеобразие народного танца. Народный танец – один из древнейших видов народного искусства. Он складывался и развивался под влиянием географических, исторических и социальных условий жизни народа.

В вопросе классификации русских танцев не существует единой точки зрения. Как правило, русские народные танцы классифицируются по своей хореографической структуре и общим устойчивым признакам. Большинство исследователей выделяют две большие группы танцев в зависимости от их функционального значения: 1) культовые; 2) бытовые. Устанавливая принадлежность танца к тому или иному народу, В.З. Савин делит также русские танцы на 1) старинные собственные; 2) заимствованные [2].

А.А. Климов с точки зрения хореографии выделяет два основных жанра русских народных танцев:

1. Хоровод.
2. Пляска [1].

Русские народные танцы имеют черты географической принадлежности и в каждом регионе отличаются манерой и стилем исполнения.

Классифицируя китайские национальные танцы, исследователи предлагают пять групп танцев, исходя из их функционального смысла: 1) праздничные; 2) бытовые (для развлечения, социального общения, здоровья или уличного выступления); 3) церемонные (на свадьбах, на похоронах, во время церемонии взросления или при совершении обрядов жертвоприношения); 4) религиозные (характерные для даосизма, буддизма, ислама, первобытной религии и народных верований); 5) трудовые.

По территориальной принадлежности китайские народные танцы можно разделить на две группы: 1) народный танец на площади; 2) сценический народный танец.

Что касается характеристики китайского национального танца, то, прежде всего, он является региональным. Танец тесно связан с жизнью людей, демонстрирует их мысли, эмоции и идеалы. Природная среда (топография, климат), обычаи, культурные традиции, религиозные верования и другие факторы оказывают влияние на национальный китайский танец, формируя различные национальные танцы в разных регионах.

Национальный китайский танец тесно связан с песнями. Чтобы усилить выразительность и облегчить понимание танца для зрительской аудитории, танец исполняется, как правило, под песню, которая определяет особенности манеры исполнения, наделяет танец содержательностью и сюжетностью, эмоциональной выразительностью и певучей пластикой.

Кроме того, в народных танцах Китая распространено использование реквизита, например, вееров, носовых платков, длинного шелка, бубнов, фонарей, зонтов и других предметов. Как правило, публика может свободно участвовать в танцах. Даже если танец исполняется профессионалами, зрители в определенный момент могут присоединиться к танцевальному действию.

Русский народный танец и национальный китайский танец объединяют их тесная связь с различными явлениями и сторонами жизни народов, ча-

стью культуры которых они являются. Танцы обязательно исполняются под музыку, а также их неотъемлемой чертой является традиционный костюм как составляющий элемент танца.

Однако манера исполнения и характер движений в русском народном и национальном китайском танцах сильно различаются, на что, прежде всего, накладывают отпечаток местность, климат, национальная история и культурные традиции. В русских танцах цвета костюмов ярче, движения – сильнее и активнее, в отличие от китайской танцевальной традиции, где линии более плавные, а движения – нежнее и пластичнее. Музыкальное сопровождение русских народных танцев предполагает игру на традиционных инструментах, таких как гармонь, балалайка, домра и другие. Существуют и русские танцы, в которых танцевальный рисунок определяется спецификой реквизита, используемого в танце (например, танец с шальями). В национальном китайском танце реквизит в руках танцоров весьма разнообразен, а мастерство владения им высоко.

Литература

1. Климов А.А. Основы русского народного танца: Учеб. для студентов вузов искусств и культуры. – 1-е изд. – М.: Искусство, 1981. – 270 с.
2. Левочкина Н.А. Проблема классификации народных танцев: Историко-географический аспект // Народы Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 1995. – С. 239–246.
3. <https://wenku.baidu.com/view/672c6bed90c69ec3d4bb757f>
4. <https://wenku.baidu.com/view/d947ab87162ded630b1c59eef8c75fbfc77d94bd>
5. <https://infourok.ru/osobennosti-russkogo-narodnogo-tanca-3948060.html>

Чжу Юйхань

dlmethylthio@gmail.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент бакалавриата Пекинского университета иностранных языков

Пекин, Китай

Шурупова И.В.

IVShurupova@pushkin.institute

старший педагог

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Формирование и состав современной экономической терминологии

Ключевые слова: экономическая терминология, термин, формирование, состав, специальная лексика.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, связанный с формированием современной русской экономической терминологии. Определяется происхождение экономических терминов, описывается их состав. Отмечается, что не все экономические термины в современном русском языке являются новыми, пришедшими в язык в 90-е годы прошлого столетия, большой пласт современных лексических единиц существовал в русском языке и в дореволюционной России.

Zhu Yuhan

Shurupova I.V.

Formation and composition of modern economic terminology

Keywords: economic terminology, term, formation, composition, special vocabulary.

Abstract. The article deals with the issue of the formation of modern Russian economic terminology. The origin of economic terms is determined and their composition is described. Russian economic terms are not all new ones that came to the language in the 90s of the last century, a large layer of modern lexical units existed in the Russian language and in pre-revolutionary Russia.

Специальная лексика всегда была объектом многочисленных научных исследований таких ученых, как С.В. Гринев, В.П. Даниленко, П.Н. Денисов, М.Н. Карпухина, Т.Р. Кияк, Р.Ю. Кобрин, Н.Г. Комлев, В.М. Лейчик, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, В.А. Татарин, А.Д. Хаятин, С.Д. Шелов и др. С конца прошлого столетия со стороны ученых стал проявляться большой интерес к экономической лексике, так как произошедшие

глобальные изменения в российском обществе повлекли за собой появление в языке экономики большого количества новых терминов или терминов, которые были забыты в советское время.

Формирование экономической терминологии началось еще в древности. Оживленная торговля с Византией и другими странами привели к проникновению в русский язык заимствованных слов греческого и латинского происхождения. В XV–XVI веках в русском языке широко использовались слова *пеня*, *залог*, *казна*, *заем*, которые сохранились в современном составе экономических терминов. В Петровскую эпоху укрепились связи России с Европой, в силу чего появилось много новых реалий и усилилось влияние иноязычной лексики во всех областях русской жизни, в том числе и в экономике. В сферу экономики вошли такие слова, как *аванс* (фр.), *авизо* (итал.) и др. Однако следует отметить, что в то время специальная лексика не являлась термином в современном понимании этого слова, так как она еще находилась в процессе терминологизации.

В XIX веке в русский язык пришли новые экономические термины английского происхождения, такие как *бюджет*, *чек*, *экспорт*, *импорт*. В начале XX века, после революции, заимствование иноязычных слов в русском языке заметно уменьшилось, и такая ситуация в целом продолжалась до конца XX века, пока не произошли радикальные изменения в общественно-политической и хозяйственной жизни России, не создались благоприятные условия для международных контактов. В языке экономики в это время появилось много новых терминов, в основном английского происхождения. Несмотря на то что первоначально большинство появившихся терминов употреблялось в определенной сфере экономики, со временем они вышли за пределы профессионального словоупотребления и благодаря СМИ широко распространились.

Состав современной экономической лексики неоднороден. Здесь можно выделить несколько групп:

1. Группа, в которую входят возрожденные дореволюционные термины, не употреблявшиеся в СССР после 1930 года и сохранившие свое лексическое значение: *биржа*, *фондовая биржа*, *акция*, *дивиденд*, *финансовый рынок капиталов*, *банкрот*, *онкольный кредит* и др.

2. Группа, включающая в себя возрожденные, переосмысленные термины, которые в настоящее время приобрели несколько иное или дополнительное лексическое значение: *чрезвычайные доходы*, *секвестр*, *секвестрировать*, *коммерческий кредит* и др. Так, например, под термином *коммерческий кредит* в современной экономике понимается кредит, предоставляемой в товарной форме продавцами покупателям в виде отсрочки платежа за проданные товары. В дореволюционной России так назывались кредиты, которые выдавались коммерческими банками.

300 | 3. Группа, объединяющая сохранившиеся термины. Они существовали до революции, в советское время и существуют в настоящее время: *облигация, иностранная валюта, кредит, налог, вексель, аккредитив, заем* и др.

4. Группа, в которую входят новые термины, заменившие старые: *профицит бюджета (вместо бездефицитный бюджет), Центральный банк России (вместо Государственный банк СССР, Госбанк СССР, Госбанк России), Сбербанк (вместо сберегательная касса, сберкасса)* и др.

5. Группа терминов, которые обозначают новые наименования и связаны с появлением новых реалий в российской экономике: *хеджер, факторинг, аудит, евровексель, валютный фьючерс, секьюритизация, спотовый рынок, венчурные финансовые операции* и др.

В настоящее время процесс формирования современной экономической терминологии не закончен. Лексический состав языка экономики постоянно изменяется и пополняется новыми терминами по мере появления в российской действительности новых экономических реалий или в результате замены старых наименований.

Литература

1. Лейчик В.М. Общая типология и многоаспектные классификации специальной лексики // Терминология и знание: Материалы I Международного симпозиума. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. – С. 28–49.
2. Словарь профессионально терминованной экономической лексики / Сост. Н.М. Карпухина. – М.: Изд-во РЭА им. Г.В. Плеханова, 2004. – 87 с.
3. Шурупова И.В. Классификация финансовой лексики по степени ее новизны в современном русском языке // Вестник научных конференций. – 2015. № 1–4(1). – С. 168–171.

Чолович Ирена

irenacolic08@gmail.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Сербия, Раика

Шурупова И.В.

IVShurupova@pushkin.institute

старший педагог

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в конце XX века

Ключевые слова: язык, лексика, неологизм, заимствование, термин.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о тех изменениях, которые произошли в лексике русского языка в конце прошлого столетия. Отмечается, что в конце XX века появилось много неологизмов, обозначающих новые явления в российской действительности, а также жаргонной лексики, которая начала использоваться в разных сферах жизни.

Colovic Irena

Shurupova I.V.

The issues of changes in the vocabulary of the Russian language at the end of the 20th century

Keywords: language, lexicology, neologism, loanword, term.

Abstract. The article discusses about changes in the vocabulary of the Russian language at the end of the 20th century. It is noted that many neologisms appeared at the end of 20th century, indicating new phenomena in Russian reality, as well as slang vocabulary, which began to be used in different areas of life.

Изменения в политической, экономической и культурной жизни России в конце XX века не могли не затронуть словарный состав русского языка. В русском языке того периода появилось много неологизмов. Неологизм (<gr. *neos* – *новый* + *logos* – *понятие, слово*) – это слово или словосочетание, недавно появившееся в языке и обозначающее новое понятие или новый предмет. Неологизмы влияют на обогащение лексического состава языка, его развитие. Будучи полностью усвоенные языком, они перестают быть неологизмами и становятся обычными словами основного словарного запаса языка.

Неологизация, которая произошла в русском языке в конце XX века, наложила на него свой отпечаток. Все новое, что появлялось в языке, требовало описания. В связи с расширением политических, экономических и культурных связей с другими странами в русский язык вошло много иностранных слов, в основном английского происхождения. Академик Е.П. Чельшев, член Президиума РАН, активно работавший в Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации, писал: «Язык постоянно обновляется, что-то в нем отмирает, что-то рождается. Он следует за преобразованиями, которые происходят в обществе. А в нашей стране они протекали и протекают особенно бурно. И в русском языке, как в зеркале, отражаются все позитивные и негативные перемены в общественном самосознании. В том числе и бурное вторжение в нашу жизнь чужих слов и понятий» [4, с. 134].

Заемствованные слова, пришедшие в русский язык в 90-е годы прошлого столетия, обозначили новые понятия, появившиеся в российской действительности, или заменили старые. Следует отметить, что 90% заимствованных слов пришло из английского языка. Так, например, в экономической сфере стали употребляться термины: *бартер* (англ. *barter* – товарообмен; менять, обменивать), *брокер* (от англ. *broker* – посредник на бирже), *ваучер* (англ. *voucher* – документ, удостоверяющий оплату товаров и услуг), *дефолт* (англ. *default* – невыполнение каких-либо требований, установленных законом; государственное банкротство), *дилер* (англ. *dealer* – торговец, профессиональный участник рынка ценных бумаг), *инвестиции* (англ. *investment* – размещение капитала с целью получения прибыли), *маркетинг* (англ. *marketing* – рыночная деятельность) и др.

В русском языке появилась компьютерная лексика: *CD, компакт диск* (англ. *Compact Disk*) – оптический носитель информации в виде пластикового диска), *e-mail* – электронная почта (англ. *email, e-mail – electronic mail*) – технология по пересылке и получению электронных сообщений), *PIN* – код (англ. *Personal Identification Number*) – личный опознавательный номер, аналог пароля) и др.

Заемствования проникли и в другие сферы российской жизни. Лексический состав русского языка пополнился словами: *Макдональдс* (англ. *MacDonalds*) – название сети американских ресторанов, *ресепшен* (англ. *Reception*) – приемная; место, где встречают гостей, *ланч* (англ. *lunch* – обед), *рэкет* (англ. *racket*, итал. *Ricatto*) – шантаж; существовавший в России в 1990-е годы, *ток-шоу* (англ. *talk show*) – телепередача, в которой ведущий общается на определенную тему со специально приглашёнными гостями, поп-музыка (англ. *pop music* от *popular music*) – жанр музыки, появившийся в 1950-е годы в США и др.

Не остались в стороне профессионализмы и жаргонизмы. Так, из английского языка пришло слово *блокбастер* (англ. *blockbuster*, от *block* – квартал

и *bust* – разрушать «разрушитель квартала»), используемое в американской кинематографии. В русском языке стала употребляться жаргонная лексика: *бабки* (деньги), *баксы* (амер. разг. Bucks) – доллары США, *врुбиться* (начать понимать что-либо), *достать* (надоест, утомить разговорами, просьбами и т.п.), *кайф* (араб. – удовольствие, наслаждение), *отморозенный* (тот, кто не признает никаких правил и авторитетов и ничего не боится), *отмывать деньги* (легализовать незаконно полученные) и др.

Академик Е.П. Чельшев тем не менее считает, что перенасыщение русского языка неоправданными иностранными заимствованиями может быть очень опасным так же, как и его демократизация. Он отмечает, что в 90-е годы «культура речи на телевидении и радио, в газетах и журналах резко упала. И что ещё хуже – средства массовой информации захлестнул поток просторечных, жаргонных и зачастую непристойных слов и выражений» [4, с. 135].

Словарный состав русского языка непрерывно изменяется. Насколько слова, вошедшие в русский язык в конце прошлого столетия, закрепятся в нём или исчезнут – покажет и уже показывает время. Например, в 90-е годы XX века при устном обращении к человеку или к группе лиц активно использовались слова *господин*, *госпожа* и *господа*. В настоящее время употребление этих слов в русском языке заметно снизилось.

Литература

1. Арсениевич Я. Современная экономическая терминология в СМИ: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 287 с.
2. Буцева Т.Н. и др. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. – СПб, 2009. – 816 с.
3. Маринова О.Е. Так говорили в 90-е ... размышления над страницами нового словаря // Русская речь. – 2011. № 5. – С. 118–125.
4. Чельшев Е.П. А как не наше слово отзовется? // Пространство и время. – 2011. № 4 (6). – С. 134–137.

Чэн Ваньчжэнь

heyvasilisa@mail.ru

магистрант Хунаньского педагогического университета

Хунань, Китай

магистрант-стажер

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Кабанкова Ю.Ю.

JUKabankova@pushkin.institute

канд. филол. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Некоторые особенности функционирования омонимов в русском языке с точки зрения современной китайской русистики

Ключевые слова: омонимы, функциональная роль омонимии, русский язык.

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию омонимии как универсального языкового явления. Исследование функциональной роли омонимии в русском языке занимает важное место в современной китайской русистике и имеет большое практическое значение в процессе обучения русскому языку китайских учащихся. В работе рассматривается функционирование омонимов русского языка в различных видах речи и приводятся примеры, доказывающие, что уместное употребление омонимов является одним из стилистических средств, помогающих повышать экспрессивность речи, ее выразительность.

Cheng Wanzhen

Kabankova Ju.Ju.

The features of the functions of homonyms in Russian Language from the perspective of modern Russian studies in China

Keywords: homonymy, function of homonymy, Russian language.

Abstract. This work is devoted to the study of homonymy as a universal linguistic phenomenon. The study of the functional role of homonymy in Russian language takes an important place in modern Chinese Russian studies and is of great practical importance in the process of teaching Russian to Chinese students. This work discusses the functions of the homonyms of the Russian language in various types of speech and provides examples proving that correct use of homonyms is one of the stylistic means that help to improve speech expression ability.

В мире трудно найти язык, в котором не наблюдалось бы явление омонимии. Говоря о теоретических основах омонимии, необходимо обратиться к понятию «асимметричный дуализм языкового знака», которое было впервые предложено русским лингвистом С.И. Карцевским. Идея ученого заключалась в том, что одному означаемому соответствуют несколько означающих или, наоборот, одному означающему можно поставить в соответствие более чем одно означаемое. Членение на уровне формы не совпадает с членением на уровне содержания, т. е. в одной и той же форме могут соединяться множество значений, или наоборот, одно и то же значение может быть выражено многочисленными формами. Омонимия как раз относится к первому случаю, она является неперенным следствием развития любого языка.

В русском языке между звуком и значением слов нет неперенной взаимосвязи, поэтому одно и то же слово может иметь несколько связанных значений, которые могут быть и совершенно разными. Именно на этой основе возникает омонимия [2, с. 473]. Основной работой, определяющей понятие омонимии, стала публикация В.В. Виноградова 1960 года «Об омонимии и смежных с ней явлениях» в журнале «Вопросы языкознания». В этой статье дается определение омонимии, в соответствии с которым под омонимами понимаются слова, звучащие одинаково, но имеющие совершенно разные значения, а также разграничивается омонимия и смежные с ней явления [3]. На данном основании в то время омонимию рассматривали только на уровне слов. Но на сегодняшний день исследуются явления омонимии, представленные на разных уровнях языковой системы [4, с. 90]. «Русский язык. Энциклопедия» определяет омонимию как звуковое совпадение разных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом [5, с. 285]. Данное определение получило всеобщее признание, не только среди русских ученых, но и среди китайских.

Употребление омонимов довольно распространено, мы часто можем их встретить и в художественных произведениях, и в публицистике, и в разговорной речи. В каждой сфере употребления может наблюдаться та или иная экспрессивная окраска, различная функциональная отнесенность. Приведем некоторые примеры омонимии в поэзии, в рекламе, в газетных и пропагандистских текстах, в народных шутках и анекдотах.

В поэзии омонимия встречается достаточно часто. Поэты нередко используют омонимические рифмы в своём творчестве, например:

«Защитник вольности и прав, // В сем случае совсем не прав»
(А.С. Пушкин).

Здесь первое слово прав – род. п. мн. ч. существительного право, а второе слово прав – краткая форма прилагательного правый, их семантические различия очевидны.

Легко заметить, что омонимы часто используются и при создании рекламных текстов. Благодаря омонимии образуется каламбур, который привлекает к себя внимание, и реклама оказывается легко запоминающейся по ассоциации, например:

«Хорошо иметь Домик в деревне». Собственное «Домик в деревне» – это марка молока, оно одинаково звучит со свободным словосочетанием «домик в деревне», и вместе с ним образует каламбур. Этот слоган, с одной стороны, указывает на качество молока и помогает легко запомнить его название, а с другой стороны, выражает мечту горожан иметь свой домик в деревне, и этим как бы делает данную марку ближе к народу.

«Есть перерыв, есть Кит Кат». В этом рекламном слогане о шоколаде употребляются полные омонимы, которые тоже образуют каламбур. С их помощью слоган хорошо звучит и вызывает живой интерес к рекламируемому продукту [6, с. 133–135].

В газетных текстах употребление омонимов также может служить средством создания каламбуров: в заметке под названием «Миг – и «МИГ» в воздухе» говорится о самолетах, взлетающих почти без разбега. Лозунг «Миру – мир!» построен также на омонимах, и это делает его выразительным, хорошо запоминающимся.

В шутках и анекдотах намеренное употребление омонимов всегда было незаменимым средством остроумной игры слов, способом создания каламбура, например:

Молодые люди подходят на улице к двум дамам и спрашивают:

– *Сережки не нужны?*

– *Нужны. А какие?*

– *Один – я, а другой Сережка – вот, мой товарищ.*

В данном анекдоте комический эффект достигается благодаря каламбуру, который основан на полной омонимии: сережка – серьга; Сережка – уменьшительно-ласкательная форма русского мужского имени Сергей. Дамы считали, что молодые люди продают им серьги, а на самом деле нет никаких серег, только два Сергея.

Среди прочих видов омонимии можно также привести пример фонетических омонимов – омофонов, которые, в частности, обыгрываются в народных шутках: «Я в лес, и он влез, я за вяз, а он завяз» (В. Даль).

Омонимия представляет собой распространенное явление в языках, уместное употребление омонимов в русской речи считается одним из стилистических средств, помогающих повышать экспрессивность речи, ее выразительность. Исследование функциональной роли омонимии в русском языке занимает важное место в современной китайской русистике и имеет большое практическое значение в процессе обучения русскому языку китайских учащихся.

Литература

1. Богатырева И.И. Асимметрия языкового знака в лексике и грамматике. <https://www.portal-slovo.ru/philology/44700.php>
2. Ван Чаочень. Курс современной русской теории (ч. 2). Шанхай: Шанхайское издательство учебной литературы в сфере иностранных языков, 1998 (на кит. яз.). 王超尘. 现代俄语理论教程(下). 上海: 上海外语教育出版社, 1998.
3. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных с ней явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5.
4. Сяо Ляньхэ. Курс современной русской теории. Чанчунь: издательство Цицилинского университета, 2004 (на кит. яз.). 肖连河. 现代俄语理论教程. 长春: 吉林大学出版社, 2004.
5. Шмелев Д.Н. Омонимия // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Караулова Ю.Н. – М., 1997.
6. Ян Чжисинь. Каламбур в русских рекламных текстах. Академический обмен. 2006. (3) (на кит. яз.). 杨志欣. 俄语电视广告中的双关现象. 学术交流, 2006, (3).

Чэнь Инюй

1577167025@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Гуандунского университета иностранных языков

и внешней торговли

Гуанчжоу, Китай

Шантурова Г.А.

GAShanturova@pushkin.institute

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Лексема «каша» как компонент русского пищевого кода

Ключевые слова: каша, пищевой код, лингвокультурема.

Аннотация. В данной работе рассматривается лексема «каша» как компонент русского пищевого кода, на основании проведенного лингвокультурологического анализа определено 7 групп лингвокультурем, мотивированных лексемой каша.

Chen Yingyu

Shanturova G.A.

The token porridge as a component of the Russian food code

Keywords: porridge, food code, linguoculture.

Abstract. In this paper, the porridge lexeme is considered as a component of the Russian food code. Based on the linguocultural analysis, 7 groups of linguocultures motivated by the porridge lexeme are identified.

Известный ученый-лингвист А. Вежицкая характеризует национальную кухню как «собирательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов» и включает в себя следующие компоненты: физиологическую потребность человека в еде, приготовление, особенности и традиции употребления пищи, эстетические, философские, религиозные и нравственные представления. Национальную кухню можно рассматривать как один из важнейших модулей, посредством которого формируется этноспецифический образ мира каждого народа. Лексика этой тематической группы содержит значительный объем социо- и этнокультурной информации, эксплицируя представления, образы, приоритеты, стереотипы и оценки, которые отражают специфику национального менталитета и мировосприятия, системы социокультурных отношений, традиций, обычаев и верований, характерных для русской культуры.

Код культуры – это «система означивания, т.е. сформированная стереотипами этнокультурного сознания конфигуративная совокупность знаков и механизмов их применения с целью осуществления двух взаимосвязанных процессов: (а) образования и структурирования довербальных смыслов и (б) их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения, передачи внегенетической информации в рамках определенной коммуникативно-прагматической парадигмы» [1].

Пища является важнейшим условием самого существования человека, поэтому одним из базовых в каждой этнокультуре является пищевой код, так как в нем в концентрированном виде отражается история, быт и нравы народа. Это определяет высокую степень этноспецифичной маркированности лексики данной концептуальной сферы.

В «Частотном словаре русского языка» под ред. Л.Н. Засориной наибольшей частотностью обладают следующие лексемы: чай (224), хлеб (184), каша (25), щи (18), борщ (18), колбаса (17), пирог (16), пряник (13), суп (12), пирожок (10), яичница (8), булка (4), т. е. одной из наиболее частотных лексем в русском пищевом коде является лексема *каша*, занимающая второе место после концепта-константы *хлеб*.

Исторически каша – это обрядовое, торжественное блюдо, употребляемое на праздниках и пирах, одно из важнейших блюд русской национальной кухни, с которым связано множество обычаев, обрядов, суеверий, сказок. Жизнь русского человека сопровождалась кашей: бабкина каша при рождении, каша для жениха и невесты в свадебном обряде, поминальный обед – кутья.

Нами были проанализированы лексико-фразеологические единицы, имеющие в своем составе лексему *каша*. Анализ позволил выделить следующие группы, мотивированные лексемой *каша*:

1. **символ жизненной ценности:** *щи да каша – пища наша, каша – мать наша, где щи да каша, там и место наше; без каши обед не в обед.*
2. **интеллектуальные способности человека:** *каша в голове* (отсутствие понимания, порядка в мыслях);
3. **речь как проявление внутреннего мира человека:** *каша во рту* (о том, кто неясно, непонятно выговаривает слова);
4. **внешний вид и физическое состояние:** *мало каши ел* (о слабом человеке, о неопытном человеке); *просить каши* (об обуви, которая износилась до дыр);
5. **характеристика человека:** *размазня* (о безвольном, податливом человеке, не имеющем твердости в характере, внутреннее состояние человека в конкретный промежуток времени);
6. **характеристика объекта:** *кашу (каши) маслом не испортишь* (хорошего слишком много не бывает); *каша из топора* (о чем-либо стоящем, сделанном, несмотря на нехватку компонентов, которые входят в его состав, благодаря смекалке);

310 | 7. **межличностные отношения:** *каши не сваришь* (не сговоришься, не сделаешь дела с кем-нибудь, не уладишь дела); *заварить кашу* (затевать какое-либо сложное, хлопотливое или неприятное дело); *расхлёбывать кашу* (справляться со сложным, хлопотливым или неприятным делом); *с кашей съём* (расправлюсь с кем-либо); *однокашник* (соученик, товарищ по школе, институту).

На основании лингвокультурологического анализа нами определено 7 групп лингвокультурем (Воробьев В.В.), мотивированных лексемой *каша* и обладающих национально-культурной маркированностью. В результате проведенного исследования, опираясь на лингвокультурологический подход, мы пришли к следующему заключению: лексика, объединённая лексемой *каша*, является национально-специфичной, глубоко связанной с культурой народа, относится к различным сферам жизни русского человека и отражает особенности национального сознания.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смыслов в зеркале культуры // Мир русского слова. – 2002. № 2. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2002-02/28_330
2. Ван Чжицы. Национально-культурная специфика лексико-семантической группы наименований блюд русской кухни в аспекте обучения РКИ: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2006.

0171103011@shisu.edu.cn

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
студент Шанхайского университета иностранных языков
Шанхай, Китай

Филиппова В.М.

VMFilippova@pushkin.institute

канд. пед. наук,
доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Традиционные головные уборы в России и в Китае

Ключевые слова: традиционные головные уборы, кокошник, традиции ношения, корона феникса.

Аннотация. С древних времен головные уборы играли важную роль в подборе одежды. Поскольку Россия является многонациональной страной, в стране существует множество традиционных костюмов. В качестве примера рассматриваются кокошник и его история, а также традиционный головной убор в Китае – Fengguan – «корона феникса».

Chen Xi

Filippova V.M.

Traditional headdresses in Russia and China

Keywords: traditional hats, kokoshnik, wearing traditions, phoenix crown.

Abstract. Since ancient times, headdresses have played an important role in matching clothes. As a country with diverse ethnic groups, Russia has countless traditional costumes. This article selects the highly representative kokoshnik as an example in order to reveal the story behind it. At the same time, the article also introduces the development and wearing of Fengguan, a traditional headdress in China.

С древних времен головные уборы играли чрезвычайно важную декоративную роль в одежде в целом [1]. Являясь аксессуарами для ношения на голове, они обладают самыми сильными декоративными свойствами по сравнению с другими деталями.

Кокошник – один из самых известных русских традиционных элементов костюма. Сегодня кокошники все еще присутствуют на мировой арене: многие

312 | девушки и женщины в русских народных хорах выступают в кокошниках, а всемирно известные бренды одежды включают в свои коллекции элементы дизайна кокошника. На чемпионате мира по футболу 2018 года были также болельщики в традиционных головных уборах – в кокошниках.

Точное время появления кокошника неизвестно. Другими словами, насколько стара традиция его ношения до сих пор остается загадкой. Известно, что в России под Новгородом были найдены благородные захоронения XII века с орнаментом, украшенным чем-то вроде головного убора в форме щита. Название впервые упоминается в литературе XVI века и происходит от древнерусского слова «кокошь», что значит курица или петух [2].

Кокошник – это венец из плотной бумаги и дорогой ткани, пришитый к шапке или закреплённый по линии волос. По существу, это головной убор, покрытый дорогими тканями и драгоценными камнями, жемчугом, золотыми и серебряными нитями. Дамы, которые были не так богаты, использовали бисер, стекло, атлас и другие красивые украшения. Замужние женщины могли носить только полностью закрытые кокошники, чтобы полностью скрыть свои волосы (по легенде, замужние женщины принесут несчастье и неприятности семье, если они сохраняют свою девичью причёску), в то же время незамужние женщины могли показать свои косы из-под кокошников.

В разных ситуациях и в разных провинциях кокошники имеют свои особенности и различный внешний вид. Форма гребня в разных губерниях отличалась: в Олонецкой губернии кокошник по форме напоминает шляпу с вытянутым вперед очельем и лопастями, закрывающими уши. Вологодский кокошник называется сборником и известен своими многочисленными компонентами на глазках. Архангельский кокошник имеет овальную форму, сверху украшен богатыми орнаментами, а яйцевая камера выступает вперед без других украшений. В Новгородской и Тверской губерниях он был шлемовидной формы. Различия обычно связаны с разными местными способами расчесывания волос – вокруг головы или вокруг лба, затылка и т. д. По структуре кокошники можно разделить на однорогий кокошник (в основном распространен в Московской области и прилегающих областях); двурогий кокошник, который является равнобедренными треугольниками или высокими полумесяцами. Тонкий передний конус кокошника символизирует поклонение плодородию. Такой кокошник украшен золотой вышивкой [3].

Обычно кокошник носили в праздничные дни. В отличие от кички и сороки, незамужние женщины также могли носить кокошники.

Кстати, кокошник, который был так популярен в различных регионах России, когда-то не был принят высшим обществом, потому что Петр I издал указ, запрещающий появление кокошника во дворце. К счастью, когда Екатерина II сменила его, эта мода была восстановлена. В эпоху Николая

И сочетание кокошника и придворного платья даже стало почётным символом, принятым при дворе.

Как в слове «кокошник» зашифрована любовь к природе, так и традиционный китайский головной убор связан с ней. В древнем Китае люди горячо любили природу: у птиц есть хохолки, а у деревьев – цветы. Их сочетание напоминает прекрасную картину, поэтому предки современных китайцев хотели запечатлеть эту красоту и надеть ее на голову, выражая таким образом своё уважение к ней. Корона ранних женщин была относительно простой, в династии Тан начали добавлять в неё образ хохолка феникса, чтобы представить благородство носящих её женщин. Такой головной убор постепенно начал называться «Фэн Гуань», что в переводе на русский звучит как «корона феникса». Корона феникса имеет торжественную форму и является символом благородного статуса: она сочетает в себе сложный процесс изготовления, комплексную форму и высокую художественную ценность [4]. От ремесленников требовали красиво сочетать тысячи жемчужин, сотни драгоценных камней и множество украшений на короне. Корона феникса в династии Мин являлась церемониальной короной, которую носила королева в процессе коронации. Позже, во время династий Мин и Цин, цветные короны, используемые женщинами, также назывались коронами феникса, но большинство из них использовались только для свадеб.

Таким образом, кокошник использовался в большем количестве ситуаций, чем корона феникса, и, вероятно, был более прост в изготовлении, но оба головных убора являлись показателем определённого статуса в традиционных культурах России и Китая.

Литература

1. Ву Лин. О применении дизайна головного убора в подборе одежды // Liaoning шелк. – 03.2009 г. (伍岭 《浅谈头饰设计在服装搭配中的应用》 // 辽宁丝绸 – 2009年3月)
2. Кокошники // Русские подарки и сувениры. – URL: <https://www.lavka-podark-ov.ru/articles/56795/>
3. Ли Кэхуй. Сто птиц в небе – О красоте корон Феникса // Завтрашняя мода. – 04.2019 г. (李可辉 《天上百鸟朝凤凰——浅谈凤冠之美》 // 明日风尚 – 2019年4月).
4. О появлении кокошника // Путеводитель по русским ремеслам. – URL: <https://ru.russianartsonline.com/crafts/99784-kokoshnik/>

Чэнь Сюэци

549307953@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Чанчуньского политехнического университета

Чанчунь, Китай

Бабенко А.В.

AVBabenko@pushkin.institute

ассистент

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Числа «один», «два», «четыре» как код культуры

Ключевые слова: числа, культура, язык, Россия, Китай, устойчивые выражения.

Аннотация. Авторы проанализировали цифры один, два, четыре с точки зрения культурной ценности России и Китая, выявили их значения, привели примеры устойчивых выражений, содержащие числовой компонент в своей структуре.

Chen Xueqi

Babenko A.V.

The numbers one, two, four as a cultural code

Keywords: numbers, culture, language, Russia, China, idioms.

Abstract. The authors analyzed the numbers one, two, and four from the point of view of the cultural value of Russia and China, identified their values, and gave examples of stable expressions that contain a numerical component in their structure.

Как известно, культуры России и Китая основаны на символах и знаках, отражающих быт народов, его историческое и духовное развитие. Символика чисел прослеживается в древних верованиях, традициях, культуре, а также в языке народов. В Китае очень важным считается звучание – гармонический обертон слова, который имеет весомое значение для определения положительного отношения к числу. В России имеет большое значение деление чисел на четные и нечетные, и, таким образом, выделяется положительная или отрицательная оценка числа (например, количество цветов должно быть нечетным в России, а в Китае наоборот: четные числа пользуются популярностью при выборе дат и подарков). Однако в китайской культуре ряд чисел разделен на мужские и женские, это связано с древней философией и учением

о свете и тьме (сейчас оно известно как учение о «инь» и «ян»). Рассматривая образные сходства и различия чисел один, два, четыре, мы обратимся к культурологическим особенностям, а также сравним их с устойчивыми выражениями, содержащими числовой компонент в своей структуре.

Число «один / единица / первый»:

В Китае:

- считается самым сложным числом в культуре (звучание, обертон);
- имеет значение «начало всех вещей», восходит к философской мысли Лао-цзы: «ДАО творит единое, Единое разделяется надвое, Два порождают три, Три порождают множество» (道生一, 一生二, 二生三, 三生万物);
- это «мужское число», знак солнца, неба;
- является символом достижения, статуса и чести;
- **фразеологизм:** «одной стрелой убить двух орлов» (一箭双雕). Выражение означает «одновременно выполнить два нужных, важных дела»; «добиться осуществления двух целей».

В России:

- символ целого, нераздельного;
- символизирует начало всего живого;
- трудность в достижении результата («первый блин комом»);
- **пословицы, поговорки** (их части): «один в поле не воин», «одна правда на свете живет».

Число «два / двойка / пара»:

В Китае:

- символ пары и взаимного дополнения «инь» и «ян», рожденных из единства;
- считается счастливым числом в китайской культуре (найти хорошую пару (好事成双));
- в Новый год вешают куплеты (надписи, украшения) с обеих сторон двери, что означает двойной призыв / пожелания удачи;
- на традиционных китайских свадьбах часто используется слово «囍» – сдвоенные благоприятные иероглифы, то есть пожелание «двойного счастья».

В России:

- символ пары, символ незамужней девушки и парня (в словах девушка ДеВА и ПАРень славянами изначально заложена парность звучания);
- союз земли и неба, дающий жизнь на этой планете;
- символ двойственности, противоположности / схожести чего-либо;
- часть устойчивого выражения: «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь», «как две капли воды», «старый друг лучше новых двух».

Число «четыре / четверка»:

В Китае:

- самое противоречивое число в культуре;

316 | – оно символизирует четыре стороны света – сы да (四大), четыре сезона года – сы ши (四时), сы ци (四期), четыре символа – сы сян (四象) «Канона (книги) Перемен»;

– «четыре» – это дважды два, поэтому число «четыре» тоже указывает на благополучие и счастье в жизни, а также является «женским» числом;

– устойчивые выражения, имеющие положительное значение: «四季发财» – значит «быть богатым все сезоны», и «光芒四射» – значит «интенсивный свет поражает все направления», то есть «потрясающий»;

– 四 sì (четыре) схоже по звучанию со словом 死 sǐ (смерть), поэтому имеет отрицательное значение. Китайцы стараются избегать это число и в больницах нет 4-й палаты, а в гостиницах может и не быть 4-го номера. В домах зачастую 4-й этаж обозначают каким-либо приятным иероглифом, например, заменяют буквой F или сочетанием 3 «а», если этаж или номер следует четвертым по порядку;

– четвёрка может символизировать крутые перемены, что чаще всего связывается с негативными последствиями;

– устойчивое выражение: «утром по три, а вечером по четыре» (朝三暮四) – выражение обозначает гибкость (или переменчивость) в принятии решений.

В России:

– символ Матери-земли. Обозначается квадратом, поэтому это знак стабильного и нерушимого мироустройства, устойчивости и непоколебимости;

– символизирует четыре стороны света, четыре времени года, каждый четвертый год – високосный, четыре периода жизни человека (детство, юность, зрелость, старость) и т. д.;

– устойчивые выражения: «сидеть в четырех стенах», «идти на все четыре стороны», «у мира четыре стороны – если три закроются, то уж четвертая непременно будет открыта».

Подводя итог, можно сказать, что в культурах обеих стран числовой код имеет как сходства, так и различия, а числа играют важную роль в культуре России и Китая. Результаты таких компаративных исследований должны учитываться при создании учебных материалов по РКИ [1, с. 12].

Литература

1. Бабенко А.В., Орехова И.А. Фразеологизмы в практическом курсе русского языка как иностранного // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2018. № 1. – С. 10–12.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990.
3. Цзян С. О различиях в восприятии и употреблении числительных в русской и китайской культурах // Молодой ученый. – 2014. – № 10. – С. 549–551.

alyonatchen@yandex.ru

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Тяньцзиньского университета иностранных языков

Тяньцзинь, Китай

Орехова И.А.

IAOrehova@pushkin.institute

д-р пед. наук,

заведующий кафедрой стажировки зарубежных специалистов,

профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом «собака» в русском и китайском языках

Ключевые слова: фразеологизм, собака, компонент, русский язык, китайский язык.

Аннотация. Статья посвящена анализу фразеологизмов с компонентом-зоонимом «собака» в русском и китайском языках с целью культурно-языкового диалога двух народов. Материалом исследования в данной работе являются русские и китайские фразеологизмы с компонентом «собака».

Chen Tian

Orehova I.A.

Idioms with component-zoonym dog in Russian and Chinese

Keywords: idioms, dog, component, Russian, Chinese.

Abstract. The article documents research of idioms with component-zoonym “dog” in Russian and Chinese with the aim of cultural and linguistic contacts between the two nations. The research material in this work are Russian and Chinese idioms with the component “dog”.

Фразеологизмы с компонентом «животные» представляют собой одну из самых многочисленных групп в русском и китайском языках. Так, и в русском, и в китайском языке активно используется образ собаки. Образ этого животного используется для олицетворения различных черт характера и облика человека. Но из-за различий природной среды, культурно-исторических реалий, национального менталитета символика животных в русской и китайской фразеологии обнаруживает как общие, так и специфические черты.

Собака на Руси с древнейших времен играла важную роль. Это не просто домашнее животное, а компаньон и постоянный спутник человека, незаменимый помощник и беззаветно преданный и верный его товарищ в любых областях человеческой жизни – в поле и в доме, на промыслах и на охоте, на службе и в дороге. Русские ценят их преданность, выносливость, неприхотливость, отличный слух и острое обоняние. Например, *собачья верность; верный как собака; и собака старое добро помнит; без собаки зайца не поймает; на чужбине и собака тоскует* и т. д.

Анализ китайских фразеологизмов показал, что положительные коннотации образа собаки встречаются в них значительно реже. В качестве примеров относительно положительной интерпретации можно привести одно ФЕ: 犬马之劳 (букв.: *служить как собака и лошадь*) – *служить кому-либо верой и правдой*.

У китайцев двойственное и сложное отношение к собакам, которые с одной стороны, ценят их верность, с другой стороны, презирают их покорность. Китайцы думают, будучи лояльными, что собаки также имеют характер. Они являются послушными рабами среди животных. Древний Китай являлся аграрным государством, лошадь и корова играли более важную роль в сельскохозяйственной жизни, чем собака. Под влиянием традиционных китайских обычаев, социальных систем и иерархий собака никогда не могла быть частью семьи. Поэтому собака занимала крайне низкое положение в китайской культуре. Например, 狼心狗肺 (букв.: *с волчьим сердцем и собачьими лёгкими*) – *неблагодарный человек*; 丧家之犬 (букв.: *бездомная собака*) – *человек, который потерял надежду и опору и кому некуда дальше идти*; 蜀犬吠日 (букв.: *сычуаньская собака лает на солнце*) – *удивляться всему по невниманию*.

Компонент «собака» также входит в состав многих русских фразеологизмов, которые имеют отрицательную коннотацию в значении. Например, *злой как собака; собачьи условия; глупая собака и на небо лает*.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно сделать следующий вывод: собака в фразеологизмах обоих народов имеет как положительный, так и отрицательный имидж. Причём в китайской культуре собака имеет отрицательную коннотацию. К ней не относятся как к другу, спутнику. Она скорее рабыня, существо низшего порядка, которое вызывает пренебрежительное отношение. В русском менталитете собака воспринимается как друг, член семьи. Её любят, за ней ухаживают. Из этого следует, что у разных народов разное восприятие одних и тех же явлений.

Нужно учитывать специфику страны и культуру [1, с. 208], вводя сведения о фразеологических единицах вообще, и о фразеологических единицах с анималистическим компонентом в частности.

Литература

1. Бабенко А.В. Фразеологизмы с анималистическим компонентом при обучении русскому языку как иностранному // Международная научно-практическая интернет-конференция «Актуальные вопросы описания и преподавания русского языка как иностранного/неродного»: Сб. материалов / Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина; Под общей ред. Н.В. Кулибиной. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. С. 205–210
2. Ван М. Образ собаки в русской и китайской языковых картинах мира (на материале идиоматики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. № 11.–3(53). – С. 49–52.
3. Цзя С. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2014. – № 2. – С. 181–186.
4. Geleta Gana. Comparative analysis of Chinese and Russian proverbs including zodiac animals // Zhejiang University. – 2015.

Чэнь Цзе

1925445938@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Шэньсийского педагогического университета

Сиань, Китай

Борисенко В.И.

vvi095@mail.ru

канд. ист. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Понятие «семья» в русской и китайской культуре

Ключевые слова: семья, семейная культура, дети, праздники.

Аннотация. Каждая национальная культура по-своему воспринимает одни и те же социальные институты. В данных тезисах рассматривается понятие «семья» в русской и китайской культурах в таких аспектах, как значение слова «семья» в словарях, русская и китайская семейная культура, а также роль праздников в семейной культуре.

Chen Jie

Borisenko V.I.

The concept of family in Russian and Chinese culture

Keywords: family, family culture, children, holidays.

Abstract. Each national culture perceives in its own way the same social institutions. These theses discuss the concept of “family” in Russian and Chinese cultures in such aspects as: the meaning of the word “family” in dictionaries, Russian and Chinese family culture, as well as the role of holidays in family culture.

В мире насчитывается большое количество народов. Несмотря на продолжение процессов глобализации и взаимопроникновение разных национальных культур, каждый народ стремится сохранить самобытность своей культуры, в которой проявляется, в частности, мировоззрение этого народа.

Семья, в качестве «социального института, базовой ячейки общества» [3, с. 65–66], является неотъемлемой частью социума и одним из самых актуальных объектов исследований. В данной работе рассматривается понятие «семья» в русской и китайской культуре. При этом сравнение проводится в следующих аспектах.

1. Значение слова «семья» в словарях.

«Толковый словарь русского языка» дает следующие определения слова «семья»: 1) Группа живущих вместе близких родственников; 2) Объединение людей, сплоченных общими интересами; 3) Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детенышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида» [4, с. 710].

Словарь китайского языка интерпретирует слово «семья» следующим образом: 1) 犹言家中 – «человек говорит, что он дома»; 2) 以婚姻和血统关系为基础的社会单位, 成员包括父母、子女和其他共同生活的亲属 – «социальная единица, основанная на браке и родственных отношениях, и члены семьи включают в себя родителей, детей и других родственников, живущих вместе»; 3) 院落, 庭院 – «дом, жилище» [5].

Из приведенных определений следует, что обе культуры признают семью как группу живущих вместе близких родственников. Кроме того, в русском словаре «семья» еще означает группы животных и растений, что не отмечено в китайском словаре. Наоборот, «семья» в китайской интерпретации отражает значения слов «дом», «жилище». Так что можно сделать простой вывод: в сфере семантического значения двух культур в понятии «семья» существуют некоторые различия. И даже можно сказать, что китайская «семья» больше подчеркивает кровное родство.

2. Русская и китайская семейная культура.

«Самыми распространенными в современном российском (и любом другом) обществе являются нуклеарные семьи, состоящие из родителей и их детей, из двух поколений. Расширенная семья представляет собой две и более нуклеарные семьи с единым домохозяйством и состоящая из трех и более поколений – прародителей, родителей и детей (внуков)» [2]. В китайском же обществе в связи с сильным влиянием конфуцианской культуры большинство семей представляют собой общность трех поколений. Люди высоко ценят добродетели, стремятся к Сяо («почитанию родителей»), которое считается важной ценностью в китайской традиционной семейной культуре. Известная китайская поговорка “百善孝为先” [7, с. 120] («Почитание родителей является самым главным во всех добрых делах») отражает именно этот принцип.

Отличается в русской и китайской семьях отношение к детям. Русские очень любят своих детей! Они из всех сил стараются создать детям наилучшие условия в жизни, в получении образования. В Библии содержится много высказываний о детях: «Дети – дар от Бога», «Дети – наследие и благословение», «Дети – венец стариков». Если у супругов всю жизнь нет детей, то люди полагают, что это божье наказание. Конечно же, китайские родители тоже берегут своих детей. Поговорка “上有老, 下有少” означает, что надо заботиться и о пожилых, и о младших. Впрочем, другая пословица “不孝有三, 无后为大” [6, с. 95] отмечает, что наличие детей является одним из требований Сяо. Таким образом, русская и китайская семейные культуры подчеркивают разные стороны отношения к детям.

3. Роль праздников в семейной культуре.

Праздник является «важной первичной формой человеческой культуры» [1, с. 13], является универсальной и важнейшей чертой цивилизации. Праздники могут определить систему социальных ценностей нации, так что праздники в определенной степени показывают, что такое семья. В России, кроме таких праздников, как дни рождения, годовщины свадьбы и другие индивидуальные события, а также некоторые общенародные праздники, в список праздников включаются семейные праздники, например, Новый год, Рождество Христово, Масленица, День семьи, любви и верности и т. п. Однако данные праздники отмечаются в память каких-то событий или людей. Так, День семьи, любви и верности приурочен ко дню памяти святых князя Петра и его жены Февронии, «покровительствующих» семье и браку в православной традиции. Следовательно, не важно, чему посвящаются праздники, важно, что члены семьи отмечают праздничные дни. Что касается китайских праздников, то почти все они традиционно связаны с семьёй. Каждый год в феврале все члены семьи по возможности возвращаются домой из всех точек страны, чтобы вся семья собралась вместе, иначе праздник Весны теряет смысл. Цель создания праздника Луны и праздника фонарей также состоит в этом. Одним словом, поддержание фактического единства семьи является знаком, отпечатанным в китайской культуре.

Рассмотрение заявленной темы показывает существование определенных различий в понятии «семья» в русской и китайской культурах. Но какова бы ни была разница в понимании, семья у обоих народов символизирует любовь, поддержку и счастье. И в этом проявляется общность культур русского и китайского народов.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Электронный ресурс]. – М., 1990. – 543 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_rable_1990.pdf
2. Бондарь Л. Семья: прошлое и современность // Бондарь Л. Введение в скаутинг: Книга для родителей и для других взрослых. Женева, 1996. – 191 с.
3. Королев Ю.А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. – С. 61–66. – URL: <http://jrnprnorma.ru/issue/2000/10>
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.
5. 《汉语大词典》 Словарь китайского языка. 汉语大词典出版社, 1990. T.3 – URL: <http://www.guoxuedashi.com/hydc/132706b.html>
6. 不孝有三, 无后为大. 《孟子》, 上海大学出版社. «Мэн-цзы», Издательство Шанхайского университета, 2012. – 218 с.
7. 王永彬, 《围炉夜话》, 贵州民族出版社. Ван Юнбинь «Вэйлуехуа», Издательство Национальностей Гуйчжоу, 2019. – 304 с.

Юань Линьлин

1607299571@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

студент Хэйлунцзянского университета

Харбин, Китай

Паремузашвили Э.Э.

EEParemuzashvili@pushkin.institute

канд. филол. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Особенности организации занятия по русскому языку как иностранному с использованием ресурсов портала «Образование на русском»

Ключевые слова: русский язык как иностранный, интернет-портал «Образование на русском», коммуникативная компетенция, социокультурная компетенция.

Аннотация. В данной статье мы рассматриваем ресурсы интернет-портала «Образование на русском», которые могут быть использованы на занятиях по русскому языку как иностранному.

Yuan Linlin

Paremuzashvili E.E.

Features of organizing a class in Russian as a foreign language using the resources of the portal PushkinOnline

Keywords: Russian as a foreign language, the portal *PushkinOnline*, communicative competence, sociocultural competence.

Abstract. In this article, we'll look at the resources at the Internet portal *PushkinOnline*, which can be used in classes with Russian as a foreign language.

В данной статье мы анализируем ресурсы портала «Образование на русском» – «Русский язык для наших детей» и «Русский на каникулах». Отметим, что они могут быть полезны не только детям-билингвам, но и инофонам вообще, в том числе и иностранным студента, приезжающим на стажировку в Россию. Анализируемый ресурс – пример того, как «новые информационные технологии в обучении русскому языку как иностранному» [2, 227] учитывают традиции и новации методики обучения РКИ.

Учебно-тренировочный контент ресурса «Русский язык для наших детей» включает в себя следующие компоненты:

1. обучение *аудированию и чтению*;
2. лексико-грамматический блок, состоящий из шести иллюстрированных тематических словарей: *природа, дом, спорт и отдых, транспорт, гардероб, музыкальные инструменты*;
3. лингвострановедческий блок «О России», состоящий из пяти разделов: *Общие сведения о России, Традиции и образ жизни россиян, Москва – столица России, Города России, Из истории России*;
4. игровая площадка, в которой представлены *игровые задания* для тех, кто умеет или учится читать и для тех, кто уже хорошо читает;
5. школьный двор – своего рода копилка, в которой хранятся *поговорки, скороговорки, материалы по истории и географии, обычаям и традициям*, а также *артстудия* (песни, репродукции картин, фотографии достопримечательностей);
6. читальный зал, состоящий из *рассказов, сказок, очерков и стихов* для уровней владения русским языком от А1 до В2;
7. тестирование.

Обратим внимание на те блоки, которые мы можем использовать при проведении занятий по русскому языку как иностранному.

Лексико-грамматический блок полезен при изучении лексики по заданным ресурсом темам. Каждая лексема проиллюстрирована и озвучена.

Лингвострановедческий блок «О России» можно использовать как на занятиях по русскому языку как иностранному, так и на занятиях по страноведению и лингвострановедению, благодаря которым мы формируем у иностранных студентов социокультурную компетенцию, без которой невозможно целостное и объемное изучение любого иностранного языка.

Ресурсы школьного двора могут быть включены в курс по развитию речи иностранных студентов. Особое внимание мы рекомендуем обратить на скороговорки и поговорки, разделенные на 10 тематических групп: *Лиха беда начало, Найди родную половинку, О дружбе, О Родине, О семье, О труде, Об учении, Скажи по-другому, Смотри в корень, Точно в яблочко*.

Тестовый блок разработан в первую очередь для детей-билингвов, желающих проверить свои знания русского языка, однако представленные субтесты (лексика-грамматика, аудирование, чтение и письмо) можно использовать как при проведении аудиторных занятий по русскому языку как иностранному, так и при организации самостоятельной работы иностранных студентов.

Учебно-тренировочный контент ресурса «Русский язык для наших детей» нашел полноценное отражение в видеокурсе «Русский на каникулах». Видеокурс состоит из 28 серий, объединённых общими персонажами – двумя любознательными московскими школьниками, Таней и Егором. Каждая серия

посвящена определённой коммуникативной ситуации: «С днём рождения!», «Инструкция для путешественников», «Телескоп», «Зима пришла», «Сюрприз», «Языки и страны», «Спешим, бежим, летим», «Опасный эксперимент», «Наша столица», «Егор и горы», «Полет попугая», «Дождик песенку поет», «Сказка на ночь», «Мир искусства», «В мире животных», «Какие бывают медведи», «Масленица», «Травма», «Волшебная сила азарта», «Ох уж эти контрольные», «Подарки для подруги», «Новогодние сюрпризы», «Поэты рисуют словами», «Что поможет попугаю», «Богатырская подкова», «Пирог и пряники», «География в стихах», «Кошка или собака».

Полагаем, что ценность данных ресурсов заключается в их многогранности, благодаря чему у иностранных студентов, обучающихся как в языковой среде, так и в условиях ее ограниченности, формируется полноценная коммуникативная компетенция. Элементы эдьютейнмента в рассматриваемых курсах имеют также такие преимущества как «повышение мотивации», «стимуляция интереса к русскому языку и культуре» [1, с. 173].

Литература

1. Андреева Н.В. Кракович В.Б. Эдьютейнмент в обучении РКИ: развитие электронного образования, акцент на аудитивные навыки и умения и другие преимущества // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном вузе: Материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции. – М., 2017. – С. 163–173.
2. Кабанкова Ю.Ю. Опыт обучения русскому языку как иностранному детей из стран азиатско-тихоокеанского региона в ВДЦ «Океан» по программе «Давайте читать и говорить по-русски вместе с Институтом Пушкина» // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР – М., 2016. – С. 226–229.
2. Русский на каникулах. URL: <https://lit.pushkininstitute.ru/rov/index.php>
3. Русский язык для наших детей. URL: <http://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/>

Юань Минцин
1257736939@qq.com
магистрант

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
магистрант Института русского языка Хэйлуунцзянского университета
Хэйлуунцзян, Китай

Орехова И.А.
IAOrehova@pushkin.institute
д-р пед. наук,
заведующий кафедрой стажировки зарубежных специалистов,
профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Синонимия в лингвистической терминологии русского языка

Ключевые слова: лингвистический термин, синонимия, терминология.

Аннотация. Статья посвящена синонимии в русской лингвистической терминологии, которая является одним из наиболее распространенных типов системных отношений в этой сфере. Главное внимание уделяется причинам существования синонимичных терминов в русской лингвистике и способам упорядочения и унификации таких терминов.

Yuan Mingqing
Orehova I.A.

Synonymy in the linguistic terminology of the Russian language

Keywords: linguistic term, synonymy, terminology.

Abstract. The article is devoted to synonymy in Russian linguistic terminology, which is one of the most common types of system relations in this area. The main attention is paid to the reasons for the existence of synonymous terms in Russian linguistics and the method of ordering and unification.

Идеальный термин должен быть однозначным. Такую точку зрения разделяют почти все терминологи. Однако между идеалом и реальностью всегда существует разрыв, и синонимичные термины не являются редкостью.

Причины возникновения явления синонимии в русской лингвистической терминологии разнообразны. В целом эти причины могут быть обобщены в следующие четыре пункта:

1) Гибкость русского языка. В современном словарном составе русского языка имеется значительное количество общеупотребительных лексических

единиц с тождественной или подобной семантикой. После введения таких слов в лингвистическую терминологию они образуют немало синонимичных лингвистических терминов, таких как: *разговорный стиль* – *разговорная речь* – *устная речь*; *переносное значение* – *переносный смысл*; *знаки препинания* – *знаки пунктуации*. Такие термины широко используются в повседневных разговорах, в большинстве случаев они не содержат сложных лингвистических понятий.

Кроме этого, для лингвистической терминологии характерно наличие вариантов. При выражении одного и того же понятия использование различных вариантов термина также приводит к возникновению синонимичных лингвистических терминов, таких как: *интонационная конструкция* – *ИК* (*аббревиатурный вариант*); *речевой акт* – *акт речи* (*синтаксический вариант*); *языкознание* – *языковедение* – *глоттология* (*словообразовательный вариант*); *глоттология* – *глоссология* (*фонетико-графический вариант*).

2) Заимствование иностранных лингвистических терминов. Заимствованные термины занимают важную долю в русской лингвистической терминологии – из приблизительно 7000 словарных статей в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой есть 602 иностранных термина. Параллельное употребление терминов заимствованных и отечественных увеличивает количество синонимичных терминов в лингвистике.

В XV–XVI веках все первые собственно грамматические работы на Руси испытывали влияние античной лингвистической традиции – греческой или латинской. Эта традиция сказывалась в расположении материала, в терминологии, а также в трактовке тех или иных грамматических фактов [1, с. 6]. В качестве таких синонимов выступают термины *языкознание* – *языковедение* – *лингвистика* (от лат. *lingua* ‘язык’) – *глоттология* (от греч. *γλῶσσα* или *γλῶττα* ‘язык’); *определение* – *дефиниция* (от лат. *definition* ‘предел, граница’); *речевая деятельность* – *речевой акт* (от лат. *actus* ‘действие’); *неопределённая форма глагола* – *инфинитив* (от лат. *infinitus* ‘неопределённый’); *произносительная норма* – *орфоэпическая* (от др.-греч. *ὀρθός* ‘правильный’ и *ῥῆτος* ‘речь’) норма и т. д.

Кроме того, иностранные термины являются синонимами не только русских терминов. Например, русский язык впитывает в себя немало лингвистических терминов из французского языка. Некоторые из них образовали синонимические ряды с другими иностранными лингвистическими терминами: *речевой ритуал* (от лат. *ritualis* ‘обрядовый’) – *речевой этикет* (от фр. *étiquette* ‘этикет’). Исходно французские лингвистические термины образовали синонимические ряды в русском языке: *монолог* (от фр. *monologue* ‘монолог’) – *дискурс* (от фр. *discours* ‘речь; выступление; слова’).

С одной стороны, эти иностранные термины вызвали рост синонимичных терминов в русской лингвистической терминологии, но с другой сторо-

328 | ны, введение таких терминов способствует сокращению числа омонимов, уточнению семантики, избеганию использования длинных словосочетаний (например, *аспират – дыхательный звук*), повышению производительности лингвистических терминов (например, по сравнению с термином *языкознание* термин *лингвистика* имеет больше производных слов: *биолингвистика, психолингвистика* и другие).

При упорядочении и унификации таких синонимичных терминов должны учитываться и мотивированность, и удобство использования, и интернациональность терминов. Например, термин *инфинитив* короче термина *неопределенная форма глагола* и имеет более широкую сферу применения на международном уровне. Неудивительно, что термин *инфинитив* в настоящее время чаще употребляется.

3) Параллельное употребление новых и устаревших терминов. С улучшением познания языка лингвисты создают новые термины, которые являются более мотивированными или могут более точно определять какое-то понятие. В результате постоянно появляются новые термины, а устаревшие термины продолжают существовать. В конце концов количество синонимичных лингвистических терминов увеличивается. К таким терминам относятся термины *лексикон* (устар. *словарь* (обычно иностранных слов) – *словарь*; *терминология – терминоведение* (появилось позже, чтобы уточнить значение понятия «терминология»). Значения таких терминов могут постепенно накапливать различия в связи с развитием самого учения о языке.

4) Разные предпочтения лингвистов. Субъективные факторы играют важную роль в процессе упорядочения, формулирования лингвистической терминологии. Исходя из различных когнитивных подходов, теоретических систем разных школ, лингвисты выбирают или создают собственные термины, которые на самом деле соотносятся с тождественной или подобной концепцией. Таким образом количество синонимичных терминов повышается. Например, Р.О. Якобсон выбрал термины *метафора* и *метонимия* вместо терминов *парадигматическое отношение* и *синтагматическое отношение* в своих научных работах; термины *концепт* Ю.С. Степанова, *лингвокультура* В.В. Воробьева, *национальный социокультурный стереотип* Ю.Е. Прохорова, *логоэпистема* В.Г. Костомарова имеют похожую концепцию. Такие синонимичные термины характерны для сложных лингвистических понятий, не изученных до конца. В основу наименования таких понятий исследователями различных направлений были положены различные признаки. При этом лингвисты стремились ввести более мотивированные термины [2, с. 226]. Упорядочение и унификация таких лингвистических терминов требуют немало времени на определение их ценности и потенциала развития. Ранняя унификация таких терминов отрицательно сказывается на развитии лингвистических теорий.

Существование синонимии в лингвистической терминологии русского языка в определённой степени обоснованно. Синонимичные термины в лингвистике показывают гибкость и богатство языка и являются хорошим языковым материалом для новых концепций. Однако слишком много синонимичных терминов может мешать их употреблению, затруднять обмен информацией и общение между специалистами. Следовательно, синонимичные термины в лингвистике должны быть упорядочены, отсортированы и унифицированы. При оптимизации лингвистической терминологии наилучшая форма термина должна быть выбрана на основании системности, точности, производности и мотивированности. При стандартизации лингвистической терминологии нет необходимости определять единственный стандартный термин, а лучше выделять рекомендуемые термины из синонимических рядов.

Литература

1. Березин Ф.М. История русского языкознания. – М., 1979. – 223 с.
2. Колесникова Е.А. Русская лингвистическая терминология в период формирования (конец XIII – начало XX вв.) // Мир науки, культуры, образования. – 2010. № 2 (21). – С. 222–226.

Юйхань

weihan0910@163.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

старший преподаватель Педагогического университета Внутренней

Монголии

Хух-хото, Китай

Нечаева Е.В.

EVNechaeva@pushkin.institute

канд. пед. наук,

доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

Современные англоязычные заимствования в русском и китайском языках

Ключевые слова: англоязычные заимствования, русский язык, китайский язык.

Аннотация. Данная статья посвящена процессу внедрения в китайский и русский языки иностранных заимствований с анализом языковых и социальных факторов, влияющих на этот процесс.

Yuhan

Nechaeva E.V.

Modern English Loan words in Russian and Chinese

Keywords: English Loan words, Russian, Chinese.

Abstract. This article is devoted to the process of introducing foreign borrowings into Chinese and Russian with an analysis of the linguistic and social factors that influence this process.

Язык представляет собой общественное явление, изменяется и развивается с изменением общества особенно в области лексики. Это исторический процесс, включающий в себя несколько этапов и в Китае, и в России.

Англоязычные заимствования в русском языке.

Первое проникновение английской лексики в русский язык произошло в XVI веке с прибытием в Россию как рынок сбыта корабля Эдуарда Шестого. С началом дипломатических и торговых отношений в русском языке появились названия денежных единиц (*пенс, фунт*).

Второй период связан с правлением Петра Первого, когда в русский язык пришло около трехсот английских слов, относящихся к морскому и военному делу (*бриг – brig, бот – boat*).

В конце XVIII – начале XIX века бурно развиваются российско-британские отношения. Появляется много заимствований, связанных не только с политической, но и с экономической сферами. Англицизмы заимствуются и в письменной форме (*реформ – reform, бюджет – budget*).

Четвертым периодом можно считать время после революции 1905 года по девяностые годы XX века. В русский язык этого периода вошли многие социально-экономические термины и общественно-политическая лексика (*капитал – capital, парламент – parliament*).

Англоязычные заимствования в китайском языке.

Первый период – время династий Хань и Тан (206–907 гг. до н. э.), когда Китай, будучи процветающей страной, получал огромную культурную информацию.

Второй период – время династии Цин (с 1644 по 1912 г.). Китай постепенно приходит в упадок, в него вторгаются иностранные агрессоры со своей собственной культурой и языком.

К третьему периоду следует отнести время от осуществления реформ и открытости (в 1978 году) до девяностых годов прошлого века, когда экономика Китая начала бурно развиваться.

Период, начавшийся в девяностые годы прошлого века в Китае, так же как и период от распада СССР (также девяностые годы) до сегодняшнего дня, мы считаем современным и рассмотрим его подробнее.

Причины появления англоязычных заимствований в китайском и русском языках на современном этапе.

На современном этапе, когда появление заимствованных слов связано с социальными и экономическими факторами, можно выделить следующее.

1. Стремление сделать язык кратким и облегчить международное общение
2. Появление новых понятий, явлений, предметов, например «памперс – *ampers – 帮宝适*», «ноутбук – *notebook – 笔记本电脑*». Причем в этом случае словосочетание может трансформироваться в одну лексическую единицу, например «овертайм (*overtime – 超时*)».
3. Стремление молодежи следовать моде, использовать иностранные слова несмотря на то, что в китайском и русском языках есть соответствующие национальные варианты, например «шоппинг – *shopping – 购物*».

Некоторые способы заимствования англицизмов в русском и китайском языках

Прежде всего это прямое фонозаимствование (*браузер, уикэнд, стар-тан*); буквенные аббревиатуры (*СД, УФО*); экзотизмы (*гамбургер, айфон*); варваризмы (*вау*). Они характерны для обоих языков.

В то же время, если большинство заимствованных слов в русском языке транслитерированы (*комфорт* – *comfort*, *стандарт* – *standard*), в китайском в связи с идеографической письменностью используются кальки (*телефон* – *telephone* – 电话). Некоторые слова, пришедшие в китайский язык, также транслитерированы с целью сохранения их фонетического звучания (*кофе* – 咖啡, *гитара* – 吉他).

По мнению В.В. Колесова [1], заимствования иноязычной, в частности англоязычной речи может иметь положительное и отрицательное влияние на развитие родного языка.

К положительным факторам можно отнести повышение уровня субъективности высказывания, точное определение новшеств, расширение оценки или характеристики, обогащение лексического запаса, облегчение международного общения.

К негативным факторам следует отнести следующие. «Загрязнение» русского и китайского языков слишком частым использованием слов иноязычного происхождения, что, на наш взгляд, негативно влияет на языковую экологию. Заимствования могут препятствовать развитию национальной культуры. Заимствования, употребляемые молодыми людьми на уровне сленга, приводят к непониманию и разобщению между молодежью и людьми старшего поколения.

Пополнение лексических систем разных языков «связано с интенсивными процессами заимствования, которые детерминируются социальными, культурологическими и психологическими причинами» [2, с. 37].

Будучи закономерным процессом обогащения любого языка, облегчающим международное общение, заимствования, тем не менее, могут негативно влиять на родной язык, особенно, когда их обилие засоряет родную речь.

Несмотря на то что китайский и русский языки являются богатейшими в мире, количество заимствований в них постоянно растет, а значит эта проблема заслуживает постоянного исследования.

Литература

1. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
2. Китанина Э.А., Труханова Д.С. Заимствования как паттерны речевого поведения реальной и виртуальной языковой личности // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2019. – Т. 8. № 3. – С. 37–43.

Стилевые особенности языка русских сетевых СМИ

Ключевые слова: русский язык, лексико-стилистические особенности, электронные СМИ, сетевые СМИ.

Аннотация. Язык – это не только зеркало национальной культуры, но и продукт развития нашего века. С развитием и прогрессом информационных технологий общение между людьми становится все более тесным. И сетевые СМИ играют все более важную роль в нашей жизни. Развитие русских сетевых СМИ в большой степени способствует развитию языка сетевых СМИ, пониманию особенностей стиля этого языка, что имеет большое значение.

Yang Yunya

Stylistic characteristics of Russian online media

Keywords: Russian language, lexical and stylistic features, electronic media, network media.

Abstract. Language is not only a mirror of national culture, but also a product of the development of our century. With the development and progress of information technology, communication between people is becoming increasingly close. In addition, online media is playing an increasingly important role in our lives. The development of Russian online media to a large extent contributes to the development of the language of online media, and clarification of the style submission of the language of Russian online media and understanding of the language style of Russian online media are of great importance.

1. Стилиевое подчинение языка русским сетевым СМИ

Сетевые СМИ (не электронные версии печатных СМИ, а издания, изначально возникшие на базе технологий интернета и продолжающие функционировать исключительно в сети), появились как новый тип дискурса в русскоговорящем секторе интернета.

Сетевые СМИ (не электронные версии печатных СМИ, а издания, изначально возникшие на базе технологий интернета и продолжающие функционировать исключительно в сети), появились как новый тип дискурса в русскоговорящем секторе интернета.

По словам В.В. Виноградова, «стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [1, с. 73].

Одной из разновидностей стиля как такового традиционно считается публицистический стиль, основными субъектами которого являются печатные средства массовой информации – газеты, журналы и т. д.

Публицистический стиль занимает важное место в системе стилей литературного языка, поскольку во многих случаях он должен перерабатывать тексты, созданные в рамках других стилей. Научная и деловая речь ориентированы на интеллектуальное отражение действительности, художественная речь – на ее эмоциональное отражение.

Сочетая в себе вербальные (слова) и невербальные (оформление) выразительные средства языка, журналистский текст имеет цель донести до читателя необходимую информацию. Этой цели служат расположение статьи на полосе, размер, цвет и вид шрифта, оформление статьи и многие другие невербальные средства. В настоящее время формирующееся информационное общество и стремительное развитие информационных технологий диктуют свои правила, значительно видоизменяя журналистский текст. Причем в большей степени это касается новой площадки СМИ – сети Интернет, и это новое средство передачи информации обладает чертами публицистического стиля.

Стиль электронных СМИ – это разновидность публицистического стиля, распространенного в электронных каналах коммуникации – на радио, телевидении, в Интернете, поэтому стиль сетевых СМИ – это разновидность публицистического стиля, распространенного в Интернете.

Все это подтверждает и то, что сетевые СМИ как тип дискурса характеризуются и как традиционные каналы связи. Однако сетевые СМИ, обладая всей совокупностью признаков традиционных СМИ, имеют и общие черты, и оригинальные черты. Сетевые СМИ, совмещая в себе все традиционные каналы: визуальный (периодическая печать), аудиальный (радио) и аудиовизуальный (телевидение), с одной стороны, включают профессиональную сферу, а с другой, являются разговорной стихией. Следовательно, можно сказать, что стиль языка сетевых СМИ, подчиняется стилю современных СМИ в целом. С другой стороны, этот новый язык использует жаргонизмы.

Ясно, что стиль русских сетевых СМИ принадлежит к публицистическому стилю. Вернее, стиль сетевых СМИ принадлежит к стилю электронных СМИ, а стиль электронных СМИ принадлежит к публицистическому стилю.

2. Особенности стиля языка русских сетевых СМИ

Как известно, основу сетевых средств массовой информации составляют новые виды периодических изданий – сетевые газеты и журналы. Есть несколько десятков серьезных русских сетевых газет и журналов, выпускающихся на высоком профессиональном уровне уже на протяжении более двадцати лет, где язык сетевых СМИ имеет определенные особенности.

В первую очередь, русские сетевые СМИ пользуются следующими способами для передачи информации:

а) письменный текст, который не дает обширную информацию, но использует другие элементы (например, смех, звуки и др.);

б) фото – запечатленные детали событий с точной информацией;

в) звук, который воздействует эмоционально и усиливает значение текста, фото, и видео;

г) видеосюжеты – программы, которые могут быть представлены в видеороликах, короткая видеозапись какого-либо документального сюжета;

д) анимация как вид мультипликации с соответствующими технологиями.

Говоря об особенностях языка сетевого стиля, можно отметить, что этот стиль, отличаясь от публицистического стиля, использует больше возможностей для передачи информации и характеризуется большей свободой и гибкостью.

Заключение

В статье рассмотрены вопросы взаимодействия стилевых особенностей языка русских сетевых СМИ, что имеет большое значение для изучения стилистики в целом и может способствовать изучению современного русского языка и изучению языка СМИ в частности.

Литература

1. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 73.

Концепт «земля» в русской и китайской лингвокультурах (на материале фразеологии)

Ключевые слова: концепт, земля, фразеологизм, лингвокультура.

Аннотация. Земля является основой жизнедеятельности людей, фундаментом существования и развития человечества. Нами рассмотрены китайские и русские фразеологизмы, содержащие компонент *земля*, и проведен их сопоставительный анализ.

Yan Ruiting

Study on the concept earth from the perspective of Russian and Chinese linguistic culture (on the material of phraseology)

Keywords: concept, earth, idiom, linguistic culture.

Abstract. Earth is an important material basis of human life, also one of the most fundamental means development of mankind. This article discusses Chinese and Russian idioms that contain the component *earth*, from the point of view of linguistic cultures.

Наше время нередко определяется как «эпоха антропоцентризма» [4, с. 101]. Антропоцентрический подход является основополагающим в современной лингвистике: язык рассматривается в связи с мышлением человека и культурой. М.Л. Макаров относит языкознание к «человековедческим дисциплинам» [2, с. 11]. Важность данного подхода в науке подчеркивают Л.П. Мухаммад и Л. Ван [3].

Концепт представляет собой одно из ключевых понятий в современной лингвистике. Как отмечает Д.С. Лихачев, «потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [1, с. 320].

Мы рассмотрим концепт «земля» в китайской и русской лингвокультурах на примере фразеологизмов, содержащих компонент «земля». Нами будет проведен их сопоставительный анализ, что поможет выявить сходства и различия в способах концептуализации мира представителями двух культур.

Земля является основой жизнедеятельности людей, фундаментом существования и развития человечества. Концепт «земля» выражает целый ряд смыслов, которые являются общими для китайской и русской лингвокультуры. Рассмотрим некоторые из этих смыслов.

1. Земля как почва (человек возделывает землю). Как в русском, так и в китайском языке имеется много фразеологизмов про земледелие. К примеру, *садиться на землю* – переходить к постоянной работе в сельском хозяйстве, к земледелию; *сидеть на земле* – заниматься земледелием, сельским хозяйством; *поливать потом землю* – много и долго трудиться (на земле). Аналогичные коннотации находим и в китайской системе фразеологических единиц: 安土重迁 (‘привязан к земле, не склонен двигаться с места’).

2. Земля как источник силы, поддержка для человека. Земля выполняет «оберегающую» функцию, она, как мать, защищает людей, попавших в трудную ситуацию. Такое символическое значение можно проследить, например, во фразеологизмах *земля уходит из-под ног* – чье-либо положение становится ненадежным, шатким; *терять землю из-под ног* – лишаться уверенности в самом себе, утрачивать веру в успех своего дела. В китайском языке также имеются фразеологизмы, в которых выражен данный смысл, например, 无地自容 (‘нет земли, куда деваться’).

3. Земля как граница между жизнью и смертью, как место, где покоятся тела умерших. Данный смысл выражен в русских фразеологизмах *предать земле* – погребать, хоронить; *вогнать в землю* – довести до смерти кого-либо, а также в китайском фразеологизме 入土为安 (‘предать тело земле’).

Интересно отметить, что в китайской лингвокультуре есть смыслы, связанные с концептом «земля», которые отсутствуют в русской лингвокультуре.

В древние времена китайцы рассматривали землю как нечто, не представляющее ценности. Такое символическое значение выражено, в частности, во фразеологических единицах: 视如土芥 (‘рассматривать что-то как землю и траву’ – не ценить что-либо); 挥金如土 (‘разбрасывать деньги словно землю’ – сорить деньгами); 视如粪土 (‘рассматривать что-либо как грязную землю’ – презрительно относиться к чему-либо).

С другой стороны, концепт «земля» содержит в китайской культуре и совершенно противоположный смысл: она является спасительницей, она способна помочь человеку выбраться из трудного положения. Подобные коннотации мы находим во фразеологизме 呼天喊地 (‘вызывать небо и землю’ – умолять божества неба и земли о помощи).

Таким образом, мы можем отметить, что концепт «земля» выражает ряд смыслов, общих для китайской и русской лингвокультур. Однако выделяются и особые, уникальные смыслы, характерные для китайской культуры, но отсутствующие в русской культуре.

Литература

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия ОРЯ. Серия литературы и языка. – Т. 52. – 1993. – С. 3–9.
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2003. – 280 с.

- 338 | 3. Мухаммад Л.П., Ван Л. Антропологический принцип при моделировании языковой личности китайского студента в целях обучения // Российский научный журнал. 2016. – № 2 (51). – С. 79–84.
4. Стародубова О.Ю. Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. № 5. – С. 101–112.
5. Китайский фразеологический словарь. – Пекин, 2012. – 686 с.
6. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/>
7. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <https://phraseology.academic.ru/>

yantszin@yandex.com

*студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия**студент Пекинского университета иностранных языков**Пекин, Китай***Пашков А.В.**

avpashkov@pushkin.institute

*канд. филол. наук, заведующий кафедрой мировой литературы,**доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина**Москва, Россия*

Окопная правда в повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...»

Ключевые слова: окопная правда, Великая Отечественная война, женщина.

Аннотация. Великая Отечественная война – одно из определяющих событий в истории России. На протяжении многих десятилетий русские писатели неизменно обращаются к военной теме. В одном из наиболее ярких произведений о войне – повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие...» – окопная правда войны показана глазами женщин.

Yan Jing**Pashkov A. V.****Trench truth in the novel *The dawns here are quiet...* of B.L. Vasiliev***Keywords:* trench truth, World War II, women.

Abstract. The Great Patriotic War is one of the defining events in the history of Russia. For many decades, Russian writers had invariably concentrated on the military theme. One of the most striking novels about the Great Patriotic War – *And the dawns here are quiet ...* of B.L. Vasilyev was about the trench truth in the war which is shown through the eyes of women.

В 1960–1970-е годы появилось много произведений на тему Великой Отечественной войны, в которых показана окопная правда. Их авторы сами были участниками войны. Писатели-фронтовики – это целое поколение истинных патриотов страны, которые опираются в своих книгах на реальные события, а зачастую и на собственный фронтовой опыт. В этих произведениях подробно представлен процесс боя, показаны детали сражений, раскрыта психология их участников.

Повесть Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие...» – одно из наиболее известных произведений окопной правды. Оно пользуется большой популяр-

340 ностью в Китае и привлекает читателей детальным описанием боя и точным отражением внутреннего мира человека.

Окопная правда в этой повести раскрыта в двух аспектах: с одной стороны, показан процесс сражения, с другой – прослежены переживания героев.

Процесс сражения передан во всей полноте – начиная с подготовки к бою и заканчивая его результатами. Обращают на себя внимание яркие выразительные подробности, сопутствующие столкновению с врагом. Например, рассказывается о том, как девушки-зенитчицы вводят противника в заблуждение. Они изображают лесорубов, громко кричат, а комендант разезда Федот Васков валит деревья. Еще одна деталь, играющая важную роль в сюжете произведения, – кисет Федота Васкова (мешочек с табаком). Соня Гурвич вызывается принести коменданту табак, оставленный на прежнем месте дислокации. Торопясь, девушка натывается на двоих немцев, и они убивают ее. Такие значимые штрихи, как инсценированная рубка леса или забытый кисет с табаком, позволяют автору добиться эффекта максимального погружения в реалии войны.

Кроме того, слова и поступки героев глубоко отражают их внутренний мир, способствуют раскрытию характеров. Слова и поступки – это зеркало души.

Например, в эпизоде, когда умирает Рита Осянина, Федот Васков высказывает сомнения в правильности своих решений и действий: стоило ли беречь канал и дорогу ценой гибели девочек, впереди у которых была вся жизнь? Мужчина хрупок и грустен, когда видит, как умирает единственная из девушек, оставшаяся в живых на тот момент.

Итак, в повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие...» окопная правда показана глазами женщин. Каждая из них – личность, у каждой были планы на жизнь, близкие люди. Но жестокая судьба отнимает всё. В устах главного героя звучит мысль о том, что война, убивая женщин, продолжательниц рода, губит жизнь целого народа. Тема женщины на фронте, которая стала главной в этом произведении, в полной мере отражает всю беспощадность войны.

Литература

1. Леонов Б.А. Русская проза второй половины XX века о Великой Отечественной войне: Учебное пособие. – М: Изд-во Лит. института им. А.М. Горького, 2008. – 103 с.
2. Полотовская И.Л. В списках значится: Васильев Б.Л. (Жизнеописание. Библиография. Сценография) // Библиография. – 2005. – № 2. – С. 75–88.

1141070560@qq.com

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

студент Юго-Западного университет
Чунцин, Китай

Сойникова А.Д.

soy@mail.ru

старший педагог

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Влияние передвижничества на развитие китайского изобразительного искусства

Ключевые слова: передвижничество, реализм, народность в искусстве, культурная революция, становление.

Аннотация. В статье говорится о передвижничестве как художественной школе в России конца XIX – начала XX веков. Творчество художников-передвижников сыграло большую роль в становлении искусства реализма в Китае, прошедшего ряд этапов.

Yan Qing

Soinikova A.D.

Effect of Peredvizhnichestvo on the development of Chinese fine art

Keywords: Peredvizhnichestvo, realism, nationality in art, the Cultural Revolution, formation.

Abstract. The article deals with Peredvizhnichestvo as an art school in Russia of the late XIX – early XX centuries. The work of artists-Peredvizhniki played a major role in the formation of the art of realism in China, which passed a number of stages.

Золотым фондом русской культуры является русская живопись, в частности, изобразительное искусство «Товарищества передвижных художественных выставок», возникшее в России в 1870 году. 13 лучших художников Петербургской Академии художеств отказались от библейских схоластических тем, предложенных для экзаменационных картин, и ушли из академии, объединившись впоследствии в «Товарищество передвижных выставок» (И. Крамской, В. Перов, К. Савицкий, С. Коровин, И. Шишкин, А. Саврасов,

342 | И. Репин, В. Суриков и др.). Основная цель этого объединения состояла в том, чтобы просвещать и образовывать простой народ, предоставить жителям провинции возможность познакомиться с русским изобразительным искусством того времени. За период своего существования до 1923 года «Товариществом» было организовано 48 выставок в разных городах России. Тысячи людей приобщились к великому русскому искусству. Вместо привычных картин на мифологические сюжеты каждое полотно рассказывало о России, о жизни народа, о её истории, о скромной русской природе и т. п. «Товарищество» последовательно отстаивало принципы критического реализма и народности в искусстве.

В Китае издавна основным видом изобразительного искусства считалась традиционная китайская живопись го ху ой. В 20–30-е годы в Поднебесной возник ряд общественных организаций, таких как «Движение за новую культуру», «Движение 4 мая». Их сторонники призывали к изучению передовых технологий, идей, культур зарубежных стран, в том числе и России (тогда СССР). Интеллигенции Китая стало близким по духу искусство художников «Товарищества передвижных выставок» – искусство идейное, содержательное, общественно значимое, демократичное.

Так, в Китае в сентябре 1921 года «Художественный ежемесячник» опубликовал картину И.Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», нашедшую живой отклик в китайской аудитории. Художник изобразил эпизод русской истории, рассказывающий, как турецкий султан Мехмет IV направил казакам Запорожской Сечи ультиматум, требуя сложить оружие и сдаться в плен. Это вызвало веселье, смех и хохот запорожцев, уверенных в том, что их вольное братство и товарищество победит любого врага. Каждый персонаж этого произведения олицетворяет храбрость, независимость героического духа. Картина И.Е. Репина, по мнению редактора, должна была пробудить в китайцах патриотические чувства, т.к. в начале XX века Китай находился в полуколониальном, полуфеодальном состоянии, западные державы разделили территорию страны и поработили китайский народ.

Художник Сюй Бэйхун, посетивший СССР в 30-е годы XX века, последовательно знакомил читателей журналов «Китайско-советская культура» и «Ветер Вселенной» с советским изобразительным искусством, продолжающим традиции художников-передвижников. 50-е годы XX века прошли в Китае под знаком художественной политики «односторонней и полной советизации». Большой вклад в популяризацию и изучение художественной школы передвижников внес профессор живописи Лу Гунлю, прошедший стажировку в СССР.

В период культурной революции (1966–1976 гг.) развитие китайского изобразительного искусства в какой-то мере приостановилось. Последовавшие за революцией годы побудили к анализу и переосмыслению случившегося.

На первый план в искусстве выдвинулась проблема «правды», которая была созвучна идеям передвижничества.

Так, картина китайского художника Чена Цунлиня «Снег на XX, XX, 1968 г.» и идейно, и композиционно соотносится с историческим полотном В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». Стрельцы (допетровское войско) неоднократно восставали против реформ молодого царя Петра I. Исторически прогрессивные преобразования русского царя достигались дорогой ценой – страданиями и кровью народных масс, усилением социального гнета. В 1698 году последний стрелецкий бунт был жестоко подавлен. В.И. Суриков изобразил силу духа бунтовщиков, готовность идти на смерть ради идеи.

Китайский художник проводит историческую параллель, показав эпизод культурной революции, когда Красная гвардия на главной площади страны сражается с простыми гражданами. Чен Цуньлинь размышляет о политике культурной революции, базирующейся на невежестве и фанатизме молодых людей в этой нелепой борьбе.

Современное китайское искусство многообразно, оно вступило в период расцвета. Однако влияние идей передвижничества, утверждающего, что «красота – это правда», не утратило значения по сей день.

Литература

1. Чэнь Чжэнвэй. Китайская реалистическая живопись XX в. – СПб., 2006.
2. Люй Пэн. История искусства Китая XX века. – Пекинский университет, 2006.

Научное издание

В МИРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник тезисов

*IV Международной студенческой научно-практической конференции
«В мире русского языка и русской культуры»
(Москва, 22 мая 2020 г.)*

Электронное издание

Статьи печатаются в авторской редакции

Техническое редактирование *А. Н. Арефьева*
Компьютерная верстка *Е. А. Васюкова*

Гарнитура Таймс. Формат А5.

Редакционно-издательский отдел
Департамента научной деятельности
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.

Тел. + 7 495 330 88 01.

Эл. адрес: inbox@pushkin.institute

Сайт: www.pushkin.institute